Паро Жан-Франсуа

Загадка улицы Блан-Манто

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Расследование ведет Николя Ле Флош, комиссар уголовной полиции Шатле.

Николя Ле Флош — уполномоченный следователь по особо важному делу
Каноник Франсуа Ле Флош — опекун Николя Ле Флоша
Жозефина Пельван — домоправительница каноника Ле Флоша
Маркиз Луи де Ранрей — крестный отец Николя Ле Флоша
Изабелла де Ранрей — дочь маркиза
Сартин — начальник полиции Парижа
Лаборд — первый служитель королевской опочивальни
Гийом Ларден — комиссар полиции
Пьер Бурдо — инспектор полиции
Луиза Ларден — супруга (во втором браке) комиссара Лардена
Мари Ларден — дочь комиссара Лардена от первого брака
Катрина Госс — кухарка в доме Ларденов, в прошлом маркитантка
Анри Декарт — доктор медицины
Гийом Семакгюс — корабельный хирург

Сен-Луи — негр, слуга Семакгюса, в прошлом раб

Ава — жена Сен-Луи, кухарка Семакгюса

Пьер Пиньо — семинарист

Эме де Ноблекур — прокурор в отставке

Отец Грегуар — аптекарь в монастыре Карм Дешо

Полетта — содержательница борделя

Сатин — девица из борделя

Брикар — без определенных занятий, в прошлом солдат

Рапас — без определенных занятий, в прошлом мясник

Старуха Эмилия — торговка супом, в прошлом проститутка

Мэтр Вашон — портной

Камюзо — комиссар полиции, надзирающий за игорными заведениями

Моваль — правая рука комиссара Камюзо

Папаша Мари — привратник в Шатле

Сортирнос — осведомитель Шарль Анри

Сансон — палач

Рабуин — агент

ПРОЛОГ

Предусмотрительное Божество скрывает то,

Что суждено, ночной покров накинув на него…

Гораций

В пятницу, 2 февраля 1761 года, ближе к полуночи, по дороге из Ла Куртий в Ла Вилетт медленно двигалась повозка. День выдался пасмурный, к вечеру небо и вовсе почернело, и разразилась гроза с ливнем и шквалистым ветром. Если бы кому-нибудь вдруг взбрело в голову обозреть сию дорогу, он бы, разумеется, заметил колымагу, влекомую тощей кобылой. Чахлые блики тусклого фонаря освещали сидевших на козлах двух мужчин, закутанных в широкие черные плащи, сливавшиеся с темнотой. Несчастная коняга, скользившая копытами по размытой дороге, останавливалась через каждые десять туазов (1,949 м. — *Примеч. авт.*) Повозка подпрыгивала на ухабах и рытвинах, и стоявшие в ней две бочки глухо стукались друг о друга.

Последние дома, расположенные на окраине предместья, утонули в ночной мгле, а вместе с ними и редкие огоньки. Дождь прекратился, и сквозь просвет в тучах выглянула луна, озарив своим бледным светом безлюдный пейзаж. По обе стороны дороги простирались подернутые клочковатым туманом холмы, заросшие колючим кустарником. Кляча остановилась и, задергав поводья, резко затрясла головой. В ночном холодном воздухе разливался стойкий приторный запах трупного разложения. Мужчины, напоминавшие больших черных призраков, дружно запахнули плащи, прикрыв полой нос. Широко раздувая ноздри, коняга стояла, пытаясь понять, откуда проистекают гнилостные сладковатые миазмы, и, несмотря на удары кнутом, только сдавленно ржала, но стронуться с места отказывалась решительно.

— Кажется, кляча не хочет нас везти дальше! — воскликнут тот, кого звали Рапас. — Готов поспорить, она чует мясо! Давай, вылезай, Брикар, бери ее под уздцы и веди нас дальше!

— Когда я вместе с папашей Шевером служил в полку Дофина, я такое видел под Бассиньяно в 1745 году. Лошади, что тащили пушки, отказывались идти при виде трупов. Сентябрь стоял жаркий, и мух кругом…

— Заткнись, все уже слышали про твои походы. Лучше займись лошадью, да поживей. Ишь, как бьет копытом! — воскликнул Рапас и дважды огрел кнутом костлявые бока коняги.

Едва Брикар с недовольным ворчанием выпрыгнул из повозки, как его деревяшка, заменявшая ему половину правой ноги, тотчас увязла в грязи. Ухватившись за протез обеими руками, он с трудом вытащил его. Справившись с этим нелегким делом, он поковылял к лошади, по-прежнему топтавшейся на месте и не желавшей двигаться вперед. Брикар схватил ее под уздцы, но животное, отчаянно дернувшись, толкнуло его в плечо. Изрыгая целый поток ругательств, одноногий со всего размаху шлепнулся на землю.

— Чертова кобыла уперлась. Придется разгружать здесь. Впрочем, мы почти доехали.

— Я не могу тебе помочь, проклятый костыль вязнет в грязи.

— Послушай, сейчас спустим бочки и откатим их подальше, — сказал Рапас. — За два раза управимся. И буду тебе признателен, коли ты подержишь лошадь.

— Не оставляй меня одного, не нравится мне это место. А это правда, что здесь вешали покойников? — жалобно произнес Брикар, усиленно растирая раненую ногу.

— Ну, ты хорош, а еще говорил, что и не такое видал! Скрипеть будешь, когда работу сделаем. Зато как закончим, так сразу в кабак, к Марте. Теперь денег нам на все хватит: и на стакан, и на девочек, ежели повеселиться захотим! Да твой дед еще не родился, когда здесь уже перестали вешать. Сейчас сюда из столицы и окрестных деревень свозят дохлую скотину. Прежде живодерня была в Жавеле, а теперь на Монфоконе. Чуешь, как мерзко пахнет? А летом, особенно перед грозой, даже в Париже хоть нос затыкай, вонь до самого Тюильри добирается!

— Точно, воняет знатно, только чувствую я, мы тут не одни.

— Заткнись. Крысы, вороны да собаки — вот и все здешнее общество. Промышляют, обгладывая скелеты. Конечно, ходит еще всякая шваль, из тех, что подыхают с голоду. Они тоже себе кусочки отхватывают, чтобы в супчик бросить. Но о них лучше не думать, а то я как вспомню, так сразу в глотке пересыхает. Словом, не трусь! А ты куда бутылочку-то пристроил? Ага, вот она!

Сделав несколько больших глотков, Рапас протянул бутылку Брикару, и тот жадно высосал оставшееся в ней содержимое. Неожиданно раздался пронзительный писк.

— Ого, крысы! Довольно болтать, хватай фонарь и иди за мной, будешь мне светить. Я возьму с собой топор и кнут: мы можем запросто на кого-нибудь нарваться, так уж лучше приготовиться…

И приятели, озираясь по сторонам, направились к лачугам, высвеченным слабым светом фонаря.

— Не будь я Рапас, если это не салотопка, а это не чаны с салом. Рвы с известью чуть подальше. Тут все стены гнилью покрылись, эта зараза расползлась на многие туазы, можешь мне поверить.

Ржание лошади и грубая брань, предшествовавшие появлению обоих приятелей с мерцающим фонарем, не остались незамеченными: чья-то тень, усердно трудившаяся над остовом, метнулась в сторону и, присев на корточки, спряталась за ободранной тушей. Дрожащий от страха призрак, уверенный, что явились стражники, перестал дрожать только тогда, когда убедился в своей ошибке. Исполняя приказ короля и начальника полиции, городская стража все чаще заявлялась на живодерню и прогоняла несчастных, которые в поисках пищи забредали туда и пытались урвать кусок добычи у тамошних пожирателей падали.

При ближайшем рассмотрении скрючившийся призрак оказался всего лишь старухой в лохмотьях. Когда-то эта старуха знавала лучшие времена: юной красавицей она ужинала в обществе самого регента. Но молодость прошла, и бывшая любовница первых лиц королевства опустилась до положения дешевой проститутки, подбиравшей клиентов на набережных и

заставах. А когда она окончательно превратилась в больную и безобразную старуху, клиентов не стало вовсе.

Теперь Эмилия торговала горячим супом из огромного котла на колесах, который она целыми днями толкала перед собой. Свой змеиный супчик она варила в основном из кусков дохлятины, добытой на Монфоконе, так что покупатели старухи постоянно рисковали отравиться и вдобавок занести заразу в город.

Сейчас она наблюдала, как две подозрительные личности сгрузили на землю бочки и, откатив в сторону, вывалили на землю их содержимое. Желая услышать разговор загадочной парочки, она вытянула шею и навострила уши, но, к сожалению, из слов, которыми обменялись эти двое, она не поняла ничего. Потом внимание ее привлекли две темные кучи: мамаше Эмилии показалось, что темное месиво из бочек имеет кроваво-красный цвет. К сожалению, порывы ветра сильно раскачивали фонарь, и дергавшийся, словно сумасшедший, хлипкий язычок пламени давал очень мало света.

Сообразив, что она невольно стала свидетельницей каких-то темных дел, старуха пришла в ужас, сердце ее оглушительно заколотилось, и она с трудом сумела унять его стук. Однако любопытство одержало верх над страхом, и она, приподняв голову над скрывавшей ее тушей, принялась смотреть спектакль дальше, гоня от себя мысль о том, что для нее он может кончиться плохо.

Тем временем один из мужчин бросил на землю груду какого-то старья — похоже, одежду. Потом кто-то из двоих высек искру, вспыхнул юркий огонек, и до старухи донесся запах паленого. В ужасе, что при яркой вспышке злодеи — а теперь Эмилия не сомневалась, что это именно злодеи — заметят ее, она пригнулась и прижалась к туше, совершенно не ощущая исходящих от падали болезнетворных миазмов. Внезапно ей стало страшно, как никогда, дыхание перехватило, кровь застыла в жилах, а перед глазами вспыхнул нестерпимо яркий свет. Свет становился все ярче, и она, потеряв сознание, сползла на землю.

На холме, где прежде высилась виселица, воцарилась тишина. Ночные посетители растворились во мраке. Некоторое время о них еще напоминали звуки голосов, перебиваемые скрипом колес и мерным стуком копыт, но вскоре и они стихли. Ночь вновь забрала власть над Монфоконом, разделив ее с сильным ветром, предвещавшим грозу. Оставленные на земле кучи постепенно зажили своей собственной, независимой жизнью. Они пульсировали, раздувались и опадали, словно пожирая самих себя изнутри. Вокруг стоял злобный писк, а из-под покрова ночи доносились звуки нешуточной борьбы. На заре к кучам слетелась стая ворон; пробудившись пораньше, воронье опередило стаю собак…

I
ПАРИЖ

Пожалуй, нет другого города в мире, где наблюдаешь такое неравенство состояний и где одновременно царят и невероятная роскошь, и самая неприглядная нищета. Легко понять без пояснений, что означает мнимое сострадание, которое как будто готово поспешить на помощь ближнему, и эта кажущаяся сердечность, готовая легкомысленно заключить договор о вечной дружбе[1].

Руссо

Воскресенье, 19 января 1761 года.

Шаланда медленно скользила по серой реке. Плывущие над водой клочья тумана цеплялись за прибрежные склоны и оседали в густом кустарнике, прячась от первых проблесков занимавшейся зари. В путь тронулись с опозданием. Якорь, поднятый, согласно уставу, за час до рассвета, пришлось бросить вновь, ибо мгла стояла непроницаемая. Сейчас, правда, Орлеан уже остался позади, и быстрое течение полноводной Луары увлекало за собой тяжело груженное судно. Несмотря на резкие порывы ветра, сдувшие с палубы весь мусор, на

корабле стойко пахло рыбой и солью. Помимо четырех бочек вина из Ансени, в трюме находился солидный груз соленой трески.

На носу судна вырисовывались два силуэта. Один, без сомнения, принадлежал впередсмотрящему: прищурившись и изо всех сил напрягая зрение, он вглядывался в темную поверхность воды. В левой руке он держал рожок, похожий на тот, в какой обычно трубят почтальоны; в случае опасности впередсмотрящий должен затрубить в него, дабы капитан, стоящий у руля на корме, услышал сигнал тревоги.

Второй силуэт принадлежал молодому человеку в черном фраке и сапогах; в руке юноша держал треуголку. Несмотря на молодость, в нем ощущалась некая внутренняя суровость, отчего его можно было принять либо за священнослужителя, либо за военного. Откинув назад каштановые волосы, он молча подставлял лицо ветру. Своей благородной осанкой и гордо поднятой головой он напоминал устремленную вперед фигуру, изваянную на носу корабля.

Его зоркий взгляд разглядел высившуюся на левом берегу церковь Нотр-Дам-де-Клери, массивное строение, напоминавшее корабль, рассекавший форштевнем белые предгрозовые тучи берегов; казалось, еще немного, и призрачное судно соскользнет в воды Луары.

Молодой человек, чья незаурядная внешность могла произвести впечатление на кого угодно, но только не на стоявшего рядом матроса, звался Николя Ле Флош.

Немногим более года назад он точно так же плыл по реке, только в противоположную сторону, в Париж, поэтому сейчас мысли его вращались исключительно вокруг событий последних месяцев. Как быстро пролетело время! Он спешил вернуться в Бретань, и, чтобы поскорее добраться до Орлеана, где он надеялся сесть на корабль, два дня назад он купил место в почтовой карете. До Луары он добрался без приключений, иначе говоря, ничто не скрашивало размеренную монотонность поездки. Попутчики — священник и две пожилые пары — всю дорогу молча взирали на него. Привыкший к свежему воздуху, Николя страдал от духоты, скученности и от неизбежных в таких случаях ароматов. Один раз он попытался открыть окошко, но тут же почувствовал, как все пять пар глаз устремили на него возмущенные взоры, и он немедленно вернул стекло в прежнее положение. Священник даже перекрестился, без сомнения, приняв робкое поползновение совершить недозволенный обществом поступок за козни злого духа. По крайней мере, молодой человек воспринял его жест именно так; забившись в угол, он больше ничего не предпринимал и вскоре, убаюканный мерным покачиванием кареты, погрузился в дремотное состояние, способствующее мечтам и воспоминаниям. Собственно, и сейчас, на борту раскачивающейся шаланды, он предавался размышлениям, не замечая ничего и никого вокруг.

В последнее время в его жизни произошло множество событий. Завершив образование в коллеже отцов-иезуитов в Ванне, он поступил на службу помощником нотариуса в Ренне, но его опекун, каноник Ле Флош, неожиданно вызвал его в Геранд. Без лишних объяснений каноник вручил ему кое-что из одежды, пару сапог, несколько луидоров и множество советов и благословений, а крестный, маркиз де Ранрей, передал рекомендательное письмо к господину де Сартину, своему другу и парижскому магистрату. При прощании маркиз выглядел взволнованным и одновременно смущенным. Когда же молодой человек попросил дозволения попрощаться с дочерью крестного Изабеллой, верной подругой своих детских игр, тот ответил, что девушка накануне уехала к тетке в Генуэль.

С тяжелым сердцем Николя покинул город. Чувство невосполнимой утраты и острой жалости, охватившей его при виде волнения опекуна, равно как душераздирающие причитания Фины, домоправительницы каноника, повергли его в состояние неизбывной тоски, отупляющей ум. Плохо понимая, что с ним происходит, он, словно во сне, пустился в путь по воде и по земле навстречу неизведанной судьбе.

Он пришел в себя только возле парижской заставы. До сих пор воспоминание о цепком страхе, не покидавшем его в тот день, когда он прибыл в столицу королевства, отдавались в

груди затаенной болью. Париж всегда был для него лишь точкой на карте Франции, висевшей на стене в классе коллежа в Ванне. Поэтому когда на подступах к столице он ощутил, насколько она шумная и огромная, он растерялся. А когда он увидел огромную равнину, где с ужасающей силой вращали крыльями бесчисленные ветряные мельницы, ему показалось, что на него движется толпа длиннoруких великанов, вырвавшихся из романа господина Сервантеса, неоднократно им перечитанного. Подхваченный мельтешившей на заставе бойкой толпой, он окончательно растерялся.

Он до сих пор отчетливо помнил свой приезд в этот большой город, поразивший его своими узкими улочками, высокими домами, грязными, усеянными отбросами мостовыми, бесчисленными всадниками и экипажами, неумолчными криками и непередаваемыми ароматами.

Войдя в город, он тотчас заблудился и несколько часов плутал по улицам, забредая то в тупик, то в крошечный садик, то на берег реки. Наконец молодой человек приятной наружности, хотя и с разными глазами, сжалился над ним и вывел его к церкви Сен-Сюльпис, а оттуда на улицу Вожирар, где находился монастырь Карм Дешо. В монастыре, охая и причитая, его встретил пышный монах, отец Грегуар, монастырский аптекарь и друг его опекуна. Час был поздний, так что сердобольный монах без лишних слов отвел его в келью и уложил спать.

Дружеское участие приободрило юношу, и он погрузился в крепкий, без сновидений, сон. А утром он обнаружил, что его любезный чичероне взял себе на память серебряные часы, подаренные ему крестным. Отныне он решил вести себя с незнакомцами более осмотрительно. К счастью, кошелек со скромными средствами лежал в потайном кармане дорожной сумки, сделанном Финой накануне его отъезда из Геранда.

Размеренная монастырская жизнь помогла Николя обрести душевное равновесие. Он завтракал вместе с братьями в огромной трапезной, а потом, вооружившись небольшим планом, совершал вылазки в город. Чтобы не потеряться и вовремя вернуться назад, он свинцовым карандашом отмечал на плане свой путь. И хотя он по-прежнему остро ощущал неудобства столичного города, он постепенно проникался его очарованием. Вечная толчея на улицах притягивала и одновременно раздражала его. Несколько раз он чуть не попал под колеса проезжающих экипажей. Внезапность их появления и скорость, с которой они обыкновенно мчались, не переставали удивлять его. Он быстро приучился не спать на ходу и избегать множества неприятностей, как, например, пятен мерзкой и липкой грязи, разъедавшей одежду, бурных потоков, исторгавшихся из водосточных труб на головы прохожих, и полноводных рек, в которые при малейшем дожде превращались улицы. Он научился передвигаться как коренной парижанин, подпрыгивая и подскакивая, дабы не наступать на нечистоты, отбросы и огрызки. После каждого выхода ему приходилось чистить одежду и стирать чулки: у него было всего две пары чулок, поэтому другую пару он приберегал для встречи с господином де Сартином.

Правда, встреча эта постоянно откладывалась. Он несколько раз приходил по адресу, указанному на письме маркиза де Ранрея. Но даже после того, как он, отчаявшись, решил подмазать презрительно взиравшего на него привратника, напыщенный лакей, окинув его надменным взором, выпроводил его вон. Прошло несколько долгих недель. Видя, как молодой человек тяготится своим бездельем, и желая занять его, отец Грегуар предложил ему поработать вместе с ним. С 1611 года монахи из Карм Дешо по специальному рецепту, ревниво оберегаемому от чужих взоров, изготовляли целебную воду, которую потом продавали по всему королевству. Николя поручили измельчать травы и пряности, необходимые для изготовления чудодейственной настойки. Он научился различать мелиссу, дягиль, жеруху,

кориандр, гвоздику и корицу, открыл для себя неведомые экзотические плоды. Целыми днями он толок в ступке травы, вдыхал пары, исходившие из перегонных кубов, и в конце концов впал в совершеннейшее безразличие к окружающему. Ментор его, спохватившись, принялся его тормошить, и разобравшись, в чем дело, пообещал добиться для него аудиенции у Сартина. Пока монах раздобывал у отца настоятеля пропуск, с помощью которого Николя смог бы преодолеть все препятствия, Сартина назначили начальником полиции, сместив с этого поста Бертена. Сообщив новость своему подопечному, отец Грегуар не преминул прокомментировать ее, свидетельствуя о своей немалой осведомленности.

— Николя, сын мой, тебе предстоит встретиться с человеком, который изменит всю твою жизнь, если, разумеется, ты сумеешь ему понравиться. Начальник полиции является полновластным командующим огромной армии, которой его величество доверил следить за безопасностью и порядком не только на улице, но и в доме каждого его подданного. Будучи королевским судьей по уголовным делам в Шатле, Сартин уже обладал немалой властью. А что говорить теперь, когда ему поручено руководство всей парижской полицией! Ходит слух, что он не терпит произвола… А ведь ему только недавно исполнилось тридцать!

Как и положено монаху, голос у отца Грегуара отличался громкостью, но тут он понизил его до еле слышного шепота, дабы ничье нескромное ухо не услышало его крамольных речей.

— Отец настоятель поведал мне, что в особых обстоятельствах король разрешил Сартину принимать решения самостоятельно, в обход суда, и осуществлять их также самостоятельно и в строжайшей тайне. Но, — произнес он, прикладывая палец к губам, — ты ничего не знаешь, Николя. Помни только, что эта важная должность была создана прадедом нашего короля — упокой Господь душу сего великого Бурбона! Многие помнят и проклинают возглавлявшего при нем полицию д'Аржансона. Столь суровым был и он сам, и дела его.

Монах резко плеснул воды из горшка на жаровню с углями, угли с шипением погасли, и над ними заклубился едкий дым.

— Но хватит об этом, что-то я заболтался. Возьми этот пропуск. Завтра утром спустишься к реке и вдоль Сены дойдешь до Нового моста. Остров Сите тебе известен, там ты не заблудишься. Перейдешь мост и пойдешь направо по набережной Межиссери. Она приведет тебя в Шатле.

В ту ночь Николя почти не спал. Слова отца Грегуара, не выходившие у него из головы, напоминали ему о его собственном ничтожестве. Откуда ему, круглому сироте, разлученному с дорогими ему людьми, в чужом для него Париже взять мужества для встречи с могущественным человеком, который, как говорят, должен оказать решающее влияние на его судьбу?

Его лихорадило, кровь стучала в висках. Пытаясь успокоиться, он терзал свое воображение, требуя явить ему какие-нибудь умиротворяющие картины. Воображение воскресило перед ним тонкий профиль Изабеллы, но от этого сомнения его стали еще более мучительными. Почему дочь крестного, зная, что он надолго покидает Геранд, уехала, не попрощавшись с ним?

Он вызвал в памяти ту поляну среди болот, где они поклялись друг другу в любви и верности. Наверное, он просто сошел с ума, поверив, что мальчик, найденный на кладбище, вправе поднять взор на дочь высокородного и могущественного сеньора де Ранрея. Однако его крестный отец всегда был так добр к нему… Мысли об Изабелле, нежные и горькие одновременно, унесли его в заоблачные дали, и около пяти часов утра ему наконец удалось заснуть.

Через час отец Грегуар разбудил его. Николя умылся, оделся, старательно причесался и, напутствуемый монахом, вышел на холодную улицу.

Несмотря на темноту, он шел уверенно, никуда не сворачивая. Когда первые предрассветные лучи отвоевали у тьмы прибрежные постройки, он уже добрался до набережной, где стоял дворец Мазарини. На берегу, у самой воды, кипела жизнь: там и тут кучки оборванцев топтались у разведенных костров. Со всех сторон раздавались голоса, напоминая всем, что город просыпается.

Неожиданно на него налетел торговец баваруазом. Споткнувшись и едва не выронив поднос, торговец глухо выругался. Николя уже пробовал сей напиток, введенный в моду принцессой Пфальцской, матерью регента. Как объяснил ему отец Грегуар, в состав баваруаза входил сладкий горячий чай с сиропом из папоротника. Добравшись до Нового моста и с удивлением обнаружив, что там уже толпится праздный народ, он решил остановиться и полюбоваться статуей Генриха IV и водокачкой Самаритен. В кожевенных мастерских на набережной Межиссери с раннего утра кипела работа: несмотря на доносившиеся из распахнутых дверей тошнотворные запахи, мастера и подмастерья трудились не покладая рук. Зажимая нос платком, Николя ускорил шаг, и вскоре перед ним выросло суровое и мрачное здание Большого Шатле. Он не столько узнал его, сколько догадался, что путь его лежит именно в этот замок. Робко вступив под своды, слабо освещенные масляными фонарями, Николя окликнул обогнавшего его человека в длинной черной мантии.

— Сударь, прошу вас, помогите мне. Я ищу кабинет начальника полиции.

Смерив его пренебрежительным взором с ног до головы и, видимо, удовлетворившись результатом осмотра, человек с важным видом ответил:

— Начальник полиции сам назначает часы для аудиенций. Вы, конечно, знаете, что подчиненные ему департаменты расположены на улице Нев-Сент-Огюстен, возле площади Вандом. Впрочем, в Шатле у него тоже имеется кабинет. Поднимитесь на второй этаж, там вы наверняка найдете тех, кто тоже ждет господина начальника. Возле дверей приемной сидит привратник, так что не ошибетесь. У вас есть необходимый пропуск?

Предусмотрительно воздержавшись от ответа, Николя вежливо поблагодарил и направился к лестнице. Поднявшись наверх, он отыскал нужную дверь и, постучав, вошел в просторное помещение с голыми стенами. За сколоченным из сосновых досок столом сидел человек и, как ему показалось, грыз собственные пальцы. Подойдя поближе, Николя разглядел в руке грызуна сухую и твердую как камень галету: такие галеты обычно выдают матросам на кораблях.

— Я вас приветствую, сударь, — произнес Николя, — и буду очень вам обязан, если вы мне скажете, как скоро господин де Сартин сможет принять меня.

— Ох, ну и назойливый народ пошел! — буркнул в сторону привратник. — Господин де Сартин не принимает.

Николя почувствовал, что сейчас все зависит от того, сумеет он преодолеть упрямство привратника или нет.

— И все же я повторяю вопрос, — громко и уверенно произнес он, — ибо мне, сударь, назначена аудиенция.

И, повинуясь внутреннему голосу, он помахал перед носом привратника большим конвертом, скрепленным печатью с гербом маркиза де Ранрея. Инстинкт подсказал ему, что с маленькой записочкой от приора его немедленно выставят за дверь.

— Раз назначено, значит, ждите, — буркнул привратник, забирая письмо.

Закурив трубку, он молча уставился в пространство, не выказывая ни малейшего желания продолжать разговор, в то время как Николя, наоборот, с удовольствием поболтал бы о чем-нибудь, дабы рассеять одолевавшие его сомнения. Но пришлось созерцать стену. Часов в одиннадцать, когда помещение заполнилось народом, двери широко распахнулись, и на пороге появился небольшого роста человек в черном судейском облачении и с сафьяновым портфелем

под мышкой. Не обращая внимания на поклоны и зашелестевший со всех сторон почтительный шепот, он стремительно проследовал в ярко освещенный кабинет и с громким стуком захлопнул за собой дверь. Спустя несколько минут привратник тихо постучался и, видимо, получив разрешение, бесшумно проскользнул в кабинет. Выскользнув обратно, он помахал рукой Николя, приглашая его войти.

Сбросив с плеч судейскую мантию, начальник полиции в черном фраке стоял возле рабочего стола с тускло поблескивавшими бронзовыми накладками и столешницей маркетри. Судя по тому, как менялось выражение его лица, он живейшим образом изучал лежавшее перед ним письмо маркиза де Ранрея. Голые каменные стены и каменный пол кабинета совершенно не гармонировали с роскошной мебелью. В подсвечниках горели свечи, в высоком готическом камине плясали красные язычки пламени, и весь этот свет, сливаясь с бледными лучами зимнего солнца, падал на лицо Сартина, делая его похожим на лицо статуэтки, выточенной из слоновой кости. Из-за залысин, отчетливо проступавших над высоким лбом, начальник полиции выглядел старше своих лет. Его собственные, уже начавшие седеть волосы были тщательно причесаны и напудрены. Сухощавая физиономия с острым носом, подчеркивавшим ее худобу, озарялась светом двух холодных серых глаз, с насмешкой и любопытством взиравших на посетителя. Несмотря на маленький рост, его стройная и изящная фигура была исполнена достоинства, свидетельствовавшего о властном характере. Николя почувствовал, как его охватывает паника, однако, вспомнив уроки своих наставников, он сумел унять охватившую его дрожь… Завершив чтение, Сартин взял письмо и, обмахиваясь им, словно веером, бросил на молодого человека оценивающий взгляд.

— Как вас зовут? — внезапно спросил он.

— Николя Ле Флош, к вашим услугам, сударь.

— К моим услугам… Ну, это мы еще посмотрим. Ваш крестный отец пишет о вас много хорошего. Вы прекрасный наездник, владеете оружием, разбираетесь в законах… Это много для простого служащего нотариальной конторы.

Он вышел из-за стола и, уперев руки в бока, принялся разглядывать Николя со всех сторон, сопровождая свой осмотр довольным хмыканьем. Николя покраснел.

— Да, да, конечно, надо признать, вполне возможно… — вслух размышлял начальник полиции.

Потом, задумчиво поглядев на письмо, Сартин подошел к камину и бросил его в огонь. Бумага вспыхнула желтым пламенем.

— Как вы считаете, сударь, на вас можно положиться? Нет, не отвечайте сразу, вы еще не знаете, куда могут завести излишне поспешные ответы. У меня есть на вас кое-какие виды, тем более что Ранрей отдает вас мне. Вы об этом знаете? Впрочем, нет, вы ничего не знаете. Ни-че-го.

Он сел за стол и, зажав двумя пальцами нос, уставился на Николя. В эту минуту молодому человеку, давно уже истекавшему потом, показалось, что за шиворот ему высыпали раскаленные уголья.

— Сударь, вы еще очень молоды, и, занимаясь вашим устройством, я беру на себя определенные обязательства, о чем и сообщаю вам совершенно открыто. Полиции короля нужны честные люди, а мне нужны верные исполнители, которые станут слепо мне подчиняться. Вы меня понимаете?

Николя промолчал.

— Ага! Вижу, вы схватываете на лету.

Сартин направился к окну и замер, словно завороженный открывшимся перед ним зрелищем.

— Столько всего очистить… — пробормотал он. — С теми средствами, что имеются под рукой… не больше и не меньше. Разве не так?

Николя развернулся на каблуках, чтобы видеть лицо начальника полиции.

— Вам, сударь, придется усовершенствовать ваши знания в области права. Ежедневно вы станете уделять этим занятиям несколько часов, но исключительно в качестве развлечения. Ибо, как вы понимаете, вам придется работать.

Подбежав к столу, он положил на середину лист бумаги и широким жестом пригласил Николя занять место в огромном кресле, обитом красной дамасской тканью.

— Пишите, хочу посмотреть, какой у вас почерк.

Николя, едва живой от страха, кое-как уселся. Некоторое время Сартин размышлял, потом вытащил из кармана маленькую золотую табакерку, извлек щепотку табака и аккуратно поместил ее на тыльную сторону ладони. Вдохнув поочередно каждой ноздрей, он, закрыв глаза от удовольствия, шумно чихнул, разбрызгав во все стороны мелкие черные крупинки, часть которых долетела до Николя. Молодой человек стойко выдержал ураган. Утеревшись платком, начальник удовлетворенно выдохнул.

— Давайте, пишите: «Сударь, сообразуясь с потребностями службы королю и правосудию, полагаю необходимым предложить вам с сегодняшнего дня взять к себе в секретари Николя Ле Флоша, жалованье коему будет выплачиваться из моей казны. Рассчитывая на мою признательность, обеспечьте ему стол и кров. Также прошу вас предоставлять мне подробные отчеты о его работе». А теперь адрес: «Господину Лардену, комиссару уголовной полиции Шатле, в его собственном доме на улице Блан-Манто».[2]

Быстро завладев письмом, он поднес его к глазам и принялся изучать.

— Неплохо, правда, чуточку кривовато, самую малость, — усмехнулся он, — но для начала сойдет. Писать умеет, работать научится.

Он сел в кресло, которое Николя уже успел освободить, подписал письмо, посыпал его песком, свернул, разогрел на тлевших в бронзовой курильнице углях кусочек воска, прижал его к бумаге и сверху приложил свою печать, проделав все действия буквально одним взмахом руки.

— Сударь, должность, которую вам предстоит исполнять при комиссаре Лардене, требует исключительной добросовестности. Вы знаете, что такое добросовестность?

Не раздумывая, Николя начал:

— Добросовестность, сударь, означает безоговорочное исполнение обязанностей…

— Достаточно! Все хорошо. Так вас учили в коллеже. Впрочем, учили правильно. Теперь вам придется учиться скромности и осторожности, умению узнавать и умению забывать, учиться входить в доверие и хранить тайны. Вам предстоит постичь науку составления отчетов о происшествиях, куда вас будут вызывать как представителя власти, и научиться представлять эти события в нужном свете. Понимать с полуслова и догадываться о том, что от вас скрывают. Делать выводы на основании нескольких реплик и немногих фактов.

Каждую свою фразу Сартин подкреплял взмахом указательного пальца.

— Но и это еще не все! Вам надо учиться смотреть, запоминать, видеть, оценивать, догадываться и прозревать истину, учиться постигать скрытый смысл событий. Вам придется много размышлять, сударь, ведь от вас будут зависеть жизнь и честь людей, с которыми, будь они даже самые последние мерзавцы, надо поступать по закону. Конечно, вы еще молоды, так молоды, что я даже сомневаюсь… Но, в конце концов, ваш крестный тоже был молод, примерно вашего возраста, когда под огнем противника вместе с маршалом Бервиком перебирался через траншею при осаде Филиппсбурга. Увы, маршал вскоре погиб. Я же…

Казалось, он о чем-то вспомнил, и в первый раз Николя заметил, как во взгляде его промелькнуло сострадание.

— Вы должны стать бдительным, быстрым, гибким и неподкупным. Прежде всего неподкупным. (И Сартин постучал ладонью по дорогой столешнице маркетри.) А теперь идите, сударь, — поднимаясь из-за стола, произнес он, — отныне вы состоите на службе у короля Франции. Сделайте так, чтобы вами всегда были довольны.

Николя поклонился и взял протянутое ему письмо.

Он подходил к двери, когда насмешливый голос остановил его:

— Полагаю, сударь, для провинциала из Нижней Бретани ваш костюм выглядит отменно, но теперь вы парижанин. Отправляйтесь на улицу Вьей-дю-Тампль к мэтру Вашону, моему портному. Закажите у него несколько фраков, белье, ну и все, что потребуется.

— Но я не…

— За мой счет, сударь, за мой счет. Никто не скажет, что я оставил ходить в отрепьях крестника своего друга Ранрея. Да еще такого красивого крестника! А сейчас живо уходите, но как только вас вызовут, немедленно появляйтесь.

Николя стоял на берегу и с облегчением вдыхал холодный воздух. Он чувствовал, что выдержал первое испытание, хотя некоторые фразы Сартина по-прежнему вызывали у него беспокойство. Он бегом добрался до монастыря Карм Дешо, где добрый отец Грегуар в ожидании своего подопечного яростно растирал в ступке ни в чем не повинные растения.

Умерив нетерпение Николя, отец Грегуар уговорил его остаться в монастыре еще на одну ночь, а не мчаться по темным улицам к комиссару Лардену. Несмотря на регулярные обходы городской стражи, ночные прогулки были небезопасны, и монах боялся, как бы в темноте Николя не заблудился или не попал в дурную историю.

Чтобы отвлечь молодого человека от беспокойных мыслей, он стал подробно расспрашивать его об аудиенции, наконец-то полученной у начальника полиции, и, выспрашивая самые мельчайшие детали, требовал вновь и вновь пересказывать одни и те же моменты. Цепляясь к ничтожнейшим мелочам, он втягивал Николя в нескончаемые разъяснения.

Хотя отец Грегуар не понимал, чем этот юный, никому не известный провинциал, еще не освоившийся в столичном городе, настолько понравился де Сартину, что тот сразу взял его к себе на службу, он в глубине души радовался успеху Николя. Правда, он подозревал, что за этим поистине чудесным возвышением скрывалась какая-то тайна, однако подтверждения своим подозрениям он не находил. И с грустным изумлением взирал на Николя, словно на собственное творение, которое он поставил на ноги, научил ходить, а творение возьми да и сбеги. Однако печаль его была светла, и, вставляя свои замечания, он постоянно восклицал: «Помилуйте!» и «Это выше моего разумения!»

Увлекшись беседой, Николя и отец Грегуар едва не пропустили ужин, а, спохватившись, заспешили в трапезную. Затем Николя отправился спать, однако и эта ночь, подобно предшествующей, не принесла ему отдохновения. Ему — в который раз! — не удалось обуздать разыгравшееся воображение. Буйное и разнузданное, оно часто зло подшучивало над ним, то являя мрачные погребальные картины будущего, то, наоборот, заставляя отправляться в безвозвратное прошлое. Запретив себе думать о завтрашнем дне, когда для него должна начаться новая жизнь, он стал вспоминать аудиенцию, намереваясь извлечь из нее полезный урок. Но запрет не помогал; при мысли о дне грядущем его охватывал непреодолимый страх.

Усилием воли он прогонял его, но стоило ему только задремать, как страх возвращался вновь, и он просыпался; так он ворочался, пока, наконец, окончательно не погрузился в сон.

Утром, выслушав последние наставления, Николя попрощался с отцом Грегуаром и после взаимных обещаний не забывать друг друга покинул обитель. За время пребывания молодого человека в монастыре монах привязался к нему и с удовольствием продолжил бы обучать его основам аптекарского дела. За те несколько недель, что ему довелось наблюдать за своим учеником, он не мог не отметить его внимательность и способность делать выводы. Правда, ему пришлось дважды напомнить Николя об обещании писать опекуну и маркизу. Отец Грегуар взялся лично отправить письма. Николя письма написал, но ни к одному из них не дерзнул приложить записочку для Изабеллы. Про себя он решил, что, как только он заживет самостоятельно, непременно ей напишет.

Едва монастырские ворота закрылись за Николя, отец Грегуар потрусил к алтарю Богоматери и, преклонив колени, принялся молиться за молодого человека.

Николя шел вчерашней дорогой, только шагал значительно быстрее. Минуя Шатле, он вспомнил разговор в кабинете у Сартина и с грустной усмешкой констатировал, что он, в сущности, не принимал в нем никакого участия. Однако в результате сей беседы он сегодня идет поступать «на службу к королю»… До сих пор он так и не сумел по-настоящему оценить значение этих слов. Честно говоря, они для него не имели никакого смысла.

И маркиз, и учителя рассказывали ему о короле, но ему казалось, что в их рассказах речь шла о персонаже из совершенно иного мира. Он видел королевские портреты на гравюрах, королевский профиль на монетах, с грехом пополам мог перечислить монархов, правивших Францией. Но имена этих королей звучали для него также отвлеченно, как бесконечные перечисления царей и пророков в Ветхом Завете. 25 августа, в день святого Людовика, в церкви Геранда он вместе со всеми пел «Salve fac regum». В его голове не укладывалось, каким образом монарх мог являться человеком из плоти и крови, осуществляющим верховную власть в государстве. Он привык видеть изображение короля на витраже, где его фигура олицетворяла веру и верность.

Поглощенный размышлениями, он добрался до улицы Жевр. Там, избавившись, наконец, от бесполезных мыслей, он с изумлением уставился на пересекавшую Сену улицу, спустившись на набережную Пелетье, он пригляделся и сообразил, что перед ним всего лишь мост, по обеим сторонам которого выстроились дома. Поджидавший заказчиков маленький савояр[3] с сурком на плече сообщил ему, что это мост Мари. Часто оборачиваясь, дабы полюбоваться чудом строительного искусства, он, наконец, добрался до Гревской площади. Он сразу узнал ее, так как в детстве часто рассматривал гравюру, изображавшую казнь разбойника Картуша, состоявшуюся на этой площади в ноябре 1721 года при большом стечении народа. Глядя на картинку, маленький Николя воображал, как он, никем не замеченный, стоит в толпе, и никто даже не подозревает, что страшный разбойник пойман только благодаря его храбрости, ловкости и отваге. Постояв немного, он отправлялся ловить новых, еще более ужасных разбойников… Молодой человек содрогнулся: его детские фантазии обрели реальные очертания, и через несколько шагов он действительно сделает свой первый шаг по пути на сцену, где по велению уголовного суда разыгрываются кровавые спектакли.

Оставив по правую руку зерновую пристань, он вошел в аркаду Сен-Жан, ведущую в самое сердце старого Парижа. Объясняя ему дорогу, отец Грегуар, упомянув об этой улочке, всячески предостерегал его: «Этот проход, — говорил он, сжимая руки, — мрачный и опасный, весь сброд с улицы Сент-Антуан и из Сент-Антуанского предместья ошивается именно там». Аркада слыла излюбленным местом воров и попрошаек, поджидавших прохожих под пустынным сводом. Николя шел, внимательно оглядываясь по сторонам, но ему встретились только

разносчик воды да несколько поденщиков, направлявшихся в поисках работы на Гревскую площадь.

Пройдя улицы Тиссандери и площадь Бодуайе, он добрался до рынка Сен-Жан. Как сказал его наставник, это был второй по величине рынок Парижа после Центрального рынка. Николя узнал его по источнику, расположенному в центре рыночной площади, возле кордегардии; к источнику тянулась ниточка парижан, желавших запастись водой из Сены.

Николя, привыкшему к порядку, царившему на провинциальных рынках, пришлось прокладывать себе дорогу через настоящий хаос. Продукты, за исключением мяса, удостоившегося особых прилавков, лежали на земле вперемешку. Осень стояла теплая, поэтому отовсюду доносились резкие запахи, а оттуда, где продавали морскую рыбу, тянуло, пожалуй, и тухлятиной. Молодому провинциалу казалось, что большего и более оживленного рынка, чем этот, просто существовать не может. Отведенные для торговцев прилавки теснились друг к другу, не давая ни проехать, ни пройти. Но и здесь, как и повсюду в Париже, экипажи дерзко двигались вперед, грозя раздавить всех, кто попадется на пути. Всюду торговались, спорили, и, присмотревшись, Николя отметил, что, судя по одежде и выговору, торговцами являлись в основном крестьяне из пригородных деревень, приехавшие продать выращенные своими руками зелень, овощи и живность.

Увлекаемый людскими течениями и водоворотами, Николя раза три или четыре обогнул рынок, прежде чем обнаружил улицу Сент-Круа-де-ла-Бретонри и сумел свернуть в нее. Малолюдная улочка беспрепятственно вывела его на улицу Блан-Манто, где между поворотами на улицы Дюпюи и Дюсенж он отыскал дом Лардена.

Он остановился и принялся разглядывать небольшое четырехэтажное здание, окруженное с обеих сторон высоким забором, скрывавшим от нескромных взоров крошечный садик. Наконец он нерешительно поднял дверной молоток и тотчас отпустил; молоток упал с глухим стуком, и в ответ из дома донеслось гулкое эхо. Дверь приоткрылась, и в проеме показалась женская голова в белом чепце с оборками, из-под которых выглядывало широкое лицо с толстыми щеками, под стать мощному торсу, обтянутому красной кофтой без рукавов; с могучих рук стекала мыльная вода.

— Чефо вам надо? — спросила она со странным выговором, какого Николя еще ни разу не слышал.

— Я принес письмо от господина де Сартина для комиссара Лардена, — кусая губы, ответил Николя, вынужденный сразу выложить свой единственный козырь.

— Дайте мне.

— Я должен передать его комиссару в собственные руки.

— Дома никого. Здите.

И она резко захлопнула дверь. Николя ничего не оставалось, как проявить терпение, которое, как он в очередной раз убеждался, в Париже являлось самой необходимой добродетелью. Не рискуя отходить далеко от дома, он отсчитал сто шагов и принялся изучать ближайшие строения. На другой стороне улицы, где время от времени мелькали прохожие, он заметил несколько строений, окруженных высокими деревьями с облетевшими листьями; судя по всему, там находились монастырь и прилегавшая к нему часовня.

Утомленный утренним путешествием, он уселся на крыльцо, решив больше никуда не ходить; рука ныла от тяжелого мешка с вещами. Ему хотелось есть, утром в монастыре Карм Дешо он успел съесть только немного хлеба, размоченного в супе. На соседней колокольне пробило три, когда плотного сложения мужчина в седом парике и с тростью, более напоминавшей дубину, сухо потребовал его освободить проход. Сообразив, что перед ним хозяин дома, Николя вскочил и, поклонившись, произнес:

— Прошу прощения, сударь, но я жду комиссара Лардена.

Два голубых глаза смерили его колючим цепким взором.

— Ждете комиссара Лардена? А я со вчерашнего дня жду некоего Николя Ле Флоша. Вы его, случаем, не знаете?

— Это я, сударь, но, понимаете…

— Можете не объяснять…

— Но… — пробормотал Николя, протягивая письмо Сартина.

— Я лучше вас знаю, что приказал вам начальник полиции. А письмо можете взять себе на память, мне оно больше не нужно. Оно не сообщит мне ничего нового, а только подтвердит, что вы не подчинились полученным инструкциям.

Ларден стукнул в дверь, и в проеме показалась прежняя толстуха.

— Сударь, я не хотела…

— Я все знаю, Катрина.

Он повелительно взмахнул рукой, предупреждая таким образом служанку, дабы та воздержалась от болтовни, и одновременно подавая Николя знак следовать за ним. Войдя в дом, он сбросил плащ, оставшись в камзоле без рукавов из толстой кожи, и стянул парик, под которым заблестел совершенно лысый череп. Следом за хозяином дома Николя вошел в библиотеку, поразившую его своей красотой и царящим в ней спокойствием. В камине из резного мрамора догорали дрова. Черный с золотом рабочий стол, удобные кресла бержер, обитые утрехтским бархатом, светлые деревянные панели на стенах, гравюры в рамках и выстроившиеся на полках книги в богатых переплетах — все способствовало созданию той атмосферы, которую наблюдатель, более опытный в житейских делах, чем Николя, вполне мог бы назвать сладострастной. Впрочем, молодой бретонец смутно чувствовал, что столь утонченная обстановка нисколько не соответствует грубому облику его хозяина. Однако сравнивать он мог только с большой гостиной в замке Ранрей, во многом сохранившей свой средневековый облик.

Ларден не стал садиться.

— Сударь, вы странным образом начинаете свою карьеру на поприще, где точность является одним из главнейших качеств. Господин де Сартин поручил вас мне, но я не знаю, чем я обязан такой честью.

Насмешливо улыбаясь, Ларден защелкал суставами пальцев.

— Однако я повинуюсь, и вам тоже надлежит повиноваться, — продолжил он. — Катрина отведет вас на четвертый этаж. Я могу предложить вам только комнату в мансарде, без всяких удобств. Вы будете столоваться в доме или же в городе, как вам угодно. Каждый день вы будете являться ко мне в семь утра. Мне сообщили, что вы должны изучать законы. Для этого вы каждый день станете на два часа ходить к господину Ноблекуру, бывшему судье, дабы тот усовершенствовал ваши таланты. Я жду от вас прилежания и безропотного послушания. Сегодня вечером мы отпразднуем ваше прибытие в семейном кругу. А пока вы свободны.

Николя поклонился и вышел. Катрина отвела его в комнатку, расположенную под самой крышей. Путь в нее пробегал через захламленный чердак. Новое жилье приятно поразило Николя своими размерами, а также окном, выходящим в сад. Скромная обстановка: кушетка, стол, стул и комод с зеркалом, на тумбе которого стоял неизменный таз с кувшином, — также нареканий не вызывала. Пол прикрывал потертый ковер. Разложив немногие вещи в ящики, молодой человек снял башмаки, лег на кушетку и заснул.

Когда он проснулся, на улице уже стемнело. Готовясь спуститься вниз, он умылся и причесался. Дверь в библиотеку, где его принимали утром, была закрыта, зато двери других комнат, выходивших в коридор, стояли настежь, и он мог, не привлекая к себе внимания, удовлетворить свое любопытство. Сначала взор его привлекла гостиная, оформленная в

пастельных тонах. По сравнению с ней библиотека неожиданно показалась Николя пристанищем аскета. В другой комнате стоял накрытый на три персоны стол. Судя по запахам, доносившимся из-за двери в глубине коридора, там находилась кухня. Он подошел поближе. В кухне стояла удушающая жара, и Катрина то и дело отирала тряпкой пот с лица. Когда Николя вошел в кухню, она открывала устрицы и, к великому удивлению юного бретонца, привыкшего есть моллюсков живыми, извлекала их из раковин и раскладывала на фаянсовой тарелке.

— Могу ли я узнать, сударыня, что вы готовите?

Удивленная кухарка обернулась.

— Не зофите меня сударыня, зофите меня Катрина.

— Отлично, — ответил он, — а меня зовут Николя.

Озарившись радостью, ее некрасивое лицо сразу похорошело, и, с гордостью обернувшись к молодому человеку, она показала ему двух очищенных от костей каплунов.

— Я готовлю суп из каблунов и устриц.

В детстве Николя любил смотреть, как Фина колдует над очередным кулинарным изыском для каноника, приверженного невинному греху чревоугодия. Постепенно он узнал, как готовить разные блюда, и мог сам испечь бретонский пирог, сделать крем-брюле и омара в сидре. Маркиз, его крестный отец, также ценил хорошую кухню, но при этом никогда не забывал напомнить канонику, что чревоугодие относится к семи смертным грехам, чем всегда вызывал возмущение опекуна Николя.

— Вареные устрицы! — воскликнул Николя. — У нас их едят сырыми.

— Фи, они зе зивые!

— А как вы готовите суп?

Он прекрасно помнил, как Фина, застав его на кухне, немедленно гнала его прочь, и, чтобы понять, как делается то или иное блюдо, ему приходилось долго шпионить за домоправительницей. Поэтому Николя не удивился бы, если бы его сейчас тоже выставили вон.

— Вы так люпезны, что вам расскажу. Перете двух убитанных каблунов и вынимаете кости, затем мясом одного фаршируете другого, ну и допавляете сало, яичный желток, соль, берец, мускат, бучок зелени и бряности. Перевязываете тушку бечефкой и медленно опускаете в доведенный до кибения кребкий пульон. А бока тушка варится, я опфаливаю устрицы в муке и жарю их на сливочном масле вместе с шамбиньонами. Ботом достаю каблуна, разрезаю его, опкладываю устрицами, заливаю пульоном и бодаю с ломтиком лимона и луком-татаркой. Разумеется, горячим.

Судя по выражению лица Николя, молодой человек с удовольствием ловил каждое слово Катрины. Когда он слушал кухарку, у него буквально слюнки текли; он вспомнил, что с утра ничего не ел, и желудок его скрючился от голода. Благодарный слушатель, он завоевал сердце Катрины Госс, уроженки Кальмара, бывшей маркитантки, сопровождавшей армию в битве при Фонтенуа, где погиб ее муж, солдат французской гвардии. Грозная кухарка комиссара Лардена приняла Николя под свое покровительство. Приобретя, таким образом, союзника и убедившись, что ему вполне по силам добиваться расположения окружающих, Николя почувствовал себя значительно увереннее.

Ужин Николя помнил смутно. Роскошный хрусталь и столовое серебро, шелковая вышитая скатерть производили впечатление богатства. Жарко натопленная комната, обшитая светлыми деревянными панелями с золотым орнаментом, тени, отбрасываемые мебелью, освещенной трепетными огоньками свечей, создавали обстановку нереальности, оторванности от мира. Первый же бокал вина ударил Николя в голову, он ощутил слабость и отчасти потерял контроль

над собой. Комиссар отсутствовал, вместе с Николя за столом сидели его жена и дочь, и обе выглядели исключительно ровесницами. Однако он быстро понял, что Луиза Ларден приходилась Мари не матерью, а мачехой, и обе женщины не испытывали друг к другу ни малейшей приязни. Насколько первая постоянно стремилась являть всем свою власть, не стесняясь прибегать при этом к кокетству, настолько вторая вела себя сдержанно и наблюдала за гостем исключительно из-под опущенных ресниц. Первая была высокой блондинкой, вторая — среднего роста брюнеткой.

Изысканность блюд поразила Николя. Следом за супом с каплунами и устрицами подали мраморные яйца, рагу из рябчиков, блан-манже и оладьи с вареньем. Во всем, что касается вин, Николя получил достойное воспитание, и он сразу угадал в ароматном напитке цвета черной смородины вино из виноградников Луары. Без сомнения, это был настоящий бургейль.

Госпожа Ларден расспрашивала его о жизни в провинции, но у него сложилось ощущение, что ей хотелось узнать, какого рода отношения связывают его с Сартином. Интересно, это комиссар поручил жене вызнать у гостя всю его подноготную? Но подозрения быстро вылетели у него из головы, ибо женщина щедро наполняла его бокал. Рассказывая о Бретани, Николя вспоминал каждую милую его сердцу мелочь и не сразу заметил, что подробности вызывали у его собеседниц улыбку. Наверно, подумал он, они приняли его за дикаря, а может даже, за жителя Персии.

Потом, когда он очутился у себя в мансарде, в голову его закралось сомнение: а действительно, не был ли он излишне многословен? Но так как он и сам не знал, отчего Сартин вдруг проявил к нему интерес, он без труда убедил себя, что вряд ли он наговорил лишнего про своего нового покровителя. Так что госпожа Ларден осталась при своих интересах. Он вспомнил недовольное выражение лица Катрины, когда та подавала блюда или выслушивала приказания Луизы Ларден, обращавшейся со служанкой довольно высокомерно. Кухарка в ярости что-то бормотала сквозь зубы. Когда же она подавала еду Мари, лицо ее, напротив, выражало высшее блаженство, словно она прислуживала неземному божеству. Подведя итог всему, что ему удалось увидеть и узнать, молодой человек завершил свой первый день на улице Блан-Манто.

Для Николя началась новая жизнь, размеренная и заполненная неустанным трудом. Проснувшись рано утром, он обливался холодной водой в маленькой пристройке в саду, которую он при поддержке добрейшей Катрины постепенно превратил в свою комнату для умывания.

Имя Сартина открыло ему дверь и кредит у знаменитого Вашона, пополнившего скромный гардероб Николя и, к великому смущению юного провинциала, даже превысившего сделанный им заказ. Теперь, глядя в зеркало, Николя видел юного кавалера, скромно, но элегантно одетого, а неотступно преследовавший его взгляд Мари подтверждал, что смена костюма пошла ему на пользу.

В семь часов утра он являлся к комиссару Лардену, и тот давал ему задания на текущий день. Он отдыхал душой на уроках господина де Ноблекура, маленького доброжелательного старичка, бывшего магистрата, любителя шахмат и игры на поперечной флейте. Благодаря добрым советам Ноблекура он стал усердно посещать концерты.

Николя продолжал открывать для себя Париж и его предместья. Никогда еще, даже живя в Геранде, он столько не передвигался пешком.

По воскресеньям он ходил на концерты духовной музыки, которые в то время давали в большом зале Лувра. Однажды ему досталось место рядом с молодым семинаристом. Пьер Пиньо, уроженец Ориньи, что в диоцезе Лан, жаждал вступить в общество Иностранных Миссий. Он с восторгом поведал Николя о данном им обете нести свет Евангелия в далекие земли и развеять мрак, окружающий тамошних идолопоклонников. Он хотел отправиться с миссией в Кохинхину, где вот уже несколько лет миссионеры подвергались гонениям и

преследованиям. Высокий, статный, со свежим цветом лица, Пиньо отличался завидным чувством юмора. Вместе с Николя они пришли к единому мнению, что знаменитая Филидора исполнила «Exaudi Deus» весьма посредственно. Энтузиазм публики так возмутил их, что оба встали и вышли. Николя проводил нового друга до семинарии, и там они и расстались, договорившись встретиться на следующей неделе.

Скоро у молодых людей вошло в привычку завершать свои встречи у Сторера, королевского кондитера. С тех пор как Сторер стал поставлять ко двору изготовленные по его собственному рецепту пирожные, признанные королевой Марией Лещинской наивкуснейшими, его лавка на улице Монторгей превратилась в модное место свиданий. От общения с молодым священником Николя получал массу удовольствия.

С самого начала Ларден, чей участок не ограничивался рамками определенного квартала, приказал Николя ходить вместе с ним на все задания. Николя познакомился с порядком наложения печатей, с процедурой конфискации имущества, узнал, как нужно составлять протоколы, как, не доводя дело до уголовного суда, примирить поссорившихся соседей. В доходных домах, где в ужасной скученности проживали самые нуждающиеся, ссоры и драки между соседями случались часто, особенно в предместьях. Ему приходилось разговаривать с инспекторами, с караульными, с таможенниками на заставах, с тюремщиками и даже с палачами. Он научился хранить спокойствие при допросах и пытках. Ничто не могло укрыться от его внимательного взора; он быстро понял, что для успешной работы полиции приходилось пользоваться услугами целой армии доносчиков, осведомителей и проституток; сведения, добываемые скользкими и подозрительными типами, позволяли начальнику полиции пребывать в курсе всех тайн и секретов столицы. Право надзирать за деятельностью почтовых служб и перлюстрировать частную переписку давало Сартину возможность контролировать умонастроения людей. Размышляя о том, каким мощным и вместе с тем незаметным оружием обладает его начальник, Николя пришел к весьма мудрому выводу и стал более осмотрительным в своих письмах, которые он с достойной похвалы регулярностью отсылал в Бретань.

Его отношения с комиссаром Ларденом ограничивались потребностями службы и не менялись ни в лучшую, ни в худшую сторону. На властное и холодное обращение одного другой отвечал молчаливым повиновением. Временами полицейский комиссар, похоже, и вовсе забывал о Николя. Сартин же, напротив, часто вызывал его к себе. Лаконичные записки с приказом явиться в Шатле или на улицу Нев-Сент-Огюстен обычно приносил маленький савояр. Встречи эти отличались краткостью. Начальник полиции устраивал Николя настоящий допрос, и часть вопросов всегда каким-нибудь образом касалась Лардена. По приказу Сартина молодой человек подробно описал дом комиссара и привычки членов его семьи, вплоть до их каждодневного меню. Дотошные расспросы, всегда повергавшие Николя в смущение, явно велись неспроста, но смысл их пока для него оставался тайной.

Начальник полиции велел ему присутствовать на слушании уголовных дел, а потом предоставлять ему письменные отчеты об этих заседаниях. Однажды он поручил ему написать отчет об аресте некоего лица, пустившего в оборот поддельные векселя. Николя имел возможность наблюдать, как посреди улицы судебные исполнители схватили мужчину с живыми карими глазами и смуглым лицом. Задержанный, говоривший по-французски с сильным итальянским акцентом, стал призывать его в свидетели:

— Сударь, вы кажетесь мне честным человеком. Вы видите, как эти негодяи обращаются с гражданином Венеции? Как они смеют арестовать меня, Казанову! Какая величайшая несправедливость! Они посмели поднять руку на человека, вся жизнь и труд которого дают ему право называть себя философом!

Николя проследовал за арестованным до ворот тюрьмы Фор-Левек. Прочитав его отчет, Сартин, глухо выругавшись, воскликнул:

— Он уже завтра будет на свободе: мошеннику покровительствует сам Шуазель! Впрочем, он действительно забавный субъект.

Сей эпизод навел подмастерье полицейского сразу на несколько мыслей.

В следующий раз ему поручили организовать сделку и договориться о продаже драгоценностей с неким комиссионером, который, несмотря на банкротство, избежал ареста и с успехом продолжал проворачивать дела. Николя выдавал себя за посланца некоего господина Дюдуа, полицейского комиссара из предместья Сент-Маргерит, которого Сартин подозревал в сговоре с комиссионером. Не желая повторения парижских волнений 1750 года, причиной которых стала продажность некоторых полицейских чинов, глава парижской полиции держал своих людей под жестким контролем. Николя проник в мир игроков, узнал, чем отличается банкомет от понтера, а крапленая колода — от обычной. Побывав в борделях, он узнал, какую дань платят сводницы, как именовали содержательниц веселых домов в протоколах полиции.

Игра, разврат и кража — три кита, на которых держался преступный мир Парижа, мир, невидимый глазу, пронизанный сетью потаенных каналов и опутанный зловещей паутиной круговой поруки.

За пятнадцать месяцев Николя постиг основы своего будущего ремесла. Узнал цену молчания и тайны. Он резко повзрослел, научился владеть чувствами и сдерживать воображение, все еще, на его взгляд, слишком буйное. Он больше не напоминал того зеленого юнца, который, прибыв в Париж, долго плутал по городу, прежде чем отыскал монастырь отца Грегуара. Письмо из Геранда, извещавшее о тяжелой болезни опекуна, нашло совершенно иного Николя. Холодным январским утром 1761 года на носу шаланды стоял, вглядываясь в бурлящие воды Луары, суровый молодой мужчина, и его черный силуэт четко вырисовывался на фоне серого неба.

II
ГЕРАНД

В пятницу заболел,

В субботу помер,

В воскресенье отпели, —

Значит, ему прямая дорожка в рай.

Нижнебретонская поговорка

Среда, 22 января 1761 года

Несмотря на беспрерывный дождь со снегом, почти до самого Анжера Луара была снисходительна к путешественникам. За ночь, проведенную в Туре, уровень воды в реке изрядно поднялся. Утром, воспользовавшись просветом, поплыли дальше; время от времени в разрывах туманной пелены возникали серые призрачные селения. На подступах к Анжеру шаланда попала в водоворот и, стукнувшись об опору моста, закружилась, потеряла управление и с размаху врезалась в песчаную отмель. Команде и пассажирам пришлось добираться до берега на плоскодонке.

В прибрежной таверне Николя, подкрепившись горячим вином, стал расспрашивать, как ему добраться до Нанта. Со дня его отъезда в Геранд прошло уже несколько дней. Успеет ли он застать в живых своего опекуна? С тревогой он прикидывал, какой долгой может оказаться очередная задержка. Река окончательно разбушевалась. В такую погоду ни один корабельщик не отважится повести судно вниз по течению. Размытые дороги не способствовали путешествию в карете, и он не видел смысла дожидаться почтового дилижанса.

Считая себя неплохим наездником, Николя решил нанять лошадь и продолжить путь верхом. Из жалованья, выдаваемого ему Ларденом, он сумел скопить небольшую сумму. От цели сейчас его отделяло всего сорок лье. Он выберет самую короткую дорогу, соединяющую Анжер и Геранд. Разбойников Николя не боялся, как не боялся и волков, голодные стаи которых рыскали в поисках добычи. Он знал, что в это время года звери нередко нападали на одиноких путников, но никакие соображения не могли поколебать его решимость как можно скорее добраться до места. За выбранную им лошадь ему пришлось заплатить поистине баснословную цену, ибо при такой погоде хозяин почтовой станции не желал задаром рисковать обитателями своей конюшни. Выехав из города, Николя пришпорил коня.

К вечеру он добрался до Ансени, заночевал в тамошней гостинице, а утром по проселочной дороге беспрепятственно добрался до аббатства Сен-Жильда-де-Марэ. Под стенами монастыря стая волков яростно раздирала падаль; поглощенные своим занятием, звери не обратили на всадника никакого внимания. Монахи приняли Николя с распростертыми объятиями: к ним так редко наведывались гости, что они радовались любому проезжающему.

На рассвете Николя подъехал к лесу Бретеш, принадлежавшему знатному роду Буажелен. Вдалеке, над кронами деревьев, высились башни замка Буажелен. Его крестный, состоявший в дружбе с владельцем замка, каждую осень приезжал сюда охотиться на кабанов. Молодой бретонец, наконец, добрался до знакомых мест.

Вечером подул сильный ветер, а следом, как часто бывает в этих краях, разразилась гроза. Лошадь с трудом переставляла ноги. От оглушительного рева урагана Николя совершенно оглох. Дорога, пролегавшая вдоль торфяников, размокла и покрылась слоем сломанных веток. Тучи плыли так низко, что, казалось, вот-вот порвутся о верхушки высоких сосен.

Временами стихия смирялась, и воцарялась тишина, нарушаемая только резкими криками огромных морских чаек. Изгнанные бурей с берега, они тревожно кружились над торфяными болотами.

Вздыбленные грозой океанские волны оставляли на песке груды белесой пены. Отдохнувшая гроза, яростно завывая, подхватывала их и, словно чаек, гнала прочь от воды, усеивая землю мокрыми белыми клоками. Налетая друг на друга, ошметки пены разбивались и вновь собирались в грязные валы. Поднятая на воздух очередным порывом ветра, пена застревала среди веток, забивалась в щели прогнивших пней и белела там, словно снег. По замерзшей равнине болот скользили пенные барашки, очень похожие на белые курчавые навершия волн, бившихся о берег в нескольких лье отсюда. Гроза налетала на них, разрывала на части и, подхватив пенные лоскуты, расшвыривала их по земле. Николя ощутил на губах соленый вкус океана.

Впереди, за небольшой рощицей, в окружении подернутых белым черных полей, показался обнесенный крепостной стеной средневековый город. Издалека он напоминал остров, вознесшийся из глубин обступавших его со всех сторон болот. Пришпорив коня, Николя галопом поскакал к городским воротам.

Он въехал в Геранд через ворота Сент-Анн. Звонкий стук копыт по старинной брусчатке эхом отражался от стен молчаливых домов; казалось, город обезлюдел.

Добравшись до Рыночной площади, он остановился перед каменным домом, спешился, привязал коня к торчащему из стены кольцу и, робко толкнув дверь, вошел внутрь. И тотчас наткнулся на Фину; услышав шум, она немедленно бросилась вниз.

— Ну наконец-то, господин Николя! Благодарю Тебя, Господи!

И, плача, она обняла его. Ее старческое лицо, обрамленное складками белоснежного чепчика, с морщинистыми, покрасневшими от слез щеками, к которым он когда-то прижимался, пытаясь скрыть свое детское горе, казалось, стало еще меньше.

— Ох, Иисус, Мария, Иосиф, какое несчастье! Накануне Рождества, прямо во время мессы наш господин почувствовал себя неважно. Через два дня он пошел в церковь, чтобы зажечь святую лампаду, и сильно простыл. Ему стало совсем плохо, да еще добавилась подагра; доктор сказал, что она вверх пошла. Он и нас уже не всегда узнает. Словом, вчера он причастился.

Взгляд Николя упал на сундук, где лежали плащ, шляпа и трость его опекуна. При виде знакомых предметов к горлу подступил горький комок.

— Пойдем, Фина, отведи меня к нему, — сдавленным голосом произнес он.

Худенькая, маленького роста, Фина поднималась по лестнице, обняв своего высокого кавалера за талию. Отблески огня, разведенного в камине, скудно освещали комнату. Каноник лежал, выпростав руки и вцепившись скрюченными пальцами в одеяло; из груди его вырывалось сдавленное, свистящее дыхание. Николя опустился на колени и прошептал:

— Отец мой, я приехал. Вы меня слышите? Я приехал.

Он всегда называл опекуна отцом. А тот всегда относился к нему как к сыну. Но сейчас он умирал. Уходил из жизни человек, который когда-то нашел Николя, взял к себе, постоянно о нем заботился и всегда, что бы ни случилось, относился к нему с нежностью и любовью.

Только сейчас, в отчаянии преклонив колени перед ложем умирающего, Николя понял, как дорог ему каноник. Он никогда не говорил ему о своей любви, ибо она всегда казалась ему само собой разумеющейся. А теперь у него уже не будет возможности сказать ему об этом. И тут он услышал — или ему показалось? — как лежавший на смертном одре каноник с невыразимой нежностью прошептал: «Сударь мой воспитанник»; старик всегда с нежностью обращался к Николя.

Взяв руку старца, Николя поцеловал ее и остался стоять, держа в руках сморщенную руку своего дорогого опекуна.

Пробило четыре; неожиданно больной открыл глаза. Из уголка глаза выкатилась слеза и медленно сползла по запавшей щеке. Губы дернулись, словно хотели что-то произнести. Каноник глубоко вздохнул и умер. Обняв ладонью руку Николя, Фина рукой воспитанника закрыла канонику глаза. На лице старика застыло выражение безмятежности.

Не позволив себе поддаться горю, верная домоправительница немедленно взяла дело в свои руки. Как требовал обычай ее родной земли Корнуай, откуда был родом и каноник, она сотворила крестное знамение над головой покойного, а потом широко распахнула окно, чтобы помочь душе вылететь из тела. Она поставила в изголовье свечу, зажгла ее и послала служанку предупредить капитул и жену хоругвеносца, слывшую знатоком погребальной церемонии. Когда сия многомудрая особа прибыла, с колокольни собора полился погребальный звон. Две женщины обрядили усопшего, сложили ему руки, ладонь к ладони, и обвязали кисти четками. В ногах кровати поставили стул и на него поместили тарелку со святой водой и веточку самшита.

Потянулись часы, казавшиеся Николя бесконечными. Оцепеневший, он сидел, не осознавая, что происходит вокруг. Желающие проститься с покойным входили в комнату, что-то спрашивали у него, и он им что-то отвечал. Сменяя друг друга у изголовья умершего, священники и монахини читали заупокойные молитвы. Согласно традиции, Фина подавала пришедшим блины и сидр, и многие, попрощавшись с каноником, спускались в гостиную, где шепотом беседовали о разном.

Одним из первых прибыл маркиз де Ранрей, но прибыл без Изабеллы. Отсутствие Изабеллы омрачило радость Николя от встречи с крестным. Несмотря на свой надменный вид, маркиз с трудом скрывал горе, вызванное потерей друга, с которым его связывала почти тридцатилетняя дружба. Народу пришло много, и в толчее он только успел сказать Николя,

что получил письмо от Сартина, где тот выражал удовлетворение работой юноши. Они договорились, что молодой человек приедет в Ранрей после похорон, которые состоятся в воскресенье,

Часы шли, и Николя заметил, как изменяется лицо покойного. За несколько часов восковой цвет приобрел сначала медный, а потом и вовсе черный оттенок; теперь опавшая плоть напоминала профиль свинцовой погребальной статуи. Глядя на разлагавшиеся останки, нежность, охватившая Николя, постепенно улетучивалась; лежавшее перед ним мертвое тело уже не имело ничего общего с его опекуном. Он то и дело собирал в кулак всю свою волю, стараясь изгнать навязчивое видение, но оно упорно преследовало его вплоть до утра субботы, когда тело, наконец, положили в гроб.

В воскресенье выглянуло солнце и ударил мороз. После полудня гроб на носилках доставили в церковь; там собралось много народу. Николя напрасно искал в толпе Изабеллу. Погрузившись в собственные мысли, он перестал слышать песнопения и молитвы. Витраж в высоком стрельчатом окне над главным алтарем рассказывал о чудесах, совершенных святым Обеном, покровителем этого храма. Короткий зимний день подходил к концу, витраж постепенно тускнел. Сумеречный свет тяжелым потоком лился вниз, проникая сквозь цветные стекла, среди которых преобладали прозрачные синие стеклышки. Солнце скрылось. Утром его лучи ярко озарили витраж, днем под воздействием живительных лучей он расцвел пышным цветочным букетом, а вечером начал угасать.

Вот и человек, думал Николя, так же проходит этапы своей жизни. Взгляд его упал на гроб, покрытый черным покровом с серебряными крестами, мерцавшими в неверном пламени свечей, установленных на катафалке. И он почувствовал, как его затягивает печальный омут одиночества.

В церкви совсем стемнело. Зимой гранитные стены храма источали слезы. Запахи испарений, исходивших от мрачных, сочащихся водой стен присоединялись к ароматам ладана и свечей. Не оставляя никакой надежды, прогремел «Dies irae»[4]. Теперь, в ожидании окончательного погребения, останки усопшего поместят в часовню, возле парного надгробия, являющего собой лежащие фигуры Тристана де Карне и его жены.

Николя вспомнил, что почти двадцать два года назад его подбросили именно к этим фигурам, и именно здесь его подобрал и взял к себе каноник Ле Флош. Мысль о том, что опекун обретет покой в том месте, где он нашел младенца Николя, совершенно неожиданно оказалась для юноши утешительной.

В понедельник небо нахмурилось, и к Николя вернулось его мрачное настроение. Чувствуя жуткую усталость, он никак не мог заставить себя отправиться с визитом к маркизу, хотя тот напомнил молодому человеку о своем желании видеть его.

Позабыв о собственных горестях, Фина, как могла, старалась развеять горькие мысли Николя. Она даже приготовила любимые им в детстве блюда. Но все напрасно: он отказался даже пробовать их и довольствовался только куском хлеба. Половину дня он блуждал по болотам, устремив взор за горизонт, туда, где светлела полоска моря. Он ощущал потребность уйти, забыть и забыться. Незаметно он дошел до Баца и, как прежде они забирались с Изабеллой, поднялся на колокольню местной церквушки. Ощущая себя отрезанным от мира, он смотрел на распростершиеся внизу болота и океан, и тяжесть, давившая его, становилась легче.

Весь промокший, он вернулся и увидел в доме нотариуса, мэтра Гиара; в ожидании он обсушивался у камина. Нотариус пригласил Николя и Фину ознакомиться с завещанием каноника, впрочем, достаточно коротким. Основные распоряжения сводились к следующему:

«Я умираю, не накопив богатств, ибо всегда отдавал бедным избыток, которым Господу было угодно вознаграждать меня. Дом, где я живу, принадлежит капитулу. Молю Провидение не оставлять своими заботами моего воспитанника. Ему я завещаю золотые часы с репетицией, дабы он пользовался ими вместо тех часов, что украли у него в Париже. Принадлежащее мне имущество, состоящее из одежды, мебели, серебряной посуды, картин и книг, надо собрать вместе и продать, а вырученную сумму обратить в пожизненную ренту для мадемуазель Жозефины Пельван, моей домоправительницы, прослужившей мне верой и правдой более тридцати лет».

Фина заплакала, Николя стал ее утешать. Нотариус напомнил молодому человеку о необходимости уладить вопрос с жалованием служанке, оплатить врача и аптекаря, а также драпировки, носилки и свечи на похоронах. Накопления Николя таяли на глазах.

После ухода нотариуса молодой человек почувствовал себя чужим в доме, который он прежде считал родным. В отчаянии он устремил взор на Фину, но та, не в силах взять себя в руки, сидела в прежней горестной позе. Она собиралась уехать в деревню, неподалеку от Кемпера, где у нее жила сестра. Но сердце ее было не на месте: что станет с мальчиком, которого она воспитала, с ее дорогим Николя? Прошлое, связывавшее Николя с Герандом, стремительно таяло в тумане, и он, словно отдавшее швартовы судно, метался по волнам, гонимый противоборствующими течениями.

Наконец, во вторник Николя решил ответить на приглашение крестного. Мэтр Гиар приступил к описи и оценке имущества покойного, Фина паковала вещи, и ему очень захотелось убежать из дома на улице Вье-Марше.

Он ехал медленно, пустив коня шагом. Погода прояснилась, песчаные равнины покрылись густой паутиной инея. Под копытами коня хрустел застывший в промоинах лед.

Приближаясь к Эрбиньяку, он вспомнил об излюбленной в здешних местах игре в мяч, получившей название суле. Эта грубая деревенская игра, пришедшая из глубины веков, требовала от участников физической крепости, мужества, отваги и выносливости, а также умения терпеть боль. На теле Николя до сих пор остались отметины от ударов, полученных во время игры: едва заметный шрам над правой бровью и раздробленная голень левой ноги; кость в конце концов срослась, но как только в воздухе повисала сырость и начинался дождь, нога начинала нестерпимо ныть.

Однако при воспоминании о том, как, прижав к груди набитый тряпками и опилками мочевой пузырь свиньи, он со всех ног мчался вперед, стремясь донести этот самодельный мяч до цели, он испытывал совершенно непонятный восторг. Опасность игры заключалась в том, что специального игрового поля не было, и того, кто нес мяч к условленному месту, разрешалось преследовать везде, даже если он свалится в пруд или болото, каких вокруг было множество. Удары кулаком, головой и палкой не только дозволялись, но даже поощрялись. Завершив игру, измотанные и окровавленные участники устраивали дружескую пирушку, а потом отправлялись смывать с себя глину, тину и ил, покрывавший их с ног до головы. Случалось, в пылу погони преследователи добирались до берегов Вилена.

Вынырнув из воспоминаний детства, молодой человек обнаружил, что он почти у цели. Когда над песчаными холмами показались верхушки произраставших на берегу озера дубов, а следом за ними башни замка Ранрей, он уже точно знал, что готов на все, лишь бы разгадать тайну исчезновения Изабеллы.

Он уехал в Париж, и ниточка, связывавшая их, оборвалась. Ни единого слова, ни строчки, ничего. Она не пришла даже на похороны каноника. Наверное, хорошо, что она его забыла. А вдруг нет? Именно неизвестность доставляла ему самые жестокие терзания. Он знал: настанет время, и, несмотря на страдания, им придется расстаться навсегда. Но что будет, если его любовь окажется разделенной? Полученный в Париже опыт внушил ему, что происхождение и

богатство всегда и везде берут верх. Никому нет дела до его способностей и талантов: не имея звучного имени, он никто.

Погрузившись в печальные размышления, он не заметил, как оказался в двух шагах от старинного феодального замка, окруженного рвом, наполненным водой; по краям рва росли деревья. Деревянный мост привел его в барбакан, по бокам которого высились две сторожевые башни. Оставив лошадь в конюшне, он двинулся дальше, к узким и низким воротам замка. В Средние века такие ворота делали специально для того, чтобы ими не могли воспользоваться всадники. Просторный, выложенный камнем двор подчеркивал мощь и величие толстых каменных стен с высокими зубцами.

В часовне зазвонил колокол, извещая о наступлении полудня. Привыкнув чувствовать себя в замке как дома, Николя, никого не спрашивая, толкнул тяжелую дверь и вошел в небольшой зал. У камина за рукоделием сидела белокурая девушка, одетая в простое зеленое платье с кружевным воротничком. От шума, произведенного Николя, она встрепенулась и, не отрываясь от работы, воскликнула:

— Вы напугали меня, отец! Надеюсь, охота была удачной?

Так как ей никто не ответил, она подняла голову и встревоженно спросила:

— Кто вы? Кто вам позволил войти?

Николя отпустил дверь и снял шляпу. Девушка вскрикнула и подалась к нему навстречу, но быстро подавила свое желание.

— Похоже, Изабелла, я стал чужим в Ранрее.

— Как, сударь, это вы? Вы осмелились прийти после всего, что вы сделали?

Николя недоумевающе развел руками.

— А что я сделал, Изабелла? Я всего лишь слепо доверял вам. Пятнадцать месяцев назад, подчиняясь вашему отцу и своему опекуну, я уехал, не попрощавшись с вами. Кажется, вы тогда гостили в Нанте у тетки. По крайней мере, мне так сказали. Я уехал в Париж, и с тех пор не получил от вас ни единой весточки, ни одного ответа на свои письма.

— Сударь, это мне пристало жаловаться…

— Я думал, раз вы дали мне слово… И был глуп, что поверил коварной обманщице…

У него не хватило дыхания, и он умолк. Изабелла в изумлении смотрела на Николя. Ее глаза цвета морской воды наполнились слезами, но он не знал, слезы ли это гнева или же стыда.

— Сударь, вы ловко поставили все с ног на голову.

— Можете смеяться сколько хотите, но ведь именно вы, коварная, заставили меня уехать.

— Коварная… но почему? Я вас не понимаю. В чем вы усматриваете коварство?

Николя зашагал по комнате, потом вдруг резко остановился — прямо перед портретом Ранрея, сурово взиравшего на них из овальной рамы.

— Всегда одно и то же, испокон веков… — сквозь зубы пробормотал он.

— Что вы там такое говорите, с каких это пор вы разговариваете с портретами? Или же вы, господин-который-разговаривает-сам-с-собой, считаете, что он вам ответит? Может, даже выйдет из своей рамы?

Неожиданно Изабелла показалась ему легкомысленной и бездушной.

— Коварная — это вы. Коварная, — мрачно повторил Николя, приближаясь к девушке.

Кровь бросилась ему в голову, в ярости он сжал кулаки и теперь смотрел на Изабеллу сверху вниз. От испуга она разрыдалась, и он вновь увидел перед собой маленькую девочку, прибегавшую к нему выплакать свое детское горе. В то время он умел ее утешить. При этом воспоминании от ярости его не осталось и следа.

— Изабелла, что с нами происходит? — спросил он, беря ее за руку.

Девушка прижалась к нему. Он поцеловал ее в губы.

— Николя, — пролепетала она, — я люблю тебя. Но отец сказал мне, что ты едешь в Париж и там собираешься жениться. И я решила больше никогда тебя не видеть. Поэтому велела сказать тебе, что уехала в Нант к тетке. Но я не хотела верить, что ты нарушил нашу клятву. Мне было очень плохо.

— Как ты могла так думать обо мне?

Боль, терзавшая его много месяцев подряд, бесследно испарилась, а на ее место хлынула огромная волна счастья. Он нежно прижал Изабеллу к груди. Они не услышали, как открылась дверь.

— Довольно! Вы забываетесь, Николя… — раздался у него за спиной суровый голос.

С охотничьим хлыстом в руке на пороге стоял маркиз де Ранрей.

Все трое замерли, словно превратились в статуи. А может, просто время остановилось? Или над ними простерла свой покров вечность? Но живые неподвластны вечности, и дальше все пошло своим чередом. Ужасное воспоминание о том, что случилось после, долгое время преследовало Николя по ночам, не давая ему спать.

Он выпустил из объятий Изабеллу и медленно повернулся к крестному.

Оба мужчины были одного роста, и охвативший их гнев делал их до боли похожими друг на друга. Первым заговорил маркиз.

— Николя, я хочу, чтобы вы оставили Изабеллу.

— Сударь, я люблю ее, — на одном дыхании выпалил молодой человек.

И он шагнул к девушке. Она смотрела то на него, то на отца.

— Отец, вы меня обманули! — наконец воскликнула она. — Николя любит меня, и я люблю Николя.

— Прекратите, Изабелла, оставьте нас! Мне надо поговорить с этим молодым человеком.

Изабелла схватила Николя за руку и сильно сжала ее, вложив в этот жест все, что не смогла ему сказать. Он побледнел и зашатался. Она выбежала из комнаты, обеими руками поддерживая складки своей юбки.

Ранрей, вновь обретший привычное спокойствие, тихо произнес:

— Николя, ты понимаешь, что мне все это очень неприятно?

— Сударь, я ничего не понимаю.

— Я не хочу, чтобы ты продолжал встречаться с Изабеллой. Ты меня понял?

— Да, сударь, понял. Конечно, я всего лишь подкидыш, которого подобрал и воспитал святой человек, но человек этот умер, и я должен исчезнуть.

Тут голос его задрожал:

— Но знайте, сударь, я готов умереть за вас.

Поклонившись, он направился к двери, однако маркиз, положив руки ему на плечи, удержал его:

— Сейчас ты не можешь понять, мой крестник. Но поверь мне, настанет день, и ты все узнаешь. Пока я не могу тебе ничего объяснить.

Неожиданно Ранрей показался Николя усталым и согбенным. Но, не дав волю чувствам, он стряхнул с плеч руки маркиза и вышел.

В четыре часа молодой человек на всем скаку вырвался из Геранда, уверенный, что больше никогда туда не вернется. В Геранде остались еще не погребенный гроб, почтенная домоправительница, рыдавшая посреди опустевшего дома, его детские иллюзии и надежды. Твердо решив забыть об этой поездке, Николя, словно обезумев, мчался, стараясь поскорее покинуть родные места.

Словно во сне, он проносился мимо лесов и рек, городков и селений, останавливаясь только для того, чтобы сменить коня. Он смертельно устал, и в Шартре купил место в почтовой карете.

Он сел в карету в тот день, когда старуха Эмилия, сама того не желая, выследила на Монфоконе двух подозрительных субъектов.

III
ПРОПАЖИ

Они хотят, чтобы он догадался,

А ведь он ничего не видел…

Франсиско де Кеведо-и-Вильегас

Воскресенье, 4 февраля 1761 года.

Возвращение в Париж было сравнимо с прыжком в ледяную воду. Николя словно очнулся от затяжного сна.

Глубокой ночью почтовая карета прибыла на центральную станцию на площади Шевалье-о-Ге, прибыла с опозданием, так как дороги во многих местах размыло, а кое-где и затопило полностью. Такого Парижа, который предстал перед ним в тот вечер, он еще не видел. Несмотря на холод и поздний час, в городе царило безудержное веселье. Его моментально окружили, затолкали, задушили в объятиях и вовлекли в лихо отплясывающий хоровод людей в размалеванных масках. Вокруг все галдели, буйствовали, размахивали руками и предавались самым невообразимым безумствам.

Кучка шутников в сутанах, стихарях и квадратных шапочках тащила на погост соломенное чучело. Какой-то тип, обрядившись священником и нацепив на шею епитрахиль, исполнял обязанности служителя культа. Похоронную процессию сопровождали девицы в монашеских одеяниях и с огромными, как у беременных, животами; изображая плакальщиц, они оглашали воздух воплями, воздевая руки к небу. При свете факелов процессия двигалась по улице, и всех, кто встречался у нее на пути, священник благословлял свиной ножкой, макая ее в соленую воду. Охваченные неистовым весельем, участники процессии кривлялись и приставали к прохожим; особенно буйствовали женщины.

Какая-то девица, повиснув на Николя, чмокнула его в щеку и со словами: «Ты же унылый, словно сама смерть» — попыталась нацепить на него ухмылявшуюся маску скелета. Оттолкнув девицу, он быстро пошел прочь; вслед ему полетела отборнейшая брань.

Начался карнавал. Теперь вплоть до Пепельной среды все ночи напролет разнузданные толпы молодежи будут веселиться на городских улицах и площадях, и вместе с ними станет бесчинствовать парижский сброд.

Незадолго до Рождества Сартин собирал всех квартальных комиссаров; Николя присутствовал на этом военном совете, хотя, разумеется, сидел в стороне. Беспорядки, случившиеся во время карнавала 1760 года, когда Сартина только что назначили на его теперешнюю должность, вызвали беспокойство короля, и Сартин не хотел повторения безобразий. А так как от штрафов и задержаний толку оказалось мало, следовало все предугадать, предусмотреть и взять под контроль. Громоздкая полицейская машина готовилась задействовать все шестеренки, включая самые крошечные.

Столкнувшись с ночными дебоширами, Николя убедился в обоснованности тревог Сартина. По дороге домой он пришел к заключению, что такого царства распущенности в городе ему видеть еще не доводилось, и пожалел, что не воспользовался маской, предложенной девицей пусть и не слишком вежливо, но, кажется, от чистого сердца. В костюме из лагеря противника он сумел бы пройти незамеченным, и ему не пришлось бы вступать в

стычки с ватагами разгулявшихся молодчиков, которые били стекла, гасили фонари, всячески проказничали и куражились.

Настоящие сатурналии, думал Николя, наблюдая за тем, как все вокруг встает с ног на голову. Проститутки, обычно дефилировавшие в специально отведенных для них местах, бесстыдно демонстрировали всем свои прелести. Ночь превращалась в день, полнившийся криками, песнями, масками, музыкой, интригами и незавуалированными намеками.

В квартале Сент-Авуа, где проходила улица Блан-Манто, обстановка оказалась более спокойной. Николя с удивлением увидел, что в окнах дома комиссара Лардена горит яркий свет: комиссар и его жена принимали редко, и никогда по вечерам. Дверь оказалась незапертой, и ему не пришлось воспользоваться личным ключом. Когда он проходил мимо библиотеки, до него донеслись приглушенные голоса; казалось, собеседники о чем-то спорили. Дверь была открыта, и он вошел. Госпожа Ларден стояла к нему спиной и что-то взволнованно доказывала невысокому плотному человеку в плаще, в котором Николя признал Бурдо, инспектора из Шатле.

— Что значит «не волнуйтесь»?! Я вам в который раз повторяю, сударь, что не видела мужа с утра пятницы. Домой он не возвращался… Хотя знал, что вчера нас ждал к ужину мой кузен, доктор Декарт, проживающий в Вожираре. Возможно, по долгу службы ему пришлось работать ночью: к несчастью, я принадлежу к тем женщинам, чьи мужья никогда не сообщают, ни сколько времени забирает у них работа, ни когда они обязаны туда являться. Однако отсутствовать три дня и три ночи подряд, никого не предупредив, даже для него слишком…

Она села и промокнула глаза платочком.

— С ним что-то случилось! Я это чувствую, знаю! Что мне делать? Я в отчаянии!

— Сударыня, полагаю, я могу сказать вам, что господину Лардену поручили заняться неким подпольным игорным заведением, где ведется крупная игра. Дело это весьма деликатное. А, вот и господин Ле Флош. Он поможет мне в поисках, если ваш муж — во что мне нисколько не хочется верить — и завтра не появится.

Луиза Ларден обернулась, встала и, воздев руки, уронила платок. Николя поднял его.

— О! Николя, вы вернулись! Очень рада вас видеть. Я так одинока, так расстроена. Мой муж исчез, и… вы мне поможете, Николя?

— Сударыня, я ваш слуга. Но я согласен с господином Бурдо: комиссар, несомненно, занят расследованием, обстоятельства которого действительно являются весьма деликатными; мне об этом известно. Уже поздно, сударыня, и я бы посоветовал вам пойти отдохнуть.

— Спасибо, Николя. Как чувствует себя ваш опекун?

— Он умер, сударыня. Благодарю вас за заботу.

С жалостливым выражением лица она протянула ему руку. Он поклонился. Не удостоив взглядом инспектора, Луиза Ларден вышла.

— Вы умеете успокаивать женщин, Николя, — заметил Бурдо. — Мои поздравления. Мне жаль, что ваш опекун…

— Благодарю вас. Что вы думаете об исчезновении Лардена? Комиссар — человек с устоявшимися привычками. Он часто не ночует дома, но всегда предупреждает заранее.

— С устоявшимися привычками… и вечными секретами. Сегодня основная задача состояла в том, чтобы успокоить его жену. И вы в этом преуспели гораздо больше, чем я!

Бурдо с улыбкой посмотрел на Николя: в его глазах плясали веселые насмешливые искорки. У кого Николя уже видел похожий взгляд?

Наверное, у Сартина: тот часто смотрел на него так, как сейчас смотрел Бурдо. При этом воспоминании молодой человек покраснел и ушел от ответа.

Обсудив план действий, сыщики решили встретиться на рассвете. Бурдо откланялся. Николя отправился к себе наверх. Неожиданно из темноты выплыла Катрина: она стояла рядом и все слышала. Освещенное пламенем свечи, ее широкое курносое лицо казалось мертвенно-бледным.

— Педный Николя, мне тебя заль. Какое несчастье! Теберь ты совсем один. И здесь тоже все блохо. Блохо, очень блохо.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Ничего. Я знаю то, что знаю. Я не глухая.

— Если ты что-то знаешь, ты должна мне рассказать. Или ты мне больше не доверяешь? Хочешь, чтобы я стал совсем несчастным? У тебя нет сердца, ты бессердечная.

Николя тотчас пожалел, что обидел достойную кухарку: за время проживания в доме Лардена он успел искренне полюбить ее.

— Это я-то пессердечная! Николя не может так говорить.

— Тогда давай, Катрина, рассказывай. А то я засну, я не спал уже несколько дней.

— Не сбал! Но, голупчик мой, так нельзя. Ладно, слушай. В брошлый четверг хозяин и хозяйка ужасно боссорились, и все из-за господина Декарта, кузена хозяйки. Хозяин кричал на хозяйку, ругал за что она кокетничает с этим типом.

— С этим прилизанным святошей?

— Совершенно точно.

Николя в задумчивости отправился к себе в мансарду. Разбирая вещи, он размышлял над словами Катрины. Разумеется, он знал мэтра Декарта, кузена Луизы Ларден, высокого, изможденного субъекта, при виде которого Николя всегда вспоминал больших тонконогих птиц, во множестве обитавших в болотах Геранда. Особенно ему не нравился его профиль, который скошенный подбородок и костистый, с горбинкой нос делали исключительно несуразным. В его присутствии Николя всегда испытывал неловкость: назидательный тон родственника, постоянная манера цитировать замысловатые пассажи из Писания и мерное покачивание головой раздражали его. Неужели такая красавица, как госпожа Ларден, могла увлечься невзрачным Декартом? И, упрекая себя за то, что его почему-то совершенно не волнует судьба комиссара Лардена, он заснул.

Понедельник, 5 февраля 1761 года.

Рано утром он вышел из дома; хозяйка еще спала, и только Катрина, угрюмая и молчаливая, разводила огонь на кухне. Комиссар, совершенно очевидно, не вернулся. Держа курс на Шатле, Николя шел по улицам, покрытым толстым слоем мусора, оставшимся после ночного праздника, который, подобно гигантской волне, прокатился по городу, оставив после себя выброшенные людским морем обломки. В подворотне на куче хлама храпел, развалившись, какой-то субъект в замызганном костюме Пьеро. Прибыв на место, Николя прежде всего написал два письма: одно — отцу Грегуару, а другое — своему другу Пиньо, — где извещал их о смерти каноника и о своем возвращении. По дороге на почту его догнал уже знакомый ему маленький савояр и вручил записку от Сартина, содержавшую приказ немедленно бросить все и явиться к нему на улицу Нев-Сент-Огюстен.

Войдя в приемную начальника полиции, Николя стал свидетелем любопытного зрелища. Сартин, слывший самым работоспособным чиновником в королевстве, сидел в кресле и, судя по избороздившим его лоб глубоким морщинам, был поглощен решением важной задачи. Закидывая ногу на ногу, он время от времени резко кивал головой, приводя в отчаяние парикмахера, пытавшегося уложить его волосы аккуратными буклями. Двое лакеев по очереди открывали продолговатые коробки, аккуратно извлекали из них парики и, один за другим, надевали их на манекен, задрапированный в ярко-красный халат. В Париже все знали о страсти

Сартина к собирательству париков. А так как никаких иных слабостей за ним не числилось, все прощали ему это невинное увлечение. Но сегодня утром он, похоже, был недоволен даже своей коллекцией, и лакеи напрасно старались угодить ему.

Защитив лицо высокопоставленного клиента специальным экраном, парикмахер принялся обильно посыпать ему голову пудрой. Глядя на начальника в окружении белого облака, Николя с трудом сдержал улыбку.

— Сударь, я рад вас видеть, — произнес Сартин. — Как чувствует себя маркиз?

По выработавшейся у него привычке Николя воздержался от ответа. Но на этот раз Сартин повторил свой вопрос.

— Так как же он себя чувствует? — произнес он, в упор глядя на Николя.

Сартин, для которого, похоже, вообще не было никаких тайн, вполне мог узнать, что произошло в Геранде, удрученно подумал молодой человек и решил ограничиться самым общим ответом.

— Хорошо, сударь.

— Оставьте нас, — приказал Сартин, повелительным жестом отпуская окружавших его слуг.

Приняв свою любимую позу, а именно облокотившись на письменный стол, он, к удивлению Николя, пригласил его сесть.

— Сударь, — начал он, — я наблюдаю за вами уже пятнадцать месяцев, и у меня есть все основания быть вами довольным. Однако не вздумайте задирать нос, вы еще слишком мало знаете. Но вы не болтливы, умеете делать выводы и пунктуальны, что в нашем ремесле основное. Теперь к делу. Ларден исчез. Причины его исчезновения мне неизвестны, но они меня весьма и весьма интересуют. Как вы уже знаете, Ларден подчинялся только мне и выполнял особые задания, о которых отчитывался мне лично. Так что вы, сударь, сохраните в тайне все, что я вам сейчас скажу. Свободу действий Лардена ничто не ограничивало. Наверное, зря. Полагаю, вы, с вашей наблюдательностью, заметили, что у меня уже возникали основания усомниться в его честности.

Николя предусмотрительно промолчал.

— Сейчас он вел сразу два дела, одно из которых требовало особой деликатности, ибо на карту поставлена репутация моих людей. Мой предшественник Беррье вместе с делами передал мне и своего любимчика, комиссара Камюзо, хотя я бы прекрасно без него обошелся. Да будет вам известно, сударь, что комиссар Камюзо, надзирающий над игорными заведениями, наш главный винтик полицейского механизма, вот уже несколько лет подозревается в покровительстве подпольным притонам. Имеет ли он от этого выгоду? Как вы понимаете, определить разницу между вынужденным обращением к услугам осведомителей и противозаконным сговором с ними далеко не всегда возможно. У Камюзо есть верный человек, некий Моваль, безгранично ему преданный. Этот тип очень опасен. Не доверяйте ему. Когда надо организовать якобы неожиданный налет на притон, он выступает посредником и находит сообщников. По его наводке полиция проводит рейд и осуществляет конфискацию. А вы знаете, что по указу короля конфискованные деньги…

И он вопросительно посмотрел на Николя.

— Часть конфискованных сумм идет служащим полиции, — заученно ответил молодой человек.

— Вот что значит достойный ученик Ноблекура! Мои поздравления. Ларден работал и еще по одному делу, о котором и не могу вам ничего рассказать. Вам достаточно знать, что он его вел и что оно чрезвычайно сложное. Тем более, мне кажется, вас не слишком удивили сообщенные мною сведения. Так зачем же мне говорить вам лишнее?

Он открыл табакерку, но не взял понюшку, а, помолчав, с громким стуком ее захлопнул.

— В сущности, — продолжил он, — я вынужден так поступать, и, должен признаться, при сложившихся обстоятельствах мне приходится идти по проторенной дорожке. Вот приказ, который даст вам возможность вести расследование и прибегать к помощи властей. Королевский судья по уголовным делам и начальник городской стражи будут предупреждены. Всех квартальных комиссаров вы знаете лично. Держитесь уверенно, но соблюдайте формальности, а главное, постарайтесь ни с кем не поссориться. Не забывайте, вы являетесь моим личным представителем. Разберитесь в этой истории; мне кажется, в ней кроется какая-то тайна. И приступайте немедленно. Начните со знакомства с отчетами о ночных происшествиях, это всегда познавательное чтение. Нужно научиться их сравнивать, дополнять и соединять воедино разрозненные, на первый взгляд, факты.

Он протянул Николя подписанный документ.

— Сей Сезам, сударь, откроет вам все двери, включая двери тюрем. Не злоупотребляйте им. У вас есть ко мне просьбы?

— Сударь, у меня две просьбы, — на удивление спокойным голосом произнес Николя.

— Две? Однако вы стали дерзким, сударь!

— Во-первых, мне хотелось бы взять в помощники инспектора Бурдо…

— Ваша уверенность в себе растет не по дням, а по часам. Но я одобряю ваш выбор. Очень важно уметь верно оценить человека и его характер. Бурдо мне нравится. Что еще?

— Я узнал, сударь, что сведения никогда не даются бесплатно…

— Вы совершенно правы, мне следовало самому об этом подумать.

Отойдя в угол комнаты, Сартин открыл железный шкаф, извлек оттуда сверток с двадцатью луидорами и протянул Николя.

— Вы представите мне подробнейший отчет обо всем, что сделаете, и укажете, на что были израсходованы полученные вами средства. Если денег не хватит, требуйте еще. А теперь идите, время не ждет. Постарайтесь показать все, на что вы способны, и найдите мне Лардена.

Решительно, Сартин всегда удивлял Николя! Он вышел из кабинета начальника таким взволнованным, что, если бы тяжелый сверток с золотыми не оттягивал карман его фрака, ему пришлось бы долго щипать себя за нос, дабы убедиться, что он не спит. Однако радость от оказанного ему высокого доверия быстро уступила место неотступной тревоге. А справится ли он с таким важным поручением? Он уже видел, как на пути его вырастают дебри препятствий и чем дальше он продвигается, тем эти дебри гуще. Его возраст и неопытность станут ему помехой, а оказанное ему отличие побудит недругов расставить у него на пути капканы. Но он обязан найти в себе силы преодолеть все препятствия и выполнить неожиданно возложенную на него миссию. Совершенно неожиданно он почувствовал себя одним из рыцарей, отправляющихся в путь на поиски подвигов и приключений. Рыцарские романы составляли большую часть библиотеки в замке Ранрей.

Вспомнив о любимых книгах, он не мог не вспомнить о родном Геранде, и перед глазами немедленно возникли лица опекуна, маркиза и Изабеллы. Горький комок подкатился к горлу… Николя развернул врученную ему Сартином бумагу и прочел: «Доводим до вашего сведения, что податель сего приказа, г. Николя Ле Флош, уполномочен вести расследование по чрезвычайно важному делу, касающемуся блага государства. А посему, что бы он ни делал и ни предпринимал, он является исполнителем нашей воли и тех распоряжений, кои были ему даны. На сем основании приказываем всем представителям полиции и городской стражи, находящейся в подчинении прево и виконта Парижского, оказывать ему помощь и содействие, ибо, повинуясь ему, вы исполняете наш приказ».

Текст наполнил Николя гордостью, он почувствовал себя уверенно, а слова «служба королю» неожиданно обрели для него подлинное величие.

Но он быстро напомнил себе, что он всего лишь скромный инструмент в игре, правила которой превосходили его понимание, и отправился в Главное полицейское управление, куда стекались отчеты квартальных комиссаров и начальников городских патрулей. Бурдо он отыщет позднее, после того как по приказу Сартина ознакомится с отчетами.

Делопроизводители, хорошо знавшие Николя, без лишних вопросов выдали ему отчеты, поступившие за последние дни, и он погрузился в чтение однообразных докладов о происшествиях, случившихся в столице за время буйных карнавальных дней и ночей. Ничего интересного в этих отчетах он не обнаружил. Копии, сделанные с записей в регистрах мертвецкой,[5] на его взгляд, заслуживали большего внимания. В них перечислялись мрачные находки, запутавшиеся в огромной сети, перегораживавшей Сену на выходе из Парижа, куда течение приносило все, что попадало в воду. Но и в этих мрачных списках он тоже не нашел ничего, за что можно было бы зацепиться.

«Труп мужчины, которого, по словам соседей, звали Паскаль; захлебнулся и утонул в воде».

«Труп мужчины примерно двадцати пяти лет, без ранений и повреждений, однако содержащий все признаки утопленника».

«Труп мужчины примерно сорока лет, без ранений и повреждений; после осмотра сошлись во мнении, что означенный труп, прежде чем попасть в воду, скончался от апоплексического удара».

«Тело ребенка без головы; по нашему разумению, послужило для анатомических опытов и пролежало несколько дней в воде».

Николя отодвинул составленные корявым казенным языком описи. До него постепенно доходила вся сложность полученного им задания. И он впал в сомнение. Неужели Сартин решил посмеяться над ним? А может, он просто не хочет, чтобы Лардена нашли? Ведь доверить такое дело новичку — это верный способ закрыть его. Но он взял себя в руки и, отбросив печальные мысли, отправился в Шатле, дабы самому посетить морг и поговорить с инспектором Бурдо.

Бурдо также не преуспел в своих поисках. Не зная, как довести до сведения инспектора решение Сартина, Николя в конце концов молча сунул ему в руку бумагу, подписанную начальником полиции. Ознакомившись с ее содержанием, Бурдо поднял голову и, с доброй улыбкой глядя на молодого человека, произнес:

— Вот это новость. Впрочем, я всегда знал, что вы пойдете не только далеко, но и быстро. Рад за вас, сударь.

В его голосе слышалось уважение, и, растрогавшись, Николя пожал ему руку.

— Однако, — продолжил Бурдо, — ваша работа только начинается. Несмотря на неограниченные полномочия, не следует недооценивать трудностей. Так что если я могу вам помочь, можете на меня рассчитывать.

— Чтобы быть точным, господин де Сартин велел мне выбрать себе помощника. А если честно, я сам попросил у него дать мне кого-нибудь в помощь. И сказал, с кем бы мне хотелось работать. Назвал ваше имя. Но я еще очень молод и неопытен, и, если вы откажетесь, я не буду на вас в обиде.

Бурдо даже покраснел от волнения.

— Выбросьте ваши сомнения. Мы с вами не первый день знаем друг друга. Я наблюдаю за вами с того момента, когда вы пришли работать к нам и быстро проявили все ваши блестящие качества… Я польщен, что вы вспомнили именно обо мне, и рад, что стану работать у вас под началом.

Помолчав немного, Бурдо продолжил:

— Все это замечательно, но время не ждет. Я говорил с комиссаром Камюзо. Он не видел Лардена целых три недели. Начальник вам об этом сообщил?

Николя вспомнил намеки Сартина на некие секретные расследования и не ответил на вопрос инспектора.

— Я хотел бы посетить морг. Нельзя сказать, чтобы в описи я нашел что-то интересное, но пренебрегать нельзя ничем.

Бурдо открыл табакерку, протянул Николя, и тот щедро воспользовался ее содержимым. Все полицейские в Шатле быстро приобретали привычку перед спуском в мертвецкую нюхать табак, помогавший выдерживать царившее там зловоние. Николя уже довелось познакомиться с этим зловещим местом, сопровождая туда Лардена. Морг располагался в отвратительном подвале, темном и грязном, куда свет проникал через маленькое, наполовину заколоченное окно. От приходивших на опознание посетителей полуразложившиеся трупы отделяла решетка и деревянный барьер. Чтобы замедлить процессы гниения, тела, находившиеся в наиболее плачевном состоянии, густо посыпали солью. В этом неприглядном помещении устанавливали имена утопленников, выловленных в Сене, и найденных на улице покойников.

Время для посетителей еще не наступило, но в самом темном углу уже стоял в ожидании какой-то человек. Он внимательно разглядывал бренные останки, разложенные на каменных плитах пола; среди тел Николя с содроганием узнал те, описание которых он прочел в отчетах. Между холодными словами отчетов и неприглядной действительностью разница наблюдалась огромная. Потрясенный, Николя не обратил внимание на молчаливо стоявшего в тени посетителя. Неуместного свидетеля заметил Бурдо и, слегка толкнув Николя локтем, дабы привлечь его внимание, кивком указал на незнакомца в углу. Николя направился к неизвестному.

— Сударь, можно узнать, что вы здесь делаете и кто вам разрешил войти сюда?

Упираясь лбом в решетку, человек столь сосредоточенно созерцал трупы, что не заметил, как к нему подошли. А когда он обернулся, Николя чуть не вскрикнул от изумления:

— Это же доктор Семакгюс!

— Да, Николя, это я.

— А это инспектор Бурдо.

— Сударь… Однако позвольте, Николя, каким ветром вас сюда занесло? По-прежнему учитесь ремеслу?

— Разумеется, а вы?

— Вы помните моего слугу Сен-Луи? В пятницу он не вернулся домой. С тех пор о нем ни слуху ни духу, и я уже начал беспокоиться.

— С пятницы… Послушайте, доктор, подвал не слишком располагает к разговорам. Не хотите ли подняться наверх?

Они прошли через зал, где когда-то Николя ожидал своей первой аудиенции у Сартина. И хотя привратник давно уже почтительно его приветствовал, Николя с тоской вспоминал тот день, когда он, юный и застенчивый бретонец, робко вступил под своды Шатле. Понимая, что всем, что ему удалось достичь, он обязан своим воспитателям, он легко поддавался ностальгическим воспоминаниям и постоянно корил себя за эту слабость. Особенно теперь, когда ему следовало полностью посвятить себя выполнению ответственного задания, подобные воспоминания были явно неуместны. Дойдя до дежурной части, где постоянно дежурили караульные, Николя попросил Семакгюса подождать, а сам отвел Бурдо в сторону.

— Не правда ли, любопытное совпадение? — произнес он. — Впрочем, вы не знакомы с доктором, а потому вас, в отличие от меня, не удивляет совпадение столь похожих друг на друга событий.

Он немного помолчал, о чем-то задумавшись, а потом продолжил:

— Готье Семакгюс окончил медицинскую школу в Бресте, потом служил корабельным хирургом. Долго плавал на королевских судах, затем перешел на службу в Индийскую компанию. Несколько лет провел в нашей африканской фактории Сен-Луи в Сенегале. Человек ученый, большой оригинал и признанный анатом. Я познакомился с ним у Лардена, они приятельствуют, но я так и не смог понять, что их связывает…

Неожиданно у него возникла некая мысль, однако он решил оставить ее при себе.

— У него двое негров-рабов, но он обращается с ними прекрасно. Сен-Луи служит кучером, а его жена Ава — кухаркой. Живет он один, в собственном доме в Вожираре.

Тут его посетила еще одна идея, но, как и первую, он решил пока не высказывать ее.

— Предлагаю взять у него показания по всей форме.

Николя открыл дверь и пригласил Семакгюса войти. При ярком свете внушительная фигура доктора предстала во всей своей красе. Он был значительно выше Николя, хотя молодой человек отнюдь не выглядел низкорослым. Темный, военного покроя фрак с медными пуговицами, ослепительный белизны галстук и мягкие кожаные сапоги выгодно подчеркивали достоинства его фигуры; доктор опирался на резную трость с серебряным набалдашником, украшенную изображениями экзотических тварей. На массивном загорелом лице ярко сверкали темные глаза. Весь его облик выражал спокойствие и уверенность в себе. Семакгюс уселся перед маленьким столиком, где Бурдо, заточив перо, разложил свои бумаги. Николя остался стоять рядом.

— Мэтр Семакгюс, надеюсь, вы позволите допросить вас…

— Не поймите меня превратно, Николя, но с каких это пор и по какому праву…

Не дожидаясь, пока доктор выскажется до конца, инспектор Бурдо ответил:

— Господин Ле Флош получил чрезвычайные полномочия от господина де Сартина.

— Не знал, а посему простите мое удивление.

Николя сделал вид, что не расслышал его слов.

— Доктор, что вы можете нам сообщить?

— Да в сущности ничего… В пятницу друг пригласил меня на поздний ужин. Карнавал, сами понимаете. Мой слуга Сен-Луи, по необходимости исполняющий также обязанности кучера, отвез меня на улицу Фобур-Сент-Оноре. В три часа ночи я вышел из дома, но не нашел ни собственного кабриолета, ни кучера.

Перо скрипело по бумаге.

— И вот уже три дня, как я обхожу больницы, но все напрасно; отчаявшись, я отправился сюда, в мертвецкую, дабы убедиться…

— Но вы пришли, когда морг еще не открылся для посетителей, — заметил Николя.

Семакгюс не сумел скрыть раздражения:

— Вы прекрасно знаете, что я занимаюсь анатомическими исследованиями, и Ларден дал мне письмо, позволяющее в любой час входить в морг и исследовать находящиеся там тела.

Николя вспомнил, что Ларден действительно давал ему такую бумагу.

— Не могли бы вы сказать, что за друг пригласил вас в пятницу вечером? — спросил он.

— Комиссар Ларден.

Бурдо уже открыл рот, но повелительный взгляд Николя остановил готовые вырваться наружу слова.

— Куда он вас пригласил на ужин?

Пожав плечами, доктор с насмешкой произнес:

— В злачное место, прекрасно известное полиции. В веселый дом Полетты, именуемый «Коронованный дельфин» и расположенный на улице Фобур-Сент-Оноре. На первом этаже

ужинают, в подвале играют в фараон, а на остальных этажах номера с девочками. Настоящий карнавальный рай.

— Вы часто там бываете?

— А какое это имеет отношение к делу? Я не являюсь завсегдатаем такого рода заведений. Меня позвал Ларден, что, честно говоря, меня очень удивило. Потом я, конечно, вспомнил, что он большой охотник до кутежей с девочками, но обычно он никогда не приглашал меня принять в них участие.

— И вам понравилось?

— Ах, как вы еще молоды, Николя! Там превосходная еда, красивые девочки. При случае я не отказываю себе в плотских удовольствиях.

— В котором часу вы туда прибыли?

— В одиннадцать.

— А вышли?

— В три часа, я вам уже об этом говорил.

— Ларден вышел вместе с вами?

— Он убрался гораздо раньше. Оно и понятно, после скандала, который там произошел…

— Какой скандал?

— Понимаете, — улыбнулся доктор, — мы были в масках… Ларден много пил, мешал вино с шампанским. Незадолго до полуночи в зал вошел какой-то человек, и то ли он нечаянно толкнул Лардена, то ли Ларден его… В общем, Ларден сорвал с него маску, и я с изумлением узнал Декарта. Возможно, вы знаете, что он мой сосед, живет рядом со мной в Вожираре. Я познакомился с ним в доме у Лардена. Жена Лардена — его кузина. Кстати, это он помог мне найти дом, когда я вернулся из Африки. Неслыханно: Декарт у Полетты! А дальше началось подлинное безумие. Они набросились друг на друга. Ларден кипел от ярости. Кричал, что Декарт хочет увести у него жену. Декарт живо ретировался, а вскоре после него отбыл и Ларден.

— Один?

— Да. А я отправился наверх с девочкой. Но какое это может иметь отношение к исчезновению Сен-Луи?

— Имя этой девочки?

— Сатин.

— Декарт узнал вас?

— Нет, дело только шло к полуночи, так что я еще был в маске.

— А его узнали?

— Не думаю, он очень быстро вновь надел маску.

Допрашивая с пристрастием Семакгюса, Николя чувствовал себя не в своей тарелке: корабельный хирург всегда относился к нему с доброжелательным вниманием, и он испытывал к нему искреннюю симпатию.

— Должен предупредить вас об исчезновении еще одного человека, — произнес он. — В пятницу вечером пропал комиссар Ларден. Возможно, вы последний, кто его видел.

Ответ Семакгюса поверг Николя в замешательство:

— Это должно было случиться.

Перо Бурдо еще быстрее заскрипело по бумаге.

— Что вы хотите этим сказать?

— Что Ларден презирал человеческий род, а потому просто не мог не нарваться на неприятности.

— Но он ваш друг…

— Дружба не мешает трезво смотреть на вещи.

— Позвольте вам заметить, вы говорите о нем, как если бы его уже не было в живых…

Семакгюс сочувственно посмотрел на Николя.

— Похоже, господин полицейский, вы неплохо усвоили свое ремесло. По всему видно, ваше ученичество кончилось.

— Вы мне не ответили.

— Это всего лишь предположение. Меня гораздо больше заботит участь моего слуги, о котором вы, судя по всему, окончательно забыли.

— Сен-Луи — раб. А рабам свойственно пускаться в бега.

Карие глаза печально посмотрели на Николя.

— Подобные мысли, вполне уместные в голове любого другого юнца, не пристали вам, Николя. Сен-Луи свободный человек; я отпустил его на свободу. У него нет поводов для бегства. Тем более, его жена Ава по-прежнему работает у меня в доме.

— Вы дадите точное описание его примет господину Бурдо, и мы распорядимся начать поиски.

— Хотелось бы отыскать его, я к нему очень привязался.

— Еще один вопрос. В пятницу вечером Ларден, как всегда, вооружился своей неизменной тростью?

— Насколько я помню, нет, — ответил доктор.

Он снова взглянул на Николя, на этот раз с веселым любопытством.

— Вопросов больше нет, доктор, — завершил молодой человек. — Задержитесь еще ненадолго, чтобы Бурдо мог записать приметы Сен-Луи.

После ухода Семакгюса оба сыщика долго сидели молча, погруженные в свои мысли. Бурдо тихонько постукивал кончиками пальцев по крышке стола.

— Никто не смог бы лучше провести свой первый допрос, — задумчиво произнес он.

Николя сделал вид, что не расслышал его реплики, хотя она была ему чрезвычайно приятна.

— Я возвращаюсь на улицу Нев-Сент-Огюстен, — заявил он. — Надо немедленно сообщить обо всем господину де Сартину.

Бурдо отрицательно покачал головой.

— Не торопитесь, молодой человек, прежде всего надо пойти пообедать! После полудня начальника отыскать практически невозможно. А час обеда давно наступил. Так что я вас приглашаю. Тут неподалеку есть кабачок, где подают хорошее вино.

Пройдя вдоль сараев городской скотобойни, расположенной позади Шатле, они свернули в улочку под названием Пье-де-Беф. Николя постепенно свыкся с запахами и повадками обитателей этого квартала. Мясники забивали скот рядом со своими лавками, и кровь, растекаясь по улицам, сворачивалась под ногами прохожих. Тяжелее всего было привыкнуть к миазмам, исходившим из чанов, где вытапливали животный жир. Нечувствительный к мерзкому запаху, Бурдо перепрыгивал через заполненные отвратительной жижей выбоины. Николя, только что вернувшийся из Бретани и еще ощущавший у себя на коже прикосновение соленых грозовых ветров, прижимал к лицу платок, чем изрядно веселил своего спутника.

Подвальчик оказался вполне уютным. Среди посетителей преобладали мелкие служащие и письмоводители из нотариальных контор. Хозяин, земляк Бурдо, был родом из деревни неподалеку от Шинона, и вино у него тоже происходило из тех краев. Они уселись за стол, и

им быстро принесли рагу из курицы, хлеб, несколько сортов козьего сыра и графинчик вина. Несмотря на неаппетитную прогулку, Николя оценил принесенные блюда и с удовольствием набросился на еду. За столом разработали план предстоящей кампании: предупредить Сартина, провести дознание в Вожираре и на улице Фобур-Сент-Оноре, допросить Декарта и Полетту и продолжить чтение полицейских донесений.

Они расстались, когда стрелки часов подбирались к пяти вечера. Николя не застал Сартина: начальника вызвал король, и он уехал в Версаль. Тогда молодой человек решил навестить отца Грегуара, однако монастырь кармелитов находился далеко, а на улице начинало темнеть. И он благоразумно отправился домой, на улицу Блан-Манто.

В его отсутствие в доме явно случился переполох. Едва переступив порог, он услышал громкие голоса, доносившиеся на этот раз из гостиной госпожи Ларден.

— Он все разнюхал, Луиза, — говорил мужской голос.

— Я знаю, он устроил мне безобразную сцену. Но в конце концов, Анри, объясните мне, если можете, что привело вас в тот дом?

— Это была ловушка. Я не могу вам ничего сказать… Подождите. Не кажется ли вам, что нас подслушивают?

Собеседники умолкли. Тут кто-то одной рукой зажал Николя рот, а другой обхватил его за талию, потащил в темноту и втолкнул в кухню. Он ничего не видел, только слышал чье-то прерывистое дыхание. Наконец его отпустили. Он ощутил дуновение ветерка и знакомый запах духов, затем послышались удалявшиеся шаги, и он остался один в темноте. Он стоял, не шелохнувшись, прислушиваясь к каждому шороху. Через некоторое время он услышал, как входная дверь захлопнулась, а Луиза Ларден поднялась на второй этаж в свои апартаменты. Он подождал еще немного, а потом пошел к себе в мансарду.

IV
НАХОДКИ

Чем больше просвещения, тем меньше света.

Принц де Линь

Вторник, 6 февраля 1761 года.

Проснувшись, Николя попытался вспомнить во всех подробностях вчерашнюю сцену, невольным свидетелем которой он стал по возвращении на улицу Блан-Манто. Окутавший его легкий аромат могли издавать только духи Мари Ларден. Если бы его спасительницей была кухарка Катрина, он бы мгновенно узнал ее по разнообразным вкусным запахам, исходившим от ее платья. Но почему Мари так поступила? Несомненно, она хотела защитить его, вот только от кого? Он был уверен, что узнал голоса Декарта и жены Лардена, однако в речах их не содержалось ничего таинственного. Тем не менее услышанное позволяло сделать сразу несколько выводов. Между Декартом и Луизой Ларден существовали особые отношения. Он рассказал ей о происшествии в «Коронованном дельфине», и она возмутилась, что он посещает веселые дома. Но тогда почему он сказал про ловушку? Может, таким образом он хотел снять с себя вину?

Но, принимая во внимание довольно неуклюжую попытку защитить его от неведомого врага, подслушанный диалог приобретал для Николя особое значение. Сам факт, что кто-то — скорее всего, Мари Ларден — решил, что если участники разговора обнаружат его присутствие, то для него это плохо кончится, внушал тревогу. Придется сделать вид, что ничего не произошло, и в разговорах с членами семьи комиссара не проявлять никакого любопытства. Все они и без того достаточно быстро узнают, если уже не узнали, что он назначен Сартином главным следователем по делу об исчезновении хозяина дома.

Поглощенный размышлениями о вчерашних событиях, Николя в первый раз после возвращения из Геранда незаметно для себя стал тихонько напевать арию из «Дардануса» Рамо. Значит, жизнь брала свое. Ему захотелось поскорее встать и приступить к работе. Он не собирался делать карьеру полицейского. Но его отправили в Париж, передали в распоряжение Сартина, и все получилось само собой. Теперь эта работа и связанные с ней удачи и разочарования, сюрпризы и подвохи стали для него новым источником энергии, пробудив дремавший в нем азарт. После допроса Семакгюса у него в душе остался горький осадок, однако он твердо решил докопаться до истины. А так как для этого ему явно придется допрашивать всех членов семейства комиссара, его стал мучить вопрос, должен ли он по-прежнему жить в доме Ларденов.

Наскоро умывшись ледяной водой, он прислушался и обнаружил, что в доме стоит гробовая тишина. Квартал Сент-Авуа всегда славился своей тишиной, но сейчас ему казалось, будто кто-то накинул на дом огромное ватное одеяло. Выглянув в окно, он тотчас понял, отчего кругом так тихо: золотистые лучи восходящего солнца озаряли укутанный снежным покровом сад. Часы, завещанные каноником, пробили половину седьмого. Когда Николя спустился, на кухне никого не было, но на краю плиты его, как обычно, ждал котелок с супом, а на столе лежал свежий хлеб. По вторникам, подхватив две огромные плетеные корзины, корпулентная кухарка с раннего утра спешила на рынок Сен-Жан. На рассвете шаланды, идущие с низовьев Сены, доставляли туда только что выловленную рыбу, и если подсуетиться, ее можно было купить еще живой. Поэтому Катрина торопилась запастись свежей рыбкой, точно зная, что ближе к полудню отличить рыбу, уснувшую сегодня, от вчерашней станет невозможно. А в живорыбных садках с морской водой перевозили только особенно деликатные породы рыб.

Он уже собирался выходить, как его неожиданно позвала Луиза Ларден. Она сидела за рабочим столом в полутемной библиотеке и что-то писала. Единственная свеча, догоревшая почти до основания, освещала ее усталое лицо, не скрытое, как обычно, под слоем пудры.

— Доброе утро, Николя. Я не смогла заснуть и решила пораньше спуститься вниз. Гийома нет по-прежнему. Вчера вечером я не слышала, как вы вернулись. Вы не помните, в котором часу вы вошли в дом?

Вопрос был задан прямо и требовал такого же прямого ответа. Подобный интерес она проявляла впервые.

— Значительно позже восьми, — солгал Николя.

Она недоверчиво посмотрела на него, и он заметил, что без прически и без грима она выглядит значительно старше. Лицо ее, с плотно сжатыми губами вместо привычной улыбки, приобрело жесткое выражение.

— Куда мог деться мой супруг? — спросила она. — Вы видели вчера Бурдо? Он мне ничего не сказал.

— Не волнуйтесь, сударыня, поиски продолжаются.

— Николя, вы не должны ничего от меня скрывать.

Вернув на лицо прежнюю улыбку, она встала. Позабыв, что на ней надето всего лишь домашнее утреннее платье, она вновь вернулась к роли обольстительницы. Глядя на нее, он неожиданно вспомнил о колдунье Цирцее, и его долго сдерживаемое воображение вырвалось на волю. Сначала, подобно сыну Сатурна Пику, он превратился в зеленого дятла, а затем, следуя по стопам спутников Улисса, в свинью. Суп, приготовленный Катриной, оказался не способным защитить его от козней коварной Цирцеи — Луизы. Предаваясь фантазиям на мифологические сюжеты, некогда прилежно выученные в коллеже, он незаметно для себя рассмеялся.

— Вам смешно? — удивилась Луиза Ларден.

Николя мигом вернулся на землю.

— Что вы, сударыня, нисколько. Простите, но мне пора идти.

— Идите, сударь, идите, никто вас не удерживает. Быть может, вы вернетесь с хорошими новостями. Но чем больше я на вас смотрю, тем больше убеждаюсь, что на вас нельзя положиться.

Он уже открыл дверь, когда она вновь позвала его…

— Простите меня, Николя, — произнесла она, протягивая ему руку, — я не хотела вас обидеть. Я места себе не нахожу от беспокойства. Ведь мы же друзья, не так ли?

— Я ваш слуга, сударыня.

Двуличие этой женщины возбуждало в нем любопытство, тем не менее он поспешил попрощаться с ней. Он никак не мог понять, какого рода чувства она ему внушала.

Снегопад прекратился, мороз усилился, день обещал быть солнечным. Прибыв в Главное полицейское управление, на лестнице Николя столкнулся с Сартином. Начальник торопился, и Николя пришлось давать отчет о первых результатах расследования прямо на ступеньках. Молодой человек надеялся заслужить похвалу, однако мечты не сбылись, и пришлось довольствоваться неудобоваримым ворчанием.

И все же Николя, собравшийся отправиться в Вожирар и на месте допросить доктора Декарта, отважился попросить разрешения взять лошадь в служебной конюшне.

В ответ Сартин, смотревшийся в новом пунцовом фраке особенно импозантно, недовольным тоном заявил, что, получив чрезвычайные полномочия, Николя должен употреблять их для пользы дела, а не утомлять мелкими просьбами начальника, уже начинающего сожалеть о том, что он ему эти полномочия дал. Так что ежели господину следователю требуется лошадь, стадо ослов или мулов, пусть он берет всех и сразу, лишь бы королевская служба не страдала из-за какого-то осла.

Уязвленный, Николя отправился искать Бурдо. Рассказав о полученном им уроке, он тотчас пожалел об этом, посчитав свой поступок за слабость. Выслушав Николя, инспектор добродушно усмехнулся и стал убеждать его не придавать значения случившемуся, ибо, в сущности, ничего не произошло, если, конечно, не считать ущерба, нанесенного самолюбию. Молодой человек покраснел, но согласился.

Бурдо напомнил ему, что у Сартина на руках сотни дел, среди которых исчезновение Лардена, несомненно, не самое важное. Услугами начальника полиции пользуются министры, и среди них могущественный министр королевского дома граф Сен-Флорантен, о котором говорят, что он держит в своем портфеле весь Париж. Король принимает Сартина у себя в апартаментах и лично отдает ему распоряжения. Разумеется, столь деликатная ситуация требует постоянного контроля. Так что резкая смена настроений Сартина вполне оправдана, как, впрочем, и неуемная страсть к парикам. А если посмотреть со стороны, то все они являются всего лишь крохотными винтиками огромной полицейской машины. Так что пусть Николя запомнит полученный урок, а дальше ноги в руки, и за дело.

Все еще огорченный, молодой человек признал выводы Бурдо справедливыми и, возблагодарив про себя небо за то, что оно послало ему товарища, не стеснявшегося говорить правду, приступил к работе. Поручив Бурдо прочесть последние донесения, он отправился в конюшню, где не нашлось ни ослов, ни мулов, и пришлось брать лошадь. Вскочив на коня, он отправился в Вожирар.

Проехав по Королевскому мосту, Николя выехал на эспланаду Инвалидов и остановился, пораженный редкостной красоты зрелищем. По небу, гонимые ветром, плыли тяжелые

грозовые облака. В просветы между облаками врывались ослепительно яркие лучи солнца. И светом, и тьмой управлял невидимый балетмейстер — ветер. Повинуясь его воле, чернота неба то озарялась молниями, то вспыхивала раскаленными бликами дневного светила. Клубились тучи, черные в середине и золотистые по краям.

На фоне небесного занавеса, в самом его центре, вознесся ввысь величественный купол собора Святого Людовика. Вокруг его сверкавшей золотом крыши плясали сполохи, свиваясь в объятиях с тенями; казалось, купол поворачивается вокруг своей каменной оси. Мокрые от растаявшего снега, шиферные крыши домов, окружавших собор, сливались с грозовым небом и темными стенами собора, отчего блестящий купол словно парил на фоне туч, бежавших наперегонки с солнечными лучами. Остатки снега, скучившиеся вокруг мансард и каминных труб, время от времени падали вниз и, задевая за выступы и карнизы, повисали на стенах белыми завитками. Неисправимый мечтатель, Николя стоял и любовался буйством небесного океана, переливавшегося всеми оттенками серых, черных, белых, золотых и синих тонов. Богатство красок, щедро разлитых природой, заворожило его, сердце его забилось от счастья. Он с удивлением почувствовал, что любит Париж, подаривший ему эту красоту. И впервые понял глубинный смысл строки из Писания: «Да будет свет».

Ветер, хлестнув его по щеке, прогнал мечтательное настроение, и Николя вновь охватил глухой страх перед встречей с Декартом. Зажав в руке шляпу, чтобы она не улетела, он выпрямился и, пустив лошадь в галоп, подставил лицо ледяному ветру, упиваясь обрушившейся на него свежестью. Его волосы, ничем не сдерживаемые, развевались по ветру, подобно темной гриве его коня, и издалека могло показаться, что по эспланаде мчится кентавр, скрывший свой могучий торс под темной тканью одежд. Глухой, неровный стук копыт по снегу, доносившийся из туманного облака, окутавшего всадника, вполне позволял принять Николя за привидение. Миновав заставу Вожирар, молодой человек направился к Медонским холмам. По обеим сторонам дороги на пригорках высились мельницы, напоминавшие стеклянные караульные башни. С покрытых кружевным инеем крыльев свисали тонкие хрустальные копья. Со всех сторон его окружало царство шелковой хрупкой белизны. Опьяненный быстрой ездой, потрясенный красочным зрелищем соперничества света и тьмы, Николя почувствовал усталость и, сам того не желая, впал в дремотное состояние; мир, только что переливавшийся всеми своими красками, вновь стал унылым и бесцветным.

Потянулись виноградники; ровные ряды застывших на морозе лоз напоминали окаменевших солдат неведомой армии. Следом замаячили вросшие в землю лачуги, потом появились дома получше. Ему казалось, что от столицы его отделяет не меньше сотни лье. В местечке под названием Круа Нивер он остановился на перекрестке, соображая, в каком направлении двигаться дальше. По просьбе Лардена он однажды ездил к Декарту с письмом от комиссара. Хозяин дома встретил его на пороге и не удостоил ни словом.

После длительных усилий Николя вспомнил, в какой стороне находится нужный ему дом. Подъехав к приземистому зданию, окруженному высокой каменной оградой, утыканной поверху бутылочными стеклами, для вящей прочности залитыми раствором, он услышал громкий лай. От неожиданности конь резко шарахнулся в сторону. Будь на месте Николя менее опытный всадник, он бы непременно вылетел из седла. Успокаивая напуганное животное, бретонец потрепал коня по холке и что-то пошептал ему на ухо.

Спрыгнув на землю, Николя собрался с духом и дернул за ручку; в ответ где-то в глубине раздался звон колокольчика. Собака вновь залилась лаем. Но никто не появился. Заметив, что калитка приоткрыта, Николя вошел в сад и двинулся по обсаженной самшитом аллее. Подойдя к дому, он с удивлением обнаружил, что, хотя ставни и закрыты, дверь не заперта.

Приоткрыв дверь, он увидел небольшую внутреннюю терраску, служившую одновременно верхней площадкой каменной лестницы, спускавшейся вниз двумя равными витками. Как только он вошел, в нос ему ударил странный запах, соединивший в себе затхлые ароматы плесени, мокрого сукна, остывшего ладана и потухшей свечи; над этими флюидами доминировал сладковатый душок с кислым металлическим привкусом, источник которого Николя определить не сумел.

Подойдя к лестнице, молодой человек заглянул вниз и увидел комнату с выложенным плитками полом, двумя окнами, скрытыми тяжелыми шторами, и камином, сделанным прямо напротив лестницы. Высокий потолок пересекали почерневшие от времени балки. Стены сплошь уставлены деревянными стеллажами. Над камином висело большое распятие из черного дерева, изображавшее Христа, устремившего ввысь молитвенно сложенные руки.[6] Оно сразу привлекло внимание Николя: он вспомнил, как его опекун каноник, обнаружив у прихожанина подобное распятие, требовал от него если не свидетельство об исповеди, то, по крайней мере, уверенное и подробное изложение своих религиозных убеждений. Отведя взгляд от распятия, он, наконец, разглядел в дальнем углу комнаты Декарта. В большом фартуке, полностью защищавшем его одежду, лекарь делал кровопускание пожилой женщине. Правая рука женщины с наложенными лубками висела на широкой повязке; скорее всего, она была сломана. В металлическом тазу мрачно поблескивало пурпурное озеро, свидетельствовавшее, что пациентка потеряла уже немало крови. Об этом говорило и воскового цвета лицо женщины, безжизненно откинувшейся на спинку стула. Наклонившись к больной, Декарт смачивал ей виски уксусом. Николя кашлянул. Лекарь обернулся.

— Вы что, не видите, что я работаю? — злобно воскликнул он. — Убирайтесь.

Женщина пришла в себя и глухо застонала, отвлекая внимание врача от незваного гостя.

— Сударь, — произнес Николя, — когда вы завершите прием, я бы хотел побеседовать с вами. Проще говоря, допросить вас.

Он уже заметил, что не может сразу найти нужные слова, предпочитая топтаться, словно лошадь перед препятствием, и в очередной раз отругал себя за медлительность.

— Допросить меня? — возопил доктор. — Меня допросить? Какой-то лакей вознамерился меня допрашивать? Выйдите вон, и живо!

Николя побледнел и в несколько прыжков преодолел лестницу. Спустившись, он так резко встал перед Декартом, что тот в испуге отшатнулся, и лицо его перекосилось.

— Сударь, — произнес Николя, — я попросил бы впредь не оскорблять меня, оскорбления могут выйти вам боком. И не уйду, пока вы не выслушаете меня.

Перепуганная пациентка смотрела то на лекаря, то на неизвестно откуда взявшегося субъекта,

— Предупреждаю вас, я спущу собаку, и тогда вам точно придется уйти, — рявкнул Декарт.

Он помог пациентке подняться с кресла и, поддерживая ее за здоровую руку, проводил к двери.

— Сударыня, отправляйтесь домой. Вам требуются покой и строгая диета. Завтра я навещу вас. Но будьте готовы, мне еще не раз придется пустить вам кровь, чтобы изгнать болезнетворные частицы. До свидания.

Пока Декарт провожал больную, на площадку бесшумно ступил человек и остался стоять, наблюдая за разыгрывавшимся у него на глазах спектаклем.

— О, мой выдающийся собрат, если все пациенты станут исполнять ваши предписания, у вас скоро не останется ни одного живого больного, — наконец, не выдержав, произнес вновь прибывший.

Николя тотчас узнал голос Семакгюса.

— Ну вот, не хватало только, чтобы еще этот черт сюда явился! — воскликнул Декарт, выталкивая женщину из комнаты.

Семакгюс спустился в зал и, приветственно подмигнув Николя, направился к Декарту.

— Дорогой собрат, мне надо с вами поговорить.

— И вы туда же! Однако вы себе льстите! Собрат! Не рядитесь в чужие одежды, господин костоправ[7]! А то мое терпение лопнет, и я добьюсь, чтобы вам запретили практиковать. Только выскочка без медицинского диплома может отрицать благотворное действие кровопускания и целиком уповать на природу!

— Оставьте в покое мой диплом, он ничуть не хуже вашего. А в наш просвещенный век вы с вашим кровопусканием похожи на увядший плод устаревших учений.

— Устаревшие учения! Он оскорбляет Гиппократа и Галена! «Наставления мудреца являются источником жизни».

Семакгюс взял стул и сел на него верхом. Николя сообразил, что в такой позе ему легче сдерживать свойственную его буйному темпераменту вспыльчивость. Он давно подметил, что сидя человек медленнее поддается гневу, чем стоя.

— Наставления, которыми вы пользуетесь, становятся источником смерти. Разве вы не понимаете, что кровопускание, полезное в случае полнокровия, вредит в большинстве иных случаев? Как вы собираетесь вылечить перелом у этой несчастной женщины, если вы постоянно лишаете ее сил? Более того, вы мучаете ее голодом, в то время как ей следовало бы прописать плотную еду и бургундское вино. При правильном питании ее рука давно бы уже зажила.

— Он богохульствует, издевается над отцами медицины! — взвизгнул Декарт. — «Отвергни от себя лживость уст и лукавство языка удали от себя»[8]. Если бы в ваших более чем посредственных рассуждениях содержалась хотя бы капля ума, вы бы знали, что, согласно учению Баталли[9], «кровь в человеческом теле подобна воде в добром источнике: чем больше ее извлекаешь, тем больше ее прибывает». Чем меньше крови останется, тем больше ее прибудет. Пуская кровь, мы извлекаем вредные гуморы, едкие и кислые вещества, избавляемся от вязкости, исцеляем от лихорадки. Чем чаще нам пускают кровь, тем мы здоровее, несчастный невежда!

Между тонких губ Декарта проступила пена. В пылу полемики он схватил ланцет и принялся чертить узоры на зеркальной поверхности кровавого пруда, забултыхавшегося в железном тазу.

— Прекратим этот спор, сударь, вы взяли плохой пример. Бедняга Патен[10] семь раз требовал, чтобы ему пустили кровь, и на седьмой скончался. Прислушиваться к классикам, конечно, прекрасно, но я предпочитаю полагаться на нашего друга, королевского врача Сенака. Надеюсь, вы его знаете? Чтобы отвести избыток крови от головы, ваши классики пускают кровь из пятки. Вы невежда, невежа, мошенник, и я хочу спросить вас прямо…

Николя решил прервать диалог, подробности которого от него явно ускользали, хотя он смутно подозревал, что Семакгюс выступает в нем с позиций здравого смысла. Впрочем, он судил не беспристрастно, ибо руководствовался скорее своими симпатиями, нежели знаниями. Провокационный характер заявлений Семакгюса и его активное стремление разозлить Декарта пробуждали в Николя некоторые сомнения.

— Довольно, господа, — бросил он, — вы продолжите ваш диспут в другое время. Господин Декарт, я прибыл по поручению начальника полиции де Сартина, уполномочившего

меня вести следствие по делу об исчезновении комиссара Гийома Лардена. Нам известно, что вы один из тех, кто видел комиссара накануне его исчезновения.

Декарт подошел к камину и поворошил угли; головешки затрещали и вспыхнули ярким пламенем.

— Чего только ни случается в этом мире, исполненном нечестия, — вздохнул он. — Сей юноша…

— Я жду ответа, сударь.

— Действительно, десять дней назад я обедал в доме у супругов Ларден.

Семакгюс уже открыл рот, но Николя сдержал его порыв, положив ему руку на плечо. Внутри у него все кипело.

— Значит, с тех пор вы его больше не видели?

— Я же ответил вам. «Вы — свидетели Мои, говорит Господь»[11].

— Значит, с тех пор вы больше не встречали Лардена?

— Нет, не встречал. К чему такая настойчивость?

Семакгюс все же решил выступить, однако заданный им вопрос оказался совершенно иным, чем тот, которого так боялся Николя.

— Декарт, что вы сделали с Сен-Луи?

— Ничего, ваш негр меня не интересует. Он оскверняет землю Господню.

— Мне сообщили… — начал Николя.

И снова ответ Декарта удивил его:

— Что я стрелял в него на праздник Святого Иоанна? Этот чертов негр воровал вишни у меня в саду. И получил по заслугам: я выстрелил в него крупной солью.

— Я два часа извлекал из него крупинки вашей соли! — возмущенно возопил Семакгюс. — Мой слуга ничего у вас не воровал, он просто проходил мимо вашего дома. А теперь он исчез. Что вы с ним сделали?

Николя с интересом наблюдал, какой оборот примет разгоравшаяся ссора. Когда кремень ударяется о кремень, возникает искра. Пусть себе ругаются, думал Николя, возможно, из их столкновения забьет ключ истины.

— Объясните лучше этому юноше, что вы вытворяете с самкой этого раба! — язвительно усмехнулся Декарт. — «Их лицо чернее сажи». Всем известно, в какой мерзости барахтаетесь вы с этой самкой. Ревнивый дикарь пригрозил вам, и вы его убили! А концы спрятали в воду!

Семакгюс вскочил, но Николя быстро схватил его за плечи и силой заставил сесть. Семакгюс нехотя повиновался.

— Похоже, господин златоуст, ваша набожность прекрасно уживается с клеветой. Но помните, я ни на минуту не оставлю вас в покое, пока не найду своего слугу. Кстати, считаю нужным сообщить вам, что никакой он не раб, а такой же человек, как я, как господин Ле Флош и, быть может, даже как вы, господин кровопускатель.

Декарт судорожно сжимал ланцет, ни на минуту не выпуская из рук. Все трое молчали, пока, наконец, Николя холодным и уверенным тоном, изумившим обоих лекарей, не положил конец затянувшемуся спектаклю.

— Доктор Декарт, я вас выслушал и довожу до вашего сведения, что показания ваши будут проверены. Через некоторое время вас вызовут к судье, дабы тот допросил вас по делу об исчезновении комиссара Лардена, а также задал интересующие его вопросы об исчезновении Сен-Луи. Сударь, я к вашим услугам.

Николя уходил, уводя с собой Семакгюса, а вслед им летела очередная сентенция, изреченная Декартом:

— «От всех врагов моих я сделался поношением даже у соседей моих и страшилищем для знакомых моих»[12].

Холодный воздух освежил непрошеных гостей Декарта. Обычно смуглое лицо Семакгюса сейчас напоминало красный кирпич; на виске лихорадочно билась тоненькая синяя жилка.

— Николя, я не убивал Сен-Луи. Надеюсь, вы мне верите?

— Верю. Но я также хотел бы верить и вашим рассказам о Лардене. Вы занесены в список подозреваемых, и, полагаю, понимаете, почему.

— Вы говорите так, словно Ларден уже мертв.

— Я этого не говорил.

— Почему вы помешали мне напомнить Декарту о том вечере у Полетты?

— Вы сами мне сказали: вряд ли его кто-нибудь успел опознать. Получается, ваше слово против его слова. Я жду, когда появятся свидетели, способные подтвердить ваше заявление. Но, если оставить в стороне ваши медицинские разногласия, скажите, почему он вас так ненавидит?

— Это не просто досужие споры, Николя. В основе их лежит давнее соперничество между врачами и хирургами. У меня лечатся несколько несчастных, а он считает, что я забрался на его территорию и переманиваю у него больных…

— Но вы же были друзьями?

— Знакомыми, не более того. Нас познакомил Ларден.

— Скажите, между вами и Луизой Ларден ничего нет?

Семакгюс запрокинул голову и устремил взор в ослепительно голубое небо. Поморгав, он перевел взор на напряженное лицо Николя, вздохнул, обнял молодого человека за плечи и тихо проговорил:

— Николя, мне приходится вновь напоминать вам, что вы еще очень молоды. Честно говоря, Луиза Ларден очень опасная женщина, и боюсь, вам не следует ей доверять.

— Это ответ на вопрос?

— Вот вам ответ: да, однажды я уступил ей.

— Ларден об этом знал?

— Не знаю, но нас застал Декарт.

— Это случилось давно?

— Почти год назад.

— Почему Декарт ничего не сказал?

— Потому что он находится в таком же положении. Если он начнет меня обвинять, обвинение может обернуться против него самого.

— А кто-нибудь видел Декарта с госпожой Ларден?

— Спросите Катрину, она все знает. А если знает Катрина, значит, знает и Мари, кухарка от нее ничего не скрывает.

Николя удовлетворенно улыбнулся и протянул Семакгюсу руку.

— Надеюсь, мы все еще друзья?

— Конечно, Николя. Мне как никому хочется, чтобы вы распутали это дело. И не забудьте, ради Бога, о бедняге Сен-Луи.

Отягощенный полученными сведениями и довольный вновь обретенной дружбой Семакгюса, Николя вернулся на улицу Нев-Сент-Огюстен. Он со злорадством подумал, что,

пожалуй, господин де Сартин пока обойдется без доклада. Он явится к нему, когда сможет предъявить более существенные результаты своей работы. После их последней встречи он все еще держал обиду на Сартина.

Бурдо ждал его. Лицо инспектора выражало живейшее стремление поделиться своими достижениями. Среди отчетов городской стражи он нашел любопытное сообщение. В субботу 3 февраля, около шести часов утра, патруль, обходивший городские заставы, задержал некую Эмилию, торговку супом, и отвел ее в комиссариат квартала Тампль, где ее допросили. История, которую она рассказала, показалась столь невероятной, что ей не поверили, а показания записали исключительно для проформы. Старуху отпустили. Бурдо решил еще раз допросить ее. Шикарная куртизанка в юности, с возрастом Эмилия стала терять клиентуру; она опускалась все ниже и ниже, пока не оказалась на самом дне. Полиция не раз забирала ее за мелкие прегрешения, а потому найти ее труда не составляло. Бурдо прыгнул в карету, поехал за Эмилией, привез ее в Шатле, допросил и решил пока подержать ее за решеткой. Протокол допроса он протянул Николя.

«Вторник, 6 февраля 1761 года.

К нам, Пьеру Бурдо, полицейскому инспектору Шатле, была доставлена на допрос Жанна Юпен по прозвищу „старуха Эмилия", торговка супом и штопальщица, берущая работу на дом и проживающая в меблированных комнатах на улице Фобур-дю-Тампль.

Когда ее спросили, правильно ли записаны сообщенные ею сведения, она ответила: „Увы, о Господи, как низко я пала, а все оттого, что много грешила".

Ее спросили, правда ли, что она ходила на живодерню, что находится на Монфоконе, дабы в нарушение закона и под покровом ночи украсть кусок гнилого мяса, кое и было при ней найдено.

Она ответила, что она, действительно, отправилась на Монфокон поискать там чего-нибудь съедобного.

Ее спросили, не намеревалась ли она сварить из этого мяса суп, которым она торгует.

Она ответила, что намеревалась употребить это мясо для собственного пропитания и что так поступать заставляют ее нужда и голод.

Она готова и хочет сделать признание, при условии, что оно ей зачтется, хотя, конечно, оправдываться ей не в чем, но она, как добрая христианка, хочет облегчить свою совесть.

Она признает, что когда большим ножом отрезала кусок от туши дохлого животного, она услышала конское ржание и увидела, как к месту, где она сидела, приближаются двое мужчин. Испугавшись, она решила, что это патруль, который время от времени совершает обход в этих местах, и она в страхе спряталась, чтобы они ее не заметили. И тут она увидела, как эти двое при свете факела опорожнили две бочки, в которых, как ей показалось, находились окровавленные куски мяса, а также одежда. Еще она сказала, что слышала какой-то треск, а потом эти двое что-то подожгли.

Ее спросили, видела ли она, что эти люди подожгли.

Она ответила, что перепугалась насмерть и потеряла сознание. Очнулась она от холода и сразу бросилась бежать, не стала ничего рассматривать. Потому что к тому времени туда сбежалась большая стая бродячих собак, и она боялась, что собаки на нее набросятся. А когда она возвращалась через заставу в город, ее арестовал караул и доставил ее в участок».

Бурдо решил немедленно отправиться на Монфокон и посмотреть, что там такое выбросили. А чтобы убедиться в точности и правдивости рассказа старухи Эмилии, он предложил взять ее с собой. Если ее слова подтвердятся, значит, в ту ночь, когда исчез

Ларден, где-то разыгралась кровавая драма. Под покровом ночи в столице вершится множество нехороших дел, заметил Николя, и пока нет оснований полагать, что между их поисками и темными делишками на Монфоконе имеется какая-то связь. Однако поехать с Бурдо согласился.

Щедрый по натуре своей, Николя крайне бережно относился к деньгам, врученным ему Сартином, тратил их экономно, а потому долго раздумывал, прежде чем нанять извозчика. Когда из камеры в Шатле привели старуху Эмилию, они не стали говорить ей, куда они ее повезут. Николя считал, что, промучившись неизвестностью, бедная женщина, оказавшись на месте происшествия, растеряется и расскажет им все, что, возможно, утаила на допросе. Бывшая придворная куртизанка села рядом с Бурдо, а Николя, устроившись напротив, принялся исподволь ее разглядывать. Ему еще не доводилось сталкиваться с подобным персонажем. Ничтожный осколок некогда роскошного сосуда являл собой жалкое зрелище. Одежда старухи состояла из всевозможных отрепьев, надетых друг на друга. Вероятно, увядшая красавица опасалась, что их украдут, а может, просто спасалась в них от холода. Кое-где сквозь прорехи виднелись остатки былой роскоши: кусочки дорогих тканей, пожелтевшие кружева, вышивки из стразов, золоченое и серебряное шитье. Многослойное тряпье сверху прикрывала широкая тряпка, отдаленно напоминавшая плащ; когда-то это был кусок прекрасного брабантского сукна, но сейчас он походил на свалявшееся одеяло. Слои лохмотьев, словно страницы в книге, позволяли прочесть всю историю этого обломка, оставшегося после крушения корабля человеческой жизни. Из-под бесформенного чепца, подвязанного лентой, выглядывало узкое отечное лицо, на котором, словно две мыши, беспокойно метались серые глаза, жирно подведенные иссиня-черными линиями, напомнившими Николя усы, которые в детстве подрисовывают углем. Изуродованный, никогда не закрывавшийся рот демонстрировал обломки зубов, между которыми трепетал на удивление розовый кончик языка.

Пристальный взгляд Николя заинтриговал Эмилию, и она по старой привычке одарила его таким призывным взором, что он покраснел до корней волос, А сообразив, что сей взгляд означает, пришел в ужас. Убедившись, что для завоевания расположения сыщика она избрала неверный путь, старуха Эмилия вновь приняла смиренный вид. Затем, покопавшись в бесформенном мешке из зеленого шелка, бывшем в лучшие дни дамской сумочкой, она разложила на коленях свои немногочисленные сокровища: краюху черного хлеба, сломанный веер, расшитый стеклярусом, несколько су, ножичек с костяной ручкой, латунную коробочку с помадой и осколок зеркала. Подцепив грязным пальцем немного помады, она поднесла к лицу треугольник зеркала и принялась румянить щеки. Прихорашиваясь, старуха менялась на глазах. К ней возвращались не только прежние привычки, но и тот волнующий облик женщины, милостей которой когда-то домогались герцоги и графы. Отведя назад голову, она повела глазами, желая оценить плоды своих усилий, пощипала губы и попыталась разгладить морщины на лбу. И вместо сидевшей напротив несчастной старухи Николя вдруг увидел перед собой очаровательную фигурку кокетливой девушки, той самой, которая сорок лет назад проводила вечера в обществе регента. Растроганный Николя отвел взгляд.

Как только они выехали за пределы города, Эмилия пристально уставилась в прозрачное окошко. Внезапно она съежилась, забилась в угол, и ее испуганный молящий взгляд заметался от одного сыщика к другому. Николя понял, что она узнала дорогу, и немедленно пожалел, что не задвинул кожаные шторки. И решил впредь быть более внимательным к мелочам.

Ибо, как он уже успел убедиться, именно мелочи зачастую становились решающими в раскрытии преступления. Неписаные правила ремесла с каждым днем все глубже врезались ему в память. Шаг за шагом совершенствуя свое мастерство, он привносил в процесс расследования присущие ему чувствительность, наблюдательность, богатство воображения и безошибочную интуицию. Постоянно сомневаясь и многократно проверяя все свои выводы, он привыкал доверять собственному чутью, учился у самого себя, порицал себя и одобрял. И

навсегда усвоил, что только опыт в сочетании с гибкими методами ведения расследования позволяют ближе всего подойти к истине.

Карета остановилась, и ее тотчас окружили любопытные поденщики, трудившиеся на живодерне. Бурдо вступил с ними в переговоры — он хотел нанять провожатых. Выскочив из кареты и оглядевшись, Николя заметил одинокого всадника. Он остановился на ближайшем холме под ветвями раскидистого дуба, пристанища стаи ворон, и, похоже, наблюдал за ними. Присутствие непрошеного свидетеля удивило его, но он не придал этому значения и пошел помочь старухе выбраться из кареты. Ладони Эмилии вмиг стали горячими и потными; по-прежнему пребывая во власти всепоглощающего ужаса, она едва держалась на ногах.

— Господи, да не могу я… — начала она.

— Мужайтесь, сударыня, идемте. С нами вам нечего бояться. Покажите нам то место, где вы прятались.

— Тут столько снега, храбрый господин, что я ничего не узнаю.

Несмотря на безоблачное небо, за городом холод ощущался гораздо сильнее, чем в Париже. Снег скрипел под ногами. Они шли вслепую, пока, наконец, не наткнулись на бесформенные холмики, откуда торчали побеленные инеем копыта. Бурдо обратился к сопровождавшему их живодеру:

— Как долго валяются тут эти туши?

— Не меньше четырех дней. По случаю карнавала мы не работали ни в субботу, ни в воскресенье. А за это время все замерзло. Теперь придется ждать оттепели, чтобы убрать эту дохлятину.

Вытянув руку, старуха Эмилия указала на один из холмиков. Бурдо размел снег и обнаружил конскую тушу; с ноги ее срезали изрядный кусок мяса.

— Это та самая? А куда вы дели нож?

— Не помню.

Опустившись на колени, Бурдо продолжил разгребать снег. Неожиданно под снегом блеснула сталь, и он поднял с земли большой мясницкий нож.

— Это, случайно, не ваш инструмент?

Она схватила его и, словно великую драгоценность, прижала к себе.

— Да, это он, мой ножичек.

Бурдо с трудом удалось отобрать у нее находку.

— Пока я не могу отдать его вам.

Николя успокоил женщину.

— Не волнуйтесь, вам обязательно вернут ваш нож. А сейчас покажите место, где вы прятались.

Его уверенный голос успокоил свидетельницу. Не сгибая спины, она присела на корточки и прижалась к туше, устремив взор на угол ближайшего сарая.

— Значит, незнакомцы стояли там, — негромко произнес Николя, поднимая женщину и стряхивая налипший на нее снег. — Не бойтесь, мы пойдем туда вдвоем с инспектором. А вы оставайтесь здесь и ждите нас.

Пройдя несколько туазов, они наткнулись на заснеженные пригорки. Николя в задумчивости остановился и попросил Бурдо поискать какое-нибудь приспособление, чтобы разгрести снег. Он сразу понял, что под снегом скрыты отнюдь не остовы павших животных. В ожидании Николя принялся смахивать снег с одного из холмиков. Вскоре пальцы его коснулись чего-то твердого, состоящего из нескольких частей, напоминавших зубы гигантской крысы.

Усилием воли он заставил себя схватить сей предмет, а потом с силой дернул его на себя. От скованной морозом земли оторвалось нечто тяжелое, и он с ужасом обнаружил, что держит в руках замерзшие останки грудной клетки человека. Когда Бурдо наконец принес метлу, Николя, бледный, яростно тер руки снегом.

Инспектор сразу понял состояние молодого человека и, не говоря ни слова, начал осторожно разметать снег. Показались человеческие останки, слегка прикрытые соломой; многие кости уже успели старательно обглодать, на иных еще сохранились жалкие клочки почерневшей от мороза плоти.

Высвободив останки из снежного плена, они размели площадку и попытались сложить части тела так, как они располагались при жизни их хозяина. Состояние извлеченного на свет скелета свидетельствовало об усердной работе крыс, хищных птиц и прочих трупоедов. Даже без глубоких познаний в анатомии нетрудно было понять, что многие кости отсутствуют. Сохранилась голова — почему-то с раздробленной челюстью. Приставив на место голову, они в общих чертах восстановили тело жертвы загадочной трагедии. Возле холмика, где Николя сделал свое первое открытие, они нашли одежду: кожаный камзол без рукавов и рваную рубашку, почерневшую, скорее всего, от пропитавшей ее крови.

Последняя находка подтверждала опасения Николя. Вскоре отыскали и тяжелую трость Лардена с резным серебряным набалдашником, украшенным таинственными узорами и злобной змеей, обвивавшей древко. Инспектор покачал головой: он тоже все понял. Затем последовали новые доказательства: штаны до колен из плотной серой шерсти, чулки, запачканные чем-то темным, и пара башмаков с отодранными пряжками. Николя присоединил эти вещи к предыдущим находкам, чтобы потом подвергнуть их тщательному осмотру. Ему пришлось снова отправить Бурдо на поиски: теперь им требовалась емкость, чтобы сложить их мрачную добычу. Инспектор вернулся со старым плетеным чемоданом, купленным у одного из живодеров, хранившим в нем рабочий фартук и инструменты. В чемодан поместили завернутые в одежду кости.

Тем временем Николя, опустившись на корточки, пристально вглядывался в мерзлую землю; казалось, он что-то искал. Неожиданно он попросил Бурдо дать ему клочок бумаги и, прижав его к земле, с помощью свинцового грифеля стал копировать отпечаток маленькой ямки, каких вокруг наблюдалось множество. В здешней почве эти углубления появились раньше, чем глина замерзла и покрылась снегом.

Объяснять свой интерес к ямкам Николя не стал. Ему пока не хотелось делиться плодами своих размышлений даже с Бурдо. Он полностью доверял инспектору, но ему хотелось придать своему положению начальника, которое волею событий ему довелось занять, больше веса и загадочности. А так как он сам пока еще блуждал в догадках и не мог толком объяснить многие из собранных ими фактов, он не слишком укорял себя за скрытность.

В ответ на вопросительный взгляд инспектора Николя лишь скептически пожал плечами. Поденщики взяли и понесли чемодан. Позабытая всеми старуха Эмилия с ужасом взирала на возвращавшихся сыщиков, а когда кортеж поравнялся с ней, шарахнулась в сторону. Николя подошел к ней, взял под руку и отвел к карете. Она заплакала, слезы размыли краску, и черные потеки вперемешку с красными настолько обезобразили ее лицо, что Николя вытащил платок и заботливыми движениями вытер бежавшие по ее щекам грязные ручьи.

Возвращались с тяжелым сердцем. Николя сидел молча, погрузившись в свои мысли. Когда проехали заставу, за окном совсем стемнело. Внезапно Николя встрепенулся и крикнул кучеру свернуть в проулок направо и потушить фонарь. Стремительно выскочив из кареты, он увидел, как по улице, где только что ехала их карета, галопом промчался всадник — тот самый, который наблюдал за ними на живодерне.

Прибыв в Шатле, Николя спустился в мертвецкую, где надежно спрятал чемодан с предполагаемыми останками комиссара. Намереваясь лично допросить старуху Эмилию, он

оставил ее в Шатле, но велел поместить в камеру для привилегированных узников[13], принести ей горячий ужин и сам заплатил по счету. Зайдя в дежурную часть, он сел и составил лаконичный отчет для господина де Сартина, упомянув про визит к Декарту и поездку на Монфокон, но умолчав о беседе с Семакгюсом. В заключение он написал, что если проверка, которую он собирается произвести, даст положительные результаты, следовательно, обнаруженные им останки, скорее всего, являются останками Гийома Лардена.

V

ТАНАТОС

Песню для жертвы споем без звучания лиры,

Смертных она иссушает и вселяет в них страх.

Эсхил

На улицу Блан-Манто Николя вернулся поздно. В доме, похоже, все спали, но он надеялся, что Катрина оставила ему чего-нибудь поесть. Обычно она оставляла ему еду в массивной сковородке, долго сохранявшей тепло даже на потухшей плите. Сегодня его ожидало рагу из странного овоща, точнее, клубня, который Катрина открыла, сопровождая армию в Италии и Германии. Клубни ей понравились, и теперь она сама выращивала их, устроив в саду за домом специальную грядку. Николя приоткрыл крышку, и дивный аромат тушеных «земляных яблок» поплыл по кухне. Прибор, хлеб и бутылка сидра стояли на столе. Устроившись, он налил стакан сидра и наполнил тарелку снедью. При виде вкусных овощей в нежном белом соусе, на поверхности которого плавали кусочки мелко нарезанной зелени петрушки и шнитт-лука, у него потекли слюнки. Катрина, делясь с ним рецептом приготовления этого восхитительного блюда, не забывала напоминать, что у плиты нельзя проявлять нетерпение, коли желаешь получить достойный результат.

Прежде всего, необходимо отобрать несколько равных по размеру картофелин[14], или «толстеньких», как величала картофельные клубни Катрина. Затем помыть их, обиходить и аккуратненько снять кожуру, стараясь придать им округлую, без выступов, форму. Нарезать кусочками свиное сало, бросить его в глубокую сковороду и тушить на медленном огне, пока сало не отдаст весь свой сок, а после вынуть его из сковороды, постаравшись не допустить, чтобы оно начало подгорать. В горячий жир, объясняла кухарка, опустить картофелины и обжарить до появления золотистой корочки. Не забыть добавить парочку неочищенных зубчиков чеснока, щепотку тмина и лавровый лист. Постепенно овощи покроются хрустящей корочкой. Продолжать обжаривать, заботливо переворачивая, еще какое-то время, дабы середина овоща стала мягкой, и только тогда, а никак не ранее, посыпать сверху доброй ложкой муки и уверенными движениями пассеровать муку вместе с овощами, а отпассеровав, залить половиной бутылки бургундского вина. Ну и, разумеется, посолить и поперчить, а потом оставить томиться на медленном огне еще добрых две четверти часа. Когда соус уварится, он станет нежным и бархатистым. Легкий и текучий, он нежно обнимет тающие во рту рассыпчатые картофелины в поджаристой корочке. Хорошей кухни без любви не бывает, повторяла Катрина.

Обнаружив, что тарелка его стоит неровно, Николя приподнял ее и увидел записку. Он сразу узнал косой, похожий на детский, почерк кухарки. Послание отличалось краткостью: «Сегодня вечером эта шлюха меня оскорбила; завтра я все скажу». Николя быстро завершил трапезу. К сожалению, он не мог немедленно отправиться к Катрине и расспросить ее. Он знал, что она живет в меблированных комнатах неподалеку отсюда, но со стыдом признался себе, что, проживая у Лардена уже больше года, он не удосужился выяснить точный адрес своей приятельницы. Когда он поднимался на второй этаж, на площадку неожиданно выскочила Мари и, бросившись к нему, потащила его по лестнице вверх. На последней ступеньке она остановилась и прижалась к нему так тесно, что он вновь уловил аромат ее духов. Ее щека коснулась его щеки, и он отметил, что она плакала.

— Николя, — прошептала девушка, — я не знаю, что мне делать. Я боюсь эту женщину. Катрина наговорила ей массу гадостей, из которых я ничего не поняла. У них началась перепалка. Она прогнала Катрину. Катрина была мне второй матерью. А что с моим отцом? Вы что-нибудь узнали?

Она стояла, вцепившись руками в отвороты его фрака. Не зная, как успокоить ее, он ласково погладил ее по голове. Тут раздался шум, и они дружно вздрогнули. Оторвавшись от Николя, девушка подтолкнула его к лестнице, ведущей наверх, а сама прижалась к стене. Чья-то тень пересекла лестничную площадку, и все стихло.

— Доброй ночи, Николя, — прошептала Мари.

И, легкая, словно птичка, дочь Лардена упорхнула к себе в комнату. Николя направился в мансарду, по дороге пообещав себе найти время обстоятельно поговорить с Мари. Когда его одолевали нерешенные вопросы, он обычно не мог заснуть. Но сегодня, когда вопросов накопилось так много, что он никак не мог решить, на каком в первую очередь следует остановиться, он быстро погрузился в восстанавливающий силы сон.

Среда, 7 февраля 1761 года.

Выйдя рано утром на улицу, Николя отметил, что в доме царит необычная тишина. Но он отложил разъяснение событий прошедшей ночи на потом. Сейчас он торопился в Шатле продолжить вчерашнее расследование. Вечером он распорядился сложить доставленные с Монфокона останки в небольшой чулан рядом с мертвецкой, куда от взоров явившейся для опознания публики обычно прятали особенно неприятные трупы — разложившиеся или расчлененные. Николя приказал не пускать в чулан никого, кроме инспектора Бурдо и его самого.

Предосторожность оказалась своевременной. Едва он вошел, как ему сообщили, что вчера ближе к ночи к дежурному инспектору приходил какой-то человек. По его словам, его прислал комиссар Камюзо для осмотра доставленного в морг тела. Но, несмотря на все его угрозы и ругань, чулан, куда поместили останки, ему так и не открыли. Это известие подтвердило подозрение Николя, что за ним следят, причем следят с того самого дня, когда Сартин доверил ему расследование. Вчерашний посетитель и таинственный всадник, шпионивший за ними на живодерне, скорее всего, являлся одним и тем же лицом. Он тут же вспомнил о Мовале, правой руке комиссара Камюзо. А если это не Моваль, значит, шпион, скорее всего, — креатура начальника полиции, поручившего своему человеку контролировать действия Николя.

Сартин не скрывал, что не до конца откровенен с ним. Николя воспринимал это недоверие как признак подчиненного положения и собственной ничтожности. В лучшем случае начальник утаил от него ряд фактов из соображений высшего порядка. В худшем это означало, что из Николя сделали марионетку, которую дергают за ниточки высокопоставленные политические интриганы, слепую пешку, которую заставляют двигаться с одного конца доски на другой, чтобы ввести в заблуждение противника. Сартин указал ему цель, но даже не намекнул, какими путями к ней идти.

Повинуясь заполнившим его горьким мыслям, Николя перебрал в памяти каждый день своего ученичества, но ответа на мучивший его вопрос так и не нашел. Оставалось только, отбросив страхи, уповать на лучшее. Чтобы чувствовать себя неуязвимым, ему придется еще многому научиться. Выковать свое собственное оружие. Стать волком в волчьем окружении. И, убрав подальше воображение, считаться прежде всего с фактами.

Приободрившись, он, следуя совету Бурдо, приказал отнести останки в комнату для допросов, мрачное помещение с готическими сводами, расположенное возле канцелярии уголовного суда. Чтобы крики подследственных не вылетали наружу, а любопытные взоры не мешали вести допрос с пристрастием, два узких окна, разделенных пополам выщербленными каменными столбиками, закрывали железными ставнями. Помимо массивных дубовых столов,

для удобства магистратов, полицейских и секретарей суда в скорбном помещении стояло несколько кресел и табуреток. Напротив двери вдоль стены разложили орудия палача, кошмарный арсенал, с помощью которого преступника согласно решению суда подвергали пыткам и умерщвлению. Здесь были представлены разных видов и размеров дыбы, деревянные тиски, клинья, кувалды, колотушки, клещи, щипцы, клейма, воронки, железные ломы для дробления костей, секиры и топоры для отсечения голов. При виде этих инструментов Николя невольно вздрогнул. Выстроившиеся вдоль стены, они выглядели так, словно трудолюбивый ремесленник, завершив работу, заботливо расставил их по местам. От этого становилось особенно жутко.

С утра Бурдо послал за экспертами, и теперь Буйо, дежурный лекарь Шатле,[15] и его единомышленник и помощник хирург Сове с важными и недовольными лицами ожидали Николя. Буйо жил поблизости, на улице Сен-Рош, Сове — на улице Тиссерандери. Оба лекаря считали этот вызов исключительно происками конкурентов, специально побеспокоивших их из-за пустяков. И поэтому весьма неодобрительно смотрели на Николя. Он сразу понял, что с самого начала должен проявить твердость и ни в коем случае не произносить лишних слов. Скептически оглядев обоих важных персонажей, он вытащил из кармана письмо начальника полиции, развернул его и дал им прочесть. Они равнодушно ознакомились с его содержанием.

— Господа, — начал Николя, — я пригласил вас помочь мне своими знаниями. Но должен вас предупредить: заключение, которое вы сделаете, ни под каким видом не должно стать известно за пределами этих стен. Оно предназначено исключительно для ушей господина де Сартина. Он лично ведет это дело и рассчитывает на вашу скромность. Я понятно объясняю?

Оба лекаря молча кивнули.

— Вам выплатят ваше обычное вознаграждение.

Двойной вздох облегчения разрядил атмосферу.

— Господа, — продолжил Николя, — останки, которые вы здесь видите, еще вчера вечером покоились под снегом на Монфоконе. Рядом нашли одежду. У нас есть основания полагать, что эти останки принадлежат человеку, убитому ночью с прошлой пятницы на субботу. Мы займемся описью одежды, а вы приступайте к работе и по окончании сообщите нам свои выводы.

Разложенные на большом столе останки «благоухали» столь сильно, что Буйо и Сове еще на подступах вытащили большие белые платки, а Бурдо вдохнул добрую понюшку табаку. Николя, которому предстояло осматривать одежду, не успел последовать его примеру и теперь старался не дышать.

— Штаны до колен, разорванные и испачканные чем-то черным. Рубашка, также испачканная, пара черных чулок, камзол из черной кожи…

Почувствовав внезапное озарение, Николя незаметно сунул руку сначала в один, а потом в другой карман камзола. В правом кармане пальцы его нащупали клочок бумаги и металлический кружок. У него мелькнула мысль немедленно рассмотреть их, но он тут же передумал и, зажав добычу в руке, продолжил опись:

— Два кожаных башмака, скорее всего парные. Пряжки оторваны. И наконец, резная трость с серебряным набалдашником. Господа, я вас слушаю, — произнес он, обращаясь к лекарям.

Буйо в нерешительности посмотрел на коллегу, и, получив молчаливое одобрение, сложил руки, и, прикрыв глаза, заявил:

— Перед нами находятся человеческие останки, или, если вам угодно, останки трупа.

Николя с усмешкой посмотрел на него.

— Мне чрезвычайно приятно сообщить вам, что ваш вывод полностью совпадает с моим. Таким образом, мы стремительно продвигаемся вперед. Однако, изложив существо дела, не будете ли вы столь любезны и не перейдете ли к подробностям? Возьмем, например, голову. Я вижу, что макушка черепа гладкая, без следов волосяного покрова и не имеет повреждений…

Зажав ноздри и плотно сжав губы, он наклонился к столу и указал на верхнюю крышку черепа: там чернело пятно, покрытое каким-то налетом.

— Что, по-вашему, это может быть?

— Без сомнений, это свернувшаяся кровь.

— Челюсть, видимо, раздроблена, ибо зубов мы не нашли, а на кости остались только коренные зубы. Голова была отделена от туловища. С туловища, похоже, сняли кожу. Иначе отчего бы ему так выглядеть?

— Разложение.

— Можете ли вы определить, кому принадлежит это тело: мужчине или женщине, а главное, когда наступила смерть?

— Трудно сказать. Вы говорите, что нашли его под снегом? Значит, он успел замерзнуть.

— И что из этого следует?

— Мы не намерены впутываться в дело, столь очевидно выходящее за рамки обычных происшествий.

— Вы считаете, что преступление — это поступок в порядке вещей?

— Мы не считаем в порядке вещей условия, на которых вы, сударь, вынуждаете нас исполнять наши служебные обязанности. Таинственность и загадочность нам ни к чему. И какого бы заключения вы от нас ни потребовали, короткого или пространного, мы можем только констатировать, что перед нами лежат части мертвого тела, обглоданного и обмороженного. Больше мы вам ничего сказать не можем. В этой находке нет ничего необычного. Вы, сударь, похоже, не знаете, что каждый год реестры мертвецкой пополняются описаниями человеческих останков, найденных на берегах Сены. Студенты используют трупы для анатомических опытов, а потом выбрасывают ненужное.

— Ну а одежда, кровь?

— Тело украли, а потом бросили его на Монфоконе, — звучным голосом отчеканил лекарь.

Каждое его слово хирург сопровождал кивком головы.

— Я непременно отмечу бесценную помощь, которую вы столь любезно согласились нам оказать, — произнес Николя. — Можете не сомневаться, господин де Сартин будет извещен о вашем ревностном стремлении служить правосудию.

— Мы не подчиняемся господину де Сартину, сударь. И не забудьте о нашем вознаграждении.

Исполненные собственного достоинства, оба лекаря направились к двери. Стоявший у них на пути Бурдо срочно ретировался в сторону.

— Увы, Бурдо, мы опять топчемся на месте, — вздохнул Николя. — Неужели мы так и не сумеем опознать наш труп?

Он забыл про засунутые им в карман клочок бумаги и металлический кружок.

— Господа, может быть, я могу быть вам полезен?

Изумленные, Николя и инспектор обернулись. Кроткий голос исходил из самого дальнего и темного угла.

— Я в отчаянии, что невольно стал свидетелем вашего расследования, — продолжал голос. — Я пришел сюда задолго до вас и, не желая вас смущать, решил не прерывать процедуру. Впрочем, вы знаете, что я разговорчив не более, чем эти стены.

Незнакомец вышел на освещенное пространство. Это оказался молодой человек, на вид лет двадцати, не более, среднего роста и уже начавший набирать вес. Его красивое полное лицо с открытым взором не старил даже белый, аккуратно причесанный парик. На нем были фрак блошиного цвета с пуговицами из стекляруса, черный камзол, такие же штаны до колен и чулки. Начищенные до блеска башмаки отражали падавшие на них лучи света.

Бурдо приблизился к Николя и прошептал ему на ухо:

— Это Парижский Господин, палач.

— Вы, конечно же, меня знаете, — вновь заговорил молодой человек. — Я Шарль Анри Сансон, палач. Можете не представляться, я давно знаю вас, господин Ле Флош, и вас тоже, инспектор Бурдо.

Николя шагнул вперед и протянул юноше руку. Тот отшатнулся:

— Сударь, для меня большая честь, но это не принято…

— Я настаиваю, сударь.

Они пожали друг другу руки. Николя почувствовал, как рука палача дрогнула в его ладони. Его внезапный порыв объяснялся своеобразным чувством солидарности с молодым человеком, почти ровесником, который, занимаясь страшным ремеслом, так же, как и он сам, состоял на службе короля и правосудия.

— Мне кажется, я могу быть вам полезным, — повторил Сансон. — Так сложилось, что у нас в семье по вполне понятным причинам много времени уделяют изучению человеческого тела. Иногда нам приходится выступать в роли лекарей и даже восстанавливать раздробленные члены. Оказавшись в ужасном положении, стоившем мне нескольких часов тюрьмы и вынудившем моего дядю Жибера, палача в Реймсе, отказаться от своей должности, я на собственном опыте осознал полезность этой науки.

И с печальной улыбкой добавил:

— У людей очень странные представления о палаче. А он всего лишь человек, такой же, как и все остальные. Но в отличие от остальных он, в силу своего ужасного положения, обязан безропотно исполнять свои обязанности и неукоснительно соблюдать продиктованные ему строгие меры.

— О каком ужасном положении вы говорите, сударь? — спросил заинтригованный Николя.

— О том, в котором оказался палач во время казни цареубийцы Дамьена в 1757 году[16].

Перед взором Николя внезапно промелькнула гравюра из детства, изображавшая казнь Картуша.

— А чем эта казнь отличалась от других?

— Увы, сударь, речь шла о человеке, поднявшем руку на священную особу его величества. Он подлежал особой казни, предусмотренной такими случаями. Я вижу, как мы, я и мой дядя, стоим, одетые, согласно обычаю, в костюмы палачей. На нас синие штаны до колен, красные куртки с вышитой виселицей и черной лестницей, на голове алые треуголки, на боку меч. У нас пятнадцать подручных и помощников в передниках из светло-коричневой кожи.

Он умолк, словно ему пришлось извлекать воспоминания из самых дальних уголков памяти.

— Знайте, сударь, Дамьен — да призрит Господь его душу, ему довелось столько выстрадать! — хотел покончить с собой и пытался открутить себе детородные органы. А перед казнью в этом зале его подвергли допросу обычному и допросу с пристрастием. Его требовали назвать сообщников, но совершенно ясно, что у него их не было. Он без устали твердил: «Я

не хотел убивать короля, я не убивал его. Я ударил его, но только для того, чтобы Господь коснулся его и напомнил ему о государственных делах, о необходимости установить мир и спокойствие». Даже когда желудок его раздулся от воды, лодыжки раздавили испанским сапогом, а грудь и все члены подвергли пытке раскаленным железом, он повторял одно и то же. И даже когда он больше не мог ни пошевельнуться, ни стоять на ногах.

Слушая завораживающее звучание кроткого голоса, Николя думал о том, что на улице его неприметный обладатель вряд ли привлекает к себе внимание прохожих. В то же время ему казалось, что молодой человек соотносит себя со своим рассказом, ибо дрожащие руки и выступившие на лбу капли пота выдавали его волнение.

— Дамьена доставили на Гревскую площадь и положили на эшафот, где его ожидала казнь, присуждаемая цареубийцам. Его руку, державшую орудие преступления, положили на жаровню с горящей серой. Когда от руки осталась одна обгорелая культя, он вскинул голову и страшно закричал. Затем стали клещами вырывать куски его плоти. В оставшиеся от этой пытки ужасные кровоточащие раны немедленно залили расплавленные свинец, смолу и серу. Господи, как он вопил! На губах у него выступала пена, но даже во время самых нечеловеческих страданий он выкрикивал: «Еще! Еще!» Вспоминая об этом, я вновь вижу его глаза: еще немного, и они выскочат из орбит.

Сансон на мгновение умолк, словно к горлу его подступил комок.

— Не знаю, почему я вам это рассказываю, — с трудом вымолвил он, — я никогда и никому об этом не говорил. Но с вами мы ровесники, а господин Бурдо известен своей честностью и порядочностью.

— Мы ценим ваше доверие, сударь, — сказал Николя.

— Но самое худшее ожидало впереди. Приговоренного привязали к утыканным гвоздями брусьям, сколоченным наподобие креста святого Андрея, а грудь зажали между двумя привязанными к кресту досками, чтобы лошади, привязанные постромками к его рукам и ногам, не смогли разорвать его целиком. Как вы уже догадались, его должны были четвертовать.

Сансон оперся на кресло и вытер струившийся со лба пот.

— Взяв кнут, один из подручных пошел пускать лошадей, четырех превосходных верховых животных, приобретенных мною накануне за 432 ливра. По договоренности я подал сигнал. Кони рванулись в четырех разных направлениях, но веревки, привязанные к телу, оказались слишком прочными и не отпускали их. Члены несчастного тем временем вытягивались, и он испускал дикие крики. Через полчаса мне пришлось приказать изменить направление движения лошадей, привязанных к ногам, чтобы осуществить прием, именуемый в нашем языке «уловкой Скарамуша». В этом случае коней заставляют тянуть параллельно в одном направлении. Наконец бедренные суставы вывернулись из своих чашечек, однако руки не оторвались, а продолжали растягиваться. Через час лошади так устали, что одна из них упала на землю, и помощники с большим трудом заставили ее подняться. Мы с дядей Жильбером посоветовались и решили взбодрить лошадей кнутами и окриками. Они снова принялись тянуть. Зрители в толпе начали падать в обморок; первым потерял сознание кюре из Сен-Поля, читавший молитву по умирающим. Но, увы, были и те, кто находил удовольствие в этом жертвоприношении[17].

Он замолчал, уставившись в пол.

— А разве не было законного способа прекратить страдания осужденного? — спросил Николя.

— Именно это я и решил сделать. Я отправил господина Буайе, исполнявшего в тот день обязанности дежурного хирурга, в ратушу, объявить судьям, что четвертование силами только лошадей невозможно и для осуществления приговора необходимо подрезать толстые сухожилия. Я просил разрешения осуществить эту операцию. Буайе принес согласие судей. Тут возникла проблема найти нужный инструмент. Требовался острый нож, способный резать

плоть, такой, как у мясника. Время торопило. Тогда я приказал своему подручному Легри взять топор и нанести удар в местах, где происходит соединение членов. Он вернулся весь в крови. Я снова приказал гнать квадригу. Лошади помчались, волоча за собой обе руки и ногу. Дамьен еще дышал. Волосы его торчали дыбом; за несколько минут из черных они стали совершенно белыми. Обрубок тела дергался, губы пытались что-то произнести, но никто из нас ничего не понял. Когда его бросили в костер, он еще дышал. Я не забыл ни единой подробности того печального дня. С тех пор, господа, я начал изучать анатомию и работу человеческого тела. Мне хочется как можно лучше исполнять свои обязанности — без лишних мучений и ненужной жестокости. И каждый день я молю Бога, чтобы никто из французов не поднял руку на священную особу нашего короля. Я не хочу пережить еще одну такую казнь[18].

После его заявления установилась долгая тишина. Сансон сам нарушил ее, направившись к столу.

— До вашего прихода я позволил себе исследовать останки, которые оба ваших высокоученых мужа поспешили занести в списки каждодневных несчастных случаев. Мне понятно ваше огорчение, поэтому я поделюсь с вами своими наблюдениями. Во-первых, могу с уверенностью сказать, что плачевное состояние этого тела нисколько не связано с морозом. Напротив, холод высушил его и сохранил в том виде, в котором его бросили на землю. Но, конечно, оно сильно пострадало от хищников — крыс, собак и ворон.

Обернувшись, Сансон пригласил своих слушателей подойти поближе.

— Смотрите, что осталось от берцовой кости. Она побывала в челюстях какого-то сильного животного — собаки или полка. А туловище, несмотря на почти нетронутые кости, сверху все обглодано тысячами мелких зубов — это поработали крысы. Если внимательно посмотреть на голову, можно обнаружить следы ударов мощных клювов. Это вороны, господа. Место, где вы обнаружили тело, является еще одним дополнительным доказательством, подтверждающим эти бесспорные факты и наше их толкование.

— А что вы можете сказать о голове, сударь? — спросил Николя.

— Очень много. Во-первых, это голова принадлежала мужчине. Посмотрите, здесь, у основания черепа, находятся два костистых выступа, которые мы называем апофизами. У детей и женщин они менее выражены. Голову ребенка можно узнать по родничкам, которые еще не закрылись или же закрылись, но не полностью, а также по неполному комплекту зубов. Отсюда следует, что перед нами голова мужчины зрелого возраста. Смотрите, я могу взять ее за оба апофиза и приподнять. Следовательно, речь идет о мужчине. К тому же, как вы, господин Ле Флош, сами заметили, челюсть раздроблена, и кусок ее утащили хищники. А на сохранившейся части явно видна трещина, образовавшаяся после удара стальным или железным орудием, шпагой или топором. Поверьте мне. Остатков волос, съеденных паразитами, не обнаружено, значит, жертва была либо лысой, либо с нее, как это делают ирокезы, сняли скальп; но последнее маловероятно. Черное пятно на макушке я пока объяснить не могу.

Николя и Бурдо не скрывали своего восхищения.

— А торс?

— О нем можно сказать то же самое; его отделили от тела каким-то острым инструментом, возможно, тем самым, каким раздробили челюсть. В нем не осталось внутренних органов, только несколько засохших обрывков. Из грудной клетки вытекла вся кровь, даже свернувшаяся. Следовательно, из трупа выпустили кровь прежде, чем доставить его на Монфокон. Хотите выслушать мое мнение?

— Сударь, мы все внимание.

— Перед нами останки лысого человека мужского пола, в расцвете лет. Его убили скорее всего каким-то колющим или режущим оружием. Прежде чем бросить тело на Монфоконе, его рассекли на куски. Иначе вы бы обнаружили на земле море крови. Тело, а точнее, то, что от

него осталось, подверглось нападению животных-трупоедов, утащивших недостающие части. В этом нет ничего удивительного; мы все знаем, что тушу лошади, брошенную в этом опасном месте, за ночь обгладывают дочиста. Челюсть раздроблена насильственно. И, наконец, позвольте, господа, напомнить, что одежда валялась рядом. Полагаю, в момент убийства ее на покойном не было, иначе она бы гораздо больше пропиталась кровью. Наконец, ваши предположения кажутся мне справедливыми: это изуродованное тело было засыпано снегом и схвачено морозом, сохранившим его до сегодняшнего дня в состоянии, которое я бы назвал состоянием свежести — темный красный цвет служит тому доказательством. Процесс разложения начался после того, как вы отнесли его в мертвецкую. Конечно, я могу ошибаться, но думаю, что человек, чьи останки мы видим перед собой, убит в ночь с пятницы на субботу, а потом выброшен на Монфоконе как раз накануне карнавала, когда пошел снег.

— Не знаю, сударь, как мне отблагодарить вас за помощь…

— Вы уже это сделали, выслушав меня и пожав мне руку. А теперь, господа, до свидания. Если вы снова захотите прибегнуть к моим скромным познаниям, я всегда к вашим услугам.

Он поклонился и вышел. Николя и Бурдо переглянулись.

— Сегодняшний осмотр я никогда не забуду, — произнес инспектор. — Этот юноша меня поразил. Решительно, нынешние молодые люди все чаще удивляют меня.

— Вы настоящий льстец, господин Бурдо.

— Он в два счета все объяснил. Несомненно, речь идет о Лардене: мужчина, лысый, изрядного возраста, трость, кожаный камзол. Или вы так не считаете?

— В самом деле, все наши предположения подтвердились, что, естественно, склоняет нас признать выдвинутую вами версию правильной.

— Вы становитесь излишне осторожным!

Внутренний голос советовал Николя не спешить, а хорошенько подумать, ибо видимые совпадения не всегда ведут к истине. Когда все вроде бы встало на свои места, Николя ощутил неловкость от столь быстрой развязки. Ум его, оказавшийся в западне очевидных фактов, не желал делать окончательные выводы, напоминая, что множество подробностей этой драмы все еще покрыты мраком неизвестности. Внезапно он вспомнил о вещах, найденных в карманах кожаного камзола, и под вопросительным взглядом Бурдо он, порывшись в кармане, вытащил и положил на стол свернутый листок бумаги и металлический кружок.

— Откуда у вас эти вещи? — спросил инспектор.

— Из камзола покойника.

— Камзола Лардена?

— Будем называть его пока покойником. Этот клочок оторван от письма, на нем нет ни печати, ни адреса.

Николя начал читать.

«…заверить вас в моем почтении и…

…красавица, бесконечно превосходящая… прекрасна, высока и хорошо сложена, так что…

…что она доставит вам удовольствие, ибо, сверх того, у нее имеется…

…поддержать беседу. Итак, я жду вас…

…тницу и прошу вас, непременно наденьте костюм…

…навал. Ваша смиренная служанка,

Полетта».

Бурдо пришел в ужасное возбуждение и, запрыгав на месте, закричал:

— Вот оно, доказательство, вот оно! Эта записка лежала в кармане Декарта, когда он сцепился с Ларденом в «Коронованном дельфине».

Николя бросил взор на металлический кругляш. Он успел изрядно окислиться, и только после того, как его потерли о рукав, на нем проступило изображение увенчанной короной рыбы.

— Забавная, однако, монетка! Еще один «Коронованный дельфин»!

— Речь идет о совсем другой дичи, сударь. Это жетон из веселого дома. Вы входите, платите содержательнице, в обмен она дает вам жетон, который девица потребует у вас, когда… когда… бутылка выпита. Вы меня поняли?

Николя покраснел и не ответил на прямо поставленный вопрос:

— Похоже, этот жетон действительно из «Коронованного дельфина». Догадок все больше и доказательств тоже. Однако что-то судьба к нам слишком благосклонна.

— Вы о чем?

— О том, что истина никогда не ищет легких путей, а судьба предпочитает преподносить сомнительные подарки. Все подозрения надо тщательно проверить. Бурдо, прикажите освободить старуху Эмилию; вряд ли она сможет нам еще что-нибудь сообщить. И передайте ей от меня вот эти несколько монет. А потом бегите на улицу Блан-Манто и постарайтесь отыскать Катрину Госс, кухарку Ларденов. Она хотела со мной поговорить, но так как ее выгнали из дома, то сегодня утром я не сумел ее повидать. А я полечу на улицу Фобур-Сент-Оноре знакомиться с Полеттой.

— Надо ли сообщать госпоже Ларден о смерти ее супруга?

— Пока подождем.

— Подождем?

— Да. Потом я сам ей скажу. А эти останки, — и он указал на стол, — велите запереть где-нибудь в холодном месте. Записку и жетон я оставлю у себя. До скорого, Бурдо.

Николя решил отправиться на улицу Фобур-Сент-Оноре пешком. Путь неблизкий, но бодрящий холод способствовал прогулке. Мороз сковал землю, и молодой человек весело шагал по бугристым мостовым и замерзшим рытвинам столичных улиц. Он любил ходить пешком; ходьба была неразрывно связана с размышлениями. У себя в Бретани, стоя среди пустынных дюн и устремив взор к горизонту, он высматривал затерянные в тумане скалы. Выбрав себе скалу, он шел к ней. Добравшись до цели, выбирал следующую, и так далее, пока не устанет. Долгие прогулки придавали ему бодрости. Очищали душу. Сейчас, когда перед глазами у него упорно стояло зрелище предполагаемых останков комиссара Лардена, а в ушах звучал страшный рассказ Сансона, прогулка была особенно необходима.

Что-то не складывалось. Зачем разрубать тело и отвозить его на Монфокон? Гораздо проще бросить его в Сену. Почему убийца или убийцы не обыскали карманы кожаного камзола и не убрали опасные улики? Похоже, эти улики специально засунули в карман, чтобы их поскорее отыскали. Зачем раздробили челюсть, откуда взялось непонятное пятно на черепе? Сплошные вопросы без ответов! Еще один безответный вопрос: что происходит на улице Блан-Манто? Какие замыслы вынашивает госпожа Ларден? Катрина ненавидит мачеху Мари, но вряд ли дело только в том, что новая супруга Лардена узурпировала место, принадлежавшее некогда матери девушки. А назойливый вездесущий всадник, над которым питает грозная тень комиссара Камюзо? И надо всеми стоит Сартин, близкий и одновременно недоступный, Сартин, который, как чувствовал Николя, побуждал его следовать неведомыми и зыбкими путями…

Николя дошел до огромного поля, где на месте бывшего болота начали строить площадь, куда парижские эшевены намеревались водрузить конную статую правящего ныне монарха. Строители, сновавшие, словно муравьи в гигантском муравейнике, из-за зимнего холода временно приостановили работу. На краю будущей площади из земли уже выросли два особняка. Опутанные заиндевевшими строительными лесами, они напоминали невесомые хрустальные дворцы. Заледеневший снег, покрывавший сваленные в беспорядке огромные

блоки, превратил эту каменную груду в городской ледник, испещренный трещинами и выбоинами, пронизанный проходами и чреватый обрывами. Сверкая на ярком солнце зеркальным блеском, он постепенно подтаивал и сочился ледяной водой; прозрачные капли, преломляя свет подобно призме, светились разноцветными огоньками.

Николя обошел по берегу гигантскую стройплощадку, прошел через сады и добрался до улицы Бон-Морю, пересекавшей улицу Фобур-Сент-Оноре. Среди стоящих на этой улице домов он отыскал приличного вида трехэтажное строение, отличавшееся от своих соседей только кованой железной вывеской, изображавшей дельфина в короне.

Он взошел на крыльцо и взялся за дверной молоток.

VI

ЭРОС

Забудь о стыде и о скромности тоже забудь

В покоях бесстыдной Кибелы, что обнаженной предстала

Перед гостями, исполнив песнь похотливую,

Покоях, где обо всем говорится открыто и без утайки.

Ювенал

Маленькая негритянка в большом тюрбане из яркого шелка открыла дверь и шепелявым голоском спросила, чего он желает. Вокруг нее скакала обезьянка, наряженная арлекином. Увидев Николя, обезьянка, ловко цепляясь маленькими ручками за ткань платья, живо забралась девочке на плечо. Очутившись на голове, она вцепилась в тюрбан и, гневно заверещав, плюнула в сторону посетителя. Дернув зверька за хвост, мамзель призвала его к порядку. Обезьяна прекратила кривляться и недовольно тявкнула; в ответ из глубины дома донесся хриплый кашель, а потом прозвучало: «Входите, любезные господа».

Узнав, что он хочет поговорить с Полеттой, служанка, не выразив удивления, ввела его в прихожую, удивлявшую сверкающими плитками натертого воском пола и голыми стенами. Пуп ценный вдоль карниза фриз с геометрическим рисунком и большая люстра с хрустальными подвесками оживляли пустынное помещение. Обстановку его составляли две стоящие друг напротив друга банкетки, обитые серым бархатом. Откинув серую бархатную портьеру, негритяночка пригласила его пройти в гостиную, а сама молча удалилась. Большие зеркала на стенах увеличивали и без того не маленькую комнату. По верху бежал украшенный позолоченной лепниной карниз из галтели. Толстые ковры приглушали долетавшие с улицы звуки. Оттоманки и кресла бержер, обитые светленьким шелком в желтую, розовую, голубую и зеленую полосочку, предавали комнате веселый весенний облик. На затянутых узорчатым серым шелком стенах висели зеркала, а в промежутках между ними — гравюры в рамках. Изумленный Николя обнаружил, что столь непристойных сюжетов он еще никогда не видел. На стене, противоположной окну, высился небольшой помост, задернутый серым бархатным занавесом. Но роскошные декорации не ввели Николя в заблуждение. Обладая от природы хорошим вкусом и постоянно совершенствуясь, он быстро убедился, что показной шик скрывал весьма непритязательную реальность. Пышное убранство вполне устраивало посетителей, ожидавших зрелищ совершенно иного рода, но внимательный глаз подмечал и пятна на посредственного качества тканях, и облупившуюся краску на расписанной под золото лепнине, и вытершиеся ковры.

— Она вам нравится? Она вам нравится? Чертовски хороша! Чертовски хороша!

Николя обернулся. На жердочке в амбразуре окна сидела птица, в которой он признал попугая, такого же, какой жил у тетки Изабеллы. Госпожа Геруэль никогда не расставалась со своим любимцем. Но тот попугай был старый, облезлый, сварливый и признавал только свою хозяйку. Этот же был необычайно хорош. Подняв лапу и склонив набок маленькую голову, птица отнюдь не воинственно, а скорее с любопытством взирала на Николя своим круглым,

отливающим золотом глазом. Ярко-красный цвет хвоста оттенял блестящее серое оперение туловища. Издав ласковый воркующий звук, попугай стал важно вышагивать по жердочке. Николя, не раз сталкивавшийся с враждебным отношением его сородича, предусмотрительно протянул ему тыльную сторону руки, не давая ни малейшего повода для нападения. Озадаченная птица остановилась, распушила перья и с нежным попискиванием потерлась клювом о протянутую руку.

— Вижу, Сартин вам доверяет. Это хороший знак.

Удивленный, Николя резко обернулся.

— Он умеет выбирать себе друзей. Я ему полностью доверяю, это мой личный начальник полиции. Так что вас привело к Полетте, красавчик?

Николя ожидал всего, но распознать в представшей перед ним женщине содержательницу публичного дома он не смог бы никогда. Низенькая и коренастая, по толщине она оставляла далеко позади достойную Катрину, которую никто не рискнул бы назвать худенькой. Глаза заплывшего жиром обрубка тонули в припухлостях одутловатого, покрытого толстым слоем яркого грима лица, вываливавшегося из-под обнимавшей голову косынки. Бесформенное муслиновое платье в красную и фиолетовую полоску скрывало очертания могучего тела. Ожерелье из крупных черных камней больше пристало носить вместо пояса. Из шелковых митенок торчали похожие на колбаски пальцы. Под колыхавшимся подолом мелькали отекшие ноги в потертых кожаных баретках, разношенных, словно старые тапочки, но с врезавшимися в стопы бантами.

Однако когда эта гора плоти устремляла на вас взор своих бегающих глазок, холодных, словно глаза насторожившейся рептилии, становилось ясно, что карикатурное создание на многое способно. Попугай, обидевшись на невнимание публики, издал пронзительный крик и громко захлопал крыльями.

— Коко, успокойся, или я вызову полицию, — со смехом произнесла Полетта.

В этот раз Николя не заготовил никакого плана действий, он даже не пытался вообразить свою встречу с Полеттой. Реплика толстухи открыла перед ним неожиданную лазейку, и он немедленно решил ей воспользоваться. Ход рискованный, но другой возможности не предвидится.

— Сударыня, вы вызывали полицию, и вот она здесь, у ваших ног! — с обворожительной улыбкой воскликнул он.

Ответ сводни превзошел все ожидания Николя.

— Ах, черт! Камюзо слишком торопится за своим ежемесячным подарочком. Уж больно он стал шустрый. Вас он послал, понятное дело, чтобы я его простила, ведь на обмене я только выиграю. Обычно он присылает своего любимчика Моваля, а тот как посмотрит, так я сразу холодею. А ведь я не из пугливых! Мне приходится сильно сдерживаться, чтобы не разругаться с этим мерзким типом окончательно. Когда он является, тут же начинает хозяйничать: пристает к девочкам, пьет мое вино и мешает работать. Только такая послушная девушка, как я, может так сильно любить полицию, что продолжает терпеть этого стервятника!

Сощурившись, она взглянула на него с таким неприкрытым кокетством, что он тотчас вспомнил Эмилию и ее красноречивый взор, устремленный на него по дороге на Монфокон.

— Я знаю, сударыня, чем мы вам обязаны. И полиция воздает вам сторицей.

— Как же, как же, только лучше бы не на словах, а на деле! Ладно, чего уж там, жить-то надо. Я оказываю услуги, слушаю, запоминаю, сообщаю, предупреждаю и выручаю. Вы меня защищаете. По мне, это честная сделка, от нее и вам хорошо, и мне. Однако становится дороговато!

— Мои начальники о вас прекрасного мнения. Вы знакомы с другими комиссарами, сударыня?

Вопрос задан в лоб, да и вся хитрость шита белыми нитками. Чтобы усыпить недоверие Полетты, он мог рассчитывать только на свой простодушный вид и способность очаровывать. Пока сводня молча его разглядывала, Николя смотрел на нее чистым и невинным взором. И она купилась на его обаяние.

— Как же не знать старых друзей, мы все старые друзья: Кадо, Терион, чертов Камюзо, мошенник Ларден. Ох, уж этот проказник Ларден!

— Он тоже ваш клиент?

— Мой? Однако, учтивый вы кавалер! Я старая списанная кобыла. Ну, конечно, ежели при случае… Нет, Ларден игрок, сами знаете, вы же из конюшни Камюзо.

— Конечно, но как он до этого докатился? Я кое о чем слышал, но не знаю подробностей, а вы так любезны…

— С удовольствием расскажу, молодых надо просвещать. Но прежде окажите мне честь и присядьте. Стоя я быстро устаю, а от этого портится цвет лица.

Николя подумал, что забота о цвете лица в ее случае явно лишняя, ибо под толстым слоем белил вряд ли кто-нибудь мог углядеть истинный колер ее физиономии. Полетта удобно устроилась в просторном кресле, полностью заполнив его своим телом, и жестом пригласила Николя занять место возле нее на оттоманке.

Подтянув к себе одноногий столик, она открыла стоявший на нем небольшой поставец из заморских пород дерева. Внутри разместилось несколько графинов с ликерами и стаканчики.

— Рассказ будет долгим. Мне придется подкрепиться, а вы, как любезный кавалер, поддержите меня. У меня есть ликер, доставленный с острова Сен-Луи. Один мой приятель, плантатор, каждый год приезжает в Париж и возобновляет мои запасы. Ладно, чего уж там, все в этой жизни не бесплатно.

Наполнив два стаканчика, она протянула один Николя.

— Сударыня, вы так добры! Я смущен.

— Знаешь, красавчик, с такими манерами ты либо пойдешь далеко, либо не придешь никуда. Но вернемся к нашим птичкам. Начнем с Лардена. Пора признать, он хотел спутать карты. Но кишка у него тонка, хоть его и прикрывали всякие там Беррье и Сартины. Они-то хотели, чтобы он вычистил дерьмо, а он давно уже влип в него по самые уши. Когда Беррье поручил ему разведать, о чем это мы договариваемся, Камюзо испугался. Но Полетта никогда не теряет головы. Ларден всегда играл по-крупному, даже здесь. Проигрывал, выигрывал, все как обычно. Больше всего он любил играть в фараон. А на фараоне банкометом у нас сидит записной мошенник, по сравнению с которым любой понтер окажется простофилей. Только, понятное дело, смеяться над ним здесь никто не будет. А банкомет всегда может подправить правила или там случай… В общем, чем успешней продвигалось расследование Лардена, тем чаще от него отворачивалась удача. Допрыгался!

— Допрыгался?

— Да, мой крупье долго подыгрывал ему. А Ларден зарвался и все чаще играл по-крупному. И однажды попытался сорвать банк. Ставка была такая, что, слово честной женщины, у меня в доме и денег-то таких никогда не было. Смертельная ставка…

— Смертельная?

— Сумма была огромная, и он не смог заплатить. Он был разорен, но платить надо, во что бы то ни стало. Я попросила Камюзо последить за ним. Ох, как он обрадовался! И мы решили обстряпать дельце по-тихому, вдвоем. Две части ему, одна мне.

— А разве он заплатит? Вы же говорите, он разорен.

— Найдет деньги и заплатит, иначе…

Николя решил не обращать внимания на последнее слово, таившее в себе угрозу.

— Но почему он так рисковал в игре? Зачем ему было нужно столько денег?

— Пейте, такое красивое, стройное растение, как вы, надо хорошо поливать.

Она долила его стакан и вновь наполнила свой собственный.

— Это старая история. Мы с Ларденом давние приятели. Когда десять лет назад умерла его первая жена, он почувствовал себя очень одиноким. Тогда он приобрел привычку захаживать в «Коронованный дельфин». Мое заведение посещают очень знатные господа. Бывают даже придворные, они приезжают в каретах без гербов и с лакеями без ливрей. Потому что нигде нет такого выбора, как у меня. Товар у меня всегда отменный, а Лардену я и вовсе оставляла самые свежие и лакомые кусочки. Ох, сколько сил уходит, чтобы угодить порядочным людям! Он обедал, играл по маленькой, а потом поднимался наверх с кем-нибудь из девочек.

— И не платил?

— Это являлось частью нашего договора. Успех часто зависит от того, сумеешь ли ты обзавестись высокопоставленными друзьями. Однажды, когда показывали представление…

— Представление?

— Да, красавчик, представление, и не смотрите на меня такими большими глазами. Видите, вот занавес, а за ним сцена, где показывают небольшие спектакли, ну, вроде… в общем, чуточку вольные. Однако, какой вы скромный!

— Я упиваюсь вашим рассказом, сударыня!

— Лучше допейте ваш стакан. Некоторые состоятельные ценители красоты любят, когда актрисы в своем природном обличье разыгрывают… ммм… двусмысленные сценки. Эти представления возбуждают даже самых пресыщенных. Ну, и все кончают… Послушайте, что вы смотрите на меня невинными глазами? Вы понимаете, о чем я говорю? О разврате, о самом грязном разврате. Короче, чтобы стало совсем понятно, эти сценки заставили кончить даже самого герцога де Жевра.[19] В общем, однажды после спектакля Ларден, пожелавший продолжить развлечения, оказался в объятиях юной киски, перед очарованием которой никто не мог устоять. Он опустошил полкорзины бутылок с моим шампанским и влюбился по уши. Я не люблю гневить ни Бога, ни дьявола, а потому отдать ему задешево такой бриллиант мне совесть не позволяла. По моему совету девица начала изводить его и водить за нос. Он окончательно зачах. Сами-то мужчины объясняться не умеют, и этот великий умник попросил меня замолвить за него словечко. Ну, мы сказали, что надо заплатить кое-какие долги, и я получила кругленькую сумму. Он женился на киске и попал в ад. Она наставила ему столько рогов, сколько в Париже колоколен. Ненасытная шлюха полюбила наряды, драгоценности, красивую жизнь, хорошую кухню и вдобавок кокетничала с каждым встречным!

— Но, — возразил Николя, — разве она не из хорошей семьи? Говорят, у нее есть состоятельный родственник.

Глаза Полетты широко раскрылись и подозрительно уставились на Николя. Она облизнула губы.

— Послушайте, красавчик, вы, похоже, знаете все не хуже меня…

Николя почувствовал, как его заливает холодный пот.

— Комиссар Камюзо говорил мне, что у нее в родственниках есть лекарь…

Услышав имя комиссара, толстуха успокоилась.

— Камюзо правильно вам сказал. Родители шлюхи Ларден умерли от оспы, когда ей было всего четырнадцать лет. Ее кузен, доктор Декарт, подсуетился, забрал себе наследство, а ее отдал в учение к модистке. А дальше случилось то, что должно было случиться. Она забеременела, и ей пришлось торговать собой направо и налево. Ко мне она попала уже после нескольких лет распутной жизни. А что я? Сердце у меня доброе, я раскрыла ей свои объятия и вывела ее в люди.

Толстуха с остервенением потерла уголок глаза, где жемчужиной блеснула неизвестно откуда взявшаяся слеза, и, видимо, от волнения, залпом опустошила стакан.

— Она, наверное, ненавидит своего бесчеловечного родственника? — рискнул спросить Николя.

— Когда вы лучше узнаете женщин, красавчик, вы поймете, что с ними самые очевидные вещи далеко не всегда очевидны. Наоборот, они в превосходных отношениях. Шлюха Ларден знает, что делает, и я уверена, она непременно вернет свое наследство. Она способна так жестоко отомстить, что вам и не снилось. Да и тип этот не стоит даже веревки, на которой его надо повесить. Клиент на мою голову. Чтобы довести свое дело до конца, этот лицемерный развратник, этот вонючий святоша требует шоколад с янтарем и шпанской мушкой[20]. Сластолюбивый крохобор, он выгадывает каждый день, а когда, наконец, отдаст деньги, начинает требовать в десять раз больше, чем заплатил. Ему, видите ли, нужно, чтобы все чинно и осмотрительно, с ужимками, в маске, товар первой свежести. А зачем ему такой товар, если он даже надкусить его не может?

— Все так серьезно?

— Еще хуже. Представьте, когда он явился сюда в прошлую пятницу, он ухитрился подраться с этим мошенником Ларденом. Они столько всего попортили!

— Но неужели человек, который, судя по вашему рассказу, сильно озабочен сохранением своей репутации, отважился свободно прийти к вам в вечер карнавала?

— Именно в вечер карнавала, красавчик, потому как по обычаю в это время все носят маски, и он не боялся, что его узнают. Не понимаю, как это случилось… Самое любопытное, что… Но хватит об этом пердуне. Поговорим лучше о наших делах.

Позднее, когда Николя стал вспоминать подробности своего разговора с Полеттой, он вдруг понял, что именно в тот момент он впервые почувствовал себя настоящим сыщиком. В считанные минуты он переступил черту, отделявшую честного человека, приверженного четким, незыблемым истинам, от полицейского агента, обязанного твердо помнить конечную цель своего расследования. Прихотливое искусство полицейского следствия предполагает маневр, расчет… и отсутствие щепетильности. Для успешного следования по избранному им нелегкому пути ему придется пожертвовать такими понятиями, как порядочность и благородство. И он с ужасом ощутил, что выбора у него не осталось.

У него не хватило времени прочувствовать последствия сделки с самим собой. И он никогда не мог восстановить цепочку своих тогдашних рассуждений, в конце которой на него внезапно снизошло озарение. Незнакомый ему внутренний голос сказал, что надо делать. Подчинившись, он развернулся к Полетте и, схватив ее за обе руки, язвительным тоном произнес:

— Самое любопытное, сударыня, вы прекрасно знаете, что эта драка не случайна. Декарт появился здесь, потому что вы его пригласили.

Почувствовав, что тон Николя изменился, попугай заверещал, а Полетта, задергавшись, безуспешно попыталась ослабить железную хватку и высвободить руки. Она мотала головой, и рот ее с ярко накрашенными губами открывался, словно у выброшенной на берег рыбы. Набеленное лицо, перекосившееся то ли от гнева, то ли от удивления, покрылось трещинами, и белила начали осыпаться. Упавший на платье кусок белил рассыпался, подняв крохотное белое облачко.

— Маленький гадкий мерзавец. Отпусти меня, мне больно! Что ты здесь вынюхиваешь, гнусная полицейская ищейка? Это тебе Декарт все рассказал? Ну, будет ему сука от сучьей дочери!

— Нет, Ларден, — ответил Николя, напрягшись в ожидании ответа.

Толстуха растерянно замигала.

— Но это невозможно.

— Почему?

— Потому что… я не знаю.

— Зато я кое-что знаю, — отчеканил Николя. — Например, я знаю, что Полетта не гнушается темными делишками. Что Полетта ошиблась слушателем и, приняв незнакомца за подручного комиссара Камюзо, выложила столько лишнего, что теперь есть тысяча причин закрыть «Коронованный дельфин», арестовать вышеозначенную Полетту и отвезти ее в Шатле, где на допросе ей переломают все кости, а потом приговорят к пожизненному заключению в тюрьме Форс. И никто не станет слушать ее жалкие оправдания, а высокие покровители испарятся, едва узнав о ее аресте. Одним словом, сударыня, вы имели несчастье принять меня за другого.

— Но кто же вы, черт возьми?

— Сударыня, я посланец начальника полиции де Сартина.

По обмякшему виду Полетты Николя понял, что рыба на крючке, и решил слегка ослабить хватку. Он вспомнил, как вместе с мальчишками, своими ровесниками, они бегали на берег маленькой скалистой бухточки в устье Ла Виден, между Камоэлем и Арзалем, где ловили на крючок поднимавшихся по реке лососей. Толстуха Полетта попалась, теперь надо заставить ее выдать сообщников.

— Что вы от меня хотите, сударь?

— Успокойтесь, не кричите, будьте паинькой, мы не желаем вам зла. Вы были со мной милы, и я не хочу, чтобы вы считали меня неблагодарным. Но давайте поговорим серьезно. Если вы хотите, чтобы я уладил ваши дела, вы должны немедленно встать на сторону людей достойных, то есть тех, кто сильнее, ибо только они могут обеспечить вам гарантии. А в вашем положении гарантиями пренебрегать не следует.

Рыба задергалась и попыталась соскочить с крючка.

— Я ничем не могу вам помочь. Я всего лишь бедная женщина, ставшая жертвой людской злобы. Я всегда жила в согласии с полицией. Сводите ваши счеты между собой.

— О ваших махинациях с Камюзо мы поговорим позже. Пока я хочу знать, почему и как Декарт очутился у вас в пятницу вечером?

— Ничего не знаю.

— И часто он приходил без предупреждения?

— Случалось.

Рыба набралась сил и, описав широкий круг, подумывала, как бы ей сломать удочку. Настало время напомнить ей о крючке.

Часы опекуна отзвонили одиннадцать. Николя вытащил их из кармана и произнес:

— Даю вам три минуты. Если за это время вы не вспомните, причем точно и со всеми подробностями, почему в пятницу вечером к вам явился доктор Декарт и что он тут делал, я забираю вас в Шатле.

— Его пригласил комиссар Ларден.

— Чтобы устроить драку? Не вижу в этом смысла.

— Больше я ничего не знаю.

— Или не считаете нужным говорить?

Полетта, похоже, уперлась. Съежившаяся, с застывшим лицом, она походила на языческих идолов с гравюр его друга Пиньо, грезившего о путешествии в Восточные Индии. Молодой человек решил выдернуть рыбу из воды. Вытащив обрывок письма, найденного в кожаном

камзоле на Монфоконе, он помахал им перед глазами Полетты, предусмотрительно зажав его в кулак. Толстуха не должна догадаться, что у него на руках только кусок документа.

— Сударыня, узнаете собственный почерк и собственную подпись?

Откинувшись назад, Полетта испустила пронзительный вопль и в порыве буйства принялась раздирать на себе одежду. В тихой гостиной моментально началось столпотворение. Слетевший с жердочки попугай заметался, натыкаясь на стены и задевая люстру, всякий раз издававшую звонкий хрустальный перезвон. Решив, что ее хозяйку убивают, в комнату с криками влетела девочка-негритянка. Прискакавшая следом обезьяна выскочила на середину и начала крутиться, словно дервиш из Порты. Сохраняя полнейшую невозмутимость, Николя встал, взял из поставца стеклянный графин и, отыскав место, где каменный пол не был прикрыт ковром, с размаху швырнул на него графин. Его неожиданный поступок, сопровождаемый звоном разбитого стекла, привел в чувство всех действующих лиц неожиданного переполоха. Полетта принялась поправлять платье. Попугай сел на украшавшего каминные часы купидона и принялся долбить свечу в подсвечнике. Обезьянка спряталась под юбку своей маленькой хозяйки; негритяночка, обхватив голову руками и широко открыв белозубый рот, замерла. При виде ее лица у Николя промелькнула какая-то робкая мысль, но он не успел ее поймать.

— Все, успокоились, — произнес он. — Девочка, принесите мне, чем писать.

Исполнять приказание первой отправилась обезьяна. Выскочив из-под юбки хозяйки, она галопом унеслась в коридор. Следом за ней чинно удалилась девочка-негритянка.

— Сударыня, вы узнаете это письмо? — вновь спросил Николя, по-прежнему помахивая перед носом хозяйки борделя кончиком зажатой в руке записки.

— Ах, молодой человек, я всего лишь орудие, — запричитала Полетта; ее буйство прекратилось так же внезапно, как и началось. — Ларден попросил меня об услуге, и я не смогла отказать. Требовалось выманить Декарта сюда, и я написала, что у меня для него есть новенькая. Вместе с письмом ему отправили длинный черный плащ и черную шелковую полумаску. И все, слово Полетты. Поверьте, я больше ничего не знаю. В сущности, я женщина честная… конечно, в своем роде. Но я всегда подаю бедным и исповедуюсь на Пасху.

— Так много я от вас не требую. Теперь вы под моим покровительством. Покровительством безвозмездным, так что вы еще выиграете на обмене.

Служанка принесла поднос с бумагой, пером и чернильницей. Написав несколько слов, Николя протянул листок Полетте.

— Если я вам понадоблюсь или если что-нибудь случится и вы захотите мне об этом рассказать, отправьте мне эту записку без подписи.

Взяв бумагу, она прочла: «Лосося вытащили из воды».

— Это значит…

— Для вас — ничего, а для меня многое. И последнее. Пишите: «Признаюсь, что я написала записку господину Декарту, в коей записке я пригласила его прийти в „Коронованный дельфин“ в пятницу, 2 февраля 1761 года…»

Высунув язык, толстуха старательно водила пером по бумаге, выписывая детским почерком слова: «…и сделала это по настойчивой просьбе комиссара Лардена».

— Теперь подписывайтесь… Благодарю вас, сударыня, наша встреча оказалась необычайно плодотворной.

Довольный собой, Николя с чувством выполненного долга вышел на улицу. Он приобрел ценного свидетеля. Основательно продвинулся в расследовании. Сейчас ему казалось, что дело о подпольных игорных домах и дело об исчезновении Лардена можно объединить в одно. Ведь противостояние двух полицейских комиссаров началось из-за махинаций Камюзо. Ларден

начал расследование, его заманили в ловушку и стали шантажировать. После беседы с Полеттой образ Лардена в глазах Николя изрядно потускнел.

Впечатление, произведенное на Николя женой Лардена, подтвердилось. Теперь он понимал, почему при каждой встрече с ней у него возникало чувство неловкости. Если ее муж действительно убит, кто виновник его гибели? Кредиторы, осуществившие свою угрозу, потому что Ларден не сумел заплатить долг? Или Декарт, решивший отомстить Лардену за то, что тот вывел его на чистую воду? И какая часть ответственности за гибель Лардена ложится на его жену?

Приятно было сознавать, что за исключением интрижки с госпожой Ларден, Семакгюс ничем себя не скомпрометировал и оказался непричастным к убийству комиссара. Наконец-то Николя понял, отчего в разговоре с ним Сартин проявлял сдержанность и все время чего-то недоговаривал. Усомнившись в верности Лардена, начальник не хотел вспугнуть комиссара Камюзо.

Ощущая в себе прилив новых сил, Николя шел вприпрыжку, перескакивая через сугробы и весело скользя по застывшим лужам. В надежде, что Сартин оценит его труды, ему хотелось поскорее представить отчет о последних событиях. По средам начальник полиции вел прием в Шатле. Чтобы добраться до места, Николя решил взять фиакр. Оглядываясь по сторонам в поисках свободного экипажа, он услышал за спиной глухой стук колес. Обернувшись, он увидел карету, мчавшуюся по заснеженной улице прямо на него. Высоко поднятый воротник и глубоко надвинутая на лоб шляпа скрывали лицо кучера. Он замахал рукой, пытаясь остановить карету, но кучер лишь стегнул лошадь, и она галопом понеслась ему навстречу. Он прыгнул в сторону, но улица оказалась слишком узкой. Сильный удар в плечо подбросил его вверх, и он со всего размаху упал на обледенелую мостовую и ударился головой. Из глаз посыпались искры, и он потерял сознание.

VII
ГРОМЫ И МОЛНИИ

Моя решимость дрогнула. Я вижу,

Что бес мне лгал двусмысленною правдой.

Шекспир[21]

— Ну как, Николя, тебе лучше? Ох, как ты меня напугал!

Не открывая глаз, молодой человек поднес руку к голове и нащупал за левым ухом огромную шишку, заклеенную мягким пластырем. Открыв глаза, он увидел, что лежит на кровати абсолютно голый. Рядом на стуле сидела одетая по-домашнему женщина и с улыбкой смотрела на него. Схватив простыню, Николя стремительно натянул ее до самого подбородка, и только тогда взглянул на свою сиделку.

— Ты меня не узнаешь? Антуанетта, твоя подружка.

— Это ты? Я помню… Что со мной случилось? Мне показалось, что меня сбила лошадь.

— Лошадь, но только не по своей воле! Сегодня утром я вышла на улицу и увидела, как какой-то фиакр мчится прямо на тебя. Ты пытался отскочить, упал, а он понесся дальше, даже не замедлив ход. Я подбежала, увидела, что ты совершенно бледный и у тебя течет кровь. Я испугалась и попросила отнести тебя ко мне в комнату, а потом позвала соседского цирюльника, который перевязал тебя и пустил тебе кровь. Он сказал, что от ушиба ты потерял сознание. Наконец ты очнулся, и я очень рада.

— Кто меня раздел?

— Опять за свое! По-прежнему всего стыдишься! Конечно, я, и не в первый раз… Ты же не хотел, чтобы я испачкала свою кровать твоей грязной и окровавленной одеждой?

Он покраснел. Антуанетта скрашивала его досуг, когда он осваивал азы ремесла. Тогда при одном только воспоминании об Изабелле он немедленно начинал корить себя за эту

интрижку. Тем не менее эта простая и приветливая девушка привлекала его и пробуждала сердечное волнение. Она служила горничной у супруги председателя парламента. Скромная и всегда веселая, она никогда ничего не просила. Испытывая к ней чувство нежной дружбы, он делал ей небольшие подарки — красивую шаль, букет цветов, серебряный наперсток, а иногда, в хорошую погоду, водил ее в какой-нибудь загородный кабачок.

— Который час?

— На колокольне Сен-Рош только что пробили Ангелус.

— Как, так поздно? Мне пора идти.

Он попытался встать, но у него закружилась голова, и он упал на кровать.

— Тебе надо отдохнуть, Николя.

— А как же ты? Твоя работа?

Она отвела глаза и не ответила. В комнате было не топлено, и она зябко повела плечами. Проскользнув под одеяло, она прижалась к нему. Он был очень благодарен ей. Когда он вновь ощутил ее запах, ее нежные прикосновения, ему показалось, что он видит прерванный когда-то сон. Он не заметил, как она разделась, и не нашел в себе силы оттолкнуть ее. Ее ласки, привычные и всегда новые, на этот раз были неторопливыми и усиливали любовное томление; он столь же плавно отвечал на них. Его обострившиеся чувства отзывались на каждое прикосновение. Отбросив раскаяние, он почувствовал себя по-настоящему счастливым и, умиротворенный, погрузился в сладостное оцепенение.

Четверг, 8 февраля 1761 года.

Николя проснулся от запаха кофе[22]. Он чувствовал себя бодрым и отдохнувшим. Но стоило ему повернуть голову, как рана дала о себе знать резкой тянущей болью. Антуанетта, одетая, протянула ему чашку кофе и маленький хлебец. Несмотря на раннее утро, она успела сбегать за покупками. Николя привлек ее к себе и поцеловал. Она со смехом высвободилась.

— Падение пошло тебе на пользу. Вчера вечером ты был не таким, как раньше, — более нежным, более…

Он не ответил и продолжал молча пить кофе, глядя на нее с нежностью и смущением.

— Антуанетта, почему ты больше не живешь у председателя?

Он хорошо помнил ее крохотную комнату, куда он, держа в руках башмаки, поднимался по винтовой лестнице с черного хода. Тогда он больше всего боялся, как бы кто-нибудь его не увидел.

— Это долгая история, — ответила девушка. — Я служила у него два года, и все это время мне нравились и работа, и хозяева. Хозяйка обращалась со мной ласково и не обременяла поручениями. Но год назад у них поселился кузен хозяина; он немедленно начал приставать ко мне со всякими гнусностями. Сначала я только смеялась и делала вид, что не замечаю его намеков. Потом сказала ему, что я честная девушка и поступила в этот дом не для того, чтобы потерять в нем свою честь. Я напомнила ему, что у него молодая и красивая жена и он должен посвящать все свое время ей.

При мысли о том, что с ним она позабыла о своей добродетели, Николя стало неловко.

— Но он продолжал меня преследовать, — продолжила Антуанетта. — Как-то вечером, в январе прошлого года, когда я шла от хозяйки к себе в мансарду, он выследил меня, ворвался в комнату, схватил в охапку, и я потеряла сознание…

— А потом?

— Он воспользовался моментом. Через некоторое время я заметила, что у меня прекратились месячные. Я все рассказала председательше, но она мне не поверила. А так как она очень набожна, она сурово отчитала меня. Мужу она ничего не сказала, потому что тот

души не чаял в своем кузене. В общем, меня выгнали, и я оказалась на улице. В декабре я родила, но виновник отказался мне помочь. Я поместила ребенка к кормилице в Кламар. Что мне оставалось делать, одной, без поддержки и рекомендаций? Хозяйка даже видеть меня отказалась.

— Почему ты не пришла ко мне? Ты уверена, что ребенок не от меня?

— Ты очень осторожный, Николя. Я все подсчитала. Тем более что к тому времени мы с тобой уже давно не встречались. Мне пришлось привыкать к новой жизни. Там, где ты служишь, тебе скажут, что сейчас я работаю у Полетты. Теперь меня зовут Сатин.

Николя вскочил и, шагнув к ней навстречу, крепко сжал ее запястья. Про себя он отметил, что этот жест, помогавший ему подчинять своей воле женщин, которых он допрашивал, начал входить у него в привычку. Наблюдение развеселило его, но смех быстро сменился страхом, пробужденным рассказом Антуанетты. Какой лукавый и порочный гений, забавляясь, решил сделать девушку свидетелем не только покушения на него, но и интересующих его событий?

Всегда готовый извлекать уроки из собственных ошибок, он немедленно отругал себя за то, что не стал дальше допрашивать Полетту. Тогда бы он уже знал, рассказал ли Семакгюс всю правду о вечере 2 февраля или снова что-то утаил. Испытанное им накануне удовлетворение бесследно испарилось. Оценивая сейчас свою работу, он с горечью признавался, что вел себя как неопытный подмастерье. Чтобы достичь высот мастерства, ему надо еще учиться и учиться. А он поддался необдуманным порывам, которые слишком быстро стал называть интуицией. Но никакая интуиция не могла заменить продуманного метода…

Итак, Семакгюс провел ночь с Антуанеттой! Чувствуя жалость к своей подружке, которую судьба вынудила заняться постыдным ремеслом, он ощутил себя не в своей тарелке.

Внезапно вместо бледной и испуганной Антуанетты он на миг увидел ту юную простодушную девушку, какой еще недавно была его подружка. Сейчас о прошлой Антуанетте напоминали только светлые пепельные волосы; собранные в высокую прическу, они оставляли открытой трогательную ямочку на шее, которую он так любил целовать. От мучительных воспоминаний лицо его покрылось красными пятнами.

— Ты на меня сердишься, Николя? Можешь не отвечать, я же вижу, что ты меня презираешь.

Он отпустил руки девушки и погладил ее по щеке.

— Антуанетта, сейчас я задам тебе очень важный вопрос. Обещай, что станешь отвечать честно и искренне. Речь идет о жизни и чести одного человека.

— Обещаю, — ответила удивленная Антуанетта.

— Что ты делала в прошлую пятницу? Точнее, в ночь с пятницы на субботу?

— Полетта велела мне ждать клиента.

— Ты его прежде видела?

— Нет. Поэтому Полетта посоветовала мне сделать невинный вид и изобразить девушку из хорошего дома. Я ее послушалась, потому что хотела заработать несколько лишних монет. Но все оказалось совсем не так…

— Что произошло в ту ночь?

— Клиент, который должен был прийти, не пришел. Зато пришел другой.

— А этого ты знала?

— Нет. А почему ты спрашиваешь?

— Можешь его описать? — спросил Николя, не отвечая на ее вопрос.

— Высокий, краснолицый, лет пятидесяти. Впрочем, у меня не было времени как следует его разглядеть. Он отдал мне жетон, вручил луидор и попросил, если меня будут спрашивать, отвечать, что он пробыл у меня до трех часов утра. Затем он ушел.

— Кто-нибудь видел, как он выходил?

— Никто, он воспользовался потайной калиткой в саду, через которую убегают игроки, когда приходит полиция с облавой.

— В котором часу он ушел?

— В полночь с четвертью. Я никому ничего не сказала, даже Полетте. Утром я вернулась сюда.

— Где моя одежда?

— Ты уже уходишь, Николя?

— Мне пора. Дай мне одежду.

Он торопился покинуть эту комнату, где вот уже несколько минут ему, невзирая на холод, нечем было дышать.

— Сегодня утром я ее почистила и кое-где заштопала, — смущенно промолвила Антуанетта.

Он оделся и, порывшись в карманах, вытащил жетон, найденный в кожаном камзоле, и показал девушке.

— Узнаешь?

Чтобы разглядеть протянутый Николя кругляшок, она поднесла его к свече.

— Это жетон из «Коронованного дельфина», но жетон особый. Такие штучки Полетта дает своим друзьям, чтобы их развлекали бесплатно. Видишь, на оборотной стороне нет номера.

— А на жетоне твоего клиента был номер?

— Да, номер семь.

— Спасибо, Антуанетта. Вот, возьми немного денег для кормилицы…

Смутившись, он нежно обнял ее.

— Это не за ночь, понимаешь? Мне бы не хотелось, чтобы ты считала… Это для ребенка.

Она мило улыбнулась и смахнула с его фрака пылинку.

Выйдя на улицу, Николя почувствовал, как в нем что-то сломалось. От лихорадочного возбуждения, охватившего его после допроса Полетты, не осталось и следа. Полученные им только что сведения повергли его в жесточайшее уныние. Вдобавок он испытывал неизвестно откуда взявшиеся угрызения совести. Еще его не отпускала мысль о том, что Семакгюс обманул его, и, следовательно, хирург вновь попадал в список подозреваемых, причем на первую строчку. Особенно если подтвердится, что найденные останки действительно принадлежат Лардену.

Рассвет запаздывал, снег начал таять, и уже в трех шагах нельзя было ничего разглядеть. Темная, словно туннель, улица заполнилась густым туманом. Николя шел наугад, шлепая по грязным лужам, натыкаясь на бледные тощие тени, которые то куда-то торопились, то топтались на месте. Иногда туманный занавес приподнимался, открывая обшарпанные стены домов. Чтобы не сбиться с пути, Николя довольно долго шел вдоль домов наощупь.

Прогулки по туманным столичным улицам всегда считались небезопасными. А после вчерашнего нападения Николя с ужасом обнаружил, что он все время слышит за спиной стук колес призрачной кареты, мчащейся, чтобы раздавить его. Никогда еще он не думал о смерти так много, как сегодня. Еще острее, чем на похоронах опекуна в соборе Геранда, он ощущал хрупкость человеческой жизни. Ударившись головой о мостовую, он вполне мог стать одним из тех безымянных трупов, которых, окровавленных и ограбленных, каждое утро выкладывают на холодном каменном полу мертвецкой. Он с удовольствием взял бы фиакр, но как его найти в таком тумане? Когда впоследствии он вспоминал это утро, его не покидала уверенность, что

его путь в тумане тянулся вечность. Рассвет с трудом оттеснял туман, проливая на сумрачные улицы бледный свет. Но постепенно тени, окружавшие Николя, обрели лица, раздались знакомые звуки и голоса. Привычная жизнь постепенно вступала в свои права. Проплутав немало времени, он, наконец, вышел на улицу Сен-Жермен-л'Осеруа, оттуда повернул к скотобойне и по улице Сен-Лефруа добрался до Шатле.

Ступив под мрачные своды, он услышал, как кто-то позвал его по имени. Он обернулся и увидел двигавшуюся к нему навстречу странную фигуру, напоминавшую трапецию. Из середины верхнего основания трапеции торчала увенчанная высокой шляпой голова, внизу двигались ноги в грубых башмаках. Широкий плащ, являвшийся главной деталью этого необычного костюма, напоминал раскинутые крылья. Николя узнал Жана, бретонца из Понтиви, с его передвижным туалетом. Известный большинству под прозвищем Сортирнос, этот малый проникся к Николя симпатией и с удовольствием делился с ним своими наблюдениями, сделанными во время хождения по городу. Он не являлся штатным осведомителем, его рассказы больше напоминали хронику столичной жизни. Но так как в силу своего занятия он посещал самые людные места, его сведения часто оказывались необычайно полезными.

В Париже катастрофически не хватало общественных нужников, и тот, кому на оживленной улице срочно требовалось облегчиться, попадал в крайне затруднительное положение. Когда отыскать укромное место возможности не представлялось, а справить нужду в незнакомом доме было чревато определенным риском, прибегали к помощи передвижного туалета, то есть персонажа, носившего под клеенчатым плащом два ведра, подвешенных к лежавшему на плечах коромыслу. Сортирнос усовершенствовал систему, прикрепив пониже спины небольшой табурет, позволявший ему сидеть, пока клиенты совершали свою работу. Изобретение облегчало общение.

— Николя, устраивайся, мне нужно сообщить тебе кое-что важное.

— Некогда. Погуляй пока поблизости, я скоро выйду.

Утвердительно кивнув, Жан отправился совершать очередной обход, и под сводами зазвучал его призывный клич: «У кого нужда — беги сюда!» Николя вошел в Шатле. Слабо освещенное помещение с затхлым воздухом напоминало склеп. Оплот правосудия и правопорядка выглядел мрачно, вполне соответствуя своей зловещей репутации. Запах плесени вызывал удушье, от нехватки воздуха притуплялись мысли. Николя устал не только телом, но и духом, а сегодня, судя по всему, его ожидал тяжелый день. Попытка прогнать одолевавшие его мрачные мысли удачей не увенчалась.

На ступенях главной лестницы сидел какой-то человек и явно наблюдал за Николя. Удрученный молодой человек почувствовал недобрый взгляд незнакомца, но не придал ему значения. А дальше случилось то, чего Николя даже представить себе не мог. В облаке резких кислых ароматов пота и мокрой кожи перед ним выросла тень и, словно железной рукой, прижала его к стене. Не ожидая нападения, Николя не смог собраться и ударился головой о стену. Шляпа свалилась с него, из растревоженной раны закапала кровь. Молодой человек дернулся, но та же рука моментально схватила его за горло. Наконец он разглядел лицо своего противника; впрочем, тот и не пытался его скрыть. Незнакомец выглядел довольно молодо. Коротко стриженные волосы позволяли видеть идущий через всю голову шрам. Физиономия его вполне могла бы считаться заурядной, если бы не беспощадный блеск неподвижных глаз. Бледное, словно обескровленное, лицо с плотно сжатыми губами, кривилось в ядовитой ухмылке; больше всего нападавший походил на покойника.

Продолжая сжимать горло жертвы, бандит изменялся на глазах, постепенно обретая присущую ему отталкивающую красоту. Николя похолодел, ощутив себя во власти безжалостного и коварного врага.

— Вчера ты легко отделался, господин бретонец, — прошипел незнакомец, — но в следующий раз тебе крышка. Так что мой тебе совет: забудь обо всем, что ты разнюхал, иначе…

В руке его сверкнула сталь, и Николя почувствовал, как острый клинок полоснул его по ребрам. Ударив Николя головой об стену, бандит разжал руку, отскочил в сторону, прыжками спустился с лестницы и исчез.

Цепляясь за каменные выступы, чтобы не упасть, Николя стоял, не в силах избавиться от безжизненного взора тусклых зеленых глаз. Такие глаза он видел у рептилий. Однажды в Геранде, еще мальчишкой, он сидел на корточках возле болота, пытаясь поймать лягушку. Выследив зазевавшуюся зеленую красавицу, он уже приготовился схватить ее, как из травы вылез чудовищных размеров уж и холодным недвижным взором уставился на Николя. Мальчик бежал, оставив рептилии добычу.

Новое покушение на Николя, хладнокровно совершенное под сводами цитадели правосудия, свидетельствовало, что его расследование стало угрожать интересам высокопоставленных особ, чувствовавших себя настолько недосягаемыми, что они среди бела дня подослали к нему убийцу.

С бешено бьющимся сердцем Николя кое-как дотащился до конца лестницы и остановился, переводя дух. Его приятель привратник сидел в приемной за столом из еловых досок и натирал табачные листья. Полученный в результате этой операции порошок он заботливо, стараясь не потерять ни крошки, ссыпал в маленькую оловянную коробочку. Полностью поглощенный любимым занятием, он не заметил, как вошел Николя. Услышав учащенное хриплое дыхание молодого человека, он поднял голову. Увидев Николя, по щеке которого струилась кровь, он растерянно воскликнул:

— Господи, кто это вас так отделал, господин Николя? Чем я могу вам помочь? Господин Бурдо вас ищет, он где-то здесь поблизости. Мария-Иосиф, да что с вами случилось?

— Ничего. Ударился головой, рана открылась, и кровь никак не остановится. Мне надо немедленно поговорить с господином де Сартином. Он у себя?

У Николя закружилась голова, и он обеими руками уперся в столешницу, чтобы не упасть. В глазах у него потемнело, пол начал медленно уходить из-под ног. Не долго думая, привратник вытащил из кармана стеклянную фляжку, огляделся и, убедившись, что они одни, сунул ее Николя:

— Выпейте, вам станет лучше! В такие морозы у меня всегда под рукой небольшой запас рома, как и положено старому моряку. Давайте, пейте, это придаст вам силы!

От отвратительного пойла Николя закашлялся, но крепкий алкоголь согрел его, и лицо его порозовело.

— Вот и чудненько, вот вы уже и молодцом! Вы хотите видеть господина де Сартина? И он хочет вас видеть. Приказал, как только вы появитесь, так сразу к нему. Он, конечно, был не в духе, но он всегда такой. Словом, еще одному парику каюк, уж так он его терзал…

Решительно, сегодня утром всем хотелось увидеть Николя!

Секретарь осторожно поскребся в дверь, подождал, пока из кабинета выйдет посетитель, и впустил Николя.

Знакомый кабинет пустовал. Царившую в нем тишину нарушали только шелест огня в камине да шипение искр от распадавшихся на угольки прогоревших поленьев. От тепла, разлившегося по всему телу, Николя захотелось спать. Блаженное ощущение покоя вернуло ему уверенность в себе, утраченную после разговора с Антуанеттой. Борясь со сном, он оперся о заваленный папками рабочий стол и только тогда заметил, что над поставленными по другую

сторону стола креслами торчат макушки двух париков. Не в силах сдвинуться с места, он, сам того не желая, стал слушать протекавшую в его присутствии беседу.

— Послушайте, дорогой мой, как мы с вами до этого докатились? — спрашивал Сартин. — Сегодня утром мне принесли письмо, откуда я узнал, что в Лондоне уже говорят о капитуляции Лалли,[23] осажденного в Пондишери! Год назад мы потеряли наши владения в Канаде, а теперь история угрожает повториться в Индии…

Ехидный дребезжащий голос прервал начальника полиции:

— Что вы хотите, едва мы начали воевать с Англией, как на нашу голову свалился союз с Австрией. К войне на море прибавилась война на суше. А гоняться сразу за двумя зайцами… Война, знаете ли, требует денег, много денег. И полководцев. Прежде всего полководцев. А откуда им взяться, если в армии царит хаос? Законов у нас много, да толку от них… Нижние офицерские чины незаслуженно унижены, младшие офицеры разочарованы, а непомерные амбиции придворных шаркунов порождают только склоки…

— Но ведь прежде чем начинать кампанию, кто-то же о чем-то думал?

— И думал, и взвешивал. Но сладкоголосая сирена оказалась сильнее. Сами понимаете, куда нам угнаться за этой птицей… а господин Кауниц[24], посол его императорского величества и придворный любимчик Версаля, с удовольствием забавлял публику своими лакеями в обсыпанных мукой париках…

Над кипой досье показалась рука. Вцепившись в макушку парика, она подергала его, проверяя, прочно ли сей парик сидит на голове.

— …Он полюбезничал с красоткой[25], поманил ее императорской благодарностью. Она тут же открыла в себе дипломатический талант и решила сыграть новую для себя роль. Спектаклей в малых апартаментах ей уже недостаточно. Как только королевские фаворитки начинают стареть, они сразу принимаются выставлять напоказ свое благочестие и немедленно лезут в политику! Если непредвзято оценить положение дел во Франции, я бы сказал, что королевство держится только чудом. Его дряхлый, пришедший в негодность механизм развалится при первом же потрясении. А еще дерзну предположить, что наше самое большое зло заключается в том, что никто не видит масштабов нашего хаоса. Еще хуже, никто сознательно не хочет его видеть.

— Друг мой, однако вы неосторожны.

— Здесь никого нет, а с вами, Сартин, я разговариваю как с самим собой. Мы с вами старые приятели. В Париже прошел слух, что красотка приказала собрать все, что когда-либо писали о госпоже де Ментенон…

— Это не слух, а чистая правда.

— Вам виднее, какая это правда… Но я отвлекся. Фактически пришлось выбирать между войной с Англией и сопряженными с ней тяготами и дерзкой сменой союзников, сопряженной с риском ввязаться в войну на суше. Эта легкомысленная особа вообразила, что война будет короткой. Вечный ветер в голове…

— Что вы имеете в виду?

— Сами знаете! Ох уж это французское легкомыслие… Красотке захотелось подергать за ниточки мировой политики. Союз с извечным врагом Габсбургом назвали образцом дальновидной политики. Заговорили о мире, об упрочении союза… Кое-кто спешно бросился ваять статуи и чеканить медали… И все это не считаясь с англичанами и «северным Соломоном»[26], которого превозносит Вольтер. Впрочем, для господина де Вольтера кровь, пролитая французами, является всего лишь предлогом для очередной эклоги.

— Война с Англией от нас не зависела, — заметил Сартин.

— Вы правы, они не оставили нам выбора. Эти англичане самые настоящие пираты, да, черт побери, именно пираты…

Стук кулака по закраине стола вывел Николя из дремотного состояния, и он опять оказался перед вопросом, стоит ли ему выдавать свое присутствие или нет.

— Они без объявления войны захватили триста наших кораблей и шесть тысяч моряков, — продолжал язвительный голос. — А наш флот, как вам известно, находится под командованием совершеннейшего ничтожества. Ваш предшественник Беррье, сделавший карьеру исключительно потому, что поощрял мелкие страстишки красотки, пересказывая ей городские сплетни и разоблачая несуществующие заговоры, теперь является полномочным министром морского департамента. А господин де Шуазель по-прежнему хочет высадиться в Шотландии. Один из моих друзей, служивших на королевском флоте, наглядно доказал мне бессмысленность подобного проекта. К тому же…

Один из париков исчез, и голос зазвучал доверительно.

— К тому же нас предали.

— Как предали?

— Увы, Сартин. Один из моих сослуживцев, чиновник в департаменте иностранных дел, продал наши планы англичанам.

— Его арестовали?

— Куда там! Нельзя возбуждать подозрений Лондона! Сейчас мы следим за ним, но свое черное дело он уже сделал. Зло свершилось, катастрофа произошла, и наши линейные корабли блокированы англичанами в эстуарии реки Вилен.

Николя вспомнил, что в одном из последних писем каноник Ле Флош рассказывал, как они с маркизом Ранреем ходили смотреть на французские корабли, стоявшие на якоре в бухте Треигье.

— Друг мой, — понизив голос, спросил Сартин, — есть ли какая-нибудь связь между этим предательством и нашим делом?

— Не думаю, но если дело провалится, результат, скорее всего, будет тот же самый. В теперешнем положении нельзя допустить, чтобы кто-нибудь скомпрометировал его величество или его окружение. Увы, после нашего поражения под Росбахом[27] ничем нельзя пренебрегать. Прусского короля считали недалеким дурачком, и вот вам результаты. Все рухнуло в тот день, когда этот мародер Ришелье — полагаю, вы знаете, что солдаты зовут его шельмецом — вступил с Фридрихом в переговоры, вместо того чтобы разбить его.

— Вы несправедливы к победителю при Порт-Магоне.

— Какой ценой, Сартин, какой ценой! Поведение Ришелье в Германии нельзя назвать даже предательством. Это гораздо хуже — это глупость. Вот что получается, когда женщина начинает командовать, сидя у себя в будуаре. Красотка хотела, чтобы ее приятель Субиз стяжал все лавры предполагаемой победы над Фридрихом. Но о какой победе может идти речь, когда тактика боя выработана за три сотни лье от места битвы и автор этой тактики — Пари-Дюверне, протеже красотки и поставщик фуража и провианта в армию?[28] Удивляюсь, как мы еще ухитряемся иногда одерживать победы. Ну и зачем, ради чего теперь стараться? Я устал, мне тоскливо.

— Успокойтесь, возьмите себя в руки, я не привык видеть вас таким унылым. В конце концов наша возьмет, и король…

— Кстати, о короле! Вы с ним встречаетесь, как вы его находите?

— Я видел его вечером в воскресенье в Версале, где он, как обычно, раз в неделю дает мне аудиенцию. Он показался мне усталым и печальным. Лицо желтое, опухшее…

— Интимные ужины, охота, вино… В его возрасте всего этого надо избегать.

— Настроение хуже некуда, — продолжал Сартин. — Он даже пропустил мимо ушей свои любимые галантные истории, хотя я каждый раз рассказываю ему новые. В тот вечер он

говорил только о кончинах, скоропостижных смертях, заупокойных молитвах и прочих похоронных сюжетах. С недавних пор его величество постоянно возвращается к теме смерти.

— Особенно после покушения.

— Именно. Знаете, что он ответил своему врачу Ламартипьеру, когда тот стал уверять его, что рана, нанесенная перочинным ножиком Дамьена, в сущности, пустяковая? «Она гораздо глубже, чем вы думаете, потому что она дошла до самого сердца». Он вспомнил, что его прадед «перед кончиной также чувствовал себя плохо». Однако Людовик Великий умер в гораздо более преклонном возрасте, нежели сейчас наш король. Еще он долго рассуждал о королевской усыпальнице в Сен-Дени и вздыхал, что стены собора «никогда не видели королей, потому что те прибывают туда только в гробах, в день собственных похорон, дабы упокоиться там навечно». Разумеется, он торопил меня с известным вам делом…

— Это красотка виновата в дурном самочувствии короля. Считая необходимым отвлекать короля от черных мыслей, она выдумывает всевозможные развлечения, хотя сама уже редко принимает в них участие. Но зато зорко следит за теми, кого выбирает для королевских утех.

— Если наши несчастья не прекратятся, вскоре ее возненавидят все. Война, борьба с провинциальными парламентами, вмешательство в дела религии — пожалуй, многовато для одной фаворитки.

— Вернемся к нашим делам, — напомнил неизвестный. — Какие новости? Я коченею от страха при одной только мысли, что… Скажите, каковы наши шансы?

Последовала долгая пауза. Николя затаил дыхание.

— Я поручил это дело одному из своих людей. Он не знает, что ищет. Это ищейка и заяц одновременно. Главное его преимущество заключается в том, что его никто не знает и он никого не знает.

У Николя подкосились ноги, он зашатался и, чтобы не упасть, схватился за стол, столкнув на пол одну из наваленных грудой папок. Папка с глухим стуком упала на пол. Если бы в комнату ударила молния, вряд ли она произвела бы большую панику. Вскочив с кресел, собеседники словно по команде повернулись в противоположные стороны: гость развернулся к окаменевшему от ужаса Николя спиной, а Сартин, наоборот, грозно уставился на него. В то же мгновение начальник полиции властно махнул рукой в сторону стоявшего у дальней стены книжного шкафа. Гость метнулся в указанном направлении, нажал на позолоченную резьбу, шкаф повернулся, и незнакомец мгновенно исчез во мраке открывшегося потайного хода. Шкаф встал на место. Вся сцена заняла не более трех секунд.

Скрестив руки на груди, Сартин молча разглядывал Николя.

— Сударь, я не хотел…

— Господин Ле Флош, ваш поступок не имеет оправданий! Я вам доверял… Живо клянитесь, что ничего не слышали. И потом, что с вами? На кого вы похожи? Впрочем, чего еще ожидать от юнца, который шляется по девкам. Ну что, сударь, что вы скажете в свое оправдание?

Распрямив плечи, Сартин победоносно усмехнулся, всем своим видом давая понять, что его невозможно обмануть, ибо он является самым осведомленным человеком во всей Франции.

— Сударь, позвольте смиренно вам заметить, что я не заслуживаю ни вашего гнева, ни вашей иронии. Вы же видите, я в отчаянии от случившегося. Я не пытался и не хотел подслушивать. Сказав, что вы меня искали и велели привести, как только я появлюсь, секретарь впустил меня в кабинет. Из-за открывшейся раны у меня кружилась голова, и я не заметил, что в кабинете кто-то есть. А когда обнаружил, что вы здесь и вдобавок не одни, мне показалось, что не следует напоминать о своем присутствии. В полуобморочном состоянии, я не понимал, как мне следует поступить.

Сартин хранил зловещее молчание, то самое, о котором в Париже говорили, что оно заставляет разговаривать немых и дрожать от страха самых отчаянных храбрецов. Николя никогда не испытывал его воздействия на себе. Начальник всегда был с ним учтив и, несмотря на вспыльчивость и вечное нетерпение, мог, если надо, дотошно объяснять Николя его задачу.

Выдержав взгляд Сартина, Николя отважился пойти в наступление.

— У вас неточные сведения, сударь…

Ответа не последовало.

— Я не шлялся по девкам, как вы изволили выразиться. Расследование по делу об исчезновении комиссара Лардена привело меня в публичный дом, который содержит сводня по имени Полетта. Полагаю, он вам известен: это «Коронованный дельфин». Когда я вышел из этого дома, меня чуть не раздавила карета; кучер, сидевший на козлах, старательно прятал лицо. Упав на мостовую, я потерял сознание. Одна из девушек оказала мне помощь, отвела к себе и перевязала.

Николя не счел нужным уснащать рассказ подробностями, касавшимися его одного.

— Сегодня утром я поспешил в Шатле доложить вам о том, что мне удалось узнать. Когда я поднимался по лестнице, на меня снова напали. Какой-то бретер угрожал мне и даже пустил в ход нож, отчего у меня есть основания полагать, что это был господин Моваль. Поэтому, сударь, у меня действительно несоответствующий вид. И поэтому, войдя к вам в кабинет, я не сразу сообразил, что мне делать.

Все больше возбуждаясь, Николя незаметно для себя повысил тон. Сартин по-прежнему молчал.

— А если я имел несчастье не угодить вам, сударь, если вы больше не считаете нужным мне доверять, мне остается только вернуться к себе в провинцию. Но прежде я хочу, чтобы вы выслушали меня. У меня нет семьи, нет никого, кто мог бы меня поддержать. Я получил скромную должность, которая меня вполне устраивала, но неожиданно мне велели оставить ее и отправили в Париж. Вы оказали мне покровительство и взяли к себе на службу. И я бесконечно вам признателен. Вы поместили меня к Лардену на таких условиях, что даже круглому дураку ясно, что вы намеревались установить за ним слежку. А потом вы дали мне поручение, которое, с какой стороны ни посмотри, довольно необычное: выяснить причины исчезновения Лардена. Но после того, что мне невольно довелось услышать сейчас, я понял: вы мне не доверяете, даже не берете меня в расчет. Вы сами учили меня субординации, и я знаю, что неведение есть признак подчиненного положения. Но поймите и меня, я не могу действовать, вслепую, попадая в каждый капкан, расставленный у меня на пути. А посему, сударь, я прощаюсь с вами. Но, прежде чем покинуть службу, я полагаю себя обязанным представить вам свой последний отчет.

Сартин по-прежнему молчал.

— Комиссар исчез, — продолжал Николя, — и вы дали мне полномочия, дабы я мог отыскать его. Что нам известно на сегодняшний день? В вечер своего исчезновения Ларден и его друг Семакгюс отправился ужинать в «Коронованный дельфин». Туда явился доктор Декарт, родственник жены Лардена, с которым комиссар немедленно затеял ссору. Выясняя причины этой ссоры, я обнаружил, что Декарт пребывает в натянутых отношениях с Семакгюсом: они соперничают как на почве медицины, так и в иных вопросах. В тот вечер Декарт, всегда старавшийся являться к Полетте тайно, выдал свое присутствие. Появляется новый персонаж — Эмилия, торговка супом. Ее жуткий рассказ приводит нас на живодерню, где все время, пока мы ведем поиски, за нами наблюдает какой-то тип на лошади. Исследование останков тела, найденного на Монфоконе, не подтвердило его принадлежность Лардену, но и не убедило в обратном. Труп по-прежнему остается неопознанным, хотя рядом с ним мы обнаружили трость Лардена и его кожаный камзол. После тщательного осмотра останков мы усомнились, что преступление было совершено именно там. В кармане камзола

мы нашли кусок письма Полетты и жетон из борделя. Эти улики могли быть вырваны из рук во время драки Лардена с Декартом. В процессе расследования мне удалось, обманув бдительность Полетты, узнать, что комиссар Камюзо и Моваль шантажировали Лардена, который, как оказалось, имел огромные карточные долги. Поэтому расследование Ларденом деятельности Камюзо вполне могло принять нежелательный оборот. Ларден, как и Декарт, является завсегдатаем «Коронованного дельфина». Там он нашел себе жену, бывшую пансионерку заведения. Жена разоряет его, обманывает и вдобавок является любовницей своего родственника Декарта. Накануне своего исчезновения Ларден уговорил Полетту пригласить на вечер Декарта. Помимо прочего я выяснил, что после ужина доктор Семакгюс, сделав вид, что идет развлекаться с девицей, на самом деле покинул заведение и отправился в неизвестном направлении. В ту же ночь исчез его слуга Сен-Луи. Итак, сударь, я изложил вам все собранные мною факты, включая два нападения, совершенные на вашего представителя, и предоставляю вам использовать их для дальнейшего расследования. Сегодня я понял, что являюсь всего лишь инструментом в ваших руках, а потому не должен знать, ни что я ищу, ни какую цель преследуют мои поиски. Смею быть уверенным, что обращаться со мной подобным образом вас побуждают соображения исключительно высшего порядка. А посему, сударь, почтительнейше прошу принять мою отставку. Остаюсь вашим смиренным и признательным слугой.

От волнения на протяжении всей речи кровь молотком стучала в висках Николя. Но с каждым словом, отрезавшим пути к отступлению, тиски, сжимавшие грудь молодого человека, неуклонно разжимались. Когда же он умолк, наступило облегчение. Его даже охватило непонятное ликование. Несмотря на достаточно подробный рассказ, кое-какие детали он счел нужным скрыть, и эти мелочи наполняли его тайной гордостью. Он сжег все свои корабли, и эта маленькая месть явилась ответом на пережитое унижение. Он уважал Сартина, душой и телом отдался решению поставленной перед ним задачи, и мысль о том, что начальник рассматривал его как балласт, была для него нестерпима. В душе его клокотал гнев. Итак, мосты разрушены, можно уходить. Будущее, судьба, завтрашний день: все, что на сегодня составляло его парижскую жизнь, — в эту минуту утратило свое значение.

Развернувшись, он, пошатываясь, направился к двери. Внезапно Сартин дал волю чувствам, чего с ним никогда не бывало. Содрав с себя парик и швырнув его на стол, он схватил кочергу и, метнувшись к камину, начал яростно колотить догоравшие поленья. В изумлении Николя остановился. Отбросив кочергу, Сартин запустил обе руки в волосы, нервно взъерошил их, и решительно шагнул к застывшему у двери Николя. Вперив в него испытующий взор, начальник полиции медленно взял его за плечи и притянул к себе. Николя, не мигая, выдержал взгляд. Не отпуская Николя, Сартин развернул его, подвел к креслу и, несмотря на сопротивление, усадил его. Потом достал платок из тончайшего батиста и протянул молодому человеку:

— Возьмите, Николя, и прижмите посильнее к своей ране.

Подбежав к двери, Сартин выскочил в приемную, и Николя услышал, как он зовет привратника.

— Папаша Мари, полагаю, у вас с собой ваша фляжка… Да, именно она. Не прикидывайтесь дураком, давайте ее сюда.

Раздалось сбивчивое бормотанье. Начальник вернулся и протянул Николя плоскую стеклянную бутылочку, с которой ему уже довелось сегодня познакомиться.

— Выпейте глоточек этой отравы, она пойдет вам на пользу. Папаша Мари воображает, что мне неизвестны его маленькие слабости.

Николя почувствовал, что еще немного, и он расхохочется. С размаху опрокинув в рот содержимое фляжки, он поперхнулся, закашлялся, и кашель неумолимо перешел в безумный смех. Сартин оторопел.

— Однако вы отлично научились дерзить, господин письмоводитель, мечтающий вернуться в свою заплесневелую контору. Какое остроумие! Какой порыв! Какой слог! Мои поздравления.

Николя выразительно посмотрел на дверь.

— Прекратите, не будьте ребенком, лучше выслушайте меня. Признаюсь, сударь, я не думал, что вы окажетесь на высоте поставленной вам задачи. Расследования, действительно, крайне деликатного свойства. Вы быстро и успешно пошли вперед. Меня трудно удивить, но вам удалось это сделать. И все же неясностей еще много… Признаюсь, я пустил вас искать в потемках, и вы вряд ли сумели бы увидеть в них свет. Истинная цель ваших поисков… как бы поделикатней выразиться…

Ощутив замешательство Сартина, Николя почувствовал неловкость. Вдобавок он никак не мог избавиться от икоты, заставлявшей его все время дергаться. Его снова охватил безумный смех, такой заразительный, что он передался даже Сартину. Николя никогда не видел начальника смеющимся и тут же отметил, что когда Сартин не старается скрыть своих чувств, он кажется значительно моложе. Вспомнив, что их разделяют всего восемь или девять лет, Николя почему-то успокоился. Наконец оба вновь приняли серьезный вид. Смутившись, что дал волю своим чувствам, Сартин закашлялся.

— Я совершил ошибку, большую ошибку, когда, недооценив вас, решил использовать как простой инструмент, — продолжил Сартин уже будничным тоном. — Вы сумели доказать, чего вы стоите. Я забуду об этом недоразумении…

Прекрасно зная, что Сартин никогда ничего не забывает, Николя был уверен, что и это «недоразумение» останется в копилке его памяти. Однако признание ошибок уравновешивало положение вещей, а похвала его работе и вовсе проливала бальзам на раны.

— Полагаю, пора открыть вам все карты. Вы и без меня уже многое узнали. Так что слушайте.

Николя приготовился ко всему. Полностью овладев собой, Сартин заговорил:

— Я поручил Лардену последить за Камюзо, которому, как вам известно, поручено надзирать за игорными заведениями. Беррье, мой предшественник, заподозрил Камюзо в нечистоплотности. А мне предстояло вычистить авгиевы конюшни. Но довольно быстро я понял, что комиссар водит меня за нос и не исполняет мои приказы. Ранрей рекомендовал мне вас. Я отправил вас к Лардену, и все, что вы мне сообщали вольно или невольно, убедило меня в предательстве комиссара. Но это еще не самое худшее.

Желая подчеркнуть важность своих слов, начальник вновь нахлобучил на голову парик.

— В конце августа прошлого года Лардена вместе с комиссаром Шенноном вызвали для наложения печатей и изъятия бумаг скончавшегося графа д'Олеона, бывшего полномочного посла в Санкт-Петербурге. Так обычно делают после смерти всех, кто принимал участие в государственных делах. Приказ отдавал Шуазель. Но у нас возникло подозрение, что Ларден, имевший в силу своего служебного положения доступ ко всем бумагам, украл несколько документов, а именно письма короля и маркизы де Помпадур. За несколько дней до его исчезновения я вызвал Лардена к себе и убедился, что подозрения наши верны. Он угрожал — вы слышите, угрожал! — продать эти письма иностранным державам, если его не оставят в покое. В разгар войны, когда, как вы знаете, положение более чем серьезное…

— Но, сударь, почему вы не отправили его в Бастилию?

— Я не раз об этом думал. Но риск слишком велик. Поэтому мне, Габриэлю де Сартину, начальнику полиции его величества, пришлось умолять этого негодяя, присоединившего к предательству преступление оскорбления его величества, ничего не предпринимать. В то время я не знал, что, как вы мне только что сообщили, он к тому же заядлый игрок. Я думал, эти бумаги нужны ему как охранные грамоты. Теперь же появляются опасения, что,

прельстившись суммой, он может продать их кому угодно. Вот почему так важно знать, действительно ли Ларден умер, а если умер, куда делись украденные письма.

— Надо арестовать Камюзо и Моваля.

— Не горячитесь, Николя. Это ни к чему не приведет, разве что на время даст почувствовать эфемерное удовлетворение. Вы должны понять, что благо государства часто следует извилистыми путями. К тому же Камюзо очень долго служит в нашем ведомстве, и ему многое известно. Бывают случаи, когда слуга короля не может идти на риск. Разумеется, это безнравственно, но что поделаешь? Вспомните, что говорил кардинал де Ришелье: «Если ты хочешь жить праведно как частное лицо, ты погубишь себя как лицо общественное…»

Он умолк, словно при упоминании имени великого кардинала из мрака на него уставилась его тень.

— Вот почему, — произнес он, выдержав паузу, — нужно как можно скорее выяснить, жив Ларден или мертв. Вы можете подтвердить, что тело, найденное на Монфоконе, принадлежит Лардену? Похоже, вы в этом не уверены…

— К сожалению, точных доказательств нет, — ответил Николя. — Я уверен только в том, что искомые останки доставлены на живодерню с места преступления и что…

— Такой ответ меня не удовлетворяет. В сложившейся обстановке…

Яростный стук не дал Сартину договорить. Дверь распахнулась, и на пороге, красный от смущения, появился инспектор Бурдо. Начальник полиции возмущенно обернулся.

— Ну и денек! — воскликнул он, грозно глядя на инспектора. — Ко мне уже врываются без доклада! Что означает ваше поведение, господин Бурдо?

— Тысяча извинений, сударь. Только крайне важное событие заставило меня столь бесцеремонно вторгнуться к нам. Я хотел сообщить вам и господину Ле Флошу, что вчера вечером убили доктора Декарта, и все улики говорят о том, что его убийцей является Готье Семакгюс.

VIII
ОТ СЦИЛЛЫ К ХАРИБДЕ

Храни в тайне свои мысли и не ожесточайся, дабы омраченный разум не принял одну сущность за другую.

Фаласий Африканский

Делая вид, что он не замечает ни нервного вышагивания Сартина по кабинету, ни его остановок перед камином, во время которых он мерно отбивает такт кочергой, Бурдо приступил к рассказу о недавних событиях. Казалось, он испытывал удовольствие от выступления перед столь выдающейся аудиторией.

Получив от Николя задание отыскать Катрину, исчезнувшую после того, как ее выгнали из дома на улице Блан-Манто, он принялся расспрашивать соседей. Удача ему улыбнулась: он столкнулся с работником, явившимся за пакетом с одеждой, оставленным кухаркой у содержательницы меблированных комнат. Бурдо удивился, узнав, что Катрина нашла прибежище у доктора Семакгюса. Вооружившись этими полезными сведениями, инспектор отправился в Вожирар. Но, как застенчиво объяснил он, он ужасно замерз, а потому позволил себе зайти в таверну на окраине города и подкрепить свои силы рагу из кролика и стаканчиком молодого вина, которое, на его вкус, было недостаточно выдержанным.

Небрежно махнув рукой, Сартин дал понять, что эти подробности можно опустить. Красный от смущения, Бурдо рассказал, как он отыскал Катрину, рассыпавшуюся в похвалах своему новому хозяину, который оказался «признательным за ее стряпню и принял ее как старого друга». Катрина и Ава быстро сблизились. Обе пребывали в расстроенных чувствах: одна — потому что осталась без жилья и работы, а другая — по причине исчезновения супруга Сен-Луи. Жизнерадостная Катрина быстро завоевала расположение Авы. Женщины уже

принялись обмениваться кулинарными секретами, а потому Бурдо с порога был призван в третейские судьи, дабы решить, насколько удался пирог с дичью. Только что вынутый из плиты и еще дымящийся ароматными струйками, пирог распространял вокруг себя смешанный запах трюфелей и муската.

Угрожающим покачиванием головы в растрепанном парике начальник вернул инспектора к сути его рассказа. Короче говоря, доктор Семакгюс так и не появился, и Бурдо, намеревавшийся поговорить с ним о Катрине, прождал его нею вторую половину дня. В ожидании хозяина дома он расспросил Катрину, которая, похоже, сама была не прочь поговорить о своих бывших хозяевах.

По ее словам, она бы все равно ушла из дома Лардена. Госпожа Ларден, имя которой сопровождалось рядом неблагозвучных эпитетов, лишь ускорила исполнение принятого решения. Во-первых, жена Лардена обращалась с ней — с ней, участницей битвы при Фонтенуа, где командовал сам маршал Саксонский! — исключительно недостойно, а во-вторых, ей больше не хотелось быть свидетельницей гнусных поступков безнравственной женщины. Но больше всего Катрину озлобляло дурное обращение мачехи с кроткой Мари. Взаимная привязанность Катрины и дочери комиссара долго удерживала кухарку от желания скинуть фартук. Ларден, грубый со всеми, к Катрине относился на удивление хорошо.

Бурдо узнал, что Луиза Ларден изменяла супругу не только со своим родственником Декартом и Семакгюсом, но и водила шашни с неким хлыщом с физиономией наемного убийцы, который после исчезновения Лардена зачастил в дом на улице Блан-Манто.

В шесть вечера в растрепанном состоянии костюма и духа появился Семакгюс. Из взволнованного бормотания, столь необычного для отличавшегося четкостью хирурга, привыкшего в любых ситуациях держать себя в руках, они не сразу поняли, что Декарт убит.

Подождав, пока Семакгюс немного успокоится, Бурдо попросил его рассказать все по порядку.

И вот что он услышал. Вечером под дверь Семакгюсу подсунули записку, где от имени Декарта просили его о встрече. Со стороны человека, с которым он находился в отношениях, именуемых какими угодно, только не хорошими, подобная просьба была неожиданна. Но характер записки убедил его, что для настоятельного приглашения имеется серьезная причина, возможно, даже связанная с медицинской практикой. Встреча назначалась на половину шестого. Весь день он провел в Париже, занимаясь делами, а затем в Королевском саду взял фиакр, чтобы успеть к указанному часу в Вожирар. В результате он прибыл к Декарту раньше, часов около пяти. Обнаружив, что и калитка в сад, и дверь в дом не заперты, он вошел внутрь. Уже стемнело, света никто не зажег, и ему пришлось пробираться наощупь. Едва ступив на террасу, нависавшую над лестницей и залом, он споткнулся о какой-то предмет. Сначала ему показалось, что на полу забыли набитый чем-то мешок. Но, ощупав препятствие, он понял, что перед ним мертвое тело.

Понимая, какой неприятный оборот принимают события, Семакгюс осторожно спустился в зал, отыскал подсвечник, а когда зажег свечу, увидел, что труп принадлежит Декарту: доктора закололи ланцетом для кровопускания. В растерянности он застыл и уже не помнит, сколько времени он там простоял. А когда опомнился, заторопился домой, чтобы потом сообщить властям.

Бурдо немедленно вызвал наряд городского караула и, оставив Семакгюса под надежной охраной, помчался в дом Декарта убедиться в смерти его хозяина и произвести первый осмотр места происшествия.

Свеча, зажженная Семакгюсом, давно погасла, и дом стоял, погруженный в темноту. С трудом отыскав новую свечу, Бурдо приступил к осмотру лежавшего на боку тела, из груди которого, на уровне сердца, действительно торчал хирургический ланцет. На испещренном

трупными пятнами лице застыло выражение удивления, рот несчастного широко распахнулся. Казалось, в последнюю минуту жертва хотела что-то выкрикнуть или кого-то назвать.

Пол вокруг трупа пестрел мокрыми следами. Не обнаружив при осмотре помещения ничего необычного, Бурдо приказал стражникам забрать тело и отправить его в мертвецкую на предмет исследования.

Семакгюса инспектор решил временно посадить в камеру в Шатле. Хирург оказался не только единственным свидетелем убийства, но и, к несчастью для него, главным подозреваемым. Тем более ни для кого не являлось секретом, что между ним и убитым существовали натянутые отношения. Уходя из дома Декарта, Бурдо тщательно закрыл все двери, опечатал их полицейскими облатками и унес с собой ключи.

После рассказа инспектора наступила долгая тишина. Продолжая ходить кругами, Сартин жестом указал Бурдо на дверь, дав понять, что хочет остаться наедине с Николя.

— Благодарю вас, господин Бурдо. А теперь оставьте нас, мне надо проинструктировать вашего начальника.

Услышав слова Сартина, Николя не стал скрывать своей радости: значит, он по-прежнему отвечает за ведение расследования!

— С вашего разрешения, сударь, я бы хотел задать Бурдо один вопрос.

Сартин нетерпеливо кивнул.

— На одежде Семакгюса остались следы крови?

— Ни единого.

— Однако кровь Декарта должна была ее запачкать, — заметил Николя. — Когда тело упало на руки Семакгюса, кровь не могла не попасть на его одежду. Или вы думаете иначе?

Похоже, замечание Николя озадачило инспектора.

— Теперь, когда вы мне об этом говорите, — ответил он, — и припоминаю, что крови не было нигде: ни на трупе, ни на полу.

— Не уходите далеко, у нас с вами еще много дел. Мы пойдем осматривать тело и поговорим с Семакгюсом.

Бросив восхищенный взгляд на Николя, Бурдо вышел. Не скрывая раздражения, Сартин промолвил:

— Черт, это убийство лишь усложняет ситуацию. Господин Ле Флош, надеюсь, вы быстро во всем разберетесь. Не теряйте драгоценного времени, пытаясь разгадать загадки, не имеющие отношения к нашему делу. Поторопитесь, ради всего святого, а я распоряжусь, чтобы никто не вставлял вам палки в колеса. Главное, как вы понимаете, это служба его величеству и благо государства. Судьба Лардена меня нисколько не волнует, меня волнуют бумаги, которые могут попасть в руки неприятеля. Я понятно объясняю?

— Сударь, — осторожно начал Николя, — теперь, уяснив всю важность доверенного мне расследования, я обязан вам сказать, что, по моему мнению, факты, которые мне удалось узнать, а также последнее происшествие каким-то образом связаны между собой. Чтобы достичь цели, необходимо распутать все нити интриги, ибо любая из этих нитей может оказаться путеводной. Все, кто так или иначе знал Лардена, а особенно те, кто провел с ним вечер в «Коронованном дельфине», могут оказаться посвященными в важную тайну, которую вы соблаговолили мне раскрыть.

Казалось, Сартин не обратил внимания на слова молодого человека.

— Должен предупредить вас еще об одном, — продолжил он, — хотя искренне опасаюсь, что слова мои омрачат ваш чистый взгляд на наше правосудие: уверен, вы все еще питаете иллюзии относительно этой капризной дамы. Так знайте же, я — прежде всего чиновник,

стоящий у кормила судебной власти. В силу полученных вами полномочий вы становитесь моим полноправным представителем. Мы обязаны соблюдать правила, предписанные нашей должностью, — но только в той мере, в какой они не вступают в противоречие с иной, высшей волей, волей монарха, альфой и омегой любой власти. И пользоваться этой властью надо с честью. Власть судьи идет от трона, а потому судейский горностай является продолжением королевской мантии.

И Сартин с нарочито серьезным видом несколько раз ласково провел рукой по расшитой ткани собственного фрака, словно это была парадная мантия, которую он надевал на заседания парламента, происходившие в присутствии его величества.

— Подводя итог, скажу вам, что я имею право лично вести дела, касающиеся безопасности королевства. Как вы догадываетесь, порученное вам расследование принадлежит именно к таким делам. На карту поставлена репутация государства, и мы обязаны не допустить, чтобы ее запятнали. Особенно в условиях ведения войны. Каждый день наши солдаты погибают на полях сражений, и ни одна чувствительная душа, любящая свою страну, не может без содрогания представить себе, что враг получит бумаги, способные скомпрометировать его величество и тех, кто его окружает.

Продолжая сверлить Николя взглядом, он заговорил уже будничным голосом:

— Все должно остаться в тайне, Николя, глубокой и непроницаемой тайне. О том, чтобы соблюдать все предписанные процедурой этапы следствия, которым учил вас Ноблекур, даже речи не идет. Для этого дела мне не нужен обычный следователь; мы не можем никому доверять. Здесь нужно быть беспощадным. Если понадобится, требуйте у меня письмо с печатью, приказ без суда и следствия для заточения в Бастилию: там заключенные пребывают в большей безопасности, чем в нашей тюрьме, где полно черни и проституток, а посетители и вовсе слоняются без надзора. Если у вас появятся трупы, спрячьте их! Если найдете что-то подозрительное, тоже спрячьте, не вытаскивайте на свет! Вы правильно завязали знакомство с господином Сансоном; используйте его; он настоящая могила. А когда завеса тайны, окутывающая это дело, приподнимется, вы сообразите, как выбраться из лабиринта. Вы мой полномочный представитель, и для вас нет ни правил, ни законов. Но помните, если вы провалитесь или скомпрометируете меня, я от вас отступлюсь… Выбирать вам. Я вам доверяю и обещаю свою поддержку. Сделайте все наилучшим образом и поскорей добейтесь результата.

Впервые Николя видел Сартина таким величественным. Обуреваемый противоречивыми чувствами, он безмолвно поклонился и направился к двери. Сартин удержал его за плечо.

— Берегите себя, Николя. Теперь вы знаете, с кем имеете дело. Этот каналья очень опасен. Никаких неосторожных шагов. Вы нужны нам.

Инспектор Бурдо ждал Николя в приемной, с трудом отбиваясь от вопросов заинтригованного папаши Мари. Наконец, раздосадованный, что ему так ничего и не удалось узнать, привратник переключил свое внимание на носогрейку и принялся шумными торопливыми затяжками ее раскуривать. Вскоре он исчез в едком облаке дыма.

Николя предложил Бурдо вместе отправиться в мертвецкую, чтобы осмотреть тело доктора Декарта. В ответ инспектор заметил, что если дела так и дальше пойдут, Николя скоро сам займет там место. Рана молодого человека кровоточит, и если не позаботиться о ней, в ближайшее время обморок ему обеспечен. Порванную и запачканную одежду надо привести в порядок. А еще ему нужно поесть и восстановить силы. Бурдо подозревал, что после их вчерашнего совместного обеда Николя ничего не ел.

В ответ Николя признался, что, действительно, с тех пор ему удалось только выпить стаканчик ликера у Полетты, чашку кофе у Антуанетты и сделать несколько глотков пойла привратника. И голод его терзал зверский.

Бурдо повел Николя на улицу Жоайери к своему приятелю, державшему аптекарскую лавку. После масштабных полицейских операций этот аптекарь обычно пользовал пострадавших городских стражников. Когда Николя привел себя в относительный порядок, аптекарь промыл ему шрам на голове. Взяв немного корпии и зачерпнув темной вонючей мази, он наложил снадобье и с довольным видом сообщил, что это не какая-нибудь там «чушь на тухлом масле». К изумлению пациента, жжение, которое он ощутил при первом прикосновении лекарства, быстро исчезло. Затем аптекарь так искусно замотал голову Николя холщовым бинтом, что из-под треуголки повязка не была видна вовсе. Потом обработал порез на боку и наложил на него пластырь. «И больше не трогайте, — сказал ему аптекарь, — через несколько дней все само пройдет». Николя возмутила усмешка эскулапа, назвавшего его царапину на боку «уколом Дамьена». Он полагал, что преступление оскорбления величества не может являться поводом для иронии. При мысли о поступке Дамьена молодого человека охватила священная дрожь.

Выйдя из аптечной лавки, они заметили Сортирноса. В ожидании Николя он бродил по улочкам, окружавшим Шатле. Бурдо предложил ему пойти вместе с ними в отличный кабачок на улице Пье-де-Беф, где они смогут согреться и подкрепиться. С хмурого неба струился мутный желтоватый свет, и кривые закоулки Большой скотобойни тонули во мраке. Встречные прохожие с зеленоватыми, как у призраков, лицами тревожно озирались по сторонам. Обычно при морозной погоде шум шагов напоминал сухой и радостный скрип. Сейчас снег подтаял, и шлепанье ног по снежной каше больше всего напоминало удары мотыги по мокрому песку.

Трактирщик, уже разводивший огонь в плите, радостно приветствовал гостей. Усевшись за стол, Бурдо составил исключительно легкое, но прекрасно подкрепляющее силы меню. Скоро им принесли фасолевый суп, где плавали кусочки сала, яичницу с требухой и несколько бутылок белого вина — запить все это великолепие. Затем Бурдо с таинственным видом отправился готовить эликсир по своему личному рецепту. По его словам, этот отвар являлся прекрасным укрепляющим средством, которое сразу поставит Николя на ноги. Наколов сахар, он положил его в кастрюлю, добавил гвоздику, корицу, перец, мед, вылил туда две бутылки красного вина и, размешав полученную смесь, поставил ее на огонь. Как только жидкость начала закипать, он снял ее с огня, вылил в котелок, добавил еще полбутылки водки, поджег и торжественно водрузил на стол.

Хотя Николя уже немало съел и выпил, он с жадностью глотал обжигающий напиток. Соединенное действие эликсира Бурдо, вина и обильной еды погрузило его в приятное расслабленное состояние. Не только сидевшие напротив него сотрапезники, но и все остальные люди внезапно показались ему прекрасными и достойными любви. Обычно всегда сдержанный, он неожиданно разговорился и отпустил несколько шуточек, изумивших даже Сортирноса и инспектора. В конце концов они подхватили его под руки и, осторожно выведя из-за стола, проводили в заднюю комнату и уложили на скамью. Вернувшись за стол, приятели попросили принести им трубки и неспешно, с чувством выполненного долга, допили догоревший напиток. Когда пробило час, появился Николя, бодрый и суровый.

— Господин Бурдо, вы отъявленный лжец. Отныне я перестаю доверять вашим лекарствам.

— Вам стало лучше, сударь?

— Честно говоря, да. Я прекрасно себя чувствую…

И, несмотря на стремление казаться суровым, Николя рассмеялся:

— Я даже готов выпить еще капельку…

Физиономия Бурдо вытянулась, и он с искренним сожалением указал на пустой котелок.

— Вижу. Впрочем, вам тоже надо было подкрепить силы…

Бурдо устремился к плите, намереваясь повторить эксперимент, но Николя удержал его.

— Итак, Сортирнос, что ты хотел нам рассказать? — обратился он к осведомителю.

— Сам знаешь, Николя, я все слышу и все подмечаю. Такой уж я человек. Я люблю порядок и не люблю всякие загадки. А еще я помню, чем я тебе обязан. Если бы не ты, я бы сейчас здесь не сидел…

Николя движением руки прервал рассказ: он знал его наизусть. Однажды молодой человек помог Сортирносу выпутаться из неприятной истории и теперь был обречен выслушивать его излияния в вечной признательности. Один из клиентов обвинил Сортирноса в краже кошелька, и его оправдали только благодаря проницательности Николя. Молодой человек сумел доказать, что речь шла о мошенническом сговоре клиента с конкурентом Сортирноса.

— Я все знаю, Сортирнос. Давай переходи к делу. Мы с Бурдо ждем, мы и так потеряли немало времени.

Изображая смущение, Бурдо потупился.

— Так вот, — начал Сортирнос, — вчера вечером я поставил свою лавочку, а сам зашел к Рампонно[29] и скромненько устроился в уголке выпить стаканчик-другой в ожидании, пока люди не начнут расходиться по домам после ужина. Именно в эти часы я и делаю основные сборы. Черт побери! Чем полнее желудок, тем настоятельнее у человека потребность облегчиться. Такова жизнь, и я на этом зарабатываю. Словом, садится неподалеку от меня парочка молодчиков с гнусными рожами и в считанные минуты выхлестывает в три раза больше, чем мы с вами втроем только что выпили. Судя по разным военным словечкам, деревянной ноге и громкому выговору, какой бывает, когда долгое время стараешься перекричать канонаду, один из них бывший солдат. Вино лилось в него как в бездонную бочку. Висельники то и дело переходили на арго, но я все равно кое-что разобрал. Понял, что они то ли затевают дурное дело, то ли уже сделали. Пока они разговаривали и ругались, они все время вертели в пальцах какие-то кругляши. С виду вроде монеты, но нет, оказалось, не монеты, потому что они, когда расплачивались, полезли в кошелек. Они еще сказали, что надо продать лошадь и телегу, спрятанную в сарае на улице Гоблен, в Фобур-Сен-Марсель. Тут молодчики меня заметили, и их как ветром сдуло. Будь я посмекалистей, я бы пошел за ними.

— У солдата деревянная нога правая или левая?

Каким-то необъяснимым образом Бурдо почувствовал, что Николя охватил охотничий азарт.

— Подожди, дай сообразить. Они сидели за столом по правую руку от меня, один с той стороны, что и я, а другой, который солдат, — напротив, вытянув в мою сторону свой костыль. Значит, правая нога. Точно, правая. Ты его знаешь?

Сосредоточившись, Николя не ответил. Он думал, и никто не решался прервать его размышления.

— Сортирнос, — наконец произнес он, — ты мне найдешь этих типов. Если понадобится, привлеки осведомителей. А это тебе.

Он протянул ему несколько серебряных экю и свинцовым грифелем отметил сумму расхода в маленькой черной книжечке.

— Ты меня обижаешь, Николя, я работаю, чтобы оказать тебе любезность, ради удовольствия, а еще из признательности. Слово бретонца.

— Это не для тебя. Я благодарен тебе за хорошее отношение, но твои поиски наверняка будут связаны с затратами, и, скорее всего, у тебя останется мало времени на работу, и ты временно потеряешь клиентов. Понятно?

Сортирнос понимающе кивнул и больше не заставил себя упрашивать. И по привычке, чрезвычайно забавлявшей Николя, тотчас проверил качество монет на зуб.

— Ты, случаем, не принимаешь меня за фальшивомонетчика? Как только что-нибудь узнаешь об этих птичках, приходи в Шатле, там мы с тобой встретимся. Их непременно надо вытащить из гнезда.

Выйдя на улицу, они увидели, что погода не улучшилась: несмотря на послеполуденное время, небо затянуло тучами и в городе стало сумеречно. Они поспешили в Шатле. Николя чувствовал себя значительно лучше. Дорогой он подробно рассказал изумленному Бурдо о своих приключениях и находках. Он чувствовал, что опьянение и последовавший за ним краткий отдых обострили его ум и изгнали черную меланхолию. Вместе с потерянной кровью и алкогольными парами из него ушли тревога и похоронные мысли. Ощущение хрупкости собственного бытия, возникшее в нем после двух попыток покушения, уступило место холодной решимости.

Следуя выработавшейся привычке, он для себя поставил точку в этой истории. В конце концов, де Сартин обошелся с ним как строгий отец. От этой мысли сердце его горестно сжалось, и перед его внутренним взором предстали лица каноника Ле Флоша и маркиза де Ранрея, быстро уступившие место улыбающемуся лицу Изабеллы. Он прогнал видения, а чтобы снова не раскисать, стал думать о том высоком доверии, которого сегодня утром удостоил его Сартин. Он по-прежнему вел расследование, однако речь шла уже не о банальном преступлении, а о деле государственной важности. И, выдохнув вместе с воздухом остатки ненужных мыслей, он решил довести предприятие до конца, чего бы это ему ни стоило.

В подвале мертвецкой уже толпились молчаливые посетители; среди заплаканных и встревоженных лиц мелькали равнодушные физиономии любопытных, явившихся поглазеть на отталкивающее зрелище смерти. Бурдо шепотом сообщил Николя, что тело унесли из общего зала и оно, скорее всего, находится в прозекторской, где дежурные лекари Шатле совершали обычный осмотр трупов, делали заключения или, если речь шла об особых случаях, производили вскрытия.

В небольшом подвальном помещении с каменным столом с желобками, по которым на пол сбегала вода, которой промывали столешницу после очередного вскрытия, уже стоял какой-то человек и сосредоточенно созерцал тело доктора Декарта. В скудном свете чадящих свечей на полу чернела дыра, куда стекала грязная вода. Заслышав шаги, человек обернулся, и они узнали Шарля Анри Сансона. Николя протянул ему руку, и тот без всяких колебаний и с нескрываемой радостью пожал ее.

— Не думал, что мне так скоро выпадет счастье вновь увидеться с вами, господин Ле Флош. Но, судя по записке, присланной мне господином Бурдо, вы помните о моем предложении и снова хотите воспользоваться моими скромными познаниями.

— Сударь, — произнес Николя, — мне хотелось бы встретиться с вами при иных обстоятельствах, но служба королю накладывает обязательства, которыми нельзя пренебречь. Я знаю, что могу рассчитывать на вашу скромность.

Сансон поднял руку в знак согласия.

— Вы хотели осмотреть труп, несомненно, имеющий отношение к тем останкам, по поводу которых вы недавно соблаговолили выслушать мою весьма продолжительную речь.

Николя вытер вспотевший лоб. Ему казалось, что после его возвращения в Париж прошло никак не меньше ста лет, а теперь он с ужасом обнаружил, что вернулся из Геранда всего четыре дня назад. За эти четыре дня он здорово постарел. Сансон смотрел на него с дружеским сочувствием.

— Вы правы, мы снова столкнулись с загадкой, — произнес Николя, сглатывая слюну. — Человека, чей труп сейчас лежит перед вами, убили хирургическим ланцетом, вонзив его прямо в сердце.

— Ланцет до сих пор находится в ране, — уточнил Бурдо. — Я не стал вынимать его, велел везти труп как можно осторожнее и ничего не трогать.

— Благодарю небо за вашу предусмотрительность, господин инспектор, — сказал палач, — она облегчит наше расследование. Господин Ле Флош, вы просите меня высказать свое мнение, но я знаю, что вы сами отличаетесь внимательностью, точностью и способны подмечать даже самые незначительные детали. Хотите стать моим учеником и изложить мне свои первые соображения?

— Мэтр Сансон, с вами я действительно многому научусь, — ответил Николя, откидывая прикрывавшую тело простыню.

С трупа сняли одежду, оставив только пронзенную ланцетом рубашку. На лице застыло выражение ужаса. Смерть избороздила морщинами лоб, запавшие глубоко в орбиты открытые глаза подернулись белесой пленкой. Кожа на висках и на щеках втянулась внутрь, изменив лицо до неузнаваемости. И только скошенный подбородок, поразивший Николя при жизни Декарта, а теперь едва заметный из-за открытого рта, неоспоримо указывал на то, что эта карикатурная маска, несомненно, принадлежала доктору из Вожирара.

— Первое впечатление. Со слов свидетеля, обнаружившего тело, равно как и со слов инспектора мы знаем, что ни на жертве, ни вокруг нее не было следов крови. Можно ли заколоть человека, не пролив ни капли крови? По моим наблюдениям, кровь резко бросилась жертве в голову, рот открылся шире, чем обычно, выступили темные пятна… вот тут… вон там…

Легкими прикосновениями он указал пятна на лице.

— … и эти пятна имеют отвратительный синюшный цвет, — завершил Николя. — Мне они кажутся странными.

— Все правильно, — одобрительно кивнул Сансон, — вы пошли по верному пути. Простая констатация фактов, справедливо вызывающих последующие вопросы, но не требующая ни эмоций, ни воображения. До вашего прихода я успел осмотреть только лицо, но уже могу сказать, что эти пятна даже для такого скромного практика, как я, говорят о многом. Если бы я видел только их, я бы сказал, что жертва была задушена или, что тоже не исключено, отравлена. Но ланцет осложняет дело.

Сансон приблизился к каменному столу. Осмотрев голову Декарта, он наклонился, понюхал и, бормоча что-то себе под нос, ввел два пальца в разинутый рот покойника, аккуратно вытащил оттуда какой-то кусочек, осторожно положил его на свой платок и протянул находку обоим полицейским.

— Что вы об этом думаете, господа? Что это может быть?

Бурдо водрузил на нос очки. Николя, чей острый взор не нуждался в дополнительных приборах, ответил первым:

— Это перышко.

— Совершенно верно. Но откуда оно взялось? Из чехла или из подушки? Впрочем, разбираться в этом не мое дело. Но какой из этого можно сделать вывод, господин Ле Флош?

— Что жертва была задушена…

— … и не просто задушена, а — готов поспорить — прежде одурманена каким-то снадобьем. Задушить человека его возраста не просто, а на шее нет следов удушения. Но вокруг рта еще сохранился странный запах…

— Однако, мэтр Сансон, тогда зачем нужен ланцет?

— На этот вопрос предстоит отвечать вам, он выходит за пределы моих познаний. В жизни часто случается, что истина и простота прекрасно уживаются друг с другом. Мне кажется, розыгрыш с ланцетом устроен, чтобы запутать следствие, и это тем более очевидно, что…

Вновь склонившись над трупом, он осторожно вытащил из его груди ланцет.

— … ланцетом не могли убить. Его вонзили не в сердце, и он не задел ни один из жизненно важных органов.

Николя задумался, а потом спросил:

— Но если удар ланцетом был не смертелен, можем ли мы предположить, что его автор не знает анатомии?

Бурдо с улыбкой следил за ходом мысли Николя.

— Не исключено. Но мне кажется, убийца не хотел оставлять кровавых следов и разыграл трюк с ланцетом уже после того, как жертва была мертва. Почему? В этом предстоит разобраться вам. Я только могу указать вам на две его ошибки. Первая состоит в том, что он хотел заставить вас поверить в смертельный удар в сердце, но не оставил следов крови. Вторая же заключается в том, что он не сумел правильно нанести удар. Сначала я тоже решил, что он не знает анатомии. Но потом подумал, что весь этот спектакль убийца мог разыграть специально, а значит, его поступок является результатом продуманных расчетов и он, напротив, обладает прекрасными знаниями анатомии.

— И все же, — задумчиво произнес Николя, — почему он совершил столько ошибок?

— Поймите меня правильно, — продолжал Сансон. — Убийца одурманивает жертву каким-то наркотическим зельем, затем душит ее и инсценирует убийство ударом в сердце. В этом случае неверный удар ланцетом является наиболее изощренной частью его плана. Он делает так намеренно, ибо, если речь идет о практикующем враче, тот всегда может использовать сей факт себе на пользу, заявив, что искусный анатом никогда не совершит такую грубую ошибку.

Слушая рассуждения молодого палача и его выводы, Бурдо и Николя изумленно переглядывались.

— Я помню и о черных пятнах, — продолжал Сансон. — Иногда случается, что у покойника, положенного горизонтально сразу после смерти, довольно быстро начинается отток крови от поверхностных тканей. В свою очередь, точки соприкосновения тела с поверхностью, куда его положили, — лопатки, ягодицы, задняя поверхность бедер и голеней — окрашиваются в ярко-розовый цвет. Из чего я, быть может, конечно, чуть-чуть поспешно, делаю вывод, что жертву сначала повалили на пол лицом вниз, задушили и продержали в таком положении некоторое время. Смотрите, как синюшный цвет распространился по всей передней части тела. Пятна начинают проступать где-то приблизительно через полчаса после смерти, а полностью формируются только через пять-шесть часов. В течение этого времени, изменив положение тела, можно изменить цвет пятен, но после указанного срока окраска пятен уже не меняется, они быстро темнеют и в конце концов становятся фиолетово-черными.

— Когда я нашел тело, оно лежало на животе, — произнес Бурдо. — Несли его в том же положении. Перевернули его только в мертвецкой, несколько часов спустя.

— Это подтверждает мои предположения. Мы столкнулись с двумя явлениями: гиперемия по причине удушения и изменение цвета трупных пятен, возникающее при изменении положения тела. В заключение я бы сказал, что данное мертвое тело принадлежит мужчине, который, приняв сильное снотворное или успокоительное, был задушен, положен лицом вниз и пролежал в таком положении довольно долго — во всяком случае, больше получаса, — а затем был заколот хирургическим ланцетом. Рана, нанесенная ланцетом, не могла быть смертельной, а принимая во внимание, что тело к этому моменту уже успело остыть, удар не сопровождался кровотечением.

— Сударь, — в изумлении воскликнул Николя, — я восхищен и искренне благодарен вам за помощь! Тем не менее от имени господина де Сартина позвольте вам напомнить, что это дело требует абсолютной секретности. Мне кажется, для подтверждения наших предположений надо произвести вскрытие. Но чего ждать от наших эскулапов из Шатле? Недавний печальный опыт — а для меня он был первым — убедил меня, что они погрязли в

рутине, позабыв, что значит и искусство, и любопытство. Не будете ли вы столь любезны и не возьмете ли эту обязанность на себя?

— Я не врач, — ответил Сансон, — но с помощью своего племянника, который завершает курс обучения на врача, я мог бы это сделать.

— Вы отвечаете за его скромность?

— Как за свою собственную, и отвечаю головой.

Еще раз поблагодарив Сансона и оставив его наедине с телом Декарта, Николя и инспектор направились в тюремное помещение. Размышляя о результатах осмотра тела, Николя неожиданно остановился и, схватив за рукав Бурдо, задержал его.

— Знаете, Бурдо, что-то мне не хочется сейчас допрашивать Семакгюса. Вы, полагаю, поняли, что в этом мрачном спектакле он может исполнять роль как постановщика, так и жертвы. Чтобы составить представление о его истинной роли в этом деле, нужны дополнительные факты. Мне хотелось бы вернуться к началу — съездить в Вожирар и осмотреть место преступления. Похоже, вчера вечером у вас не хватило времени обшарить весь дом, чтобы отыскать улики, оставленные преступником.

— Согласен, — ответил Бурдо, — но скажу честно, в глаза мне не бросилось ничего особенного. Только не думайте, что я отпущу вас одного. Теперь с вами что угодно может случиться.

— Мой дорогой Бурдо, об этом и речи быть не может. Вам необходимо остаться здесь с Семакгюсом. Это здесь может произойти что угодно. Я не хочу запирать его в одном из тех жутких подземных мешков, где его безопасность будет гарантирована в ущерб его здоровью. А потому мне бы хотелось, чтобы вы покараулили его до моего возвращения. Тогда я смогу допросить его. Но вы можете мне здорово помочь. Найдите мне фонарь, а еще лучше потайной фонарь. Скоро стемнеет, а я не хочу блуждать в потемках. И пошлите за каретой.

Пока Бурдо исполнял его поручения, Николя отправился в дежурную часть и открыл шкаф, набитый всевозможным старьем, париками и шляпами. Содержимого шкафа, способного вызвать искреннюю зависть у старьевщика, наверняка хватило бы на целый двор чудес. Когда деликатное расследование требовало незаметного присутствия полиции в злачных местах Парижа, где власть принадлежала преступному миру, соратники Николя с помощью этих костюмов устраивали настоящий маскарад. Пока Николя рылся в пыльных тряпках, подыскивая себе подходящий наряд, появился Бурдо с маленьким потайным фонарем. Застенчиво улыбаясь, он вручил Николя фонарь, а также небольшой пистолет, пороховницу и мешочек с пулями.

— Вы умеете обращаться с оружием. Этот пистолет делает всего один выстрел, однако, сами видите, он маленький и его легко спрятать. А выстрел, сделанный в нужную минуту, может спасти жизнь. Это второй и последний экземпляр данной модели, его подарил мне оружейник с улицы Ломбардцев. Когда-то мне довелось оказать ему услугу… Позвольте мне подарить его вам. И обещайте, что в случае необходимости вы не раздумывая воспользуетесь им.

Растроганный таким проявлением преданности своего помощника, Николя пожал Бурдо руку. Под неотесанной внешностью инспектора скрывались сокровища дружества и душевное богатство. Сунув пистолет в карман фрака и схватив узел с одеждой, Николя вышел из Шатле и сел в фиакр, поджидавший его под сводами ворот.

Ему показалось, что кто-то проводил его недобрым взглядом, но из-за сумрака, царившего под сводами Шатле, местоположения наблюдателя он разглядеть не сумел. Николя велел кучеру во весь опор мчаться к церкви Сент-Эсташ.

Подъехав к церкви, он приказал остановиться у главного входа, выскочил из кареты и направился в храм. Ему нравилось здесь, и он часто приходил сюда слушать мессу. Он любил звучание местного органа, заполнявшего музыкой все пространство под высокими сводами нефа. Свернув в один из приделов, он отодвинул тяжелый засов. На неделе боковые приделы закрывались, но даже если бы они и были открыты, время, которое пришлось бы затратить его предполагаемому преследователю, чтобы найти нужную дверь, вполне позволяло ему осуществить свой план.

Укрывшись в темном углу часовни, он снял фрак, предварительно вынув все из карманов, надел припасенное им старье и закутался в широкий потертый плащ. Лохматый парик, темные очки и шляпа с широкими полями времен регентства сделали его неузнаваемым. Оглядев себя с помощью карманного зеркальца, он для вящей убедительности запачкал лицо сажей, соскребая ее с подсвечника. Приготовления закончены, жребий брошен. Сжимая в кармане пистолет, Николя отодвинул тяжелый засов и выглянул наружу. Перед ним стоял Моваль и, несмотря на резвую пробежку, о которой свидетельствовало его учащенное дыхание, смотрел на него недвижным и холодным взором. Не долго думая, Николя пошел в наступление.

— Кому только в голову пришло закрыть этот засов! — блеющим голосом произнес он. — Да не стойте вы столбом, сударь, лучше помогите мне выйти! Этот невежа, который только что вбежал сюда, самым бессовестным образом закрыл дверь, хотя я и просил его этого не делать. Никак не могу сдвинуть тяжелую створку…

Без лишних слов Моваль распахнул дверь, оттолкнул Николя и бегом бросился в неф. Фиакр стоял на месте, сыщик вскочил в него и велел кучеру гнать к реке.

IX
ЖЕНЩИНЫ

Ах, поговорим, наконец, серьезно. Когда завершится комедия, которую вы разыгрываете за мой счет?

Мариво

Когда окончательно стемнело, Николя наконец добрался до Вожирара. Желая быть уверенным, что он сможет вернуться в Париж, он попытался уговорить кучера подождать его, но тот, несмотря на предложенную ему солидную сумму, наотрез отказался, объяснив, что не имеет привычки задерживаться за городом, особенно когда вот-вот пойдет снег. Не настаивая, Николя расплатился, отпустил фиакр и остался один на пустынной дороге.

Вокруг стоял кромешный мрак, порывы ветра усиливались. Оглушенный ветром, молодой человек вновь почувствовал себя уязвимым. Гоня прочь неуместные чувства, он с гордостью констатировал, что сумел оторваться от своего преследователя. Постоял, ожидая, когда глаза окончательно привыкнут к темноте. Оглядевшись, не заметил ничего подозрительного. И все же ему все больше становилось не по себе. Он никогда не любил темноты. Когда в детстве Жозефина вечером посылала его за дровами в темный сад, он, чтобы заглушить страх, во весь голос распевал гимны. И возвращался так быстро, насколько позволяла тяжесть его ноши.

Ему вдруг вспомнилось, как однажды его крестный, маркиз де Ранрей, рассказал ему, какой его охватил страх, когда он под огнем бежал через окопы к осажденному Филиппсбургу. Вокруг свистела картечь, а его командир, маршал де Бервик, кричал ему: «Выше голову, сударь, и вперед!» Страх, объяснил ему тогда маркиз, это всего лишь чувство, убеждающее нас в том, что сейчас с нами случится что-то очень плохое. Необходимо превозмочь его, а в пылу атаки оно само исчезнет, словно по волшебству.

Образ крестного отца и немедленно возникший рядом образ Изабеллы отрезвляюще подействовали на Николя, всегда чувствительного к воспоминаниям детства. Он стал высекать искру, чтобы зажечь потайной фонарь. С первой попытки у него ничего не получилось, но он упорствовал, и наконец в хрупком убежище затрепетал слабый огонек.

Открыв ворота, он вошел в сад. Итак, все заново. А ведь всего два дня назад в этом доме он неожиданно стал свидетелем ссоры между Декартом и Семакгюсом. Мороз вновь сковал землю, а вместе с ней и хаос следов, отпечатавшихся на размякшей почве. Николя представил себе, как здесь прошел инспектор Бурдо, как прибывшие стражники из городского караула подняли тело, уложили его на носилки, взгромоздили их на телегу, и по ухабам и рытвинам телега покатилась в Париж. Дом выглядел еще более зловеще, чем в первый его приход, и он остановился на полпути. Слабый свет потайного фонаря тихо заплясал на мрачном фасаде. Окна в доме по-прежнему были закрыты. Николя никогда не пренебрегал возникавшими у него необъяснимыми ощущениями. Манящие или, наоборот, отталкивающие, они позволяли ему заглянуть в окутанную непроницаемой оболочкой душу камней. Возможно, причиной тому являлась присущая его кельтской душе мечтательность, а может, его просто не хотели отпускать воспоминания юности…

Яростный порыв ветра вернул его к действительности. Он вздрогнул, словно кто-то внезапно разбудил его. Сказывалась накопившаяся за день усталость. Боль, пробудившаяся в шрамах, пульсировала в такт глухому биению сердца, порождая жгучее желание поскорее покончить с делами. Однако он знал, что пренебрегать нельзя ничем. Он не хотел укорять Бурдо, но вчера работа явно велась на скорую руку, исключительно ради выполнения формальностей. В надежде, что полицейские и караульные не слишком долго топтались на месте происшествия и не уничтожили окончательно необходимые улики, он направился в дом.

Проверив состояние печатей, Николя открыл дверь и очутился на небольшой терраске. Отсюда лестница спускалась в главную комнату. Слабый свет фонаря тонул в окружающем мраке. Он едва мог разглядеть место, где нашли тело Декарта, и бронзовые перила, ограждавшие терраску.

Сейчас странная планировка дома поразила его еще больше, чем в его первый визит. В доме не было погреба, а зал, где Декарт принимал пациентов, располагался наполовину в подвале, отчего окна находились почти под самым потолком. Помещение больше напоминало крипту, чем жилую комнату.

Внимательно осмотрев площадку, он не обнаружил ничего примечательного. Затем спустился вниз, по дороге исследуя каждую ступеньку. Отыскав на камине подсвечники, зажег свечи. Из мрака выступило большое распятие: Христос из слоновой кости молитвенно воздевал руки.

На плитках пола виднелись грязные черные следы. Вокруг — полнейший разгром. Все перевернуто вверх дном. Инструменты, сброшенные со стола, где работал Декарт, толстым слоем усыпали пол. Из ящиков вытряхнули все бумаги. Из опрокинутой чернильницы вытекли чернила, и кто-то успел наступить в черную лужу. Плетеные стулья не тронули, но три обитых гобеленовой тканью кресла распотрошили, и из них во все стороны торчали шерсть и конский волос. Чья-то яростная рука смела с полок посуду и книги, разбив вдребезги первую и выдрав переплеты у вторых. Всюду валялись медицинские инструменты. Шкафы подверглись не менее яростному нападению.

Николя продолжил осмотр. Дверь справа от камина выходила в коридор, ведущий в кухню, столовую, маленькую гостиную и кладовку. Лестница в конце коридора уходила на второй этаж. Всюду царил беспорядок, под ногами у Николя то и дело хрустели осколки и обломки.

На втором этаже — та же картина: распоротые матрасы, разбросанные по полу белье и одежда, разбитые безделушки, поломанная мебель. Николя отметил, что творец этого хаоса пощадил дорогие часы и вещи, представлявшие немалую ценность. На полу остался даже кошелек, наполненный луидорами. Однако неизвестный явно что-то искал, ибо все, что так или иначе могло служить тайником, было вскрыто, взрезано, разломано и разбито. Даже

картины не поленились повернуть изображениями к стене. Что же тут искали с таким остервенением?

Решив проследить, куда приведут его черные следы, Николя обошел нижний зал и вышел к лестнице. Очевидно, неизвестный, разбив чернильницу, отправился наверх. Медленно двигаясь по ступенькам, он освещал себе дорогу потайным фонарем. Чтобы не забыть, как выглядит след таинственного незнакомца, Николя зарисовал его свинцовым карандашом на клочке бумаги. Похоже, незнакомец явился в дом один.

Увлекшись работой, Николя постепенно забыл про свои страхи и сомнения. Сейчас его обуревал азарт охотника, идущего по следу опасной дичи. След привел его в кладовку, каморку, где кучей лежали вышедшие из употребления вещи. Порыв ледяного ветра ударил ему в лицо. Под распахнутым окном стояла низенькая скамеечка. На плетеных сиденьях старых стульев отпечатались черные следы. Перевернув дом вверх дном, незнакомец улизнул в окно.

Осознав значение сего факта, Николя поежился. Если незнакомец бежал через окно, значит, двери были заперты и опечатаны. А это означало, что когда Семакгюс обнаружил труп, неизвестный находился в доме. Подождав, пока полиция покинет дом, он вышел из укрытия и без помех устроил обыск. И этот неизвестный был не кто иной, как убийца Декарта.

Николя вспомнил, как Семакгюс признался инспектору Бурдо, что прибыл на встречу за полчаса до назначенного срока. Возможно, он тем самым нарушил планы убийцы. Во всяком случае, это предположение снимало вину с Семакгюса. Но многое оставалось непонятным, и прежде всего — разгром, который никак не мог быть делом рук Семакгюса. Если, конечно, у него не было сообщника. Бурдо же действительно ничего не заметил и запер двери, когда в доме еще царил порядок.

Чем дольше Николя думал об убийстве Декарта, тем больше он хотел найти ответ на вопрос: что искал убийца, если его не интересовали ни деньги, ни ценные вещи? Ему казалось, что, если он сможет разгадать эту загадку, он поймет, кто убийца.

Николя внимательно оглядел окно. Встав на табуретку, замерил его веревочкой. Еще раз тщательно оглядел кладовку, закрыл окно и на всякий случай опечатал его. Вернувшись в зал, проделал ту же операцию со всеми окнами; затем, сняв нагар со свечей, погасил их и направился к выходу. Закрыл дверь и повторно опечатал ее. Потом обошел дом и, встав под окном кладовки, прикинул расстояние, отделявшее его от земли. Получился примерно один туаз. Затем склонился над замерзшей землей. Следы, отпечатавшиеся на мягкой глине, застыли, и он мог их как следует рассмотреть: здесь они сохранились гораздо лучше, чем в доме. Внимательно приглядевшись к отпечаткам, он озадаченно потер виски. Петляя между грушевых деревьев, следы вели через сад к каменной ограде.

Прикрепив фонарь к пуговице фрака, Николя без особого труда забрался на стену и, осторожно опираясь руками о каменные выступы, осмотрел гребень стены. Он ожидал увидеть там следы крови неизвестного, поранившегося о вделанные в цементный раствор острые бутылочные стекла. Но вместо этого увидел выдранную с мясом пуговицу. Аккуратно взяв пуговицу, он положил ее в карман.

Не желая напрасно царапаться о стекла, он не стал перелезать через забор и, спустившись, вышел через калитку, заперев ее за собой на ключ. Со стороны дороги он нашел интересовавшие его следы и пошел по ним, пока они не потерялись в рытвинах и ухабах. Мороз крепчал. Когда Николя это почувствовал, он обнаружил, что стоит один, фонарь его вот-вот потухнет, а найти лошадь или фиакр надежды нет никакой. Часы показывали семь. Он решил вернуться к Семакгюсу и допросить Катрину. Это был прекрасный предлог повидать кухарку, к которой он успел искренне привязаться. А еще он точно знал, что помимо украденной коняги у Семакгюса была еще одна верховая лошадь, которую он и хотел одолжить, чтобы вернуться в Париж.

Неожиданно внимание его привлек тихий свист, который он поначалу принял за завывание ветра в ветвях. Но ветер стих, а свист повторился, и следом раздался тихий голос:

— Не бойтесь, господин Николя, это я, Рабуин, осведомитель Бурдо. Я тут, за кустами, в сторожке, где хранят садовые инструменты. Не оборачивайтесь, сделайте вид, что поправляете сапоги. Инспектор посадил меня здесь вчера вечером. К счастью, у меня с собой нашлись водка и хлеб. Мне ведь не впервой выполнять поручения инспектора. Я всю ночь здесь просидел. И какую ночь! Только, пожалуйста, не оборачивайтесь: никогда не знаешь, кто за тобой подглядывает!

Николя вновь упрекнул себя за то, что напрасно обвинил инспектора в небрежности. Бурдо сразу придумал разумный ход, который в любом случае окажется полезным. Уже одно то, что инспектор не стал настаивать, когда Николя решил ехать один, должно было насторожить молодого сыщика. Не такой человек его помощник, чтобы отпускать его одного в таком опасном деле. Бурдо знал, что возле дома сидит в засаде Рабуин, который в случае необходимости придет к нему на помощь.

— Рад тебя видеть, Рабуин. Но как ты меня узнал?

— Сначала я вас принял за другого, решил, что явился очередной подозрительный субъект. Вы здорово замаскировались. Но увидев, как вы опечатываете дверь, я тут же сказал себе: «Вот и наш Николя». Может, вы меня уже отпустите? А то у меня все пальцы закоченели, боюсь, как бы не отморозил, да и провизия кончилась. А ночь обещает быть морозной.

— Можешь возвращаться. Но, надеюсь, ты мерз не зря?

— Еще как не зря! Вчера вечером, примерно через час после ухода инспектора и стражников, на гребне стены, что окружает сад, появился человек — в том самом месте, где только что бродили вы…

— Можешь мне его описать?

— Честно говоря, я мало что видел. Он показался мне толстым и легким.

— Как это?

— Ну, он как-то странно ковылял. На вид толстый, а все движения на удивление ловкие. Одет в темное и в маске. Готов поклясться, он все время что-то выглядывал…

— Выглядывал?

— Да, словно выбирал, куда поставить ногу. Я удивился, ведь тогда земля еще не замерзла, и идти было не скользко.

— Ты не пошел за ним?

— Господин Бурдо предписал мне ни под каким видом не покидать свой пост, и я не решился нарушить его предписание.

Николя испытал минутную досаду, но вида не подал.

— Ты все правильно сделал. Можешь идти. Сегодня вечером здесь вряд ли что-нибудь произойдет. Но прежде окажи мне услугу: найди экипаж и отошли его к дому доктора Семакгюса, он стоит возле Круа-Нивер. Это единственный каменный дом посреди окружающих его строений, кучер его легко найдет.

И он протянул Рабуину несколько монет:

— Это для тебя. Ты хорошо поработал. Я обязательно расскажу Бурдо.

— Инспектор мне уже заплатил, господин Николя. Но разве ж я откажусь от вознаграждения? Да и вас не хочу обижать. Работать для вас настоящее удовольствие.

Николя с трудом продвигался по замерзшей дороге, изрытой застывшими канавами и лужами, спотыкался о замерзшие комья земли и скользил по льду. Несколько раз он едва не вывихнул себе ногу, а один раз даже упал. Ко всем уже заработанным им шрамам ему явно не

хватало наставить синяков! К счастью, дом хирурга находился неподалеку. Жилище Семакгюса состояло из нескольких одноэтажных построек, расположившихся буквой U; от улицы двор отгораживала высокая стена.

Толкнув калитку, он вошел во двор. Хозяин никогда не запирал ворот, ибо считал, что «дверь служителя здоровья должна быть открыта для страждущих». В окнах кухонного флигеля, находившегося между службами и собственно домом, где проживал Семакгюс, мелькали слабые огоньки.

Николя подошел к застекленной двери, осторожно приоткрыл ее и увидел загадочную сцену. Возле высокого камина, где пылало поистине адское пламя, сидела на корточках Катрина, а на руках у нее покоилась запрокинутая голова полураздетой негритянки. Казалось, кухарка напевала на ухо своей новой подруге колыбельную. Вся в поту, Ава тихо стонала. Внезапно она задрожала и, выгнувшись словно натянутый лук, попыталась вывернуться из рук Катрины. Кухарка с трудом удержала ее.

Подняв глаза, Катрина увидела Николя, и, опустив на пол не приходящую в сознание Аву, вскочила и бросилась искать пригодный для обороны тяжелый предмет. Николя ничего не понимал. Он забыл про свои лохмотья и испачканное сажей лицо, придававшее ему совершенно бандитский вид. А Катрина никогда не отступала перед бандитами. В молодости, когда она служила маркитанткой, ей не раз приходилось отбиваться от назойливой солдатни. Из всех стычек с пьяным сбродом она всегда выходила с честью. Вот и теперь, схватив со стола кухонный тесак, она решительно устремилась на незнакомца. Тем временем у Авы начались конвульсии, и она перепачкалась в крови петуха, лежавшего на полу с отрезанной головой.

Отразив удар, Николя предоставил Катрине возможность пролететь вперед. Оказавшись сзади, он поймал ее за пояс и, притянув к себе, прошептал ей на ухо:

— Добрейшая моя Катрина, ты теперь так встречаешь Николя?

Слова его произвели поистине волшебное действие. Кухарка уронила нож и со слезами бросилась в объятия молодого человека. Николя осторожно усадил ее на стул.

— Ох, ну и набугал ты меня! Разве к друзьям бриходят в таком виде, что змотреть страшно?

— Прости меня, Катрина, я забыл, что мне пришлось немного изменить внешность, — ответил он, снимая широкополую шляпу.

Голову Николя, подобно тюрбану, венчала запятнанная кровью повязка.

— Бог мой, Николя, что с топой, мой педный мальчик?

— Слишком долго рассказывать. Объясни мне лучше, что у вас тут за шабаш. Ава больна?

Смутившись, Катрина долго наматывала на палец длинную седую прядь, выбившуюся из-под чепца с рюшами, обрамлявшими ее курносое лицо, и в конце концов ответила:

— Она не польна. Она хотела поговорить зо звоими духами.

— Что еще за духи?

Катрина скороговоркой принялась рассказывать:

— В ее зтране, когда хотят спросить духов, делают здранные вещи… Она бриготовила какой-то отвар и надышалась его барами. Одрезала голову бетуху и бринялась блясать как одержимая. Прыкать словно коза. А потом петняжка позмотрела в лужу крови и стала царабать себе лицо. Я с трудом успокоила ее, но она еще по-брежнему не в себе.

— О чем она спрашивала духов?

— Хотела узнать, что случилось с Сен-Луи. Так делают у них. Она отлично готовит и очень мне нравится. Ты знаешь, она так умеет бриготовить яйца…

Николя знал: стоит Катрине заговорить о кухне, как остановить ее уже невозможно. И он, не давая ей опомниться, спросил:

— И что она узнала посредством своего колдовства?

Катрина испуганно перекрестилась.

— Не надо броизносить таких злов, просто у них так бринято. Не надо их осуждать, мы не знаем их опычаев. Может пыть, наши опычаи тоже кажутся им сдранными. Знаешь, Николя, я много всего повидала, но понять могу далеко не все.

Здравый смысл и доброе сердце этой простой женщины всегда восхищали Николя.

— Судя по тому, как ей блохо, — продолжала Катрина, — ответ, наверное, пыл блохой. Какое горе! А бедный господин Семакгюс! Его арестовали! Николя, ты ведь выпустишь его, бравда?

— Я сделаю все возможное, чтобы узнать истину, — осторожно ответил молодой человек.

Ава лежала на полу. Конвульсии прошли, и она, успокоившись, забылась сном. После сильного напряжения ей требовался отдых… Николя взял руки Катрины в свои и посмотрел ей в глаза.

— Расскажи мне о госпоже Ларден, — попросил он. — Только ничего от меня не скрывай, потому что я уже знаю достаточно, чтобы отличить правду от лжи. Впрочем, во вторник вечером ты сама оставила мне на кухне записку под тарелкой…

— Тепе надо знать, кто на самом деле эта женщина. Она всегда обманывала педного господина. Чего он только ни делал, чтобы угодить ей! Туалеты, украшения, драгоценности, мебель, все его деньги уходили только на нее. А эта чертова шлюха, чем польше ей давали, тем польше треповала. За ней увивался мошенник Декарт, педняга Семакгюс и кавалер со шрамом. Вот уж кто вгонял меня в страх! Но этой шлюхе никто нипочем, лишь бы допиться своей цели! А господина я любила, и он всегда пыл добр со мной. А со всеми остальными он пыл грубым и суровым. Даже с тобой, бетняжка Николя. И он все время делал глупости. А она этим пользовалась. Он играл по-крупному в фараон и в ландскнехт. Но чем польше играл, тем польше броигрывал. И возвращался рано утром в таком состоянии…

— И как же он выкручивался?

Вынув из кармана платок, она вытерла слезы. Потом, вздохнув, помусолила кончик и, словно перед ней сидел чумазый ребенок, принялась оттирать сажу с лица Николя. Он не сопротивлялся. Ему даже показалось, что он вновь очутился в Геранде, и вместо лица Катрины пред ним предстало лицо старой Фины.

— Я ему бомогала. Все свои спережения отдала. Служба не могла брокормить его жену. Приходилось прать взятки, бокрывать жуликов, но тоже не всегда получалось. После смерти своего плаговерного я унаследовала непольшой домик и бродала его. Выручила кругленькую сумму и отложила ее на черный день. Но комиссар все время прал у меня в долг, и в конце концов я ему все бонемножку и отдала. А в бследний год он таже жалованье мне не платил. Это я зарапатывала на еду, општопывая соседей. Ведь еще пыла Мари, такая милая, что я не хотела покидать ее. Это из-за нее я не ушла раньше.

— Но ведь в конце концов ушла…

Катрина вздохнула.

— Дня три назад, во вторник, я услышала, как мачеха бриказала Мари сопирать вещи. Она решила отбравить ее в Орлеан, к ее крестной матери. А ведь девочка ее совершенно не помнит! Мари, педная моя овечка, кричала, рыдала, умоляла. Ну, я не выдержала, кровь у меня закипела, и я высказала хозяйке все, что я о ней думаю. Она в долгу не осталась и тоже зпустила на меня всех сопак. Я решила ни в чем ей не уступать, но у негодяйки язык пез костей. Она показала, на что она спосопна. Просилась на меня, выставив вперед когти, и чуть меня не задушила. У меня все тело бокусано и боцарапано.

И она показала свои покрытые царапинами полные руки.

— Несмотря на крики моей петной овечки, она выставила меня вон. Что я могла сделать? Я выбежала как сумасшедшая и целую ночь тумала, куда бодаться. Наконец вспомнила о господине Семакгюсе, который всегда был добр ко мне, и отбравилась сюда. Я говорила себе: «Конечно, он, как и все, попался в кабкан к этой злодейке. Только он горасто лучше тругих».

Она ласково провела рукой по лбу Николя.

— Знаешь, Николя, у меня польше ничего нет. Я старая женщина, а скоро стану совсем старухой. Пока я крепкая, я могу хорошо рапотать. Но что станет со мной потом? От моего несчастья нет лекарства. В моем возрасте пыстро впадают в нищету и кончают дни в польнице. Я бредпочитаю умереть. Пойду и прошусь в Сену. У меня никого нет, так что позорить мне некого[30]. Жаль, со своими спережениями я могла бы неплохо прожить остаток жизни.

Некрасивое лицо бедной Катрины сморщилось, из глаз снова полились слезы, а широкая грудь заходила ходуном. Она плакала без слов, только жалобно сопела и хрипло дышала. Николя не мог смотреть на ее слезы.

— Катрина, прекрати, я тебе помогу, можешь на меня положиться.

Шмыгнув носом, она подняла голову, и во взгляде ее, устремленном на Николя, засветилась радость.

— Но сначала, — продолжал он, — ты должна ответить на мои вопросы. Сможешь это сделать сейчас? Это очень важно.

Успокоившись, она кивнула и приготовилась его слушать.

— В ту ночь, когда исчез комиссар, ты еще находилась в доме на улице Блан-Манто? — спросил Николя.

— Нет, меня там не пыло. В тот вечер Ларден отпустила меня. Тот вечер я бровела у своей квартирной хозяйки, мы ели плины и слушали, как на улице шумит карнавал. Около одиннадцати часов я отправилась спать. А на следующий день в семь утра я уже стояла у блиты и разводила огонь.

— В то утро ты не заметила ничего необычного?

— Погоди… Хозяйка поднялась очень постно.

— Позднее обычного?

— Да, около болудня. Сказала, что бростудилась. Ничего удивительного, ее потинки пыли все мокрые. Испорчены безвозвратно. Ну, я не удержалась и побеняла ей, а она разпранила меня, как всегда, закричала, что ходила к вечерне… Как же, к вечерне, в карнавальном костюме и в маске!

— Это тебя удивило?

— И да и нет. Иногда она ходит покривляться в церковь. Не ради Господа, это уж точно, а чтопы себя боказать и глазками пострелять. Помнится, она уточнила, что ходила в церковь Пти-Сент-Антуан. Но в таком наряде…

— Она могла пойти в церковь Блан-Манто.

— Именно оп этом я и потумала. По той погоде, что пыла в то воскресенье, туда дойти проще: перешла через улицу, и ты на месте.

— А теперь о другом. Кто приводил в порядок одежду комиссара?

— Он забрещал касаться его одежды. У него в карманах всегда пыло полно бумаг. Я только стирала его белье и рупашки.

— Кто его портной?

— Ты его знаешь, Николя, это мэтр Вашон, тот самый, который сшил тепе костюм, когда ты бриехал в Париж в какой-то странной одежде.

От вопросов Николя Катрина разволновалась и так сильно стиснула руки, что кожа на них посинела. Но он все же дерзнул продолжить:

— Откуда ты знаешь, что он носил в карманах бумаги?

Она тихо заплакала.

— Катрина, отвечай. Пойми, ты можешь очень помочь мне в расследовании. Если ты не доверяешь мне, тогда кому ты можешь довериться?

— Я все время рылась в его карманах, — со слезами в голосе отвечала Катрина. — Когда он срывал польшой куш, он сгребал деньги, не считая. А чтобы он опять все не броиграл, я потихоньку запирала немного денег на хозяйство. А когда заметила, что он эти деньги никогда не считает, я бривыкла запирать их из кармана. Но, клянусь тебе, Николя, для себя я никогда ничего не прала. Я не воровка…

И она гордо вскинула голову.

— К тому же у меня пыло полное браво возместить утраченные деньги и невыблаченное жалованье!

— Среди его бумаг ты ничего особенного не находила?

— Нет. Разве только накануне его исчезновения. Я уже оп этом и думать запыла, но, может, тебе это и вбрямь боможет. А может, и не боможет. Там лежал отрезанный от какого-то листа кусочек пумажки с твоим именем.

— С моим именем? А ты помнишь, что на нем было написано?

— Да. Забиска коротенькая, и мне стало люпопытно. Вроде как стишок какой-то:

«Дадим трем — получим пару,

Едем к тому, кто закрыт,

Кто отдаст всем».

— И потом ты эту бумажку не видела?

— Нет. И господина тоже не видела.

Решив, что больше он от Катрины вряд ли чего-нибудь узнает, Николя успокоил ее, помог перенести Аву на кровать и вышел из дома Семакгюса.

Рабуин сдержал слово: на дороге его ждал фиакр. Ехали в полной темноте. Снег, усыпавший дорогу, приглушал стук колес, и маленький тесный экипаж казался Николя запертой клеткой. Снег не прекращался. С неба медленно падали крупные хлопья. Время от времени порывы ветра вздымали эти хлопья и кружили в вихре, заволакивая рваной пеленой редкие далекие огни.

Николя забился в угол и, откинув голову на бархатную спинку сиденья, сидел с открытыми глазами, но ничего не видел. Он не жалел, что съездил в Вожирар; по его мнению, он не без пользы провел там время. Теперь ясно: дом Декарта скрывает какую-то тайну. Но, с другой стороны, неизвестный погромщик вполне мог найти все, что искал. А мог и отказаться от дальнейших поисков. Но что он искал?

Расспросы почти ничего не дали, только убедили, что совсем рядом со столицей можно столкнуться с африканским колдовством и языческими обычаями. Внезапно он вспомнил случай из своего недалекого детства. Однажды во время игры в суле он сильно расшиб локоть, и Фина отвела его к женщине, основным занятием которой являлось отглаживание складок на пышных чепцах бретонок. Но ценили ее не за красивые складки: в округе она слыла целительницей. Пока Фина часто крестилась, женщина затянула странную протяжную песню. Потом, покрутившись на месте, она уколола его ладонь гвоздем и попросила у него лиар.[31] Когда он исполнил просьбу, она привлекла к себе его голову, и он ощутил приятный запах, исходивший от ее юбки. Этот запах он помнил до сих пор. Взяв его за руку, женщина опустила его руку в горшок, наполненный чем-то вязким, и энергично потерла больное место, громко произнося заклинания на бретонском. И рука его, которую он еще мгновение назад не

мог разогнуть, чудесным образом обрела прежнюю гибкость. Правда, целительница предупредила, что с приближением дождя рука его станет болеть, а в старости будет ныть постоянно. Но до старости было еще далеко.

Бедняжка Ава попыталась узнать участь своего друга, прибегнув к способу, известному в ее краях. Николя не забыл про Сен-Луи, но чем дальше, тем меньше становилась надежда отыскать слугу Семакгюса живым.

Разговор с Катриной подтвердил все, что Николя уже узнал о госпоже Ларден и ее распутном поведении. В рассказе служанки комиссару отводилась отнюдь не лестная роль обманутого мужа, безденежного игрока и бессовестного хозяина. Однако ему самому комиссар казался гораздо более значительным, более целеустремленным, нежели считала его добросердечная кухарка. К чему могла относиться адресованная ему загадочная фраза, найденная в кармане фрака Лардена накануне его исчезновения, он не понимал.

Николя — в который раз! — задумался о поставленной перед ним задаче, и в голове его вновь зазвучали слова Сартина. Он вспомнил, что король ждет известий от начальника полиции. Увидел картину, ставшую драматическим фоном его расследования: затянувшаяся война, покрытое грязным снегом поле боя, бегущие по полю солдаты и разбросанные человеческие останки. А над полем кружат вороны. По телу Николя пробежала дрожь.

Николя решил вернуться на улицу Блан-Манто. Необходимо переодеться, привести себя в порядок и побриться, ибо за то время, что он не был дома, лицо его успело покрыться густой щетиной. Хотелось бы также переменить повязки. Наконец пора сообщить госпоже Ларден, что муж ее скорее всего умер. Интересно посмотреть, насколько искренне и бурно станет горевать предполагаемая вдова.

Он подумал о Мари. Что с ней стало? Встретит она его или она уже уехала к крестной матери? Николя понимал, что больше не может жить в доме Ларденов. А если быть совсем точным, не имеет никакого морального права. Положение главного следователя по делу об исчезновении комиссара Лардена обязывало его съехать от Ларденов: слишком трудно допрашивать хозяев, чьим жильцом ты являешься. Еще он решил, что надо бы установить за домом наблюдение. Впрочем, предусмотрительный Бурдо, скорее всего, это уже сделал. Интересно, как ему теперь обходиться со стиркой? Нашла ли Луиза Ларден замену Катрине или решила жить одна, удалив от себя всех, кого только можно?

За этими размышлениями он не заметил, как они въехали в город. Огни стали ярче и мелькали гораздо чаще. Когда фиакр подъезжал к Сене, его окружила шумная хохочущая толпа в масках. Один из беснующихся вскочил на подножку и, смахнув снег, уставился в окно пустыми глазницами маски смерти. Несколько долгих минут Николя пребывал наедине с курносой, вот уже несколько дней кружившей вокруг него, словно верный пес.

Свернув на тихую и пустынную улицу Блан-Манто, он сразу отметил, что под порталом церкви кто-то прячется. Раздумывая, как поступить, он в конце концов сделал вид, что ничего не заметил. Если это не нищий, значит, один из агентов Бурдо. Решительно, инспектор обо всем подумал. Под его благодушной внешностью скрывался опытный полицейский, прекрасно владевший своим ремеслом. Осмотревшись, Николя убедился, что за ним никто не следит. Вряд ли враг читал его мысли и подготовился к его возвращению.

Отложив решение квартирной проблемы на потом, он вставил ключ в замочную скважину и обнаружил, что замок поменяли и теперь ему не войти. Тогда он решил постучать.

Ждать пришлось довольно долго. Наконец дверь открылась, и на пороге, держа в руке факел, с недовольным видом появилась Луиза Ларден. Ее светло-серое бальное платье кунтуш украшало серебряное шитье. Плотно прилегающий корсаж с глубоким вырезом выставлял напоказ напудренную грудь. Из-под разрезной верхней юбки с закругленным подолом, задрапированным пышными складками сзади на полисоне[32], волнами струились легкие воланы посаженной на панье[33] нижней юбки. Напудренное, с ярким наведенным румянцем

лицо усеивали мушки. Две толстые косы, закрепленные на затылке, петлями спускались на плечи.

— Это вы, Николя? — визгливым голосом спросила она. — А я думала, вы тоже исчезли. Судя по вашему виду и нетвердой походке, вы шатались по самым низкопробным притонам. Поэтому я прошу вас покинуть этот дом. Немедленно забирайте ваши пожитки, я не намерена давать приют низкопробным мошенникам.

— Сударыня, одежда, которая сейчас на мне, соответствует той работе, которую мне в настоящее время приходится выполнять, — ответил Николя. — Ваше суждение слишком поспешно. Что же касается вашего желания отказать мне от квартиры, то вы всего лишь опередили меня и высказали уже принятое мною решение. Похоже, мне в этом доме действительно лучше не задерживаться.

— Вы можете стать в нем желанным гостем, Николя, все зависит только от вас.

Двусмысленность ее слов вогнала молодого человека в краску.

— Оставим этот предмет, сударыня. Я съеду завтра утром. В такой поздний час и при такой дурной погоде я вряд ли сумею найти ночлег. Но прежде мне необходимо поговорить с вами о весьма важных вещах.

Она стояла, по-прежнему загораживая собой коридор.

— Вы высказали свое мнение относительно моего внешнего вида, — насмешливо продолжал Николя. — Позвольте мне ответить вам тем же и выразить свое удивление, сударыня, вашим роскошным нарядом. Разве женщине, чей муж исчез совсем недавно, пристало предаваться увеселениям?

— Однако вы наглец, сударь! Он, видите ли, считает неприличным, что я надела бальное платье и собираюсь выйти, чтобы немного развлечься. Женщина моего возраста не должна упускать ни единой возможности весело провести время. Вы удовлетворены ответом, господин клеврет?

— Как подчиненный, разумеется, вполне, но как полномочный представитель начальника полиции — нисколько.

— У вас, похоже, не все в порядке с головой, сударь.

— А ваша голова, сударыня, похоже, слишком легко возбуждается и крайне далека от печальных обстоятельств, приведших меня сюда.

Выпрямившись, Луиза Ларден уперла руки в бока, и в одно мгновение из-под яркого грима выступило лицо девицы, развлекавшей клиентов в заведении Полетты. Вызывающая поза госпожи Ларден неприятно поразила Николя.

— Печальных обстоятельств? Вы решили поговорить со мной о той падали, которую раскопали среди отбросов на Монфоконе? Вас удивляет, откуда мне об этом известно? Я знаю гораздо больше, чем вы думаете. Ведь речь идет о моем муже, разве не так? Вы отправились копаться в грязи, и за свои деньги получили все, что хотели. Чего еще вы ожидали? Что я стану разыгрывать перед вами безутешную вдову? Я никогда не любила Лардена. Теперь я от него избавилась. Я свободна, сударь, свободна и отправляюсь на бал.

Возбужденная, нарочито выставляющая напоказ свою порочность, она внезапно показалась Николя очень красивой. От каждого взмаха рук, каждого поворота головы складки ее платья трепетно шелестели. На мгновение Николя даже решил, что это трепещет она сама.

— Как вам будет угодно, сударыня. Но сначала вы должны ответить на несколько вопросов, которые, судя по вашему не слишком скорбному виду, вряд ли вызовут у вас бурю эмоций. Поэтому задача моя упрощается, и я сразу перехожу к делу. Но прежде позволю себе напомнить, что жду от вас честных и правдивых ответов, иначе мне придется прибегнуть к иным методам допроса. Так что уповаю на ваше великодушие и жду от вас содействия.

Неожиданно Николя заметил, что волнение к лицу госпоже Ларден. Горделиво вскинув голову, она быстро зашагала по комнате, громко шурша пышными шелковыми юбками.

— Хорошо, господин полицейский подмастерье. Я уступаю силе и страху перед испанским сапогом… Скорей задавайте ваши вопросы, меня ждут.

— В прошлую пятницу вечером вы выходили из дома. Куда вы ходили и в котором часу вы вернулись?

— Вы хотите, чтобы я помнила каждый свой шаг? У меня секретаря нет!

— Напомню, сударыня, дабы освежить вашу память: именно в тот вечер исчез ваш муж.

— Кажется, я ходила к вечерне.

— В церковь Блан-Манто?

— А вы считаете, к вечерне можно пойти куда-нибудь в иное место, кроме церкви?

— Вы ходили именно в эту церковь или в какую-то другую?

— Ах, черт, конечно же, эта скотина проговорилась… Я ходила в церковь Пти-Сент-Антуан.

— В карнавальном плаще и в маске?

— А что вас не устраивает? Если во время карнавала знатная женщина, выходя вечером из дома, не хочет подвергнуться оскорблениям, она должна быть одета соответственно.

— Ваш плащ мог защитить вас от снега?

Облизнув губы, она уставилась на него в упор.

— В тот вечер не было снега. А от ветра он меня защитил.

Николя замолчал, и в комнате надолго повисла тишина.

— Почему вы меня ненавидите, Николя? — нарушив молчание, глухим голосом спросила Луиза Ларден.

Она подошла к нему почти вплотную, обдав его волнующими ароматами пудры, грима и духов, благоухавших ирисом и еще чем-то дикорастущим. Он едва не захлебнулся в волнах ее запахов.

— Сударыня, я всего лишь исполняю свои обязанности. Сам я, разумеется, предпочел бы, чтобы поиски увели меня как можно дальше от дома, где в прошлом меня принимали весьма любезно.

— Вы можете воскресить прошлое, все зависит только от вас. Мой муж умер, но я-то тут при чем? Как мне убедить вас, что я не знаю, отчего он погиб?

Не желая отклоняться от цели, Николя попытался зайти с другой стороны.

— Говорят, новый мотет Доверня[34], исполнявшийся в тот вечер в Пти-Сент-Антуан, необычайно хорош.

Она избежала расставленной ей ловушки.

— Я не люблю музыку и совершенно в ней не разбираюсь.

— Что вы делали вчера вечером? Вы были дома?

— Да, с одним из своих любовников, ибо, как вам известно, сударь, у меня есть любовники. Чего еще можно ожидать от пропащей и продажной женщины?

Ответ прозвучал искренне, а потому жалобно. На корсаж Луизы Ларден упал кусок толстой корки пудры, покрывавшей ее лицо.

— Вы довольны?

— Благодарю вас за откровенность, — краснея, ответил, Николя. — Не будете ли вы так любезны и не назовете ли мне имя этого человека?

— Только для того, чтобы доказать вам свою искренность. Это господин Моваль. Мужчина, который умеет любить и, как вам прекрасно известно, всегда готовый поставить на место наглеца.

Пропустив намек мимо ушей, Николя отметил, что в голосе Луизы Ларден прозвучала угроза. И внезапно мир показался ему ужасно маленьким.

— Когда он явился к вам?

— В полдень, и ушел рано утром. Вам, сударь, должно быть стыдно учинять мне такой допрос.

— Сударыня, забыл принести вам свои соболезнования в связи с кончиной вашего родственника.

Он дерзнул пойти окольным путем, надеясь таким образом обезоружить противника и пробить брешь в его обороне. Но старания оказались напрасны. Похоже, Луиза Ларден не знала о смерти своего кузена Декарта.

— Супруг, навязанный тебе обстоятельствами, не может считаться родственником. Да и соболезнования ваши меня нисколько не волнуют. На этом, сударь, полагаю, мы можем расстаться, ибо я слышу стук колес. За мной приехала карета. Надеюсь, завтра вы покинете мой дом.

— Последний вопрос, сударыня: где сейчас находится мадемуазель Мари?

— У своей крестной матери в Орлеане. Девушка пожелала покинуть свет и стать послушницей в ордене урсулинок.

— Не кажется ли вам, что призвание к монашеской жизни проснулось в ней слишком неожиданно?

— Пути Господни неисповедимы.

— А где была Мари в тот вечер, когда исчез комиссар?

— В городе, у какой-то подруги.

— Сударыня, кто убил вашего мужа?

На лице ее появилась гримаса, видимо, означавшая улыбку. Закутавшись в плащ с меховым воротником, она обернулась и произнесла:

— В дни карнавала улицы становятся небезопасны. Наверное, он встретил какого-нибудь убийцу в маске.

Она ушла, громко хлопнув дверью и даже не взглянув на Николя.

Николя остался на месте. Словесная дуэль вконец измотала его. Ему показалось, что навалившаяся на него усталость сейчас раздавит его окончательно. Либо Луиза Ларден невиновна, и тогда ответы ее продиктованы исключительно цинизмом и безнравственностью, либо она воистину великая актриса. Неожиданно ему в голову закралась мысль, не является ли вызывающее поведение и откровенная бравада госпожи Ларден способом утаить нечто важное? Кто станет подозревать женщину, добровольно отрекшуюся от добродетели и выдвинувшую убедительные основания своего выбора? Николя не привык бороться с двуличным противником. Для сыщика он был еще очень молод и не имел достаточно опыта ведения расследования. Он только начинал собирать собственную коллекцию людских типажей: большая часть их попала в нее всего лишь на прошлой неделе. Считая, что содержание должно соответствовать форме, он, столкнувшись с цинизмом или лицемерием, немедленно терялся. Речи Луизы Ларден звучали для него оскорбительно, они бросали вызов правилам поведения в обществе. Внезапно на ум ему пришла еще одна мысль: а вдруг бравада Луизы является последней попыткой заблудшей души удержаться на краю страшной пропасти

безудержного разврата? Тогда ее искренность, граничащую с цинизмом, следует расценивать как дань уважения, которую порок отдает добродетели.

Однако время для рассуждений выбрано неудачно. Он обязан воспользоваться тем, что пока в доме никого нет, и никакая щепетильность не должна мешать ему выполнять задание. И, проникнувшись сознанием важности своей миссии, Николя приступил к обыску. Он быстро обнаружил, что из библиотеки кто-то — комиссар, Луиза или некто третий — забрал все бумаги. В спальне госпожи Ларден он тщательно осмотрел всю одежду и обувь, но не нашел ничего интересного. Смятая постель, пустая бутылка и два стакана свидетельствовали о происходивших здесь бурных любовных баталиях. Николя задумался. Возможно, тень, мелькнувшая под сводами церкви Блан-Манто, могла бы сообщить что-нибудь интересное о Мовале и его любовнице. Если, конечно, это действительно был человек Бурдо.

Войдя в комнату Мари, он с изумлением обнаружил, что вся одежда девушки висит на месте. Неужели она уехала, не взяв ничего с собой? Заметив брошенные в углу грязные ботинки, он решил сравнить следы, зарисованные им в Вожираре, с подошвами этих ботинок. Рисунок совпал с подошвой.

Это открытие стало последним свершением сегодняшнего дня. Усталость свинцовой тяжестью навалилась на Николя, и он заплетающейся походкой стал подниматься в мансарду, которую, как он смутно помнил, завтра ему предстояло покинуть навсегда. Месяцы, проведенные в ней, не стали для него счастливыми, но и плохими их тоже не назовешь. В ней прошло его ученичество, время, когда все силы его уходили на то, чтобы как можно лучше освоить ремесло и как можно успешнее справиться с поручениями. Комната в доме Лардена займет свой уголок в его памяти, чтобы впоследствии он сожалел о ней, как сожалеем мы о вещах и людях, оставленных нами на обочине дороги, потому что так решила жизнь, смерть или какой-нибудь крошечный таинственный огонек.

Спрятав в чехол одежду, он оставил только фрак, который собирался надеть завтра. Проверяя его карманы, он обнаружил сложенный вчетверо крошечный листок бумаги. Когда он развернул его, в глаза ему бросилось собственное имя, написанное в углу листочка. Потом он прочел уже знакомую ему фразу:

«Дадим трем — получим пару,

Едем к тому, кто закрыт,

Кто отдаст всем».

Значит, Ларден давно, когда Николя еще находился в Геранде, захотел оставить ему это загадочное послание. Но что он им хотел сказать? И с этой мыслью Николя, сраженный усталостью, заснул.

X
КОЛЕЯ И РЫТВИНЫ

И действительно, ремень был так плотно связан узлами, что было невозможно ни рассчитать, ни разглядеть, где начинается и где кончается сплетение.

Квинт Курций Руф[35]

Пятница, 9 февраля 1761 года.

Растянувшись на земле, он сквозь полуприкрытые веки наблюдал, как на розовеющем горизонте вставало солнце. После бешеной скачки по ландам[36] он привязал коня к обломкам брошенной на берегу лодки, наполовину занесенным песком, а сам лег рядом. Шуршание песчинок усыпило его. Внезапно привычный шум стих, и он догадался, что океан впервые прекратил свое нескончаемое движение. Задохнувшись от страха, он вскочил, открыл глаза и, ослепленный ярким светом, тотчас закрыл их. Холодный ветер пронизал его до костей, и он, насквозь промерзший, нырнул в постель. Накануне, после тяжелого дня, заполненного неожиданными испытаниями, он рухнул на кровать и, не успев раздеться, сразу погрузился в

беспробудный сон. Он не закрыл, как обычно, ставни, и сейчас лучи зимнего солнца нашли дорогу к его лицу. Осторожно потянувшись, вытягивая, подобно зверю, руки и прогибая спину, он с радостью отметил, что не чувствует боли. Ночной сон прогнал боль, уступившую место тяжести и одеревенелости. Таким застывшим и неповоротливым чувствует себя наутро всадник, долго не садившийся в седло, а потом сразу отмахавший верхом несколько десятков лье.

Привычно сделав глубокий вдох и выдох, он изгнал из себя ночные страхи и приготовился к очередным свершениям.

Но чтобы окончательно взбодриться, ему совершенно необходимо принять ванну, иначе он весь день будет чувствовать себя грязным и разбитым. Поразмыслив, как бы ему осуществить это желание, он принял решение воспользоваться подручными средствами. У Катрины где-то стояла большая деревянная лохань, где она замачивала белье. Он вполне может взять ее. А развести огонь в плите и нагреть воды труда не составит. Радуясь найденному решению, он встал и подошел к окну. На улице занимался сухой морозный день. По белоснежному покрывалу, укутавшему сад, в разные стороны тянулись цепочки птичьих и кошачьих следов. На крышах соседних домов голубыми искрами сверкал снег.

Стараясь ничего не забыть, он разложил на кровати свои скромные пожитки: крошечную гравюру с изображением святой Анны; книги по юриспруденции, включая четыре тома «Большого полицейского словаря» Деламара; изданный в 1716 году экземпляр «Парижских достопримечательностей» Согрена-старшего; свод «Парижского обычного права»; старый часослов, принадлежавший некогда канонику Ле Флошу; «Королевский альманах» за 1760 год, два тома мыслей о религии и морали, написанных отцом Бурдалу из Общества Иисуса, а также роман «Хромой бес» своего земляка Лесажа, уроженца Сарзо. Эту книгу, как и «Дон Кихот» Сервантеса, он читал и перечитывал на протяжении всего детства. Сломанный веер, подаренный ему Изабеллой, и охотничья дага, врученная его крестным, маркизом, в тот день, когда он впервые прикончил вепря, вновь пробудили у него горестные воспоминания. Он до сих пор ощущал на себе недружелюбные взгляды охотников, возмущенных тем, что честь перерезать горло кабану предоставили найденышу, мальчишке без роду и племени. Все его вещи уместились в кожаном чемодане с медными гвоздиками, приобретенном по случаю у перекупщика. Одежду он еще вчера убрал в специальный чехол.

Куда направиться? Где можно найти приличное, но не слишком дорогое жилье? Можно, конечно, попросить временного пристанища у Бурдо, но, зная, что инспектор с женой и тремя детьми ютился в крохотной квартирке, Николя посчитал недостойным прибегнуть к помощи своего заместителя. Дабы не попасть в ложное положение и не омрачить установившиеся между ними дружеские отношения, которые он ценил очень высоко, он отверг этот вариант. Отец Грегуар с радостью оказал бы ему гостеприимство, но настоятель вполне может ему отказать, тем более что образ жизни Николя, диктуемый характером его работы, вряд ли совместим с четким распорядком дня, принятым в монастыре. Можно, конечно, рассказать о своей беде Сартину, но, зная, как начальник не любит заниматься подобного рода проблемами, Николя не хотел лишний раз увидеть на его лице столь хорошо знакомую ему усмешку. Он должен сам найти выход.

Неожиданно он вспомнил о давнем предложении своего учителя, господина де Ноблекура. Бывший прокурор парламента, вдовец без детей, сразу догадался, с каким холодным равнодушием Ларден относился к Николя, и не раз предлагал молодому человеку перебраться к нему и разделить с ним его эпикурейское одиночество. Ноблекур прельщал его «очаровательной комнаткой», где «все равно никто не живет». Тогда Николя отклонил его предложение, ибо свое пребывание в доме на улице Блан-Манто рассматривал как служебное задание, хотя начальник полиции никогда не говорил ему об этом прямо. Регулярные вопросы Сартина о разных мелочах домашней жизни Лардена подтверждали правильность его выводов. Сейчас же, когда он вспомнил о комнатке Ноблекура, она показалась ему ниспосланной самим

Провидением. Он успел искренне привязаться к почтенному магистрату, всегда доброжелательному и остроумному. Приняв решение, Николя отправился заниматься своим туалетом.

В доме не слышалось ни шороха. Скорее всего, Луиза Ларден еще не вернулась. Не рискуя спускаться по темной лестнице, Николя зажег свечу. Сыщицкое чутье, успевшее стать его второй натурой, заставило его внимательно осмотреть ступени лестницы и пол в коридоре. Но ни следов грязи, ни снега он не заметил. Очевидно, со вчерашнего вечера в дом никто не заходил.

Прежде чем приступить к купанию, он зашел в кухню разжечь плиту. Он знал, где у Катрины лежали необходимые для этого веточки и угольки. Но едва он вошел в кухню, как в нос ему ударил сладковатый тошнотворный запах. Наверное, крыса сожрала отравленную приманку, которую кухарка регулярно раскладывала по углам, и подохла где-нибудь под столом или за шкафом. Заглянув во все щели, но так и не найдя источника запаха, он решил не обращать на него внимания. Довольно быстро он развел огонь, а когда пламя разгорелось, взял котел, наполнил его водой, поставил на плиту и стал ждать, пока вода закипит.

Лохань, как и прежде, хранилась в погребе, рядом с бочонками с вином, горшочками с жиром и запасами сала и окороков. И сало, и окорока Катрина держала в холщовых мешках, и всегда ревниво следила, чтобы никто не покушался на них без ее ведома. Ход в погреб был оформлен в виде стрельчатой арки; Николя открыл дверь и увидел ведущую вниз каменную лестницу. Дом Лардена возводили на старом фундаменте. Когда на месте прежней постройки вырос новый дом, в фундаменте вырыли подвал. И снова от едкого запаха у Николя перехватило дыхание. Держа свечу высоко над головой, он спустился вниз. На одном из крюков, предназначенных для мясных туш, висела бесформенная масса, завернутая в темную джутовую ткань. Под ней растеклась лужа; кровь уже успела свернуться.

Стараясь не вдыхать гнилостные испарения, исходившие из лужи, Николя с бьющимся сердцем подтянул к себе мешок. Он был почти уверен в результатах своего открытия. Мешок упал на пол, и из него вывалилась половина кабаньей туши. Интересно, зверя подвесили здесь после того, как Катрина покинула дом или еще раньше? Он знал, что дичь надо выдержать, и помнил, как в раннем детстве натыкался на кишевшие червями птичьи головы, отрезанные от водоплавающей дичи, которую маркиз в изобилии присылал канонику, большому охотнику до ее терпкого мяса. Подождав, когда клюв начнет легко отделяться от головы, Жозефина приступала к приготовлению птицы. Но он никогда не видел, чтобы дичь выдерживали так долго, что она начинала гнить. На полу виднелось множество следов. Внимание Николя привлекли следы, ведущие к деревянной стойке с бутылками; их он рассмотрел особенно внимательно. Взяв лохань, он выбрался из зловонного подвала и направился в кухню, где уже закипала вода.

Раздевшись, он краем глаза взглянул в сверкающий бок медной кастрюли, часто служившей ему зеркалом, и передернулся. Смотреть на себя было страшно: давно не бритая щетина, тело в синяках и ссадинах. Однако, сняв повязки, он увидел, что раны на голове и на боку затянулись: аптекарь в самом деле сотворил чудо. Вылив в чан кипяток, он обнаружил, что холодной воды больше нет. Дрожа от холода, он выскочил во двор, наполнил котелок чистым снегом и с его помощью остудил воду, добавив в нее заодно немного поташа[37], который Катрина использовала для стирки. Затем он залез в лохань и принялся поливать себя ковшиком. От горячей воды он расслабился, его охватила блаженная истома, и он с наслаждением подставлял тело под обжигающие струи.

Опекун-каноник не раз упрекал его за пристрастие к горячим ваннам, которые он именовал вредными новомодными штучками. Он язвительно замечал, что поддерживать в чистоте надо прежде всего душу, а нечистоту тела Господь простит. Гигиена вкупе с

философами и Энциклопедией[38] выступали предметами вечных споров между опекуном и крестным отцом. Каноник твердил, что во имя требований благопристойности человеку должно прятать свое тело от самого себя. Лучше лишний раз не касаться собственного тела, достаточно мыть лицо и руки, единственные его части, постоянно выставленные на всеобщее обозрение. А Господь и без того увидит все, что ему надо. Для поддержания же себя в чистоте следует часто менять белье. Эти дружеские перепалки чрезвычайно забавляли маркиза. Как подобает истинному «вольтерьянцу», он со смехом напоминал канонику об ароматах, исходящих от немытых и заросших волосами монахов. По мысли маркиза, служителей Господа следовало бы вместо чистилища помещать в ванны с мылом. Находясь в армии, маркиз в полной мере оценил пользу процедур, вкупе именуемых новым словом «гигиена». Он утверждал, что только благодаря привычке к мытью ему удалось избежать заражения во время эпидемии. Поэтому он привил Николя свою систему гигиены. В коллеже иезуитов в Ванне молодой человек страдал от невозможности каждый день совершать водные процедуры, ибо они стали для него почти такой же насущной потребностью, как еда и сон.

Выбравшись из лохани, он насухо вытерся. Ему показалось, что прежний Николя остался в грязной воде, а из чана вылез совершенно новый человек. От горячей воды подсохшие корки на месте бывших ран размокли, и он решил пожертвовать старой рубашкой, чтобы нащипать корпии и перевязать бок и голову. Он вспомнил, что в буфете Катрина хранила целебные мази и медицинский уксус. Покопавшись в ящичках, он действительно нашел маленькую бутылочку «римской жидкости», завернутую в инструкцию по ее применению. Промыв раны, он заново перевязал их, побрился и оделся во все чистое. Есть он не стал: тошнотворный запах отбивал даже мысли о еде. Убрав за собой и поставив утварь на место, он поднялся в мансарду, еще раз проверил, не забыл ли он чего-нибудь, вышел из комнаты и закрыл за собой дверь.

Теперь хорошо бы найти экипаж, чтобы перевезти вещи. Конечно, можно оставить их перед дверью, а самому отправиться на поиски свободного возницы. Но в этом случае он рискует по возвращении не найти багажа. Захлопнуть дверь тоже нельзя, ибо еще раз войти в дом он не сможет: новых ключей у него нет.

Он вспомнил про вчерашнюю тень. Выйдя на крыльцо, он устремил взор в сторону церкви Блан-Манто. Агент находился на прежнем месте; от холода он притопывал ногами и шумно хлопал себя руками по бокам. Николя знаком подозвал его. Повертевшись на месте, агент посмотрел сначала направо, затем налево и только потом потрусил через заснеженную улицу. Узнав в нем одного из тех субъектов, чьими услугами пользуются в полиции Шатле, Николя попросил его отправиться на улицу Вьей-дю-Тампль и привести ему экипаж. А тем временем он покараулит. Агент подтвердил, что Луиза Ларден отсутствует со вчерашнего дня.

Вскоре подъехал фиакр; агент, выполнив возложенное на него поручение, вернулся на свой пост. Николя погрузил вещи и назвал кучеру адрес учителя. Ноблекур проживал на улице Монмартр, в том месте, где улица неожиданно убегала в сторону и снова возвращалась, образуя что-то вроде полуострова, получившего название мыс Сент-Эсташ, ибо напротив располагалась одноименная церковь. Магистрат жил в собственном шестиэтажном доме, верхние этажи которого он сдавал жильцам, оставив себе только благородные второй и третий. На первом этаже находилась булочная и комнаты прислуги, где разместились домоправительница Ноблекура Марион и его лакей по имени Пуатвен, чей возраст приближался к возрасту хозяина. По дороге Николя вспомнил, что хорошо было бы забрать одежду, брошенную в приделе церкви Сент-Эсташ, если, конечно, ее уже не подобрали нищие, часто забредавшие под своды храма.

Экипаж бесшумно ехал по заснеженной улице; колокольчики, прицепленные к сбруе лошади, весело звенели. Город осторожно высвобождался из объятий туманов и свинцовых туч, не отпускавших его вот уже несколько дней. Проезжая мимо рынка, фиакр замедлил ход,

с трудом пробираясь через густую толпу. Наконец, обогнув мыс Сент-Эсташ, кучер въехал на улицу Монмартр.

Николя с удовольствием взирал на высокий дом бывшего прокурора парламента. Кособокий, пузатый, он прочно упирался в парижскую почву. С годами стены его раздались и изогнулись, словно борта затонувшего галеона. Кривые линии балконов, обрамленных коваными решетками, словно губы гигантской статуи, улыбались загадочно и добродушно. Николя приободрился; он успел полюбить этот дом. Рассчитавшись с возницей, он вошел в ворота. Из булочной доносился запах горячего хлеба. Оставив вещи под навесом, он поднялся на второй этаж и постучал в дверь. Открыла старушка Марион; она узнала Николя, и ее морщинистое лицо просияло от радости.

— Ах, господин Николя, как я рада вас видеть! Еще вчера господин жаловался, что вы нас совсем забросили. Вы же знаете, как он вас любит.

— Здравствуй, Марион. Я бы непременно пришел раньше, если бы мог.

Маленький спаниель, серый шарик, покрытый волнистой шерстью, выскочил, словно выпущенная из ружья пуля, и, радостно взвизгивая, заскакал вокруг Николя.

— Смотрите, как Сирюс вам радуется! — воскликнула Марион. — Он прекрасно помнит всех своих друзей и друзей господина. Я всегда говорю, нам есть чему поучиться у собак…

Откуда-то из дальних комнат раздался голос Ноблекура: хозяин интересовался, кто пришел.

— Ну вот, господину уже не терпится. Сейчас он, как обычно, пьет шоколад у себя в спальне. Я провожу вас; он будет очень рад.

Спальней господину де Ноблекуру служила светлая красивая комната, оклеенная бледно-зелеными обоями с золотистым рисунком. Два больших венецианских окна открывались на балкон, нависавший над улицей Монмартр. Хозяин дома не раз рассказывал своему ученику, с каким удовольствием он по утрам, надев цветастый персидский халат и красную квадратную шапочку, устраивается на балконе с чашечкой горячего шоколада и предается размышлениям. С раннего утра и до позднего вечера на улице, быстро заполнявшейся народом, случались сотни разнообразных происшествий. Расслабившись под действием горячего экзотического напитка, Ноблекур погружался в приятнейшее состояние истомы, близкое к абсолютному блаженству, и обычно вскоре засыпал. Побегав от Николя к хозяину и обратно, Сирюс, наконец, прыгнул на колени к магистрату, устроился там и затих.

— Аллилуйя! Наконец-то к нам вернулись и солнце, и Николя! — воскликнул почтенный старец. — Садитесь, дитя мое. Марион, живо, стул и вторую чашку. Быстро принесите нам еще горячего шоколада и тех свежих булочек, которыми снабжает нас мой жилец-булочник.

Из-под шапочки выглядывало радостное круглощекое лицо с удивительно светлыми глазами. На правом крыле мясистого красноватого носа сидела большая бородавка. Николя, еще не забывший, чему его учили на уроках истории, сравнивал ее с бородавкой Цицерона. Отвислые щеки, покрытые красной сеточкой прожилок, обрамляли чувственные уста гурмана, выступавшие продолжением некогда резко очерченного подбородка, терявшегося сегодня в тройной складке плоти.

— Видите, я верен своим привычкам, и новых вряд ли приобрету, — продолжал Ноблекур. — Возраст неумолимо подбирается ко мне, и я готов его встретить без удивления и лишних волнений… В скором времени я вообще перестану подниматься с кресла. Закажу себе трон попрочнее, с подушечками, столиком и, пожалуй, даже с колесиками. Останется только проделать дырку в сиденье, и тогда я буду жить в нем! В тот год, когда зима отличалась особой суровостью, маршальша Люксембург приказала поднять к себе в гостиную ее портшез: она пряталась в нем от сквозняков. Я перестану двигаться, и однажды призрак Марион — ибо она, прошу заметить, гораздо старше меня! — найдет мой труп, упавший носом в чашку с шоколадом.

Николя прекрасно знал, что его друг и учитель любит подзадоривать собеседника, дабы вызвать его возмущенные протесты. Если собеседник не поддавался на провокацию, Ноблекур продолжал в том же духе, пока, наконец, гость не принимался убеждать магистрата, что он все еще бодр и молод.

— Мне кажется, сударь, вы чувствуете приближение очередного приступа подагры, — ответил Николя. — Но, полагаю, вашей чашке ничто не грозит. Вы подражаете своему другу Вольтеру, вашему ровеснику, ну или почти ровеснику, вот уже четверть века ежегодно изрекающему, что еще немного, и объединенная армия недугов сведет его в могилу, и Европе будет некому выражать свое восхищение, а его друзьям — оказывать знаки внимания. Люди вашей закалки обычно доживают лет до ста. Дерзну добавить: вы необходимы вашим молодым друзьям. Если вас не будет, кто сможет дать им правильный совет? Вы принадлежите к тем немногим людям, кончина которых становится невосполнимой утратой.

Сирюс громким лаем выразил свое одобрение, а Ноблекур восхищенно зааплодировал.

— Согласен, сударь, и даже не стану возражать. Вы научились разбираться в людях и нашли свое место в этом мире. Всегда наступает день, когда ученик одерживает победу над учителем. Однако, Николя, простите старого болтуна и объясните, куда вы столь внезапно исчезли.

Пухлой рукой он принялся почесывать спаниеля, и тот, разомлев, перевернулся на спинку и, раскинув лапы, выставил розовое брюхо.

— Сударь, смерть моего опекуна призвала меня в Бретань. Отдав ему последний долг, я вернулся в Париж и немедленно очутился в гуще не самых приятных событий. Для вас, конечно, не секрет исчезновение комиссара Лардена. Так вот, господин де Сартин поручил вести это дело мне.

Сострадание, отразившееся на добродушной физиономии бывшего прокурора, когда он услышал об утрате, понесенной Николя, мгновенно исчезло, уступив место изумлению, соперничавшему с недоверчивостью. Широко раскрытыми от удивления глазами он смотрел на ученика, столь стремительно продвинувшегося по служебной лестнице.

— Вот так новость! — отчетливо проговаривая каждое слово, произнес он. — Полномочный представитель Сартина! Это известие заслуживает гораздо большего внимания, нежели исчезновение Лардена. Разумеется, комиссар был моим другом, но я предпочитал держаться от него на расстоянии. В последний раз мы виделись с ним на прошлой неделе.

Появление Марион прервало его рассуждения. Энергичная служанка поставила на ломберный столик еще одну серебряную кастрюльку с шоколадом, чашку с блюдцем руанского фарфора, тарелку со знаменитыми булочками и вазочку с вареньем.

— Я вижу, Николя, вы пользуетесь здесь успехом. Меня, к примеру, никогда не угощают вареньем.

— Он еще жалуется! — воскликнула Марион. — Получите свое варенье, когда станете помогать мне чистить ягоды, как в прошлом сентябре мне помогал господин Николя. К тому же вы едите слишком много сладкого.

Продолжая ворчать, Марион разлила по чашкам обжигающий напиток. Светло-коричневая жидкость пенилась и благоухала шоколадом и корицей. Сирюс, помня, что Николя всегда щедро делился с ним вкусными кусочками, живо перепрыгнул к нему на колени. При имени Лардена ищейка, вполглаза дремавшая в душе Николя, мгновенно пробудилась, и, едва Марион вышла из комнаты, молодой человек принялся расспрашивать прокурора о его приятеле.

— Вы говорите, что видели Лардена на прошлой неделе? В какой день это было?

— В прошлый четверг.

— Значит, вы один из последних, кто видел его живым.

— Разговаривали мы недолго. Энергичный, как всегда, он был чрезвычайно мрачен, мрачнее обычного. Вы же знаете, из-за своего скрытного и мстительного характера он фактически не имел друзей. Нас сближали профессиональные интересы: полицейским он был отличным. Когда мы расставались в прошлый четверг, он настолько разволновался, что я даже пожалел его.

— А когда вы в последний раз видели госпожу Ларден?

Лицо Ноблекура приняло такое выражение, словно он воскресил в памяти очаровательное видение.

— Красавицу Луизу? У меня давно не было возможности засвидетельствовать ей свое почтение. Лакомый кусочек, хотя ей скоро сравняется тридцать; но такие юные уже не для меня. Впрочем, для нее возраст не имеет значения: молоденький корнишончик или перезрелый огурец — все сгодится, лишь бы трапеза сопровождалась звоном полноценной монеты…

И он так энергично подмигнул, что шапочка, подскочив, съехала ему на лоб. Почтенный магистрат сделал глоток шоколада, вытер губы, разломил булочку, положил половинки на стол, а потом, вздохнув, наклонился к Николя и вполголоса произнес:

— Если в реке есть карась, на него всегда найдется щука. Я не настолько отошел от дел, чтобы не быть в курсе слухов, что ходят о Лардене. И не настолько наивен, чтобы не понять, почему Сартин, вопреки всякой логике, поселил вас в доме этой адской парочки.

Он умолк. По застывшему лицу Николя невозможно было догадаться, как он оценивал поступок начальника полиции.

— Полагаю, госпожа Ларден и вам делала авансы?

Сообразив, о чем речь, Николя покраснел.

— Кхм, кхм, — усмехнулся Ноблекур, — значит, я прав? Примите мое сочувствие, сударь. Впрочем, меня это не касается. Несчастье давно витало над этим домом. Не спрашивайте меня, почему; я это чувствовал, и этого достаточно. Я видел, как Ларден все чаще сходил с праведного пути, как в нем просыпалась тайная страсть к пороку, ради которого люди готовы пожертвовать всем. Все жаждут золота и женского тела, общество стремится к безграничному наслаждению. Если бы появилась возможность проникать сквозь стены, дабы незамеченно входить в потаенные пристанища порока, мы бы увидели, как вдали от любопытных глаз процветает самый отвратительный разврат, находят выход самые разнузданные страсти. Старый скептик и эпикуреец, я гляжу на своих современников и принимаюсь клеймить их нравы точно так же, как в прошлом клеймил преступления.

Выпрямившись, он печальным взором уставился на стол, переводя взор с булочек на варенье и обратно. Пробудившийся Сирюс, дрожа от вожделения, наблюдал за действиями хозяина. Убедившись, что Марион поблизости нет, Ноблекур схватил половинку булочки, щедро намазал ее вареньем и, запихнув в рот, мгновенно проглотил, совершив при этом единственное движение челюстями.

— Вы правы, — произнес Николя, — мое присутствие тяготило супругов. Теперь же, как вы понимаете, с какими бы нежелательными для огласки фактами мне ни пришлось столкнуться, я, отвечая за ведение дела об исчезновении комиссара Лардена, не могу оставаться в доме, где, возможно, мне придется выступать в роли судьи, в то время как положение жильца побуждает меня исключительно к признательности хозяевам.

— «Opium contemptor, recit pertinax, constans adversus metus»[39], — удовлетворенно процитировал магистрат. — В самом деле, вам нельзя больше оставаться на улице Блан-Манто.

— Сегодня утром я покинул дом Ларденов и прибыл к вам просить совета, полагая, что…

— Дорогой Николя, я полностью разделяю высокое мнение Сартина о ваших качествах и полученном вами воспитании. Я уже предлагал вам переехать ко мне. Будьте моим гостем и не

благодарите меня, ибо, приглашая вас, я доставляю радость прежде всего самому себе. Марион, Марион!

Он хлопнул в ладоши и разбудил Сирюса. Песик спрыгнул с колен, волчком повертелся по комнате и умчался в дом на поиски домоправительницы.

— Сударь, не знаю, как вас отблагодарить за вашу доброту…

— Полно, полно… Лучше послушайте, каковы порядки в этом доме. У меня здесь филиал Телемского аббатства, где, как известно, превыше всего почитали свободу и независимость. В ваше распоряжение поступает комната на третьем этаже. Все стены третьего этажа заставлены книжными шкафами, но, полагаю, книги вас не испугают. Я собрал неплохую библиотеку, и новинки влезают уже с трудом. У вас будет отдельный вход: к вам в комнату ведет черная лестница, которая начинается на половине прислуги. Прислуживать нам станут Марион и Пуатвен. Когда пожелаете или когда у вас появится возможность, вы будете обедать и ужинать вместе со мной. По собственному опыту я знаю, сколь беспокойна и непредсказуема ваша служба. Поэтому я надеюсь, что этот дом станет вашей тихой гаванью. Где ваши вещи?

— Внизу, сударь. Поверьте, я сделаю все, чтобы недолго обременять вас своим присутствием. Я немедленно начну искать…

— Довольно, сударь, не сердите меня. Черт возьми, этот неблагодарный еще заселиться не успел, а уже собирается удирать! Я требую полнейшего повиновения, сударь! Ваше дело спокойно исполнять свои обязанности и не перечить мне.

Предшествуемая Сирюсом, появилась Марион. Собака тяжело дышала: ей пришлось сбегать за домоправительницей на кухню.

— Марион, отныне Николя живет у нас в доме. Подготовьте голубую спальню. Велите Пуатвену отнести туда багаж нашего друга. Да, не забудьте, что в воскресенье я даю обед. А перед обедом мы насладимся музыкой. Нас будет пятеро: Николя со своими друзьями, отцом Грегуаром из монастыря кармелитов и молодым семинаристом, господином Пиньо, которого Николя представил мне на концерте духовной музыки, а также господин Бальбастр, органист из Нотр-Дам[40]. Я дам вам приглашения, вы сами отдадите их друзьям. А об обеде позаботится Марион. Надеюсь, краснеть мне не придется. Больших гурманов, чем священники и музыканты, найти трудно. Разве что поискать среди магистратов.

Аккуратно сложив руки, Марион слушала с видимым удовольствием. Едва хозяин завершил свою речь, как она быстро, насколько позволяли ее старые ноги, выскочила из комнаты и побежала сообщить радостную новость Пуатвену.

Николя пришел в восторг от своей новой комнаты. Альков, где стояла небольшая кровать, с обеих сторон окружали книжные шкафы, врезанные в толщу стен и снизу доверху забитые книгами. Книги стояли вокруг подобно молчаливым стражам. Ребенком он много времени проводил в обществе книг — сначала на чердаке дома в Геранде, а потом в библиотеке маркиза, в Ранрее. В окружении старых верных друзей Николя сразу почувствовал себя в безопасности. Достаточно раскрыть любой из томов, как где-то вдалеке зазвучит будоражащая душу музыка, каждый раз разная. Секретер со шкафчиком цилиндрической формы, кресло, туалетный столик и небольшой камин дополняли обстановку комнаты, оклеенной голубыми обоями в цветочек. Никогда еще Николя не жил в таких роскошных апартаментах. Не сравнить с мансардой на улице Блан-Манто.

После удачного завершения своего визита на улицу Монмартр Николя в компании выглянувшего из-за туч солнышка добрался до Шатле. Задержавшись у входа, он внимательно оглядел прилегавшие к замку улицы в надежде увидеть Сортирноса. Но прозорливого агента нигде не было, из чего молодой человек сделал вывод, что поиски его пока не увенчались успехом. Николя этому не удивился: задание, полученное Сортирносом, требовало особой

осторожности. Выполняя опасные поручения, осведомители нередко рисковали жизнью, и никто не упрекал их за то, что в целях безопасности они затягивали расследование. Особенно тщательно приходилось готовиться агентам, которых засылали в мрачные логова преступного мира Парижа.

Прибыв на рабочее место в прекрасном расположении духа, Николя сразу спросил у главного тюремщика, в какую камеру инспектор Бурдо поместил Семакгюса. Ему ответили, что господин инспектор Бурдо всю ночь провел в камере вместе с узником, записанным под именем «господин д'Исси». И кажется, он все еще там. Камера платная, со всеми возможными удобствами и правом заказывать еду в соседнем трактире. Николя восхитился предусмотрительностью своего помощника.

Узнав Николя, сторож немедленно отпер дверь темницы, и Николя чуть не задохнулся, захлестнутый волной густого, спертого воздуха, состоявшего из запахов соломы, сонного человеческого тела и крепкого табака, подавлявшего все прочие ароматы. Похоже, Семакгюс и Бурдо весь вечер предавались табакокурению: оба слыли заядлыми курильщиками. Инспектор, видимо, только что проснулся, о чем свидетельствовали помятый редингот, отсутствие галстука и растрепавшиеся седеющие волосы. Семакгюс еще спал, растянувшись на соломенном тюфяке и надвинув на лицо треуголку. Куриные кости, два стакана и три пустые бутылки, украшавшие стол, доказывали, что трагические события в Вожираре не лишили приятелей аппетита. Вряд ли предполагаемый убийца вел бы себя столь беспечно, подумал Николя. Но тут же поправился: беспечное поведение вполне могло свидетельствовать о жестокосердии и хладнокровии записного убийцы. Собственные противоречивые суждения навели его на мысль о том, что каждая вещь имеет свою оборотную сторону, но суждение об этой вещи мы выносим в зависимости от цели, которую преследуем. Даже он подумал о субъективности показаний свидетелей, подверженных смене настроений и необдуманным порывам.

Глядя на спящего Семакгюса, Николя понял, что хочет поговорить с подозреваемым наедине, и попросил Бурдо пойти и привести себя в порядок, дабы вернуться в полной форме. Тщетно пытаясь скрыть свое разочарование, инспектор Бурдо неохотно подчинился. У Николя имелись веские основания допросить узника без свидетелей: умолчав о кое-каких вчерашних приключениях, а также о ночи, проведенной у Сатин, ему не хотелось быть уличенным в неискренности. Оправдываясь перед самим собой, он напомнил о необходимости сохранить доверенную ему тайну. Но себя обмануть ему не удалось.

Николя отважился сразу разбудить Семакгюса. Он стеснялся прерывать отдых человека, к которому по-прежнему питал искреннюю симпатию, несмотря на нависшие над ним подозрения в убийстве. Пока он раздумывал, Семакгюс пробудился и, отбросив шляпу, потянулся, стряхивая с себя остатки сна. Узнав Николя, страх, отражавшийся у него на лице, мгновенно исчез.

— Вино господина Бурдо обладает гораздо более сильным наркотическим и снотворным действием, чем настойка опия, — зевая, проговорил он. — Господи, надо же так проспать! Отчего у вас такое серьезное лицо, мой дорогой Николя?..

Семакгюс встал и, взяв стул, уселся на него верхом.

— Полагаю, это вы распорядились поместить меня в приличную камеру? Примите мою искреннюю благодарность.

Непонятно, чего в его голосе прозвучало больше: признательности или иронии.

— Принимаю, и не менее искренно, — с усмешкой ответил Николя. — Тем более что вы действительно имели все шансы провести ночь в одном из дивных помещений, носящих названия «Варварский край» и «Цепи». Впрочем, вас могли также запереть в камере, именуемой «Конец блаженства», известной своими рептилиями и вонью. Или во «Рву», каменном мешке в форме опрокинутого конуса, где, согнувшись в три погибели и стоя по

щиколотку в воде, вы бы имели достаточно времени поразмыслить о тех неудобствах, которые приходится терпеть вашим друзьям из-за того, что вы им не доверяете[41].

— О-о! Это камень в мой огород. А значит, тот, кто его бросил, даст мне надлежащие разъяснения.

Николя сел на другой стул.

— Мне хотелось бы поговорить с вами без свидетелей, — промолвил он. — Это не официальный допрос, до него дело, возможно, еще и дойдет. Пока мне бы хотелось поговорить начистоту о некоторых вещах. И, пожалуйста, не усматривайте в моих словах ни хитрости, ни стремления запугать вас. Наверное, я сам виноват в том, что вы считаете меня излишне наивным, но сейчас речь не об этом. Хотя бреши в крепостной стене заделаны, и вы немало этому способствовали…

Семакгюс слушал, но на лице его не отражалось никаких эмоций.

— Вы ни разу не были со мной до конца откровенны. Начиная с нашей встречи в мертвецкой, вы всегда отделывались улыбками, двусмысленными фразами и болтовней о пустяках. Поэтому придется начать все сначала. Вы заявили мне, что уехали из заведения Полетты в три часа утра. Такая точность для человека, возвращавшегося с пирушки, еще тогда удивила меня. Поэтому я заподозрил вас…

— В убийстве Лардена?

— Именно. Тем более что вы сами уже второй раз напоминаете о предполагаемом убийстве комиссара. Следовательно, вы сознательно утаили от меня правду. Далее, вы сказали мне, что всего раз уступили очарованию Луизы Ларден. Однако свидетели утверждают, что ваша связь с женой друга продолжалась долгое время и, быть может, продолжается до сих пор. Наконец…

Николя вытащил из кармана фрака чистый лист и сделал вид, что зачитывает признание.

— «Заявляю, что получила луидор за то, чтобы подтвердить и сказать, что вышеозначенный незнакомец оставался со мной до трех часов утра, и велел ни под каким видом не сознаваться, что он ушел раньше. Когда меня спросили, я сказала и повторила, что означенный незнакомец вышел через потайную дверь, ведущую в сад, дабы его никто не увидел, ибо через эту дверь обычно убегают игроки, когда в дом неожиданно врывается полиция». Так вот, на вопрос, когда вы ушли из веселого дома, означенная девица ответила: «Спустя четверть часа после полуночи». Девицу зовут Сатин. Вряд ли стоит спрашивать, знаете ли вы ее.

— Николя, вы задаете вопросы и сами же на них отвечаете. И как протокол, который вы мне сейчас зачитали, может быть связан с убийством доктора Декарта?

— Вы правы, эту связь надо доказать. Я же всего лишь пытаюсь убедить вас в том, что любой судья, не имеющий чести знать вас, немедленно усомнится в правдивости ваших показаний и до выяснения обстоятельств исчезновения комиссара Лардена станет держать вас в камере. И представьте себе, что этот же судья обнаружит, что вы ко всему прочему замешаны в деле об убийстве человека, с которым, по всеобщему признанию, ваши отношения являлись далеко не безоблачными. Соедините вместе все факты, как реальные, так и домысленные, и сами догадайтесь, какие будут сделаны выводы. И оцените, как вам повезло, что вы имеете дело со мной, ибо я, во-первых, искренне вам симпатизирую, а во-вторых, имею право не предавать гласности ход расследования обоих дел. А самое главное, я очень надеюсь, что вы действительно не имеете отношения ни к одной из разыгравшихся трагедий. Так что, принимая во внимание мои возможности, подумайте и решите, не пора ли честно рассказать мне все, что вам известно об обоих убийствах.

Проникновенная речь Николя, сопровождавшаяся в особо важных, по его мнению, местах ритмичным стуком ладони по не слишком чистой столешнице, заставила Семакгюса

задуматься. В течение долгой паузы хирург, встав со стула, сосредоточенно обошел камеру, вернулся на прежнее место, сел и, вздохнув, приступил к рассказу.

— Дорогой Николя, ваше предложение, равно как и чувства, побудившие вас его сделать, глубоко растрогали меня. Честно говоря, я не думал, что следователь окажется моим другом. Прошу прощения, но ваше возвышение столь внезапно, что, несмотря на мое к вам уважение, в сложившихся обстоятельствах я был далек от уверенности в ваших способностях. Поэтому я прошу вас снисходительно отнестись к прошлым моим уловкам, и начнем все с чистого листа. Я готов ответить на все ваши вопросы. Но предупреждаю, факты не всегда указывают на истину. Я в этом уверен, ибо точно знаю, что ни в чем не виновен.

— Друг мой, именно такой ответ я и хотел от вас услышать. Поэтому прежде всего я попрошу вас подробно рассказать мне, на каких условиях Декарт пригласил вас на встречу позавчера вечером. Бурдо уже доложил мне кое-какие подробности, обнаруженные при осмотре тела Декарта.

Пожевав губами, Семакгюс начал:

— Около девяти часов в дверь позвонили. Ава ждет известий о Сен-Луи, поэтому она немедленно бросилась открывать. На пороге лежало письмо, свернутое вчетверо и запечатанное специальной облаткой. Не зная, что с ним делать, она отнесла его мне. Я распечатал письмо…

Покопавшись за обшлагом левого рукава, Семакгюс извлек оттуда маленькую записку и протянул ее Николя.

— Адреса нет… — задумчиво произнес молодой человек. — И на облатке никаких опознавательных знаков. Посмотрим… «Приходите сегодня вечером домой, буду ждать вас от половины пятого до пяти. Гийом Декарт». Листок отрезан…

— Он был таким с самого начала, когда Ава вручила его мне. Но Декарт всегда был экономным, если не сказать скупым.

— А Ава могла отрезать кусочек от письма?

— Нет, она не умеет читать, а потом, присмотритесь хорошенько: сгибы совпадают, включая следы от облатки.

— Верно. О чем вы подумали, прочитав эту записку? Полагаю, почерк Декарта вы видели не впервые.

— Вы угадали. Когда мы пребывали во вполне сносных отношениях, он присылал мне больных, которых считал недостойными своего искусства. Поэтому я прекрасно знаю его почерк. Честно говоря, лаконизм его письма заинтриговал меня, однако человек он был более чем странный, поэтому я воспринял приглашение как есть, то есть как просьбу о встрече. Я голову себе сломал, пытаясь понять, о чем он хочет со мной поговорить. Вы присутствовали при нашей последней встрече и, уверен, помните, чем она закончилась. В глубине души я не надеялся на примирение.

— Вы сказали Бурдо, что только серьезные причины, касающиеся вашей профессии, могли оправдать подобного рода приглашение.

— Разумеется, я бы не удивился, если бы он вознамерился сообщить мне, что сделал представление, дабы мне запретили заниматься медициной на том основании, что я всего лишь корабельный лекарь. Подобные провокации приводили его в прекрасное расположение духа.

— Почему вы прибыли в Вожирар раньше условленного часа?

— Я быстро вернул книгу о тропических растениях в ботанический сад, у меня образовалось свободное время, и я направился к Декарту. Мне казалось, что если я приеду немного раньше, он не сочтет это за преступление.

— Когда вы увидели труп Декарта, вас ничего не поразило?

— Я был вне себя, так как быстро сообразил, что попал в ловушку и на меня непременно падет подозрение в убийстве. Убедившись, что он мертв, я заметил ланцет. Он напомнил мне нашу с ним дискуссию о кровопускании. Как видите, даже орудие преступления должно свидетельствовать против меня! Больше ничего интересного я не увидел. Но не забывайте, у меня был только огарок свечи, так что видел я не дальше собственного носа.

Николя выдержал паузу. Семакгюс обхватил голову руками.

— Друг мой, — произнес молодой человек, — детали, известные пока только мне, говорят о том, что вы сказали правду. А теперь мне придется вновь задать вам те вопросы, отвечая на которые, вы, не побоюсь этих слов, всегда лгали. В котором часу вы покинули заведение Полетты в прошлую пятницу?

— Вы задаете мне вопрос, уже зная ответ.

— Я хочу услышать ответ от вас, из ваших собственных уст. Ибо пока я не могу объяснить, почему, когда я задал вам этот вопрос в первый раз, вы сказали мне неправду. Зачем эта комедия с девицей?

— Николя, вы вынуждаете меня признаться в том, что я хотел бы скрыть, чтобы не компрометировать третье лицо…

— С которым вы по-прежнему поддерживаете отношения…

Семакгюс уставился на Николя.

— Теперь мне понятно, почему господин де Сартин доверил это дело вам. Вы мыслите и делаете выводы на шаг вперед. Вы станете грозным противником даже для самых изощренных преступников.

— Отложим комплименты, Семакгюс. Лучше объясните мне, почему в ту ночь, когда разъяренный Ларден покинул «Коронованного дельфина», вы отправились к его жене? Откуда вы знали, что он не пойдет домой?

— Вы заставляете меня вдаваться в унизительные подробности, Николя. Между мной и Луизой существовал уговор: если путь свободен, она ставит у себя на окно свечу. А зная Лардена, можно было держать пари, что в разгневанном состоянии он отправится шататься по кабакам и вернется только на рассвете. Поэтому я ничем не рисковал.

— В котором часу вы покинули дом на улице Блан-Манто?

— В шесть утра. И едва не столкнулся с Катриной.

— С тех пор вы встречались с госпожой Ларден?

— Нет, ни разу.

— Вы знали, что Декарт ее любовник, — вы сами мне об этом сказали. Вас это не смущало?

— Вы жестоки, Николя. Страсть находит оправдание даже тем поступкам, которых не одобряет мораль.

— Вы сказали мне, что Катрина знала о связи госпожи Ларден с Декартом. Как вы думаете, могла она рассказать об этом Мари Ларден?

— Не то слово. Обо всем, что могло очернить Луизу, Катрина немедленно докладывала Мари. Девушка ненавидела мачеху. Несмотря на свой возраст и скромный вид, у нее неукротимый характер. Она обожала отца, и тот отвечал ей взаимностью.

Николя задумался. Неужели кроткая Мари… Он вновь вспомнил о следах в доме Декарта, совпавших с отпечатками башмаков девушки, найденными у нее в комнате…

— Семакгюс, как вы могли влюбиться в Луизу Ларден?

— Не пытайтесь это понять, не советую. Ничего не может быть хуже, чем испытывать презрение к той, кого любишь. Николя, у вас есть известия о Сен-Луи?

— Нет, и я не хочу внушать вам напрасные надежды.

Опустив голову, опечаленный Семакгюс отвернулся к стене.

— Друг мой, — начал Николя после паузы, — у меня будут к вам еще вопросы. Ради вашей безопасности и для пользы дела я обязан задержать вас. Разумеется, я постараюсь как можно быстрее разгадать окружившие нас загадки. Но у меня нет никакой уверенности в прочности местных замков. Как известно, в Шатле может войти каждый, кому ни лень. Я прикажу препроводить вас в Бастилию. Поверьте, так будет лучше, ибо речь идет о вашей жизни. В здешних же камерах мышьяк образуется буквально из воздуха, а среди заключенных внезапно начинаются эпидемии самоубийств. Расследование таких случаев ни к чему не приводит, дело закрывают, а жертвы отправляются на кладбище. Сейчас же в обоих делах замешаны люди, знакомство с которыми представляется крайне опасным.

— Мне ничего не остается, как подчиниться вам.

— Вот и прекрасно. Советую вам не терять надежды. Работайте над вашим сочинением. Я распоряжусь, чтобы вам ни в чем не отказывали. Напишите мне список необходимых вещей. Вы исчезнете для окружающих, зато жизнь ваша будет в безопасности. Доверьтесь мне.

Семакгюс смиренно кивнул. Попрощавшись, Николя тщательно запер камеру и отправился на поиски инспектора Бурдо. Он отыскал его в дежурном помещении; инспектор сидел за столом перед чашкой дымящегося супа, принесенного папашей Мари.

Николя почувствовал себя виноватым за то, что столь резко отстранил инспектора от допроса Семакгюса. Но Бурдо не оставил ему времени для угрызений совести, протянув ему два конверта. На одном, запечатанном красным воском с вытесненным на нем гербом, в котором он узнал герб Сартина (на золотом поле лазурная лента, а на ней три серебряные сардинки)[42], адрес Николя был написан уверенно и размашисто. Другое, надписанное бисерным почерком, заставило его сердце учащенно забиться. Он тотчас просчитал в уме, сколько прошло дней с их последней встречи с Изабеллой. Плюс прибавляем неделю, понадобившуюся королевской почте, чтобы добраться от Геранда до Парижа. Письмо, скорее всего, отправили в субботу а полдень либо в понедельник. Он спрятал его во внутренний карман, чтоб на досуге прочесть без помех. И распечатал послание начальника полиции. Сартин сообщал Николя, что в связи с тем что король сопровождает госпожу де Помпадур в ее замок в Шуази, еженедельная воскресная аудиенция, которую его величество давал Сартину в Версале, откладывалась. А посему у начальника появилось «дополнительное время для выяснения известных обстоятельств и решения соответствующего вопроса». Пока Николя читал письмо, Бурдо успел прийти в обычное для него благостное расположение духа: он не имел привычки долго обижаться. Не говоря ни слова, Николя протянул инспектору последнюю записку Декарта, и пока тот изучал ее, развернул послание Изабеллы.

— Каково ваше мнение, Бурдо? — спросил он.

— Полагаю, сударь, этот клочок бумаги вполне может быть частью письма, от которого потом отрезали кусок для каких-то нужд.

— Вижу, наши мысли совпадают. Остается узнать причины и автора данного сочинения. Поздравляю вас, вы блестяще справились с задачей, вставшей перед вами в Вожираре. Я видел Рабуина. Он здорово помог мне, так же как и ваш человек с улицы Блан-Манто.

Похоже, все обиды окончательно отошли в прошлое, и Бурдо порозовел от удовольствия.

— Когда его сменили, он пришел ко мне и обо всем доложил, — произнес инспектор. — Он видел, как жена Лардена вышла из дома в девять часов…

— Это невозможно! — воскликнул Николя. — Он сам сказал мне, что ночью он никого не видел и в дом никто не входил. А если она вышла утром, то получается, он все же заснул, что, впрочем, вполне простительно при таком холоде.

— Тут что-то не так. Мой человек уверяет меня, что он не спал. У меня есть основания верить ему, я часто прибегал к его услугам, и никогда у меня не возникало никаких нареканий.

— Каждая тайна имеет свое объяснение: будем искать. Удвойте наблюдение за домом Лардена. Возможно, надо установить слежку за женой комиссара, как на ваш взгляд?

— Я взял на себя смелость отдать такой приказ сегодня утром.

— Да вы просто умница, Бурдо!

— Да уж, умница, от которого скрывают самое главное!

Николя слишком рано обрадовался и теперь кусал губы, поняв свою оплошность. Он только учился разбираться в людях. Наконец, найдя зацепку, способную помочь ему выкрутиться, он расхохотался.

— Господин Бурдо, вы не умница, вы глупец. Неужели вы не поняли, что такой человек, как Семакгюс, не станет ничего говорить на допросе в вашем присутствии, то есть в присутствии равного себе по возрасту? Я думал, вы поняли, что дело вовсе не в вас. Чтобы доказать вам это, я сейчас скажу, на чем мы остановились. Семакгюс нас обманул. На самом деле он ушел из «Коронованного дельфина» четверть первого и отправился на улицу Блан-Манто на свидание с женой Лардена, где пробыл до шести часов. Что касается убийства в Вожираре, мне кажется, он тут ни при чем. Полагаю, Рабуин доложил вам, что пока вы обыскивали дом, в нем все время кто-то прятался. Потом этот кто-то обшарил дом снизу доверху, перевернув все вверх дном. Надеюсь, мой дорогой Бурдо, эти сведения исцелят раны, нанесенные вашему самолюбию.

Бурдо покачал головой.

— Если уж зашел разговор о Рабуине и других агентах, — начал он, — я, сударь, обязан отдать вам смету, где, начиная с понедельника, указаны все понесенные расходы и выплаченные вознаграждения, касающиеся расследования обоих дел. Как видите, выданных мне денег не хватило, и я добавил собственные. Здесь вы найдете подробный отчет обо всех операциях и их стоимость. Обычно такую смету подписывал господин де Сартин, потом ее отдавали начальнику департамента, тот проверял ее и отсылал казначею, дабы тот оплатил ее. Но это долгая процедура. Срочное расследование и оплачивается срочно. Господин де Сартин снабдил меня средствами, иначе мне бы не потянуть такие расходы.

Николя в растерянности уставился на протянутую Бурдо бумагу. В левом углу стояла печать, подтверждающая одобрение означенных расходов, а справа от него тянулись колонки цифр, где указывалось все, вплоть до стоимости дня работы служащего полиции и городского стражника, а также итоговые суммы. Список чрезвычайных расходов, совершенных инспектором полиции Бурдо и его агентами, а также суммы, ушедшие на оплату карет и фиакров, на которых полицейские передвигались во время расследования, получился длинным. Подробно была обрисована деятельность осведомителей, проставлены гонорары Сансона и двух медиков из Шатле. Отдельной графой указаны расходы на поездку на Монфокон и в Вожирар, суммы, затраченные на оплату камер для старухи Эмилии и Семакгюса. Общая сумма составила 85 ливров, и Николя решил оплатить ее из денег, данных ему Сартином. Но, подсчитав наличность, обнаружил, что оставшихся у него луидоров недостаточно. Тогда он разделил их и половину протянул Бурдо.

— Вот задаток. И я постараюсь поскорее выплатить остальное. Давайте расписку.

Бурдо нацарапал несколько слов на обороте сметы.

— Я дам вам записку к Сартину, где изложу последние события, попрошу у него еще денег и письмо с печатью, чтобы надежно упрятать нашего Семакгюса в Бастилию. Вы возьмете надежную охрану и отвезете его туда. Я не боюсь, что он убежит; наоборот, я опасаюсь, как бы его не попытались убить: мы пока не знаем, с кем имеем дело. А я тем временем кое-что проверю. Забыл сказать вам, Бурдо, — я переехал. Сами понимаете, я не мог больше оставаться у Ларденов. К тому же сама госпожа Ларден буквально выставила меня за дверь. Так что в настоящее время я обретаюсь в доме Ноблекура, на улице Монмартр. Вы его знаете.

— Мой дом в вашем распоряжении, сударь.

— Я искренне благодарен вам, Бурдо, за предложение, но у вас и без меня полно народу.

Николя сел и начал писать записку Сартину. Желая поскорее прочесть письмо Изабеллы, он, попрощавшись с инспектором, вышел из Шатле и быстро зашагал в сторону Сены.

XI
НИЧЕГОНЕДЕЛАНИЕ

Подобно путнику, коего потребности естества побуждают к полуденному отдыху, хотя время и торопит его, архангел встал между миром, превращенным в руины, и миром возрожденным.

Мильтон

У ног Николя текла Сена. Стоя на каменистом берегу, покрытом смесью снега и застывшей грязи, сквозь которую местами проступали жирные лужи ила, он смотрел на серые бурные воды, пытаясь определить, с какой скоростью они движутся. Стволы деревьев, выдранные с корнем в верховьях реки, то показывались над пенными волнами, то вновь уходили на глубину. Встречное течение вздыбливало воду, и она, словно морской прибой, выплескивалась на скользкий обледенелый берег. Николя закрыл глаза, и ему почудилось, что перед ним плещется океан. Раскинувшие крылья навстречу потокам воздуха морские птицы, с резкими криками парившие над водой, высматривая, не несет ли течение какую-нибудь падаль, усиливали впечатление океанского побережья. И только запахи, исходившие от рыхлого, налившегося грязной водой ила, рассеивали иллюзии. Созерцание реки не прогнало осаждавшие Николя сомнения. Он в третий раз перечитал письмо Изабеллы. Буквы по-прежнему прыгали у него перед глазами. Он не понимал, что означало ее послание: оно казалось тревожным, путаным и противоречивым.

«Николя,

Я доверяю это письмо Риботте, моей горничной, она отнесет его в почтовую контору Геранда. Молю Господа, чтобы оно до вас дошло. После вашего отъезда отец постоянно пребывает в дурном настроении и неустанно следит за мной. А вчера он слег и не говорит, что с ним. Я велела позвать аптекаря. Не знаю, что и думать о той ужасной сцене. Отец любил вас, а вы уважали его. Как могло случиться, что вы поссорились?

Поверьте, мне очень грустно, что нас снова разлучили. Не знаю, правильно ли я поступаю, говоря вам, что ваш поспешный отъезд вверг меня в неизбывную тоску. Единственным утешением мне служит уверенность в вашей ко мне привязанности. Но я уверена, что ваша нежная и великодушная душа не станет преследовать сердце, которое не может свободно предаться своей склонности. Ну вот, я и сама не знаю, что говорю. Прощайте, друг мой. Пишите мне, ваши письма помогут мне развеять охватившую меня печаль. Или нет, лучше забудьте меня.

Замок Ранрей, 2 февраля 1761 года».

В который раз молодой человек пытался понять причины охватившего его чувства неловкости. Радость от письма своей подруги детства постепенно перешла в глухую тревогу, и чем больше он перечитывал письмо, тем тревожней становилось у него на душе. Во-первых, он беспокоился за здоровье крестного. Убежденность, что дела плохи, он почерпнул не столько из слов, сколько из общего сумбура, царившего в письме. Года два назад ему посчастливилось посетить Парижскую оперу. Послание Изабеллы напоминало дурное либретто. Чувства, о которых она писала, казались вымученными. Сам не зная, почему, он чувствовал, что девушка притворяется, однако притворство явно противоречило серьезности положения. Он вспомнил,

что во время их последней встречи в замке Ранрей у него уже возникало подобное ощущение. Сцена, сыгранная обоими, принадлежала к уже опробованному репертуару. Речь, несомненно, шла о любовной досаде, о которой постоянно твердили молодые любовники в пьесах господина Мариво. Могло ли случиться, что на его искренние чувства мадемуазель де Ранрей отвечала игрой, видимостью страстей, дабы вызвать у него эмоции, как в театре? Возможно, он всего лишь придумал себе возлюбленную, позабыв, насколько рискованно полностью отдаваться выдуманной мечте. Тем более что в сокровенных глубинах его сердца затаилась мысль о том, что любовь, которую надо оборонять, словно крепость, осажденную врагами, и защищать, как адвокат перед судом оправдывает своего подопечного, наверное, уже перестала называться любовью. Он сам, с бездумной легкостью, позволил себе привязанность, пробудившуюся в совместных детских играх. Как смел он, найденыш, залететь так высоко, позволить себе мысленно стать вровень с девушкой из знатной и могущественной семьи? Горькая волна разочарования накрыла его и откатилась обратно, унося с собой всю злость, накопившуюся от прошлых унижений. Внезапно на горизонте он увидел белый парус надежды, и слова Изабеллы немедленно обрели иной смысл… В конце концов, он решил отложить этот спор с самим собой на потом и, опустив голову, окольным путем поплелся к ратуше.

По дороге он долго корил себя за время, потраченное на пустые размышления, но потом сообразил, что, в сущности, сейчас ему торопиться некуда. Тогда он решил пойти самой дальней дорогой и, оставив ратушу слева, двинулся вдоль реки, добрался до церкви Сен-Жерве, обогнул кишевший народом рынок Сен-Жан и добрался до начала улицы Вьей-дю-Тампль, где располагалась мастерская мэтра Вашона, портного. Окна мастерской смотрели на двор, поэтому с улицы узнать дом мэтра возможности не представлялось. Пройдя через проездные ворота старого особняка, клиент оказывался в просторном, вымощенном брусчаткой дворе. Как объяснил мэтр Вашон, его репутация столь прочна, что неброский вид заведения является преимуществом в глазах богатых заказчиков, предпочитающих высаживаться из кареты непосредственно у дверей, избавившись, таким образом, от назойливого любопытства зевак и не запачкав обувь в вязкой грязи, покрывавшей улицы.

Николя явился к Вашону сразу по нескольким причинам. С одной стороны, он хотел обновить свой гардероб, не только износившийся, но и уменьшившийся за счет одежды, оставленной в церкви Сент-Эсташ, где, как он и подозревал, она пропала. С другой стороны, он намеревался расспросить мэтра относительно привычек другого его клиента, комиссара Лардена.

Толкнув дверь, Николя, как всегда, отметил, какое темное и неудобное помещение занимает мастерская. Чтобы исправить этот недостаток, хозяин постоянно увеличивал количество свечей. Сейчас храм элегантности показался неожиданному клиенту часовней, сверкавшей тысячью огней. Одетый в серое сукно, мэтр Вашон держал речь, ритмично постукивая по полу концом модной в прошлом веке трости. Трое подмастерьев, утопавших в складках тканей, восседали по-портновски на стойке из светлого дуба и, внимая словам хозяина, продолжали шить.

— Будь проклято то время, когда король позволяет денежному мешку диктовать моду! — возмущенно восклицал Вашон. — Мало того, что генеральный контролер финансов выдумывает для нас новые налоги, заставляя нас потуже затягивать пояса, так еще и лезет не в свое дело. У нас во Франции мода — это главное! А тут на тебе, изволь экономить: никаких складок на штанах, никаких карманов, долой украшения! Откуда только на нашу голову столько дураков! Ах, господа, прежняя ширина канула в Лету, полы укоротились, спереди появился вырез, прикрытый накладкой с волнами кружев… Иголку, тупица! Возьми длинную иголку! Сколько раз вам повторять, получается, я вам пою, а вы…

Гнев его обрушился на одного из подмастерьев, и тот, съежившись, зарылся в складки шелка, надеясь переждать там грозу.

— А вышивка? Одна сплошная экономия, чтобы не сказать скупость! Ювелиры в отчаянии, драгоценные камни заменяют банальными пайетками, цветными стеклышками и стразами, этим кошмарным заграничным изобретением. Ах ты, горе… Тысяча благодарностей господину Силуэту[43]! Мы станем вешать его профиль вместо вывески на наши лавки. Ремесленники проклянут его, и… Но погодите, кажется, нас почтил своим посещением сам господин Ле Флош!

Вашон поклонился, и его пожелтевшее старческое лицо озарилось радостной улыбкой. Тощее тело этого высокого худого человека лет шестидесяти никак не вязалось с его поистине громовым голосом.

— Приветствую вас, мэтр Вашон, — произнес Николя, — и с радостью отмечаю, что, судя по вашей энергии, вы в добром здравии.

— Пощадите, не выдавайте меня. Получается, я сам ругаю то, что шью, и клиенты могут обидеться.

— У меня и в мыслях ничего подобного не было. Я пришел немного подновить свой гардероб. Мне нужен фрак на каждый день, плотный и прочный, плащ, панталоны и, наверное, один более модный и элегантный костюм, чтобы выходить как в город, так и в оперу. Но вы все знаете лучше меня, а потому я жду ваших советов.

Вашон еще раз поклонился, отставил трость и оглядел теснившиеся перед ним на полках свертки тканей. Взор его скользил от клиента к полкам и обратно.

— Так, молодой человек… Часто выходит… не нищий. Думаю, это коричневое сукно вам подойдет. Предлагаю сшить из него фрак с оливковым позументом, а к нему неброские кюлоты. А о плаще даже слышать не хочу, плащи хороши для путешествующих провинциалов и кавалеристов. Плащи давно вышли из моды. Вам нужен редингот, хороший редингот из настоящей шерстяной ткани, на утепленной подкладке. Чтобы в холодную зиму вы в нем не замерзли. А еще я вам сошью — специально для вас за ту же цену — две ротонды вместо одной. И пусть господину Силуэту будет хуже, но я не пожалею на них ткани! А относительно выходного фрака у меня есть идея. Что вы скажете вот об этом?

И он, осторожно развернув шелковую бумагу, извлек на свет фрак из темно-зеленого бархата, украшенный легкой серебристой вышивкой.

— Этот великолепный костюм остался у меня в результате спешного отъезда одного прусского барона. Он был примерно вашего роста. Надо будет чуть-чуть приладить и спороть орден, вышитый по его приказу. Хотите примерить?

Николя прошел в крошечный закуток, где стояло большое зеркало, и с сомнением надел на себя темно-зеленый фрак. Когда же он поднял голову, чтобы посмотреть на себя в зеркало, ему показалось, что перед ним стоит кто-то другой. Костюм был скроен и сшит специально для него. Он делал его стройнее, выгодно подчеркивал его совершенное сложение. Из зеркала на него с нескрываемым изумлением смотрел человек, напоминавший тех недоступных знатных сеньоров, за которыми он, будучи ребенком, исподтишка наблюдал в гостиной маркиза де Ранрея. Повернувшись, он сделал несколько шагов по комнате. Вашон, продолжавший отчитывать подмастерьев, внезапно умолк, ошеломленный благородной красотой молодого человека, подчеркнутой сверкающим орденом, отметившим место, где находилось сердце. Николя неожиданно ощутил, что в этот миг для него началась иная, еще неведомая ему жизнь. Разрушив очарование момента, Вашон растерянно пробормотал:

— Он… он слишком вам идет… то есть я хотел сказать, очень вам идет. Не хватает только шпаги, и можно ехать в Версаль. Что вы на это скажете?

— Я беру его, — ответил Николя. — Спорите вышитый орден и чуть-чуть расставьте в плечах. Когда костюм может быть готов?

— Уже завтра. Я пришлю его вам в дом комиссара Лардена. Кстати, как чувствует себя комиссар?

Николя обрадовался. Мэтр сам начал разговор на интересовавшую его тему.

— А вы давно его видели?

— Сразу после праздника Богоявления. Он пришел ко мне, чтобы заказать — признаюсь, обычно я не беру таких заказов — четыре плаща из черного шелка с четырьмя масками, а также очередной кожаный камзол, которые он так любит и постоянно носит.

— А плащи все одинаковые?

— Абсолютно.

— Вы их ему отослали?

— Нет! Комиссар сам явился за ними в конце января. Но, сударь, ваши вопросы меня тревожат: неужели он остался недоволен?

— Что вы! Просто со второго февраля господин Ларден не возвращался домой, и полиция в лице вашего слуги разыскивает его.

Николя надеялся, что от неожиданности мэтр Вашон о чем-нибудь проговорится, но его ожидания не оправдались. Когда первое изумление прошло, мэтр стал задавать самые банальные вопросы, а потом и вовсе заговорил о другом, снял с него мерки и, заискивающе улыбаясь, заверил, что для протеже господина де Сартина все будет сделано в лучшем виде. Николя осталось только назвать свой новый адрес.

Выйдя на улицу Вьей-дю-Тампль, Николя решил пройти пешком до улицы Блан-Манто, тем более что идти было недалеко. Новый агент, занявший наблюдательный пост, сообщил, что госпожа Ларден вернулась домой. А так как в округе пошел слух, что хозяева выгнали кухарку, несколько матрон и одна юная девица пришли предложить свои услуги. Агент, миловидный молодой человек, без труда свел знакомство с претендентками, с радостью излившими на него свое дурное настроение. Ворчливая и надменная Луиза отказала всем, сказав, что «в этом доме ни в ком не нуждаются», и захлопнула дверь буквально у них перед носом. Хотя в последнее утро, проведенное в доме, Николя заметил, что хозяйство пришло в запустение. К примеру, Катрина никогда не оставляла дичь гнить в погребе. Сотни мелочей свидетельствовали об упадке и отсутствии заботливых рук. Почему такая утонченная и требовательная дама, как госпожа Ларден, терпела дома подобный беспорядок? Неужели она опасалась нежелательных свидетелей и поэтому прогнала Катрину и отослала Мари?

Еще агент рассказал Николя, что возле дверей церкви Блан-Манто он заметил какого-то типа, похожего на комиссара Лардена. Тип, похоже, тоже его заметил, ибо сразу юркнул внутрь здания. Агент погнался за ним, но безуспешно. В церкви наверняка имелось несколько выходов. Отвечая на вопрос, отчего он принял неизвестного за исчезнувшего комиссара, агент ответил, что на субъекте был пресловутый кожаный камзол. Правда, лица его он не рассмотрел.

Николя, успевший утром в компании Ноблекура проглотить всего лишь чашку шоколада с булочкой, давно уже ощущал голод. Но у него оставалось еще одно дело. Кому после смерти Декарта отходит все состояние доктора? Судя по разговорам, и, в частности, по словам Полетты, состояние это очень даже существенное. К счастью, Николя запомнил имя нотариуса Декарта: комиссар упоминал его, когда, обремененный долгами, продавал виноградник в Попенкуре. Нотариуса звали мэтр Дюпор, его контора находилась на улице де Бюсси, на левом берегу Сены. Погода стояла прекрасная, и Николя пошел пешком. Прозрачный морозный воздух, наполняя легкие, очищал организм, словно глоток доброго белого вина. Солнце, миновав высшую точку подъема, медленно спускалось к горизонту, однако сияние от него по-прежнему исходило ослепительное. Мороз и солнце полностью преобразили город: казалось, кто-то неведомый выстроил его заново. Чтобы поскорее попасть в квартал Сент-Авуа, молодой человек решил пойти самой короткой дорогой, намереваясь попутно пообедать в какой-нибудь лавочке на улице Бушри-Сен-Жермен.

На ходу он старательно вспоминал все, что ему удалось сделать за сегодняшнее утро. Очевидно, Ноблекур не питал иллюзий относительно Лардена и прекрасно видел, как супругов, чьи ссоры не являлись для него секретом, затягивали в какие-то подозрительные махинации.

Визит к мэтру Вашону выявил два обстоятельства. Во-первых, оказалось, что у комиссара несколько кожаных камзолов, а значит, кожаные обрывки, обнаруженные на Монфоконе, не могут выступать в качестве доказательства его гибели. Следовательно, труп по-прежнему остается неопознанным. Судя по сообщению агента с улицы Блан-Манто, говорить с уверенностью о смерти Лардена оснований также нет. Во-вторых, Ларден заказал четыре черных шелковых плаща. Почему четыре карнавальных костюма? Николя точно знал, кому предназначались три плаща: один Лардену, другой Семакгюсу, а третий Декарту. Собственно, всем участникам вечеринки в «Коронованном дельфине». Но кому предназначался четвертый плащ? По свидетельству Катрины, которой вполне можно верить, в тот пятничный вечер Луиза Ларден выходила из дома тоже в черном шелковом плаще. Но был ли это плащ, сшитый мэтром Вашоном, или это был другой плащ? Если это плащ Вашона, то почему комиссар отдал его жене? Тут какая-то загадка. Осматривая комнаты в доме Лардена, Николя плаща не нашел. Хорошо бы спросить Катрину, куда она дела этот плащ, или же…

Перебравшись по Новому мосту на противоположный берег, по улице Дофин он добрался до перекрестка Бюсси. Ему нравился этот квартал: когда он жил в монастыре кармелитов, он исходил его вдоль и поперек. При воспоминании об отце Грегуаре на душе у него потеплело, и он порадовался, что в воскресенье ему предстоит встретиться с отцом Грегуаром на званом обеде у Ноблекура.

Николя показалось невежливым беспокоить нотариуса в часы обеда, а потому он свернул на соседнюю улицу Бушри-Сен-Жермен. Он уже знал, что улицы, где находились парижские скотобойни, являли собой совершенно особый мирок, и постарался стать в этом мирке своим человеком. Тем, кто занимался ремеслом мясника, приходилось подчиняться целому ряду правил и уставов, сочиненных корпорацией, ревниво следившей за соблюдением своих прав и привилегий. Он с удивлением узнал, что цены на мясо устанавливались начальником полиции и зависели от стоимости живого скота. Меры веса и их эквиваленты строго контролировались администрацией. Николя довелось принять участие в нескольких делах по наведению порядка на мясном рынке. Полиция постоянно вела борьбу с незаконными торговцами, привозившими мясо неизвестно откуда. Мясники в один голос твердили, что у подпольных торговцев мясо ворованное, испорченное или от больных животных. Торговцы эти обвинения категорически отвергали, утверждая, что у них есть свои клиенты, ибо они торгуют дешевле, чем мясники, состоящие членами корпорации. Кроме того, нередко возникали мелкие конфликты между службами, подчиненными начальнику полиции, мясниками и клиентами. Вечная проблема довесков также будоражила население предместий и городскую бедноту. Продажа съедобных обрезков вместе с кусками, откровенно непригодными в пищу, постоянно приводила к столкновениям покупателей и продавцов.

Заметив стекавший под ноги и замерзавший буквально на глазах кровавый ручеек, Николя понял, что дошел до места. Толкнув калитку, он вошел в проход, заставленный столами для разделки мяса. В глубине располагалась бойня, шпарня и салотопня, а еще дальше стойла, где ожидали своей участи коровы и овцы. Мясники не только потрошили туши, но и торговали потрохами, всегда пользовавшимися спросом по причине их низкой цены.

Господин Депорж, к которому в надежде пообедать направился Николя, сдавал маленький зальчик торговке требухой. Поставив там несколько столиков и грубо сколоченных скамеек, мамаша Морель устроила трактир с домашними обедами. Она готовила кишки, требуху, обрезки, ножки, печень и легкие, и каждый раз по-разному. Николя заказал свой любимый рубец, но хозяйка, давно уже пребывавшая под обаянием молодого человека, сразу посоветовала ему отведать ее фирменное блюдо, а именно фрикасе из свиных ножек. Она делала его нечасто, ибо не имела права продавать свинину; торговать этим продуктом

дозволялось только в мясных лавках. Чтобы ножки стали нежными, их долго отваривают в горшке, в большом количестве бульона, после чего мясо легко отделяется от кости. Затем кусочки приправляют мелко нарезанным лучком и обжаривают на сковороде с салом и растопленным сливочным маслом — до первого хруста. Потом поджарку мелко шинкуют и вновь обжаривают, несколько раз встряхивая сковороду. К измельченной поджарке добавляют половник бульона. Перед подачей на стол приправляют ложечкой горчицы, разведенной в кислом виноградном соке и уксусе, дабы получился льезон, и едят горячим. Хозяйка строго следовала рецепту, и, согласившись на фрикасе, Николя не пожалел; он дважды заказывал добавки. После сытной трапезы он почувствовал себя умиротворенным, согревшимся и готовым к встрече с нотариусом. Простая пища всегда вызывала в нем прилив энергии. Ему нравились обычаи и привычки простых горожан, и он, отправляясь гулять, с удовольствием смешивался с толпой, дабы понаблюдать нравы парижан. Из подслушанного меткого словца, подмеченной позы, подсмотренного жеста он, как из глины, лепил свой собственный образ; все, что во время этих прогулок впитывало его живое воображение, становилось неотъемлемой частью его обаяния, привлекавшего к нему людей, хотя он и не всегда должным образом ценил тех, кто по первому зову готов был служить ему верно и преданно.

Николя оказался прав, решив подкрепиться, перед тем как идти к нотариусу. Мэтр Дюпор принадлежал к той породе людей, которых не так-то просто заставить говорить. Он решительно отказался отвечать на вежливые вопросы Николя, касавшиеся состояния Декарта и о наличии у оного Декарта завещания, и даже посулил призвать своих клерков, дабы вышвырнуть наглого пришельца на улицу. Видя, что справиться с собеседником исключительно силой собственного авторитета не получится, Николя, смирившись, вытащил бумагу с подписью Сартина, после чего нотариус — с большой неохотой — поведал сыщику обо всем, что его интересовало. Да, господин Декарт обладал солидным состоянием, заключавшимся в землях и фермах, расположенных в Юрпуа и в Сен-Сюльпис-де-Фьевр, а также в ценных бумагах, выпущенных ратушей. Кроме того, он располагал солидной суммой наличности, размещенной у одного банкира. Да, он оформил завещание по всем правилам, и не так давно, в конце 1760 года. Согласно этому завещанию, его единственной наследницей является Мари Ларден, дочь комиссара Лардена.

Известие поставило Николя в тупик. Итак, незадолго до смерти Декарт почувствовал необходимость привести дела в порядок. И вместо того чтобы облагодетельствовать единственную родственницу, кузину Луизу Ларден, он остановил выбор на дочери комиссара, не связанной с ним никакими узами… От Декарта ниточка, без сомнения, тянулась к Лардену, подкинувшему Николя загадочную записку. И Декарт, и Ларден, покидая этот мир, адресовали живым загадочные послания. Почему Декарт составил завещание в пользу Мари Ларден, не имевшей к нему никакого отношения? Неужели этот старый развратник, вечно цеплявший личину святоши, попал под действие чар очаровательной и невинной девушки? А может, наоборот, неброская внешность скрывала преступную и страстную натуру Мари? Или Декарт решил обезопасить себя от покушения со стороны любовницы, чья ветреность и алчность не являлись для него секретом? Но ни в одном, ни в другом случае ничто не указывало на его готовность отойти в мир иной.

Пытаясь связать воедино попавшие к нему в руки нити, Николя перебрался на другой берег и поспешил в Шатле. Бурдо на месте не оказалось: он повез Семакгюса в Бастилию. Зато его ожидало заключение, составленное по результатам вскрытия тела Декарта. Согласно мнению производившего вскрытие Сансона, жертва была отравлена пирожными, начиненными мышьяком. Скорее всего, Декарт потерял сознание и упал, а потом его задушили, положив на лицо подушку. Николя не уставал удивляться, зачем преступнику понадобилось объединить два способа убийства, а затем, чтобы скрыть оба, инсценировать третий способ. Похоже, в

этом деле маски надевали все, включая курносую; воистину, карнавал превращался в кровавый кошмар.

Выйдя из Шатле, он впервые после возвращения в Париж ощутил себя не у дел. В этот поздний час на город вместе с ночной мглой обрушился мороз, крепчавший с каждым часом из-за порывистого ветра. Николя позволил себе зайти в кондитерскую Сторера на улице Монторгей и устроил настоящую сладкую вакханалию, заказав сразу несколько любимых ромовых баб.

Войдя в дом господина де Ноблекура, он увидел Марион, хлопотавшую у плиты, где варился двойной бульон, который магистрат обычно выпивал перед сном. Сам Ноблекур ужинал где-то в городе. Николя отправился к себе в комнату. Разложив свой скудный багаж, он разделся и, протянув руку к окружавшим его со всех сторон книжным полкам, наугад взял одну из книг. Это оказалась поэма «Вер-Вер» Грессе[44]. Он открыл ее, и в глаза ему тотчас бросились строчки:

«Ах! Звучное имя всегда носить опасно,

Безвестному счастливчику жить всегда приятней».

Николя горько улыбнулся. В голову опять полезли грустные мысли, вызванные письмом Изабеллы. Неожиданно он вспомнил элегантного молодого человека, увиденного им сегодня в зеркале мэтра Вашона. Логика подсказывала, что тем красавцем был он сам, но сознание отказывалось этому верить. Его новый облик искушал и одновременно таил угрозу. Николя отложил книгу и вытянулся на кровати. Свеча на прикроватном столике начала чадить. Длинная черная струйка поднималась вверх, к потолочным балкам, и на их блестящей поверхности постепенно образовалось черное пятно. Задумчиво обозрев пятно, он приподнялся, смочил слюной два пальца, загасил ими фитиль и снова лег, пытаясь сосредоточиться на мысли, упорно витавшей в его голове, но никак не желавшей складываться в четкий вывод. Пятно на потолке напоминало… Наконец-то! Перед глазами его предстало темное пятно на макушке черепа, найденного на Монфоконе. И, сделав очередное открытие, он заснул.

Воскресенье, 11 февраля 1761 года.

Субботний день Николя позволил себе посвятить блаженному ничегонеделанию. Он поздно проснулся и, воспользовавшись хорошей погодой, отправился бродить по городу. Он заходил в церкви, посетил Старый Лувр, полюбовался цитринами торговцев эстампами и картинами, а ближе к вечеру перекусил в таверне возле рынка. На обратном пути ему навстречу вылетела стайка мальчишек. С криками «Карнавал! вал! вал!» они несколько раз шлепнули его «крыской»[45]. Чтобы отчистить костюм от мела, которым его перепачкали, пришлось прибегнуть к услугам чистильщика. Усталый, он вернулся домой, улегся на кровать и допоздна читал. На следующее утро он отправился к мессе в церковь Сент-Эсташ. Он с удовольствием вслушивался в звуки, гулко разносившиеся под ее высокими просторными сводами; казалось, где-то в невидимой вышине играет гигантский орган.

На улицу Монмартр он вернулся, когда время уже перевалило за полдень. Его сразу накрыла волна чарующих мелодий. На цыпочках он вошел в библиотеку Ноблекура, временно превращенную в музыкальную гостиную. Одетый в широкое домашнее платье с восточным рисунком, хозяин дома аккомпанировал на скрипке двум музыкантам. Одним из них — к удивлению Николя — оказался отец Грегуар; молодой человек не подозревал, что святой отец неплохо играет на скрипке. Второй, остролицый человечек в ярком блондинистом парике, видимо, был Бальбастр, органист из Нотр-Дам: он виртуозно вел партию на клавесине. Возле инструмента стоял Пиньо и передвигал свиток партитуры, ярко освещенный толстой свечой, вставленной в подсвечник с розеткой. Смутившись, что ему одному приходится исполнять роль публики, молодой человек тихо пробрался в кресло бержер, удобно в нем устроился и принялся

с наслаждением внимать звукам музыки. Но вскоре внимание его переключилось на мимику музыкантов. Нахмуренные брови и пурпурное лицо Ноблекура, казалось, свидетельствовали о невыносимых страданиях, но когда музыкант за клавесином внезапно начинал импровизировать, почтенный магистрат звучно и одобрительно крякал. Поглощенный игрой, отец Грегуар выглядел еще более сосредоточенным, чем когда рассыпал порошки или разливал отвары у себя в монастыре; правой ногой святой отец отбивал такт. Бальбастр являл собой совершенный образ виртуоза. Пальцы его, окутанные пеной прозрачных кружевных манжет, летали по клавишам инструмента; в партитуру музыкант практически не заглядывал.

Соната для трио завершилась. Наступила долгая пауза. Ноблекур с тяжким вздохом стянул с себя парик и, вытащив из рукава большой платок, промокнул потный лоб. Тут он заметил Николя. Немедленно раздались приветственные голоса. Не скрывая радости от встречи с другом, отец Грегуар и Пиньо по очереди заключили Николя в объятия. Приветствуя Бальбастра, Николя постарался выказать все возможное почтение, кое безвестный молодой человек обязан оказывать знаменитости. А когда Ноблекур назвал его «доверенным лицом Сартина, юношей с большим будущим», он от смущения покраснел. Появление Марион и Пуатвена с вином положило конец всеобщему обмену любезностями. Гости расселись, и разговор принял общий характер. Привыкнув после концертов, куда они ходили вместе с Николя, обсуждать качество исполнения, Пиньо поинтересовался мнением друга о только что прослушанной сонате для двух скрипок и баса композитора Леклера[46]. Не успел Николя открыть рот, как Бальбастр прервал их, затеяв ученый спор о басовых нотах, звучавших в аккомпанементе.

В библиотеку проскользнула Марион и что-то зашептала на ухо своему хозяину.

— Ну разумеется, — ответил Ноблекур, — ведите его сюда. И принесите еще один прибор для нашего друга, прибывшего без предупреждения.

В библиотеку вошел кавалер немногим старше Николя. Взмахнув шляпой, он непринужденно поклонился собравшимся и вручил сопровождавшему его Пуатвену шпагу. Подойдя к клавесину, он любовно провел рукой по его лаковой поверхности и устремил взор на общество. Несмотря на напудреный парик, его насмешливое лицо выглядело удивительно молодо. Густые брови, орлиный нос и изящной формы рот, в очертаниях которого просматривалась ироническая гримаса, приятно дополняли друг друга. Светло-голубой, почти белый фрак с блестящим шитьем напомнил Николя фрак, сосватанный ему Вашоном.

— Господа, рад представить вам господина де Лаборда, первого служителя опочивальни Его Величества[47].

Последовал новый обмен приветствиями. Даже Бальбастр попал под обаяние манер новоприбывшего. Услышав о должности, которую Николя занимал при начальнике полиции, Лаборд окинул его проницательным взором.

— Чем обязан, сударь, радостью принимать вас у себя? — спросил советник. — Вы редкий гость, и нам хотелось бы видеть вас почаще. Дружеские чувства, всегда питаемые мною к вашему отцу, теперь отданы вам. Этот дом ваш.

— Ваш слуга, сударь. Увы, у меня редко выдается свободный день. Но сегодня, когда я, наконец, свободен, я немедленно отправился к вам. Король отбыл с госпожой де Помпадур в Шуази. Мне следовало ехать с ними, но его величество по доброте душевной отпустил меня. А когда короля нет на месте, из Версаля все бегут. Последовав всеобщему примеру, я удрал из Версаля, явился к вам и намерен напроситься на обед.

Беседа оживилась. Пиньо, чья осведомленность в закулисье придворной жизни поразила Николя, сообщил ему на ухо, что именование служителя не должно вводить в заблуждение: де Лаборд очень важное лицо. Он являлся одним из четырех первых служителей королевской опочивальни, под его началом находились все внутренние службы дворца. И он обладал несравненной привилегией находиться в непосредственной близости от его величества, ибо

по долгу службы ночевал в королевской спальне. Сам Лаборд никогда не опровергал слухов ни об особом расположении к нему короля, ни о своем богатстве, ни об участии в интимных ужинах в малых апартаментах. Наконец, довершая характеристику нового гостя, Пиньо добавил, что тот слывет другом маршала Ришелье, носившего звание первого дворянина королевской опочивальни.

С почтением взирая на человека, обладавшего правом вплотную приближаться к персоне короля, Николя пытался разглядеть некое особое отличие, каким, по его мнению, должен быть наделен обладатель сей привилегии. Выбравшись из любимого кресла, Ноблекур пригласил гостей пройти за стол.

Возле двери возникло замешательство: каждый старался пропустить вперед другого, комплименты сыпались со всех сторон. Наконец все вошли в прямоугольную гостиную, где посредине стоял накрытый овальный стол. Широкие окна смотрели на улицу, вдоль стены напротив выстроились застекленные витрины, книжный шкаф и буфет с мраморной доской, где выстроились бутылки.

— Господа, никакого протокола, здесь мы у себя дома, — заявил магистрат. — Николя как самый молодой садится напротив меня. Святой отец, — указал он на Грегуара, — сядет справа от меня, господин де Лаборд — слева. Господа Бальбастр и Пиньо займут места по обе стороны от Николя.

Отец Грегуар прочел благодарственную молитву, и все сели. Вошла Марион с внушительных объемов супницей и поставила ее перед хозяином. Ноблекур взялся разливать суп, в то время как Пуатвен обносил гостей вином, предоставив каждому выбрать себе цвет по вкусу — красное или белое. После первых ложек воцарилась тишина: гости отдавали честь вкуснейшему супу из голубей, процесс приготовления которого господин де Ноблекур живописал со страстью, достойной истинного чревоугодника. Затем Ноблекур обратился к Лаборду:

— Что нового при дворе?

— Его величество очень озабочен состоянием осады Пондишери. Маркиза делает все возможное, чтоб разогнать его меланхолию. Старается пробудить в нем былую энергию. Держу пари, вы даже не представляете — парижане столь пристрастны! — сколько талантов у этой женщины! О ней злословят, сочиняют памфлеты, но никто не задумывался, как много полезного она сделала. На свои средства она приобрела тысячи акций, деньги от продажи которых идут на вооружение и постройку линейных кораблей. Она вечно что-нибудь придумывает. Скажу вам, ибо полагаю, что здесь собрались люди чести…

И он окинул сотрапезников внимательным взором.

— …еще вчера она говорила мне, что в настоящий момент ей больше всего хочется стать мужчиной. Она беспокоится о состоянии дел в государстве. Столько людей, по должности обязанных печься об общественном благе и ревностно служить королю, бездействуют и предаются злословию…

— Дорогой мой, — прервал его Ноблекур, — скажите, как дела у вашего друга маршала?

— Он чувствует себя прекрасно, хотя с приближением возраста он, боясь впасть в старческую немощь, окружил себя докторами и шарлатанами. Он делит свое время между Бордо, где он является губернатором, и Парижем, где он с равным усердием посещает и заседания академии, и театральные спектакли. Когда я говорю о театре, я имею в виду актрис…

Марион и Пуатвен сменили тарелки и принесли следующее блюдо — мясное рагу, к которому на свернутой салфетке подали приготовленные на угольях трюфели. Рагу дополнило огромное блюдо горячей ганноверской ветчины. Де Лаборд, вдохнув аромат, тоненькой струйкой вытекавший из кастрюльки, где томилось рагу, поднял стакан.

— Господа, выпьем за здоровье прокурора. Он, как обычно, угощает нас по-королевски. Что за чудо ожидает нас под крышкой?

— Рагу из петушиных гребешков, фаршированных мясом каплуна, сладкого мяса, кроличьих почек, мякоти телячьих ножек и жареных сморчков.

— А какое вино! Красное ничуть не уступает белому.

— Красное — бургундское из Иранси, а белое произведено на виноградниках Вертю, в Шампани.

— Я прав, назвав ваш стол поистине королевским! — воскликнул Лаборд. — Совсем недавно его величество спрашивал у меня, что пил его прадед, Людовик XIV. Я расспросил королевского виночерпия. Мы подняли старые записи. Долгое время Людовик XIV увлекался винами из Шампани, а потом его врач Фагон доказал ему, что по причине особой кислинки оно дурно влияет на желудок, и посоветовал пить бургундские вина, с которыми желудок справляется гораздо легче, а потому никогда не спешит расстаться с ними. И король стал пить вина из Куланжа, Осера и Иранси.

— Я люблю вино с виноградников Иранси, — проговорил Ноблекур, — у него великолепный цвет, ясный и глубокий, а также чудный фруктовый аромат. Оно легко пьется…

— Скоро наступит пост, пора бы перестать ублажать желудок, — заметил отец Грегуар.

— Но пост еще не начался, — возразил Бальбастр, — а потому наш хозяин, сторонник и поклонник старой доброй кухни, вправе возносить ей хвалу. Тем более что сейчас многие увлеклись кулинарными новшествами…

— Ваши слова столь же прекрасны, как ваша игра и ваша музыка, — произнес Ноблекур. — Поистине это настоящий спор века, его главный спор. Я возмущен, господа, читая некоторые сочинения, где нам хотят внушить, что в нашей кухне нет ничего особенного. Лаборд, вы знаете Марена?

— Прекрасно знаю. Настоящий мастер своего дела, он начинал у герцогини де Жевр, потом стоял у плиты маршала Субиза, гурмана, уже представшего перед Всевышним. Его количество ценит Марена, а госпожа де Помпадур просто обожает. Ему нравится стирать в порошок….

— Растирать порошок? Тогда мы с ним почти коллеги! — воскликнул аптекарь-кармелит.

Все рассмеялись над промахом достойного монаха, заблудившегося в высоких материях обеденной тарелки.

— Да, речь идет именно об этом поваре, — ответил Ноблекур, — и я в отчаянии, что не разделяю мнения его величества.

Так быстро, насколько позволяла его тучность, он встал, подбежал к книжному шкафу и достал оттуда книгу, откуда торчало множество бумажных закладок.

— Вот, смотрите, «Дары Комуса» Франсуа Марена, Париж, 1739 год. — Лихорадочно отыскав нужную страницу, он громко прочел: «Кухня является своеобразной химической лабораторией, а кулинарная наука заключается в том, чтобы приготовлять блюда, легкие для пищеварения. Для этого мы извлекаем квинтэссенцию из разнообразных продуктов и, получив питательные, но легкие соки, перемешиваем их и соединяем в таких пропорциях, чтобы ни один из вкусов не стал преобладающим, а воспринимался бы вместе с прочими». Дальше эту чушь читать незачем. Я считаю, что мясо должно быть мясом и иметь вкус мяса.

И он взял еще одну книгу, также проложенную закладками.

— А это моя библия, господа: «Письмо английского кондитера новому французскому повару» Десалера, Париж, 1740 год. Послушайте: «Может ли человека, понимающего толк в достойной пище, привлечь загадочное химическое блюдо, куда входят исключительно квинтэссенции, скрупулезно извлеченные из продуктов? А ведь так называемое великое искусство новой кухни заключается именно в том, чтобы придавать рыбе вкус мяса, мясу —

вкус рыбы, а овощам и вовсе не оставлять никакого вкуса». Именно так я и думаю об этих достойных осуждения и — не побоюсь сказать — еретических кулинарных новшествах.

И он, возмущенно ворча, вернулся на свое место.

— Замечательно, когда вокруг приготовления еды кипят страсти, — проговорил Лаборд. — Слушая вас, я вспомнил крошечный томик под названием «Гасконский повар», изданный в 1747 году под загадочным именем. У меня есть основания полагать, что автор — монсеньор де Бурбон, принц де Домб, исполнявший во время малых ужинов короля роль поваренка. Впрочем, тогда к плите становились все: король, королева, дочери Франции, герцоги Субиз, Гемене, Гонто, д'Айен, Куаньи и Лавальер. В этой книжечке рецептам новой кухни давали смешные названия: соус из зеленой мартышки, телятина в ослином помете из Ното, курица по-каракатакатски и тому подобные.

— Я счастливый человек, господа, — продолжил Ноблекур. — Мои сотрапезники не просто блестящие собеседники, они еще ценители хорошей кухни. Таким образом, в отличие от господина де Монмора, я с полным правом могу заявить: «Я выставил еду и вино, а вы принесли соль».

Но так как не все приняли участие в обсуждении достоинств и недостатков новой кухни, Ноблекур сменил тему.

— А что приготовил для нас господин де Вольтер?

Бальбастр тотчас сел на любимого конька.

— Он мечет молнии против англичан, но не столько потому, что они наши враги, а потому, что они публично заявили, что их Шекспир во много раз превосходит нашего Корнеля. Наш великий человек ответил достаточно резко: «Их Шекспир не стоит даже нашего Жиля[48]».

— Сарказм делает суждение уязвимым, — рискнул вставить слово Николя. — У этого английского автора есть немало прекрасных страниц и множество волнующих душу отрывков.

— Вы читали Шекспира?

— Да, в оригинале, в библиотеке моего крестного, маркиза де Ранрея.

— Ого, нынешние полицейские ищейки еще и читать умеют! — воскликнул Бальбастр.

Николя тотчас пожалел, что невольно извлек на свет имя уважаемого им человека, с которым он порвал отношения. Он поймал огорченный взгляд Пиньо, и ему стало не по себе. Вряд ли можно было придумать более неуклюжий способ придать себе вес! Он вполне заслужил укол Бальбастра. Почувствовав создавшуюся неловкость, Ноблекур вновь сменил тему беседы. Искусно разрезая принесенную птицу, он принялся излагать правила разделки пернатой дичи. Лаборд, по-прежнему дружелюбно взиравший на Николя, поддержал почтенного магистрата в его стремлении сгладить ситуацию.

— Господин прокурор…

— Оставьте эти церемонии! Вы хотели что-то спросить?

— Разумеется. Не будете ли вы столь любезны оказать нам честь и показать свой кабинет редкостей?

— Как?! Вам о нем известно?

— О нем знают и в городе, и при дворе. Вы сами часто о нем рассказываете.

— Сдаюсь! Впрочем, если говорить честно, это скорее кабинет моего отца, он начал собирать коллекцию. Я всего лишь продолжил. Во время своих путешествий он всегда приобретал вещи, казавшиеся ему необычными. И вслед за ним я тоже стал привозить из путешествий всякую всячину.

Трапеза подходила к концу. Общая беседа распалась. Пиньо, прекрасно осведомленный о слабостях друга, а потому опасаясь, что с ним может случиться приступ меланхолии, принялся убеждать его, что реплика Бальбастра прозвучала скорее легкомысленно, нежели

злонамеренно. Принесли десерты на выбор: сладкие пироги, марципаны, конфитюры и желе. Стол буквально ломился от сладкого. В довершение подали ликеры, после которых всех охватила сладкая послеобеденная дремота.

Хлопнув в ладоши, Ноблекур пригласил гостей проследовать за ним. Пройдя через библиотеку, он подошел к двери кабинета, достал ключик, прикрепленный к цепочке от часов, и отпер дверь. В комнате не было окон, и поначалу никто не мог ничего разглядеть. Хозяин зажег две свечи, стоявшие на маленьком столике. В витринах, занимавших три стены снизу доверху, красовались диковинные штучки: раковины, засушенные растения, старинное оружие, редкие фарфоровые изделия, экзотические ткани, кристаллы и минералы необычных форм и расцветок. В сосудах, наполненных жидкостями, тревожно колыхалась белая губчатая масса, напоминавшая пучок бесформенных личинок. Больше всего внимание посетителей привлекло резное панно в раме из гладкого позолоченного дерева. Оно изображало кладбище ночью; приоткрытые гробы позволяли видеть полуразложившиеся тела и клубы червей и прочей ползающей нечисти, вырезанной и вылепленной из воска так натурально, что, казалось, стоило на них взглянуть, и они оживали.

— Господи, что это за кошмар? — спросил отец Грегуар.

Ноблекур задумался, а потом ответил:

— В юности отец много путешествовал, в частности он проехал всю Италию. Там ему рассказали историю, похожую на сказку. В 1665 году в Палермо, на Сицилии, родился мальчик, названный Дзумбо. Он воспитывался в иезуитском коллеже в Сиракузах, где, будучи еще совсем ребенком, увидел мрачные украшения святилищ Общества Иисуса, без сомнения, отвечавшие его девизу «Perinde ac cadaver»[49], и они произвели на него неизгладимое впечатление. Став священником, он вскоре заделался специалистом по изготовлению восковых картин и анатомических моделей. Одну из таких картин вы видите перед собой. Картины разложения привлекали внимание к зримой стороне смерти, являя верующим сцены, которые в реальной жизни не вызывают ничего, кроме ужаса и отвращения.

— Но, — спросил Пиньо, — какова цель создания подобных картин?

— Напомнить о покаянии и склонить к обращению. Дзумбо путешествовал, работал во Флоренции, Генуе и Болонье. Во Флоренции он создал несколько картин, с анатомической четкостью изображавших разложение тела. Одна из них, выполненная по заказу великого герцога Козимо III, посвящена сифилису: зять Козимо, курфюрст Баварский, страдал от этого недуга. В 1695 году мой отец встретил мастера и купил у него картину под названием «Кладбище». В то время Дзумбо вместе с Дену изготовлял восковые головы и воссоздавал фигуру женщины, скончавшейся в родах, которую ему удалось сохранить, покрыв толстым слоем воска. Благодаря удивительной колористической палитре его произведения практически не отличались от подлинных объектов. В Париже его принимали в Академии медицины, где он представил свои работы. Он скончался в Париже в 1701 году, не доведя до конца тяжбу с Дену, претендовавшим на звание изобретателя способа консервации тела с помощью воска.

Все умолкли, поглощенные созерцанием того, чему не имелось названия. Никто больше не хотел осматривать редкости. В отличие от остальных гостей, на Николя восковая картина впечатления не произвела: он успел повидать вещи гораздо более неприятные. Его внимание привлекло большое распятие, висевшее напротив одной из витрин. Он спросил о нем у Ноблекура, и тот с улыбкой ответил:

— А, это не экспонат. Не желая прослыть янсенистом, я поместил его сюда. Верите ли, это подарок комиссара Лардена. Но так как он не был ни святошей, ни прозелитом, то я не понял смысла ни подарка, ни коротенького послания, его сопровождавшего. Эту загадку я до сих пор не разгадал.

Он взял листок бумаги, обмотанный вокруг перекладины креста, и Николя с изумлением обнаружил, что написанные там строки явно составляют некую общность с текстом записки, найденной им у себя в кармане на улице Блан-Манто:

«А кто захочет открывать,

Руки тому придется взять».

— Сами видите, понять нельзя ничего, — продолжал Ноблекур. — Это распятие янсенистов. Христос изображен на нем со сложенными руками — видимо, для того, чтобы наши сердца открывались к нему навстречу: во всяком случае, я не понимаю этот текст.

— Нельзя ли мне взять у вас эту записку? — тихо спросил Николя.

— Разумеется. Подозреваю, в ней заключен какой-то скрытый смысл.

Веселье, изначально присущее гостям, испарилось. Похоже, открыв дверь кабинета редкостей, прокурор откинул крышку ящика Пандоры. Лица превратились в застывшие маски, все умолкли, погрузившись в собственные мысли. Несмотря на старания Ноблекура развлечь друзей, они стали прощаться. Раскланиваясь с Николя, Лаборд бросил ему странную фразу: «Мы рассчитываем на вас». Пообещав Пиньо и отцу Грегуару не забывать их, молодой человек остался наедине с Ноблекуром. Магистрат выглядел озабоченным.

— Чем дальше, тем чаще пирушки не проходят для меня бесследно, — вздохнул он. — Я, похоже, чуточку перебрал. Боюсь, теперь меня ждет приступ подагры, а вместе с ним и упреки Марион. Впрочем, она, как всегда, права. А еще мне не следовало идти на поводу у любопытства Лаборда. Я выпустил черта из коробочки, и очарование рухнуло.

— Не жалейте ни о чем, сударь, есть вещи, столкновения с которыми выдерживают далеко не все.

— Вот истинно мудрые слова. Я заметил, на вас это зрелище не произвело особого впечатления.

— Я видел кое-что и похуже, и отнюдь не из воска…

В комнату с недовольным видом вошла Марион.

— Сударь, там инспектор Бурдо, он требует нашего Николя.

— Идите, Николя, — проговорил магистрат, — но будьте осторожны, у меня дурные предчувствия. Впрочем, это, видимо, от подагры! Точно, от подагры!

XII
СТАРЫЙ СОЛДАТ

Нищета солдата столь велика, что сердце кровью обливается; повседневные труды его тяжки и презренны; он живет подобно цепному псу, в ожидании, когда его бросят в бой.

Граф Сен-Жермен

Бурдо ждал у ворот. Он сразу изложил причину, побудившую его побеспокоить Николя. Сортирнос выследил интересующих Николя подозрительных типов и посредством записки сообщил, что идет по следу. Как только подозрительная парочка где-нибудь осядет, он даст знать. Отправив агента ему на помощь, инспектор немедленно отправился на поиски Николя, чтобы увести его в Шатле, куда должны поступить дальнейшие известия от Сортирноса. Николя одобрил действия помощника и, чтобы наверстать время, решил послать за каретой. Как всегда предусмотрительный, инспектор указал на фиакр, дожидавшийся на улице. Схватив плащ и треуголку, Николя вместе с Бурдо сел в фиакр, и они поехали в дежурную часть — ожидать новых сообщений. В случае необходимости там они смогут быстро переодеться и отправиться на помощь агентам. Зимними воскресными вечерами парижские улицы обычно немноголюдны. Сейчас им встретилась всего пара шумных компаний ряженых, с воплями круживших вокруг

одиноких перепуганных прохожих. Зрелище угасавшего карнавала напомнило Николя, что он всего неделю назад вернулся из Геранда.

Прибыв в дежурную часть, Бурдо устроился за небольшим столом и начал рассказывать о том, как он отвозил в Бастилию Семакгюса. Комендант крепости любезно встретил хирурга: оказалось, оба они имели честь обедать у господина де Жюсье, и там их представили друг другу. Заключенного поместили в просторную, хорошо проветриваемую камеру с мебелью. Затем Бурдо отправился в Вожирар — собрать кое-что из платья и взять книги, список которых дал ему Семакгюс. Катрина продолжала утешать Аву: негритянка убеждена, что больше никогда не увидит Сен-Луи. Пользуясь случаем, он проверил печати на доме Декарта и убедился, что никто не пытался в него проникнуть. Впрочем, за домом доктора по-прежнему наблюдали агенты. Агенты продолжали наблюдение и за домом на улице Блан-Манто, однако, читая их доклады, Бурдо засомневался в их умственных способностях. Подозревать своих людей в отсутствии служебного рвения ему очень не хотелось. Но если верить донесениям, Луиза Ларден возвращалась домой, в то время как никто не видел, чтобы она покидала дом. Или, напротив, она выходила в город, в то время как никто не видел, чтобы она возвращалась домой. От этих загадочных хождений завеса тайны становилась еще более плотной. Также агенты сообщали, что дом несколько раз посетил Моваль. Завершив отчет, Бурдо вынул трубку и, повертев в руках, закурил, наполняя комнату клубами плотного дыма. Солнце за окном село, и в дежурной части вскоре стало совсем темно.

После изысканного и обильного обеда у Ноблекура Николя клонило в сон. Вдобавок он никак не мог прогнать гнетущее воспоминание о своей оплошности. Пытаясь придать себе значительности, он поступил исключительно глупо, и, как он сейчас понимал, причиною тому была его неуверенность в себе. Бальбастр не хотел его оскорбить, он всего лишь решил сострить, отпустить меткое словцо в непринужденном разговоре, завязавшемся между остроумными и достойными собеседниками. Николя понимал, что если так будет продолжаться, у него не будет шансов стать вровень с людьми благовоспитанными и со вкусом, составляющими общество при любом цивилизованном дворе. И он окончательно пал духом. Трудно даже представить, какой длинный путь предстоит ему пройти, чтобы научиться владеть собой, не обращать внимания на каждый выпад в свою сторону, на каждый укол по самолюбию. Рана в душе должна зарубцеваться и перестать кровоточить от каждого брошенного на него косого взора, от каждого недружелюбного слова в его адрес. Но, уверенный, что вряд ли эта рана затянется столь же быстро, как шрам от стилета Моваля, ему надо привыкать жить с ней, скрывая ее от посторонних глаз. Являясь частью его самого, открытая душевная рана свидетельствовала о его внутренней беззащитности. Он никогда и никому о ней не рассказывал, даже Пиньо, хотя не раз делал такую попытку. Но хотя Пиньо искренне любил Николя, он принадлежал церкви, а потому в каждом признании видел исповедь и мог оценить моральные страдания друга только с точки зрения веры, не имевшей никакого отношения к моральным терзаниям Николя. И уж тем более не мог помочь ему, предписав покаяния и молитвы.

Процесс пищеварения настоятельно требовал покоя. Николя уронил голову на стол и погрузился в сон. Во сне он увидел себя в замке Ранрей. Он шел по берегу рва, окружавшего замок. Внезапно выбежала Изабелла и, поскользнувшись, упала в воду. Николя видел, как, опутанное водорослями, тело ее покачивается на поверхности воды. Он тянул к ней руки, но не мог сдвинуться с места; он кричал от отчаяния, но из уст его не вырвалось ни единого звука. Откуда-то появился маркиз с искаженным от ненависти лицом. В руке он держал огромное распятие; размахнувшись, он ударил им Николя, и тот почувствовал резкую боль в плече…

— Успокойтесь, сударь, это я, Бурдо. Вы заснули, и вам, наверное, снился сон.

Николя передернулся.

— Мне снился кошмар.

Стемнело. Бурдо зажег свечу, и ее слабый огонек тянулся кверху тоненькой дрожащей струйкой.

— Сортирнос дал о себе знать, — произнес инспектор. — Наши два субъекта сидят сейчас в кабачке предместья Сен-Марсель, возле Конского рынка. Похоже, они тамошние завсегдатаи. Поэтому нельзя терять времени. Я уже предупредил патруль, он нас догонит.

Протянув Николя шляпу и обноски для переодевания, инспектор провел рукой по верху тяжелого шкафа и, собрав пыль, перепачкал себе лицо, а потом предложил молодому человеку последовать его примеру. С выпачканными пылью лицами сыщики походили на трубочистов. Николя натянул лохмотья, уже сослужившие ему хорошую службу в Вожираре. Он хотел взять шпагу, но Бурдо отсоветовал, напомнив, что сей тип оружия не вяжется с его обносками. А вот маленький пистолет, который он ему подарил, вполне может стать гарантом безопасности, и его легко спрятать. Завершив приготовления к вылазке, они сели в фиакр, на козлы которого взгромоздился помощник Бурдо. Инспектор велел ехать кратчайшим путем: через мост Менял, затем пересечь Сите, по Малому мосту перебраться на левый берег и там мчаться до ворот Сен-Марсель. Дальше, скорее всего, им придется идти пешком.

От мерного покачивания фиакра Николя вновь задремал. Борясь со сном, он начал приводить в порядок мысли, но что-то мешало ему. Казалось, мозг его старался передать ему некое важное сообщение, а он никак не мог его понять. Подробно вспоминая об обеде на улице Монмартр, он наконец сообразил, что самым важным событием этого вечера является находка нового послания комиссара Лардена, такого же непонятного, как и первое. Трудно объяснить, почему комиссар оставил свои странные послания людям, не принадлежавшим к числу его близких друзей и имевшим все основания подозревать его в махинациях — Ноблекур из осторожности, а Николя по умолчанию. Следовало перечитать и сравнить оба послания.

Вопрос с записками разрешился, однако ощущение недоговоренности не уходило. Значит, необходимо вновь перебрать каждую подробность вечера и понять, что еще он упустил из виду или недооценил. Итак, основное событие произошло в кабинете редкостей. Странная записка попала туда вместе с необычным распятием. О чем он вспоминал, когда смотрел на него? Николя погрузился в раздумья.

Наполняя карету клубами дыма, Бурдо не задавал ему вопросов. Обладая врожденным чувством такта, он всегда понимал, когда начальнику необходимо подумать. Ночной мрак окутал город. Немногочисленные фонари горели тускло и гасли от порывов ветра. Николя слышал рассуждения Сартина о необходимости улучшить городское освещение, от которого напрямую зависела безопасность парижан. Еще начальник полиции выступал против болтавшихся на кронштейнах вывесок и навесов, отбрасывавших на улицы огромные бесформенные тени, прятавшие от глаз городских патрулей карманников, срезателей кошельков и прочих мошенников. Изъеденные непогодой навесы нередко падали на головы прохожих.

Иногда стук колес пропадал, словно экипаж въезжал на ковер. В такие минуты в открытые окошки врывался запах перегноя, означавший, что фиакр проезжает перед домом богатого больного, и его слуги набросали на дорогу навоза и соломы, чтобы колеса экипажей и телег своим стуком не беспокоили хозяина. Мороз затянул льдом многочисленные промоины, но там, где ледяная корочка отличалась хрупкостью, в окошко влетали грязные брызги. Кучка людей в масках вяло бросила в фиакр пару мешочков с мукой — народ начинал уставать от карнавального веселья. Буйство завершалось в Жирный вторник, а в Пепельную среду начинался Великий пост.

Казалось, скованное морозом пустынное предместье полностью обезлюдело. За окнами фиакра мелькали зловещие тени. Слабый свет фонаря выхватывал из мрака то высокую стену, то покосившуюся ограду, то непонятное нагромождение каких-то конструкций. Николя

припомнил, что в этой части города, кажется, преобладали монастыри и дома призрения. Но так как толком что-нибудь разглядеть возможности не представлялось, приходилось полагаться на силу воображения. Вскоре по обеим сторонам дороги потянулись заброшенные пустыри, заросшие колючими кустами и стелющимися плетями ежевики; заледеневшие на морозе, они позвякивали от ветра. Кое-где торчали заборы, окружавшие сады, огороды и мрачные строения. Вокруг не было ни души. Затрепетавшая за окошком со стороны Николя ночная птица яростно клюнула в стекло и исчезла. Вспомнив о предчувствии Ноблекура, он обернулся к Бурдо и заметил, что его помощнику тоже не по себе.

Возле кладбища Сент-Катрин экипаж остановил посланец Сортирноса. Таверна, куда они держали путь, находилась в нескольких шагах, на улице Сандрие. Агент указал на обветшавший, слабо освещенный дом на обочине дороги. Когда они подошли поближе, из-за тележки, брошенной возле поленницы, Николя окликнул знакомый голос.

— Ну наконец-то! — прошептал Сортирнос. — Я уже замерз, ожидая вас. В сосульку превратился. Оба кума, старый солдат по имени Брикар и его сообщник Рапас, бывший мясник, сидят за угловым столиком, справа от входа. Но будьте осторожны, место это нехорошее.

Николя распрямился, стараясь придать себе вид, соответствовавший его положению.

— Караул предупрежден и вот-вот явится. Поэтому не высовывайся. Я не хочу, чтобы тебя заметили. Пожалуй, лучше давай уходи отсюда.

Нахлобучив шляпу, Бурдо, изображавший хромого, взял под руку Николя.

— Не отходите от меня и старайтесь прятать лицо. Избегайте, чтобы на вас падал свет.

Сыщики вошли в таверну. В скудно обставленном зале царил полумрак. Балки на потолке почернели от дыма. На неровном полу, точнее, на утоптанной земле стояла дюжина деревянных столов, окруженных грубо сколоченными скамьями. На столах стояли дурно пахнущие сальные свечи, производившие больше копоти, чем света. Немногочисленные посетители непривлекательного заведения насчитывали несколько нищих и старьевщиков вместе с парочкой шлюх, из тех, что подбирали клиентов на заставах. Женщины, подобрав юбки, грелись возле очага. Хозяин заведения колол сахар и время от времени длинной ложкой помешивал что-то в большом котле, висевшем над огнем. Судя по ароматам, исходившим из котла, там кипела смесь из не слишком свежих мясных обрезков, приправленных кореньями. Один из оборванцев подошел к хозяину и, заплатив свою лепту, получил полную миску варева и ломоть черного хлеба с отрубями. Перед увлеченными беседой Рапасом и Брикаром выстроилось несколько пустых кувшинов. Пошатываясь, Бурдо увел Николя в темный угол по левую сторону от камина. Место оказалось крайне удачным: с него был виден весь зал, включая вход, а также двери, ведущие на задний двор. Стукнув кулаком по столу, инспектор хриплым голосом подозвал трактирщика, и тот немедленно подошел к ним принять заказ. Инспектор велел принести им две миски супа и стакан водки. Положив на стол трубку, Бурдо смачно сплюнул на пол.

— Сударь, — зашептал он, обращаясь к Николя, — водка пьется залпом, откинув назад голову. Хлеб крошится в суп. Ложку держат всей ладонью. Склонитесь над миской и хлебайте, производя как можно больше звуков. Когда тарелка опустеет, ее следует облизать. И не забывайте об осторожности. Как бы вы ни нарядились, всегда может найтись проницательный взгляд, способный разгадать ваш маскарад. А теперь приступим к еде!

И, сделав страшные глаза, инспектор подмигнул молодому человеку.

Николя с тревогой смотрел на принесенное варево. Впоследствии он не раз вспоминал, как в один день ему довелось вознестись на высоты кулинарного Олимпа и скатиться до жалкой похлебки нищего. Бурдо ободряюще взглянул на своего молодого товарища. Следуя его совету, Николя низко склонился над грязной столешницей. Накрошенный в миску хлеб размокал медленно. На поверхность похлебки всплыли несколько соломинок. Уже от первой ложки Николя стало дурно. Чтобы подавить тошноту, он сделал глоток водки и чуть не задохнулся.

Казалось, огненная жидкость опалила ему все легкие. По сравнению с этим пойлом «укрепительное» папаши Мари, привратника в Шатле, могло считаться божественным нектаром. Тогда Николя решил сделать по-другому. Собрав всю силу воли, он схватил миску обеими руками, поднес ко рту, залпом осушил ее отвратительное содержимое и немедленно опрокинул в себя остатки водки. Глядя на его мучения, Бурдо с трудом сдерживал смех. Сам он избрал гораздо более иезуитский способ. Сопровождая каждую поднесенную ко рту ложку жутким приступом кашля, он в результате либо выплевывал, либо выплескивал ее содержимое на пол. В конце концов веселое расположение духа инспектора передалось Николя. Он успокоился, огненная жидкость согрела тело. Неожиданно он вспомнил о том, что до сих пор он совершенно не интересовался личностью инспектора, и их отношения, какими бы дружескими и доверительными они ни были, никогда не выходили за рамки службы. Он никогда не спрашивал Бурдо ни о его прошлом, ни о том, как он оказался в полиции, ни о его семье. Бурдо никогда ничего не просил у него, не пытался извлечь выгоды из его расположения. Неожиданно любопытство Николя стало таким острым, что он решил воспользоваться моментом и наверстать упущенное. Тем более что Рапас с Брикаром уходить пока не собирались, и сыщикам ничего не оставалось, как издали наблюдать за ними.

— Бурдо, — тихо спросил Николя, — вы никогда не говорили мне, что привело вас на службу в полицию.

Инспектор помолчал и с нескрываемым удивлением посмотрел на Николя.

— Разумеется, сударь, ведь вы меня никогда об этом не спрашивали.

Вновь возникла пауза, во время которой Николя лихорадочно соображал, как попытаться вновь задать ему этот вопрос.

— Ваши родители еще живы?

— Оба умерли, один за другим. Лет двадцать назад.

— Чем занимался ваш отец?

Он почувствовал, как Бурдо постепенно успокаивается.

— Отец служил на королевской псарне, под его началом находилась свора, с которой король охотился на кабана. Насколько я помню, он очень гордился своей должностью. Пока не случилось беды, он был счастлив.

— Беды?

— Когда он кинулся на помощь любимой собаке короля, загнанный кабан пропорол ему ногу. Началась гангрена, и ногу пришлось отрезать. Его мужества никто не оценил, напротив, его упрекали, что он не спас собаку и ее порвал зверь… Искалеченный, он вернулся к себе в деревню без пенсии и без пособия. Отлученный от охоты, составлявшей смысл его жизни, разлученный со своим обожаемым королем, он стал хиреть. Я видел, как он умирал от тоски. Он не мог себе простить, что не спас собаку. Король рассердился на него и ни словом, ни жестом не ободрил раненого человека. Такова благодарность вышестоящих…

— Король не знал.

— Так всегда говорят. Ах, если бы король только знал… Николя, мы служим правосудию и обязаны подчиняться королю, но как гражданин я вправе иметь свое собственное мнение. Король такой же человек, как и все остальные, со своими недостатками и капризами. В молодости отца потрясло желание короля убивать. Лет сорок назад, когда он только начинал свою службу, он стал свидетелем довольно примечательной сцены. Хотя тот случай и не делал чести его божеству, отец почему-то охотно о нем рассказывал… Королю в ту пору исполнилось тринадцать или четырнадцать лет, и ему очень нравилась белая лань, которую он выкармливал, когда та была совсем маленькой. Лань привыкла к нему, привязалась и даже ела у него из рук. И вдруг он захотел убить ее. Он приказал доставить ее к нему в парк замка Ла Мюэт. Когда животное привели, он велел отвести его подальше, выстрелил и ранил его.

Несчастная лань, обезумев от боли, бросилась к королю, ища у него защиты, но он приказал оттащить ее и убил.

Холодная ярость в голосе Бурдо поразила Николя.

— Чувствуя, что конец его близок, — продолжал инспектор, — отец, который никогда ни у кого ничего не просил, решился обратиться с просьбой о помощи к монсеньеру герцогу де Пантьевр, главному егерю Франции[50] и самому честному человеку в королевстве. Незадолго до смерти отец отправил меня в Париж, в коллеж Людовика Великого. Окончив коллеж, я решил изучать право. Сумма, полученная после продажи домика родителей и щедро дополненная герцогом Пантьевром, позволила мне купить должность инспектора и королевского советника. Таким образом, ущерб, нанесенный одним Бурбоном, был возмещен другим Бурбоном. А вы, сударь, как объясните вашу чудесную карьеру?..

Николя уловил в его голосе иронию.

— Как вам удалось настолько завоевать доверие Сартина, что он дает вам специальное письмо, на основании которого вы действуете от его имени, и права ваши превышают права полицейского комиссара? Не обижайтесь на мое любопытство. Но раз вы удостоили меня расспросами, позвольте мне также быть с вами откровенным.

Николя попался в свою же ловушку, однако не жалел об этом. Он ценил доверие Бурдо и чувствовал, что этот разговор еще больше сблизит их. Теперь он видел перед собой другого Бурдо, более утонченного и серьезного.

— Тут нет никакой тайны, и моя история не слишком отличается от вашей, — ответил он. — Подкинутый ребенок, без родителей, без состояния. Сартину меня рекомендовал мой крестный, маркиз де Ранрей. А затем все произошло само собой, по воле начальника полиции и без моего участия. Кроме, быть может, моего стремления как можно лучше выполнять данные мне поручения.

Бурдо улыбнулся.

— Вот вы и становитесь философом — ставите вопросы, но не даете ответа. Я не сомневаюсь в вашей искренности. Но, полагаю, вы догадываетесь, что ваше положение вызывает удивление, о нем судачат в Шатле, а некоторые даже задают вопросы. Вас считают членом масонской ложи.

— Даже так… Но почему?

— Я думал, вы знаете, что Сартин является членом ложи Искусств Сент-Маргерит.

— Нет, не знаю. Я очень далек от всех этих вещей.

Простой, добродушный человек, каковым Николя считал Бурдо, предстал перед ним в совершенно ином свете. А он-то думал, что хорошо изучил своего помощника… Николя остро осознал несоответствие своего положения. После возвращения из Бретани он перестал управлять событиями. Не почувствовал, как его отношения с инспектором перешли на иной уровень. Принял эти перемены без лишних размышлений, но не без удовольствия. Раньше он опасался и даже был убежден, что начальник полиции использует его как инструмент. Сейчас его двусмысленное положение вроде бы осталось в прошлом, и он, похоже, заслужил доверие своего начальника. Но мог ли он столь стремительно перейти от роли инструмента к роли конфидента? Он предпочел не задаваться этим вопросом, полностью посвятив себя службе. Тем не менее он прекрасно отдавал себе отчет, что Бурдо не был простым служакой. Восприняв начинающего сыщика в качестве, так сказать, своего начальника, он проявил подлинное великодушие, встречающееся исключительно редко. Инспектор, опытный полицейский, в сущности, терпел его, добровольно отступал на второй план и соглашался исполнять его приказания. А он, неожиданно угодив почти на самый верх служебной иерархии, не выказал ни такта, ни необходимой деликатности. Николя немедленно отругал себя за невнимательность. Он сообразил, что вместо привычного обращения к нему по имени, Бурдо

стал употреблять почтительное «сударь», более уместное при их нынешней субординации. Что ж, он постарается не забыть урок, преподнесенный ему Бурдо. Убежденный, что инспектор по-прежнему испытывает к нему искреннюю привязанность, он пообещал себе быть внимательным и как можно чаще доказывать помощнику глубокое уважение, которое он всегда питал к нему. Ведь он сам попросил у Сартина дать Бурдо ему в помощники.

Глухо выругавшись, Бурдо толкнул локтем Николя, призывая молодого человека обратить внимание на происходящее в зале. Подняв голову, Николя увидел, как оба подозреваемых, опорожнив последний стакан, встали и вышли из кабака. Инспектор шепотом велел Николя медленно сосчитать до тридцати. После такой паузы можно уходить, не вызывая подозрений и не рискуя столкнуться нос к носу с объектом слежки. Агент, выступивший в роли связного Сортирноса, получил от Бурдо приказ незаметно последить за обоими проходимцами, когда они выйдут из таверны. Поэтому сейчас Бурдо надеялся, что даже если они упустят подозреваемых, опытный агент прочно сядет им на хвост. Окинув критическим взором Николя, он посоветовал ему притвориться пьяным. Пошатываясь, они встали и, поддерживая друг друга и натыкаясь на столы, вышли на улицу.

Пока сыщики сидели в таверне, прошел снег, и на белой поверхности четко виднелись следы башмаков, сопровождаемые следом от деревяшки. Мороз, пробиравший до костей, сохранял след, и друзьям оставалось только не потерять из виду темнеющие на снегу отпечатки. В нескольких сотнях шагов от таверны открывался тупик, узкая тропинка, протоптанная между двумя рядами высоких вязанок хвороста, выставленных вместо изгороди. Видневшаяся в конце тупика деревянная калитка под небольшим двускатным навесом преграждала вход на обнесенный забором участок. Над забором виднелась крыша большого сарая, напоминавшего склад или амбар. Кругом стояла мертвая тишина. Инспектор шепнул на ухо Николя, что если в сарае есть второй выход, они рискуют потерять своих клиентов. Но так как караульный отряд еще не прибыл, придется действовать самим, и притом немедленно. Николя кивнул в знак согласия. Бурдо толкнул калитку, и она со скрипом отворилась. В кромешной тьме они ступили во двор. В ту же минуту Николя почувствовал, как на голову ему накинули мешок из грубой ткани, а в бок уперся острый кончик ножа. Рядом он услышал глухой звук рухнувшего тела. Затем раздался голос:

— Черт побери, этот оборванец свое получил. Знатная штука дубинка со свинчаткой! Ладно, жмуриком займемся потом. А сейчас давай потолкуем с его приятелем, выясним, каким ветром их сюда занесло.

Николя связали руки и подтолкнули вперед. Мешок, затянутый на шее, затруднял дыхание. Сделав несколько шагов, он понял, что вошел в дом. Раздался звук высекаемой искры, и сквозь ткань замерцал огонек. Его усадили на табурет и сдернули с головы мешок. Факел, вставленный в железное кольцо, вделанное в каменную стену, освещал амбар, заваленный всевозможным старьем. Среди груды старой мебели стоял кабриолет Семакгюса. Несмотря на свое незавидное положение, Николя обрадовался: значит, он шел по правильному пути и еще на шаг приблизился к разгадке расследуемого им преступления.

Следующая его мысль относилась к Бурдо: «Неужели инспектор убит?» Значит, скоро он последует за ним. Надо исхитриться и найти способ оставить какое-нибудь послание, записочку, знак, указание. Но как это сделать?

Перед молодым человеком появился вооруженный кинжалом субъект среднего роста, с редкими всклокоченными полосами и разными глазами, напомнившими ему о шустром проходимце, стянувшем у него часы, когда он первый раз приехал в Париж. На лице разбойника, испещренном следами от оспы, играла нехорошая улыбка. Второй тип, должно быть, стоял сзади, поэтому Николя его не видел.

— Держи его на мушке, — произнес всклокоченный, — осторожность нам не помешает. Итак, сударь мой, мы шпионили. Мы любим совать нос в чужие дела? Ну-ка посмотрим, что ты от нас прячешь.

Он принялся методично обыскивать Николя. Молодой человек похвалил себя за предусмотрительность: все личные вещи он оставил в Шатле. Он надеялся, что маленький пистолет, спрятанный во внутреннем кармане старого редингота, останется незамеченным, но всклокоченный с радостным криком извлек его на свет.

— О, а это еще что за штука? Посмотри-ка, что я нашел у него в кармане.

И он так резко приставил дуло пистолета ко рту Николя, что рассек ему губу. Сыщик решил поторговаться.

— Сударь, — начал он и тут же сообразил, что вежливое обращение выдало его.

Закашлявшись, он сбивчиво продолжил:

— Понимаете, мы тут с другом, мы искали дом господина Шовеля. Не могли бы вы мне указать его, ежели он находится поблизости?

— О чем ты, черт тебя побери, нам поешь? Как считаешь, Брикар, может у него от страха крыша съехать? О, ты только посмотри, какие у него чистые и нежные руки! Что-то они совсем не соответствуют его рванине. А ты, случаем, не шпик? Точно, переодетый шпик! Вот уж действительно повезло!

Николя вздрогнул. Бандиты не считали нужным скрывать свои имена. Имея дело с закоренелыми преступниками, Николя понял, что это был дурной знак.

Подошел второй бандит, постарше, с густыми седыми усами. Правая нога его заканчивалась деревяшкой. Одетый в причудливую смесь истрепанного военного обмундирования и гражданских лохмотьев, он опирался на увесистую дубинку, а в руке держал пистолет. Обнюхав Николя, он возмущенно воскликнул:

— Да от красавчика разит духами! Ну что, щеголек, плохи твои дела, придется тебе рассказать нам все, что тебе известно. Подколи его, Рапас.

— Ничего, он у меня заговорит. Я знаю, как заставить его расколоться.

И он ткнул Николя ножом в бок, попав в только что затянувшуюся рану. Не удержавшись, молодой человек вскрикнул от боли.

— Ага, колется! Ну давай, говори! Говори, или я тебя снова подколю…

Рапас приготовился вновь пырнуть его ножом, как вдруг раздался глухой стук. От сильного удара амбарная дверь слетела с петель и грохнулась на землю. Голос Бурдо прокричал:

— Вы окружены! Не двигаться, оружие на землю!

Озираясь по сторонам, изумленный Брикар завертел головой.

— Спокойно! Он берет нас на пушку, он один, — произнес Рапас.

Схватив пистолет Брикара, он направил его на Бурдо:

— Эй, покойничек, руки вверх!

Исполнив приказ, Бурдо крикнул:

— Ко мне, стража!

— Заткнись, или я прострелю тебе голову!

Потянулись томительные секунды. Все напряженно ждали. Никто не появился.

— Брикар, приятель, неужели ты промазал? Для такого ветерана, как ты, это непростительно.

— Я ничего не понимаю, я же собственными ушами слышал, как треснула его черепушка.

— Если не хочешь, чтобы я нашинковал твоего маленького приятеля, — обратился Рапас к инспектору, — ты сам мне расскажешь, что вы тут вынюхивали.

Кинжал уперся в горло Николя, и сердце его горестно забилось. Итак, ему суждено окончить дни в этой забытой Богом дыре… Внезапно раздался выстрел, и Рапас, получив пулю прямо в лоб, с удивленным видом рухнул на землю. Рванувшись, Николя вскочил с табурета и толкнул Брикара. Не удержавшись на деревяшке, бандит упал на землю. Подскочивший Бурдо всем телом навалился на старого солдата, обезоружил его и связал ему руки за спиной подобранным с пола кожаным ремешком. Затем Бурдо развязал Николя.

— Бурдо, я думал, вы убиты! Слава Богу, вы здоровы, и я обязан вам жизнью.

— Довольно об этом. Сартин никогда бы мне не простил, если бы я не выполнил обещания оберегать вас. Я бы сам себе этого не простил.

— Но объясните мне, Бурдо, каким чудом вы остались живы?

— Честно говоря, сударь, каждый раз, отправляясь в экспедицию, которая может оказаться опасной, я надеваю шляпу моего собственного изготовления.

И он снял свою шляпу с большими полями, бывшую в моде во времена регентства. Внутрь ее была вставлена железная шапочка, удерживаемая шелковой сеткой.

— Но выстрел?

— Также благодаря шляпе! Мой маленький пистолет, близнец того, который я подарил вам, прикреплен под полями справа. Шляпу никогда не обыскивают. Не стоит говорить, что для такой стрельбы надобно иметь некоторую сноровку. Я долго тренировался на мишенях и достиг результата, которым, без ложной скромности, могу гордиться. Единственный риск заключается в том, что выстрелить можно только один раз. То есть чудо, которое вы только что видели, нельзя повторить. Я закажу и вам такую же шляпу, чтобы вы могли прятать в ней пистолет.

— Но почему вы не выстрелили сразу?

— Слишком рискованно. Честно говоря, я не знал, как дело пойдет дальше, так что вы мне здорово помогли, упав на Брикара. Что теперь будем делать? Ждать караул?

— Он скоро подойдет. А у меня есть для вас сюрприз, Бурдо.

Взяв факел, Николя подвел инспектора к экипажу.

— У вас кровь, сударь!

— Негодяй нанес удар в старую рану, и она раскрылась. Но ничего страшного. Вы лучше посмотрите на этот кабриолет. Это же экипаж Семакгюса. Лошадь, скорее всего, уже продана.

Николя открыл дверцу кареты. На бежевой обивке скамьи темнело огромное пятно засохшей крови. Часть крови стекла на пол, и там образовалась лужа. Либо в кабриолете кого-то зверски убили, либо в нем перевозили тело, из которого по дороге вытекала кровь. Оба сыщика с ужасом взирали на сделанное ими открытие.

— Полагаю, живым Сен-Луи мы уже не увидим, — вздохнул Бурдо.

Окончательно воспрянув духом, Николя решил взять руководство операцией в свои руки.

— Как только прибудут стражники, велите им тщательно обыскать амбар и прилегающий к нему участок. О смерти Рапаса никому ни слова. Кабриолет надо отправить в Шатле. Полагаю, Семакгюс признает его. Я увезу Брикара снять с него первый допрос. И утром отправлюсь с докладом к Сартину. Бурдо, доверяю вам проследить, чтобы здесь все сделали, как положено. Когда все закончите, присоединяйтесь ко мне. Боюсь, сегодня ночью спать нам не придется!

Появился агент Бурдо, а следом за ним судебный пристав в сопровождении караульного отряда. И дальше все пошло так, как велел Николя. Но прежде чем уйти, молодой человек подошел к Бурдо и, протянув ему руку, сказал:

— Благодарю, друг мой.

Николя с легким сердцем возвращался в Париж. Приметы, сулившие смертельную опасность, не сбылись, и будущее, до сей поры неведомое, теперь казалось совершенно ясным. Даже присутствие рядом отпетого преступника не мешало Николя чувствовать себя легко и свободно; он испытывал искреннее удовлетворение, что наконец-то воздал Бурдо по справедливости. Испытание закалило его, словно холодная вода — стальной клинок, раскаленный на огне. Смерть, запах которой он ощутил в дыхании Рапаса, умчалась в невидимую даль. Из столкновения с ней он вышел очистившимся и уверенным в себе. Он словно возродился и теперь по-иному смотрел на вещи. Неудобный экипаж, боль в боку, падающий снег — все доставляло ему радость. Он радовался любым проявлениям жизни. До самого Шатле Николя пребывал в полной эйфории.

Переодевшись, молодой человек отправился к узнику: он решил немедленно допросить его. Он уже заметил, что преступник, взятый с поличным, защищается гораздо слабее; аргументированная защита появляется позднее, после того, как обвиняемый успевает обдумать свое положение и воздвигнуть непробиваемую стену из аргументов и отрицаний. У тюремщика Николя раздобыл бутылку водки. Интуиция подсказывала ему, что с Брикаром надо действовать по-хорошему, чередуя обещания и угрозы; если вытащить желаемые сведения не получается, надо не упорствовать, а изменить курс.

Войдя в камеру, он с удивлением обнаружил, что за время, проведенное в дороге, Брикар сильно изменился. Фонарь, который Николя захватил с собой, освещал сидевшего на полу старого сгорбленного солдата, с лысой головой и воскового цвета кожей, испещренной коричневыми старческими пятнами. Морщинистое лицо, покрытое рубцами от старых ран, также выдавало его преклонный возраст. Тусклые глаза налились кровью, нижняя губа отвисла и подрагивала. Закрыв за собой дверь, Николя развязал руки узника. Наполнив водкой глиняный стаканчик, он протянул его пленнику.

Поколебавшись, старый солдат одним махом опустошил его и вытер рот рукавом.

— Сейчас вы один, — начал Николя, — вашего товарища с вами нет, и поддержать вас некому. Отныне все тяжкие обвинения падут на вас. Поверьте мне, у вас осталось только одно средство: облегчите вашу совесть.

Солдат не ответил.

— Начнем сначала. Брикар — это ваш солдатский псевдоним? Как вас зовут по-настоящему?

Пленник колебался. Взвешивая все за и против, он пытался определить, чего ему больше хочется: остаться одному в темной камере и ждать сурового приговора или же заговорить и облегчить свою участь.

— Жан-Батист Ланфан, родился в Сомпюи, в Шампани, — наконец вымолвил он.

— В каком году?

— Никогда этого не знал. Кюре называл тот год годом великого холода и волков.

— Вы всегда были солдатом?

Брикар вскинул голову. Мгновенно преобразившись, он попросил еще выпить, а потом заговорил без остановки. Слова лились из него рекой, словно он спешил пересказать всю свою жизнь. Да, он был солдатом и служил долго, пока не получил это проклятое увечье в сражении при Фонтенуа. В двадцать лет он вытянул жребий и оказался в королевском ополчении. Ему не повезло, он не сумел отвертеться. Он до сих пор помнит, как его земляки, с плачем покидая родную деревню, кричали, что их ведут на убой. Матери стояли вдоль дороги, причитая и заламывая руки. Он до сих пор помнит вонь от выданных им мундиров, которые, по слухам, сняли с солдат, погибших в прежних боях. Тело его до сих пор чувствует тяжесть неподъемного

ранца, оттягивавшего спину и врезавшегося в плечи. Свой долгий путь солдата он начал по зимней грязи; размокшая дорога привела его в крепость, где квартировался полк, к которому приписали новобранцев. Башмаки его развалились на куски, чулки прохудились, и когда новобранцы, наконец, расположились на ночлег, его ноги были все в крови. Не все рекруты выдерживали тяготы службы, многие калечили себя. Все горевали о разлуке с родными, всех тянуло домой, в родные края, но все знали, что обратного пути нет. Потянулись дни, похожие друг на друга. Пришла привычка, умение пользоваться передышками посреди вечной муштры. Появились товарищи, дружеские попойки. Вместе с приятелями он совершал грабежи, мародерствовал, крал домашнюю птицу и обирал сады, спал с крестьянскими девками и трактирными служанками.

Но однажды все кончилось. Он до сих пор не может понять, почему в тот день и почему именно для него? Над полем боя вставал холодный рассвет. Пронзительно протрубили подъем, и сражение началось. Враг начал атаку в пять утра. Галопом промчались мимо пестрых штабных палаток. Вдалеке, на холме, в серой дымке виднелась золотистая точка и рядом другая, красная. Сержант сказал, что это король и его сын, дофин. В глубоких носилках из ивовых прутьев пронесли ванну с водой, где сидел страдавший от последствий сифилиса Мориц Саксонский, холерическим голосом призывавший всех в наступление. Так Брикар первый и последний раз видел прославленного маршала.

Воздух содрогался от воя труб и криков солдат. Построенная в шеренги армия, колонна за колонной, занимала позиции.

И вдруг все кончилось. Удар, потом ощущение, что ничего не случилось, шкура спасена и надо только встать с земли, залитой кровью товарища, чье тело валяется рядом. А затем ему показалось, что его опустили в кипяток. Боль, такая сильная, что хотелось выть, охватила раздробленную ядром ногу. Он пролежал там до наступления темноты. Сам перевязал себе бедро. Слышал ужасающий рев битвы, людские крики и ржание коней, постепенно уступавшие место воплям раненых и хрипам умирающих. Возле него тихо плакал и звал мать раздавленный собственным конем гусар. Ему пришлось обороняться от мародеров, раздевавших трупы, от женщин и детей, отбиравших у несчастных мертвецов их жалкие сокровища и сдиравших галуны с мундиров. Его подобрали уже полумертвого и на телеге отвезли в полевой лазарет, где на залитой кровью земле валялись куски человеческих тел. Хирурги кромсали раненых. Несчастные лежали в собственных экскрементах, что гораздо хуже, чем если бы они лежали в навозе. Всюду кишели черви, мертвые служили подстилками для живых. Да, он был солдатом, и с ним обращались как с животным, предназначенным для бойни.

Став инвалидом без выслуги лет и без звания, он оказался брошенным без всякой помощи. Вместо пенсии ему оставили старый мундир и деревянную ногу. Он вернулся к себе в деревню. Отец и мать давно умерли, а родственники, думая, что он погиб, растащили его скудное наследство. Оставшись ни с чем, он пустился бродяжничать, потом решил, что в большом городе легче найти пропитание. Но на что мог рассчитывать инвалид, не приспособленный к тяжелой работе? Он не умел ни читать, ни писать, только ставил палочку возле собственного имени. Больше всего он боялся окончить дни в больнице для умалишенных, запертый, словно зверь в клетке, среди буйнопомешанных, которым еду просовывают сквозь решетку на кончиках штыков. О лечебницах для умалишенных он знал не понаслышке: однажды он угодил в Бисетр, и только чудом ему удалось бежать оттуда. Он до сих пор боится вновь туда попасть.

Рассказывая, Брикар оживленно размахивал руками, лицо его раскраснелось. Но действие алкоголя закончилось, и он, впав в прострацию, свесил голову, уперев подбородок в грудь. Николя стало жаль несчастного, которого жизнь подвергла столь суровым испытаниям. Но именно сейчас следовало припереть узника к стенке и либо заставить его сделать формальное признание, либо вытянуть из него сведения, необходимые для продолжения расследования. Он должен найти подтверждение своим подозрениям. И он пошел в наступление. Поведение Брикара подсказывало, в каком направлении продолжать допрос.

— Теперь вам грозит уже не Бисетр, а кое-что похуже, — многозначительно произнес Николя. — Так что будьте добрым малым и расскажите мне, чем торговали вы с Рапасом? И откуда у вас в амбаре залитый кровью кабриолет?

Брикар еще больше съежился и исподлобья окинул Николя мрачным и недоверчивым взглядом.

— Мы всего лишь перекупщики, и только. Мы покупаем и продаем.

— Вы сами признаете, что боитесь попасть в сумасшедший дом, и в то же время утверждаете, что занимаетесь коммерцией! У вас концы с концами не сходятся.

— Это Рапас вел дела. Я ничего не знаю, я всего лишь помогал ему.

— Помогали чем?

— Находить подержанные вещи.

— А кабриолет тоже вы нашли?

— Это Рапас его сторговал.

Николя понял, что Брикар решил все валить на Рапаса, ибо тот уже не сможет его опровергнуть. Долгий рассказ о солдатской жизни явился отвлекающим маневром, попыткой увести следствие в сторону. Бывший солдат много говорил обо всем, что не имело отношения к делу, но молчал о главном. Пора заходить с другого конца.

— У вас часто болит отрезанная нога?

Вздохнув с облегчением, Брикар заглотил брошенную ему приманку.

— Ах, сударь, не переставая, она все время дает о себе знать, — многословно начал он, стремясь уйти от главной темы. — Поверите ли, я все время ее чувствую. Я чувствую ее, она у меня чешется, я даже чувствую, как у нее пальцы коченеют. Жалкое это занятие — чесать пустоту, а уж мука-то какая! А культя-то, культя, она-то живая… очень это тяжко!

— Ваша деревяшка, похоже, сделана из прочного дерева.

— Так точно! Ее мне вырезал один плотник из куска дубового лафета, разбитого при Фонтенуа. Эта деревяшка — мой старый товарищ, она никогда меня не подводила.

И он, подняв протез, сунул его под нос Николя. Молодой человек схватил его и дернул на себя. Брикар отлетел к стене, едва не врезавшись в нее головой.

— Черт подери, чего этот шпик от меня хочет? — выругался он.

— Ты отпетый лгун, — ответил Николя, — и я хочу немного проучить тебя.

Продолжая держать деревяшку Брикара, он вытащил из кармана мятый клочок бумаги и старательно приложил окованный железом конец протеза к бумажке.

— Так я и думал, — заявил он. — Жан-Батист Ланфан по прозвищу Брикар, я обвиняю вас в том, что ночью второго февраля вы вместе с вашим сообщником Рапасом приехали на Монфокон и выбросили там останки убитого человека. Останки вы привезли на телеге, запряженной одной лошадью.

Судя по испуганному взору, обвиняемый судорожно искал выход. Такой затравленный взгляд Николя однажды видел у лисы, попавшей в кольцо разъяренной своры. Николя не хотел доводить старого вояку до крайности, но надо было заставить его говорить. Сыщик отпустил протез, и тот с громким стуком ударился о пол.

— Все ложь и наговор, — запротестовал Брикар. — Я ничего не знаю. Отпустите меня. Я ничего не сделал. Я всего лишь несчастный солдат, ставший инвалидом! Я инвалид!

Он кричал в голос, и свет падал на его залитое потом лицо.

— Хотите, я вам напомню кое-какие подробности той поездки? — произнес Николя. — Откуда я знаю, что вы в ту ночь были на Монфоконе? На замерзшем снегу я нашел следы, — и он помахал перед носом Брикара своей бумажкой. — И знаете, какие? Маленький неровный

шестиугольник, точь-в-точь такой, какой имеется на конце вашей деревяшки. Да, забыл сказать, на Монфоконе вы были не одни…

— Черт подери, там же никого, кроме Рапаса, не было… Пусть дьявол вас заберет!

— Благодарю, вы подтвердили, что приезжали в ту ночь на живодерню вместе с Рапасом. Но если вы продолжите все отрицать, придется устроить вам очную ставку со свидетелем, который видел вас там. Так что я в последний раз советую вам рассказать мне всю правду. Если вы по-прежнему будете упорствовать, вами займутся другие следователи, более опытные, и я не поручусь, что вы сохраните оставшуюся у вас ногу.

Жестокость собственных слов ужаснула Николя. И только шанс, который он предоставил Брикару, дабы тот сумел если не спасти свою жизнь, то, по крайней мере избавить себя от мучений, служил ему оправданием. Бывший солдат, несомненно, являлся преступником, но судить его за преступления, забыв о его несчастьях, толкнувших его на неправедный путь, Николя не мог. Представляя Брикара ребенком, молодым человеком, раненым солдатом, он чувствовал, что жизнь постоянно обходилась с несчастным инвалидом несправедливо.

— Ладно, — нехотя признался Брикар, — был я на Монфоконе вместе с Рапасом. Ну и что? Мы отвезли старую дохлую клячу, разрезали ее на куски.

Он говорил с трудом, после каждого слова делал глубокий вдох, словно ему не хватало воздуха.

— Вы расчленяли тушу ночью? Кончайте притворяться, Брикар. Вы же знаете, что речь идет не о дохлятине, а о трупе.

Брикар принялся яростно чесать лысую голову и до крови расчесал подсохшую ссадину. Потом встряхнул головой, словно сбрасывая с себя навязчивую дурную мысль.

— Ладно, расскажу вам все. Вид у вас не злобный. Нас с Рапасом застукали, когда мы воровали дрова на складе у заставы Рапе. Чтобы согреться, разумеется. Зима выдалась очень холодная для таких бедняков, как мы.

— Дальше.

— Тот тип, который задержал нас, похоже, был знаком с Рапасом. Он и предложил нам сделку — попросил оказать услугу какому-то своему приятелю. Ему про нас все было известно: и про наши имена, и про сарай… Настоящий дьявол с устами ангела! Он говорил с улыбкой, но при этом смотрел на тебя так, что все поджилки тряслись. Отделаться от него не было никакой возможности. В пятницу вечером, часам к десяти, он велел нам подъехать к строительной площадке, что развернута на пустыре в конце парка Тюильри, с телегой с двумя пустыми бочками. За несколько часов работы нам пообещали хорошее вознаграждение и даже заплатили аванс золотыми луидорами!

— А в пятницу?

— Как и обещали, мы приехали с телегой. Мы не могли отказаться. Когда пробило десять, мы уже стояли на углу площади, со стороны города. Там к нам подошли трое в масках.

— Человек, задержавший вас, был среди них?

— Не знаю. Они были в масках и широких плащах. Это же карнавал.

— И вы не заметили ничего необычного?

— Ветер был больно злой. У одного маску чуть не сорвал. У другого капюшон сдуло. Так вот, тот, у кого капюшон сдуло, оказалась женщина.

— А что потом?

— Нас привели на улицу Сент-Оноре и там оставили. Около половины одиннадцатого пригнали пустой кабриолет. На козлах сидел негр. Как нам объяснили, ему придется выполнить работу за хозяина, пока тот развлекается в соседнем борделе. Негр сел в засаду. Из дома вышел какой-то тип, тоже в маске. Негр набросился на него сзади, оглушил, затащил в экипаж

и заколол его. Затем мы поехали к реке. На берегу раскромсали тело. Рапас когда-то был мясником, вот он и помог. Куски сложили в бочки, и нам велели везти их на живодерню. И заплатили, что обещали.

— Вы видели лицо убитого?

— Да, какой-то горожанин лет пятидесяти.

— А потом?

— Ну, отбыли на Монфокон. Ветер дул зверский, снег повалил. Гнусное место. Приехали на живодерню, выбросили мясо из бочек и, скажу вам честно, немножко обработали голову, как негр просил.

— Он был с вами?

— Нет, нет, мы с ним на берегу расстались. Он хотел скрыться, чтобы все думали, что это его убили.

— Он больше вам ничего не сказал?

— Рапас попытался узнать, кто убитый. Негр ответил, что это муж, который мешал его хозяину.

— Ладно, пусть так. В котором часу вам назначили свидание возле стройки на площади Людовика XV?

— Я же вам сказал, около десяти. Человека прикончили около полуночи. Когда отъехали от берега и выбрались на дорогу в Куртиль, на колокольне пробило половину второго. Через час все было кончено.

— Что вы сделали с бочками и телегой?

— Ваши ищейки должны их отыскать, ежели они, конечно, умеют искать.

— Брикар, все ваши показания мы тщательно проверим, а вам устроим очную ставку со свидетелем. Надеюсь, вы сказали мне правду. Иначе, смею вас заверить, вам не избежать допроса первой степени.

Погрузившись в свои мысли, солдат не ответил. Николя снова увидел перед собой согбенного старца, который вполне мог бы пожаловаться на дурное обращение, если бы не вынужденное признание в неблаговидном поступке. Возможно, на деле поступок его еще ужаснее, чем его рассказ. Оставив Брикара в темноте, Николя взял фонарь и стукнул в дверь, чтобы тюремщик выпустил его.

После допроса у Николя осталось чувство недосказанности. В рассказе Брикара слишком много неувязок. Если верить старому солдату, главным подозреваемым вновь становился Семакгюс, а Сен-Луи выступал в роли его сообщника. Негр жив, но скрывается. Ангел с глазами демона очень напоминал Моваля. Но кто тогда три таинственные маски, заказчики убийства и постановщики ужасного спектакля? Если Брикар действительно видел среди них женщину, то кто она? Время, указанное Брикаром, также не совпадало с показаниями свидетелей.

Задумавшись, Николя вновь спросил себя, не мешают ли его дружеские чувства к Семакгюсу раскрытию истины? Отчего ему не хочется даже предположить, что корабельный хирург может быть виновен? Еще раз подробно припомнив ответы Брикара, Николя наконец сообразил, что рассказ солдата подозрительно гладок, а мотив убийства Лардена сформулирован настолько ясно, что напрашивается мысль о намерении исполнителей пошантажировать заказчиков. Помимо шантажа, сообщники могли использовать придуманную ими историю для собственной защиты. Рассказ Брикара не мог быть правдивым еще и потому, что… Свое дерзкое предположение Николя не решился сформулировать даже про себя. Ну а Моваль, чье роковое влияние по-прежнему давало о себе знать, пользовался столь высоким покровительством, что никто и не надеялся взять у него показания.

Николя вновь вернулся к Семакгюсу. Неужели страсть могла довести его до преступления? И неужели Луиза Ларден стала его сообщницей? А может, Декарт? Предполагать можно все, что угодно; хуже всего, что любая версия так или иначе увязана с другими событиями. И от этой непонятной взаимосвязи в душе Николя вновь пробудилась неуверенность, от которой сильно забилось сердце.

Чтобы успокоиться, он принялся писать подробный отчет Сартину — на случай, если завтра ему не удастся повидать начальника. Подобное занятие прекрасно приводило в порядок мысли, среди которых бродили сплошные преждевременные соображения. Восстанавливая нить беседы с Брикаром, он постоянно ощущал, что не только в рассказе солдата, но и в его собственных впечатлениях, очевидно, чего-то не хватало.

Когда явился Бурдо, Николя дремал, не выпуская пера из рук. Встрепенувшись, он взглянул на инспектора и по выражению его лица сразу понял, что есть новости.

— Бурдо, вы хотите мне что-то сообщить…

— Да, сударь. Во время обыска…

— …нашли телегу и две окровавленные бочки.

Бурдо улыбнулся:

— Мои поздравления, сударь. Брикар заговорил.

— Увы, радоваться рано. Его рассказ нисколько не упрощает наши поиски, а, наоборот, все запутывает. У вас есть еще что-нибудь?

— Сарай забит барахлом, без сомнения, краденым. В карманах у Рапаса я нашел всякую мелочь и сломанные латунные часы. На всякий случай я сложил все в платок и привез вам.

И Бурдо протянул ему узелок, где лежали несколько мелких монет, маленькая табакерка из черного дерева, связка шнурков и те самые часы. Осмотрев вещественные доказательства, Николя пожал плечами и принялся рассказывать Бурдо о допросе Брикара. Когда часы пробили три, оба решили, что пора отдохнуть. Взяв фиакр, Николя велел везти себя на улицу Монмартр.

Понедельник, 12 февраля 1761 года.

Долго спать Николя не пришлось. В шесть часов он был уже на ногах. Быстро справившись с туалетом, он спустился в кухню и, испугав Марион своим кровоточащим боком, попросил ее помочь ему сменить повязки. Потом он пил шоколад со свежей, только что вынутой из печи булочкой, и старая домоправительница рассказывала ему, что вчера у господина де Ноблекура, как она и предсказывала, случился приступ подагры. Весь вечер он просидел в кресле, положив на скамеечку обернутую ватой ногу, и только к утру смог распрямиться, добраться до кровати и немного отдохнуть. По мнению Марион, причиною явилось не столько обжорство, сколько белое вино, которого почтенный магистрат выпил больше, чем следовало. Она давно заметила, что белое вино плохо действует на здоровье ее хозяина.

Николя пешком добрался до улицы Нев-Сент-Огюстен. Ночью выпал снег, и сейчас он испытывал поистине детскую радость, глядя, как на снегу, пока еще чистом и нетронутом, отпечатываются его следы. Стоило ему прибыть в особняк Грамона и спросить лакея, принимает ли начальник полиции, его немедленно провели в кабинет. Сартин, в халате, стоял перед распахнутым шкафом, где висели несколько дюжин париков. Николя знал, что каждодневное созерцание своей коллекции доставляло его начальнику несказанное удовольствие.

— Полагаю, Николя, вы явились ко мне в столь ранний час, чтобы вручить мне то, о чем я вас просил? Не бойтесь, я шучу. Если бы вы действительно их нашли, я бы уже об этом знал.

— Вы правы, сударь, пока я их не нашел, но продвинулся довольно далеко. У меня в руках несколько нитей.

— Несколько, говорите вы? Значит, у вас нет ни одной четкой версии!

— Мы имеем дело с несколькими интригами, однако все они так или иначе переплетаются между собой.

И он посвятил Сартина в результаты последнего допроса. По-прежнему стоя к нему спиной, начальник полиции слушал, продолжая расчесывать маленькой серебряной щеточкой одно из своих сокровищ.

— Вы меня утомляете, сударь, — внезапно произнес Сартин. — Все ясно. Семакгюс у вас в руках, более того — он замешан сразу в двух преступлениях. Подозрения накапливаются, я бы даже сказал, уже не подозрения, а улики…

И резко развернувшись, он завершил свою мысль:

— Если все настолько связано и если Ларден умер, тогда ничего не стоит найти то, о чем я вам говорил.

— Сударь, в этом деле не так все просто, и я сомневаюсь, что Брикар сказал мне всю правду.

— Потрясите его еще раз, а если потребуется, подвергните его пытке.

— Он старый солдат…

— Он прежде всего висельник. Поэтому никакой жалости ни к нему, ни к Семакгюсу, хотя он, насколько мне известно, ваш приятель. Не забывайте, что на карту поставлены честь короля и государства. Оставьте чувствительность нашим друзьям философам, это их привилегия — разоблачать пороки в нашем государстве, хотя во владениях иностранных князей, которым они в ожидании пенсий воскуряют фимиам, пороков во много раз больше. Бурдо доложил мне о ваших расходах. Я приказал своим казначеям выдать вам еще столько, сколько понадобится. Не экономьте, ставка слишком велика. Действуйте, Николя, у вас не так много времени, а вы, по-моему, нисколько не продвинулись. Поблагодарите Бурдо от моего имени за то, что он сохранил вас для нас.

Николя вернулся в Шатле; в голове его звучали слова Сартина. Неужели ему придется отправить Брикара на допрос к палачу? Решение пришло само собой и, как ни странно, достаточно легко. Он уже присутствовал при допросах: знакомство с мрачными процедурами правосудия являлось составляющей частью обучения полицейского подмастерья. Он прекрасно знал, что, не выдерживая пыток, подсудимые часто сознавались в том, чего не совершали. Он вспомнил, как однажды долго беседовал на эту тему с Семакгюсом. Хирург считал, что сильная боль отнимала у несчастных последние остатки разума. По его мнению, допрос с применением пытки, сам по себе совершенно бесчеловечный, следует отменить, равно как и многие другие негуманные воздействия, которым человек подвергался в судебных застенках. Тогда Николя не нашел убедительных аргументов для ответа хирургу, чьи речи подрывали и без того шаткие убеждения Николя. Сейчас он с ужасом представил себе Брикара в руках палача, увидел, как тело старого солдата раздувается от влитой в него воды, а его единственная нога трещит, зажатая между дощечками испанского сапога. И никто не вставит ему спасительные клинья… Николя признавал: старый солдат — действительно преступник. Но, несмотря на сей очевидный факт, перед глазами его стоял образ юного рекрута, силой уведенного из родного дома. Конечно, в камере перед ним сидел бандит, вряд ли испытывавший угрызения совести, но Николя видел перед собой только растерянного подростка, которого забрали в королевское ополчение и бросили в страшный котел войны.

Погруженный в невеселые размышления, он добрался до Шатле, где его уже ждал Бурдо. Инспектор составлял отчет о событиях прошедшей ночи. Увидев Николя, инспектор непривычно суровым тоном произнес:

— Сударь, у меня для вас плохая новость. Сегодня ночью Брикар повесился у себя в камере. Тюремщик обнаружил его тело во время утреннего обхода.

Какое-то время Николя не мог вымолвить ни слова.

— Повесился… но на чем? — неуверенно спросил он. — Ведь его тщательно обыскали…

— На кожаном ремешке.

Лицо Николя столь внезапно исказилось от ужаса, что Бурдо даже отшатнулся. Николя вспомнил, как он лично развязал руки узника и бросил связывавший их кожаный ремешок на пол. В тусклом свете фонаря ремешок стал невидим, и после допроса он о нем даже не вспомнил.

Вместе с платком, в который были завернуты вещи Рапаса, Бурдо протянул Николя отчет. Николя машинально сунул сверток в карман фрака.

XIII
АЗАРТ ОХОТНИКА

Как улететь мне на крыльях,

Во мраке какого грота сокрыться,

Кто спрячет меня от смертоносного града камней?

Еврипид

В камере никто ничего не трогал. Сыщики смотрели на тело Брикара, висевшее, словно марионетка на ниточке. На ремешке, пропущенном через балку, была завязана затяжная петля. Узник забрался на стол и оттолкнулся назад, помогая себе деревянной ногой, застрявшей в углу. Непроизвольная мизансцена выглядела совершенно гротескно, словно старый солдат намеревался взобраться на стену. Покачав головой, Бурдо обнял за плечи недвижного Николя.

— Подобные неприятности случаются в нашем ремесле сплошь и рядом. Не терзайтесь и не волнуйтесь: эта ошибка не подорвет ваш авторитет.

— Но ведь это действительно ошибка.

— На мой взгляд, определение не совсем верное. Скорее роковая случайность. Судьба предоставила ему возможность самому принять решение. Достойного выхода у него не было, его все равно ждали пытки и эшафот. А в остальном позвольте по-дружески напомнить вам, что по правилам официальный допрос никогда не проводится в одиночку. Поспешность плохой советчик. А помощник может вспомнить то, о чем забыли вы. В ответе за случившееся всего лишь ваше желание поскорее докопаться до истины. И позвольте вам сказать: тот, кто хочет умереть, всегда найдет способ уйти из жизни. В этот раз роковую роль сыграл злосчастный ремешок.

— Бурдо, а вы уверены, что речь идет именно о самоубийстве? Кто-то мог активно захотеть, чтобы он замолчал навсегда…

— Не думаю. Я перевидал множество повешенных, мне не раз приходилось делать заключение о самоубийстве. И хотя я не столь сведущ, как наш друг Сансон, у меня есть кое-какой опыт. Но, разумеется, дело это деликатное. В медицинских школах много рассуждают на тему, каким образом можно определить, был ли человек повешен при жизни или вздернули уже мертвое тело.

— И каково ваше мнение?

Бурдо подошел к повесившемуся и повернул его. Протез упал. Казалось, тело сразу стало грузнее и короче.

— Вот посмотрите, сударь. Лицо одутловатое, с фиолетовым оттенком, губы искривлены, глаза выкатились из орбит, раздувшийся язык зажат между зубами. След от ремешка отпечатался на шее, на горле синие пятна. И, наконец, пальцы бледные и скрюченные, словно

рука продолжает что-то сжимать. Эти детали говорят о том, что мы имеем дело с настоящим самоубийством.

— Вы правы, Бурдо, — вздохнул Николя.

Приходилось считаться с реальностью. Справедливые упреки инспектора, высказанные в форме советов, умерили угрызения совести: помощник отнесся к его оплошности с пониманием.

— Полагаю, — произнес Бурдо, — если бы он не повесился, он бы все равно нашел способ уйти из жизни. А это главное.

— Я запомню сегодняшний урок, — прошептал Николя, — и непременно доведу дело до конца.

При мысли о том, что из-за хитросплетений загадочного дела некогда разбитая жизнь Брикара на этот раз разбилась окончательно, в нем закипел гнев. Он пообещал себе найти тех, кто заставил старого солдата пойти на преступление. Холодная решимость возобладала над смятением.

— Эта смерть должна остаться тайной, как и смерть Рапаса, — произнес Николя. — Правда, в случае с Брикаром, боюсь, уже поздно: преступники шпионят за нами. Тем не менее постараемся сделать все, чтобы они думали, что Брикар жив. Тогда они будут чувствовать себя под угрозой его признаний. Нам необходимо, наконец, перейти в наступление и опередить их, предотвратив смерть следующей жертвы.

— И как вы намерены это сделать? — спросил Бурдо.

— Раскинем карты. У нас на руках два убийства. Жертвой первого, скорее всего, является Ларден; вторая жертва — Декарт. У нас один исчезнувший фигурант, который либо мертв, либо в бегах. Это Сен-Луи. У нас есть две женщины. Одна, Луиза Ларден, супруга исчезнувшего, по которому она демонстративно носит траур, является любовницей второй жертвы, Декарта. Другая женщина — Мари. Она либо исчезла, либо уехала сама. Ее мы пока не считаем ни подозреваемой, ни потерпевшей. Есть два подозреваемых — Семакгюс и Моваль. Отметьте, Луиза Ларден, похоже, имеет отношение к обоим делам, но считает себя неприкасаемой, выше всяческих подозрений. А имя Семакгюса всплывает с пугающей регулярностью.

Николя снова засомневался в невиновности хирурга. Он вспомнил, как тот солгал ему при первом допросе, а потом, как бы искупая вину, поведал о тех же событиях, но уже по-другому. И каждый раз завершал рассказ уверениями в своей невиновности. Семакгюс не имел прочного алиби ни при первом, ни при втором убийстве. Были основания подозревать его также в причастности к исчезновению Сен-Луи, ибо если слуга убит, хозяин оказывался последним, кто видел его в живых. К тому же Декарт открыто обвинил хирурга в убийстве кучера. Николя почувствовал, что ему необходимо как можно скорее избавиться от предвзятого мнения относительно Семакгюса. Тем более что хирург жил один. Никто толком ничего о нем не знал, и из этого неведения он соорудил себе поистине неприступную крепость.

Но не только поимка преступников заботила Николя. Он обязан отыскать бумаги короля. Для этого его облекли властью и предоставили карт-бланш. Упущение, позволившее уйти из жизни одному из подозреваемых, ему простят. Но проваленное задание по поиску писем, компрометирующих власть, ему не простят никогда. Сартин вполне ясно дал ему это понять.

— Если я вас правильно понял, за домом на улице Блан-Манто по-прежнему требуется наблюдение?

— Вы совершенно правильно меня поняли; именно там надо сосредоточить наши усилия. Сначала на госпоже Ларден, а затем на Семакгюсе. Не забудьте также про странные донесения, которые мы получаем от наблюдателей за домом комиссара, непонятные появления и исчезновения. Чтобы добиться успеха, придется действовать быстро. Мы проведем

тщательный обыск по всем правилам и, полагаю, сумеем загнать нашу мышь в мышеловку. Надеюсь, эффект неожиданности сыграет свою роль.

Николя велел отнести тело Брикара в мертвецкую и запереть его в самом дальнем погребе. За неделю это был уже третий труп, утаенный от посторонних глаз. Что связывало останки, найденные на Монфоконе, с телом Декарта и старого непутевого солдата? Как только связь будет установлена, дело приблизится к развязке. Бурдо собрал своих людей — несколько приставов и стражников помогут им при обыске. Три экипажа, стуча колесами, выехали из-под сводов Шатле и покатились по забитым людьми и телегами улицам. При виде полицейских карет люди расступались крайне неохотно.

Полиция перегородила улицу Блан-Манто и окружила со всех сторон дом, чтобы никто не смог бежать через сад. В сопровождении двух приставов Николя и Бурдо поднялись на крыльцо и изо всех сил забарабанили в дверь. Ждать пришлось долго. Наконец дверь открыла Луиза Ларден; непричесанная, в простом платье из синели, она, видимо, только что встала с постели. Увидев Николя, она немедленно повысила голос, и прошло немало времени, прежде чем молодой человек убедил ее, что явился с официальным обыском. Бурдо шепнул ему на ухо, что, похоже, госпожа Ларден пыталась их задержать, давая кому-то возможность скрыться от полиции. Хотя, согласно последним сведениям агентов, в доме находилась она одна.

Попросив хозяйку подождать в гостиной и приставив к ней стражников для охраны, Николя пригласил Бурдо осмотреть комнаты второго этажа. В спальне Луизы царил невероятный беспорядок. Развороченная кровать и подушки, еще хранившие следы двух голов, свидетельствовали о том, что госпожа Ларден провела ночь отнюдь не в одиночестве. Бурдо провел рукой по одеялу: оно еще хранило тепло человеческого тела. Подозрения подтверждались: когда они постучали, Луиза Ларден была в доме не одна.

Немедленно приступили к обыску. Пристав, облазивший подвал, вернулся ни с чем. Николя методично, один за другим, выворачивал на пол содержимое ящиков и обшаривал шкафы. Найдя в комнате госпожи Ларден плащ и маску из черного шелка, а также пару туфель, он завернул находку в ткань, перевязал тюк и опечатал его. Среди вещей комиссара он не обнаружил ни кожаного камзола, ни черного плаща. В комнате Мари Ларден, на первый взгляд, не произошло никаких изменений. Но именно в ней их ожидал сюрприз. Шкаф, где в прошлый раз он с удивлением увидел одежду девушки, теперь поражал своей пустотой. Платья, юбки, накидки, туфли — все исчезло. Неужели Мари вернулась? Или же… Чтобы проверить свои догадки, он решил расспросить Луизу. В последний раз обшарив все щели, в дальнем углу ящика в столике маркетри он нашел молитвенник девушки. Он помнил, что эту небольшую книжечку в голубом бархатном переплете Мари обычно брала с собой в церковь. Она говорила, что молитвенник достался ей от матери, и она дорожила им. Ищейка, проснувшаяся в Николя, заставила его тщательно перелистать книгу. И труды его не остались без награды: из томика выпал свернутый пополам листок бумаги. Записка, вложенная в молитвенник, оказалась совсем короткой: «Там и весь долг королю».

Итак, третье загадочное послание Ларден оставил там, где его найдет дочь, рано или поздно. Но нашла ли она его? Мари брала молитвенник, только когда шла к мессе, по крайней мере у Николя создалось такое впечатление. Бурдо не видел, как он листал молитвенник, а потому молодой человек молча сунул записку себе в карман. Сначала он сравнит это послание с двумя другими, а потом расскажет о них своему помощнику. У него появилась безумная надежда, что упоминание о короле связано с письмами, которые ему поручено найти.

Николя повел Бурдо в бывшую свою комнату на третьем этаже. С ностальгической грустью он окинул взором опустевшие стены, но ничего подозрительного не заметил. Спустившись вниз, они принялись тщательно осматривать библиотеку. В томике стихов Горация Николя нашел счет от столяра-краснодеревщика, оплаченный 15 января 1761 года. Недавнее число заинтересовало молодого человека, и он принялся рассматривать документ. Его специально спрятали в книгу или он просто служил закладкой? Проверить, что за вещь изготовили по

заказу Лардена, труда не составляло. Про эту бумагу он тоже ничего не сказал своему подчиненному.

Сидя на краешке стула, Луиза Ларден ожидала в столовой.

— Сударыня, — начал Николя, — не стану спрашивать, были ли вы одни; мы знаем, что нет. Дом находится под наблюдением. Ваш посетитель далеко не уйдет.

— Вы самоуверенный наглец, Николя, — ответила она.

— Это не имеет значения, сударыня. Буду вам весьма признателен, если вы объясните, куда девалась одежда мадемуазель Мари, вашей падчерицы. Советую вам отвечать, иначе мне придется отправить вас в Консьержери.

— Вы меня подозреваете?

— Отвечайте на вопрос.

— Я отдала тряпки моей падчерицы бедным. Она решила пойти в монастырь.

— Надеюсь, ваши показания подтвердятся: это в ваших интересах. Теперь, инспектор, идемте обыщем кухню.

Луиза резко подалась вперед, но быстро опомнилась и заняла прежнее положение.

— Вы ничего не найдете.

— Инспектор, подайте руку сударыне, она нас проводит.

На кухне царил холод. Николя готов был поклясться, что огонь в плите не разводили вот уже несколько дней. Бурдо засопел, принюхиваясь к затхлому воздуху.

— Какая вонь! — воскликнул он.

— Неужели? — насмешливо отозвался Николя. — Вы тоже находите запах неприятным? Тогда стоит спросить у госпожи Ларден, откуда проистекает сие зловоние. Полагаю, она ответит вам, что собирается отведать подтухшей дичи.

— Что вы хотите этим сказать?

— Внизу, в подвале, гниет дичь. Как вы это объясните, сударыня?

Впервые с момента их прибытия Луиза обнаружила признаки беспокойства.

— Я прогнала кухарку, — ответила она, прислонившись к буфету, — и еще не нашла ей замену. Вы прекрасно знаете, сударь, что Катрина была виртуозом своего дела. Я не привыкла пачкать руки домашней работой, для этого есть прислуга. Как только я найму кого-нибудь, все будет вычищено.

— А вам этот аромат не мешает? — спросил Бурдо.

Луиза сделала вид, что не услышала вопроса, и направилась к выходу.

— Не покидайте нас, сударыня, — приказал Николя. — Пристав, приглядите за этой женщиной. Мы спускаемся в погреб.

Достав носовой платок, Николя смочил его уксусом из фарфоровой бутылочки, и предложил Бурдо последовать его примеру. Тот отказался; взамен он извлек из кармана трубку, набил ее табаком и раскурил.

— Теперь, полагаю, мы готовы. Возьмем свечу.

Несмотря на принятые предосторожности, внизу воняло совершенно нестерпимо. Кабанья туша разлагалась. Шматы гниющего мяса падали на пол, где копошились полчища крыс, тотчас кидавшихся на добычу. Мгновенно уничтожив тухлятину, крысы не разбегались, ожидая новых даров. Николя подозвал ушедшего вперед Бурдо. Отбросив облепивших сапог грызунов, он присел на корточки и, держа над полом свечу, принялся внимательно осматривать его поверхность. Поиски привели его к деревянной стойке с бутылками. Подняв с земли какую-то штучку, он показал ее Бурдо. Это был раздавленный кусок церковной свечки. Поднявшись, Николя начал освобождать стойку от бутылок, жестом приглашая инспектора присоединиться

к нему. Не выказывая особого желания возиться с пыльными бутылками, Бурдо с философской миной оперся на стойку. В ту же минуту сооружение целиком отъехало в сторону, и перед ними предстала старая почерневшая дверь.

— Что бы я без вас делал?! — восхищенно произнес Николя. — Вы словно Александр: когда решение ускользает от вас, вы разрубаете гордиев узел.

— Я не нарочно, — словно извиняясь, произнес инспектор. — Хотя уверен, эта дверь о многом нам расскажет. Но заслуга целиком принадлежит вам, сударь. Я всего лишь шел за ищейкой, взявшей след. Поверьте мне, сударь, из вас получится великолепная полицейская ищейка! У вас замечательный нюх!

— В данную минуту я чую только один запах, — ответил Николя, размахивая перед носом платком, обильно смоченным уксусом.

Друзья расхохотались, и страх, накинувшийся на них, как только они спустились в подвал, немедленно отступил. Николя толкнул дверь. Она оказалась незапертой. Тут они заметили, что стойку можно сдвинуть не только со стороны подвала. Сквозь пробуравленную в двери дыру кто-то пропустил веревку, один конец которой был привязан к стойке. Стоило потянуть за веревку, как стойка отъезжала в сторону, открывая проход. Вот так объяснялись таинственные перемещения посетителей и обитателей дома Лардена. Разумеется, с подземным ходом вся работа агентов шла насмарку. Неизвестный, который провел ночь с Луизой, явно бежал через подземный ход. Что ж, значит, надо выяснить, куда ведет загадочный ход.

Сразу за дверью начиналась лестница. Они спустились вниз. В спертом воздухе подземелья омерзительно пахло падалью. Пройдя вперед, они дважды повернули налево, наткнулись на ступеньки и еще раз спустились вниз. Николя услышал, как Бурдо взвел курок. Они очутились в одном из тех старинных подземелий, которыми изобилуют недра Парижа. С каждым шагом крыс под ногами становилось все больше. Казалось, здесь выстроилась в шеренги настоящая крысиная армия. Самые сильные представители крысиного царства прыгали на серых рядовых сверху. Пронзительный писк и суетливая возня грызунов сильно затрудняли дорогу. Наконец они вступили под своды обширного подземного зала. При виде открывшейся их взорам картины оба сыщика в ужасе замерли. Облепленные тучами крыс куски кабана, упавшие на пол в подвале, казалось, жили своей независимой жизнью. Сейчас же в нескольких шагах от них на земле лежало нечто, покрытое сверху тучей копошащихся существ. Кишащая крысиная масса напоминала рой пчел, снующих вокруг гигантской матки. Бурдо даже выругался от неожиданности. Чтобы подойти к неведомой крысиной приманке, они принялись яростно давить каблуками шнырявших под ногами грызунов. Сотни тысяч красных точек мгновенно уставились на пришельцев, а самые дерзкие зверьки с визгом бросились в атаку. Выхватив из кармана фляжку со спиртным, Бурдо выдернул из рук Николя платок, вылил на него содержимое фляжки, поджег платок и швырнул в передовые ряды грызунов. Несколько крыс поджарились сразу, их предсмертный ужас передался остальным, крысиные полчища охватила паника, и через несколько минут поле битвы осталось за пришельцами.

Потом Николя не раз спрашивал себя, не было ли зрелище отвратительных грызунов лучше картины, увиденной ими после отступления противника. Перед ними на земле лежало тело, некогда принадлежавшее человеку, но уже утратившее присущие человеку формы. Анатомически точная расчлененка в кабинете редкостей Ноблекура не шла ни в какое сравнение с полуразложившимся и полуобглоданным трупом, представшим перед взорами ошеломленных сыщиков. Выгрызенная грудная клетка позволяла увидеть ребра. Голова, обглоданная до неузнаваемости, являла совершенно лысый череп. Бурдо и Николя одновременно признали в ней голову комиссара Лардена. Никаких сомнений в принадлежности тела не оставалось. Бурдо толкнул локтем Николя.

— Смотрите, спереди не хватает двух зубов. Это точно Ларден.

— Да, но что-то тут не так, — прошептал Николя. — Вот, видите, там, где был живот, валяются крысы, сдохшие явно несколько дней назад. А вокруг разбросаны внутренности. Неужели крысы внезапно заболели?

— Скорее отравились.

— Вот именно. Отравились, сожрав внутренности человека, скончавшегося от яда.

— А кто привык иметь дело с ядами? Кухарка, которая травит им паразитов и грызунов. Садовник, который борется с кротами, врачи и аптекари, использующие яды в своих лекарствах.

— Катрина никогда даже мухи не обидела, — заметил Николя, — а комиссар был единственным человеком, о котором она всегда отзывалась с уважением. Чего нельзя сказать о Луизе Ларден.

— Прежде всего следует узнать, когда наступила смерть. Тогда у многих может появиться алиби.

— Принимая во внимание состояние тела, это весьма непросто. К тому же нельзя исключать и попытку самоубийства.

Бурдо задумался.

— Вы заметили, что на трупе нет одежды? — спросил он. — Не часто тот, кто решает расстаться с жизнью, одновременно расстается и со всей своей одеждой.

— Как бы там ни было, прежде надо выяснить, куда приведет нас подземелье.

Пройдя зал насквозь, они увидели лестницу и, поднявшись по ступенькам, вышли в узкий, бегущий вверх коридор с низкими сводами. Вдали замаячил слабый свет. Выход оказался завален досками, но они без труда разобрали завал. Выбравшись наружу, они увидели, что подземный ход привел их в заброшенную часовню. Свет проникал сюда сквозь мерцавшие под потолком узкие окна. Увидев возле стены сваленные в кучу вязанки хвороста, они трудолюбиво раскидали их и нашли настоящий склад свечей. С одной стороны лежали непочатые связки, с другой стороны высилась куча огарков. Толкнув дверь, они вышли в сад, в котором сразу же признали садик, окружавший церковь Блан-Манто. Итак, путаница в отчетах получила свое объяснение. Агенты могли сколько угодно пялить глаза и преумножать бдительность. Подземный ход позволял всем, кому нужно, незаметно проникать в дом Лардена и выходить из него. Стало понятно, почему один из агентов видел, как человек в кожаном камзоле скрылся в церкви. Наблюдатель признался, что лица незнакомца он не разглядел, зато прекрасно рассмотрел камзол. Значит, кто-то очень хотел, чтобы его приняли за комиссара, и думали, что Ларден все еще жив. Кто-то хотел сбить следствие с толку, подсовывая ему якобы живого комиссара Лардена в его любимом камзоле. Вот и объяснение отсутствия одежды на трупе комиссара. Николя вспомнил, что незадолго до исчезновения комиссар заказал у портного еще один кожаный камзол. Сыщики повернули назад, предварительно прибрав за собой, дабы скрыть свое посещение заброшенной часовни.

— У меня есть идея, — задумчиво произнес Бурдо. — Конечно, может, она и не сработает, но попробовать можно. Представьте себе, что мы поймали беглеца. Представили? Соответственно, вы один возвращаетесь на кухню и сообщаете госпоже Ларден, что труп ее убитого мужа найден, а ее приятель схвачен, все рассказал и сейчас находится под стражей. А дальше вы посмотрите, как она себя поведет.

Николя быстро прикинул возможные последствия такого дерзкого шантажа.

— В вашем плане гораздо больше за, чем против, — заключил он. — Я же, в свою очередь, добавлю еще какой-нибудь ерунды, в зависимости от настроения почтенной матроны!

На обратном пути оба сыщика молчали. Крысы заняли прежнее место возле останков, но теперь при приближении пришельцев они немедленно разбежались. Бурдо остался в погребе, а Николя поднялся на кухню. Под бдительным взором пристава Луиза Ларден по-прежнему стояла, прислонившись к буфету. Она не сразу заметила появление Николя. Молодой человек взглянул на нее, и она показалась ему бледной и некрасивой.

— Сударыня, — начал он, — наверное, не стоит рассказывать, что мы увидели в потайном коридоре, проложенном под вашим домом. Но полагаю, вы еще не знаете, что тот, кто с нашим приходом бежал из вашей спальни, задержан в садике при церкви Блан-Манто. И признался в совершенном преступлении.

Выражения изумления, ужаса, лихорадочно бьющейся мысли ежесекундно сменяли друг друга на лице Луизы.

Неожиданно она выставила вперед руки и, бросившись на Николя, длинными ногтями попыталась расцарапать ему лицо. Увернувшись, молодой человек схватил ее за запястья и крепко сжимал их до тех пор, пока пристав не связал ей руки. В конце концов им удалось привязать разъяренную женщину к стулу.

— Что вы с ним сделали? — вопила она. — Вы ошибаетесь, вы с ума сошли, это не он! Он тут ни при чем!

Она выгибалась, на губах ее выступила пена.

— Тогда кто же?

— Другой, трус и негодяй! Тот, кто сначала хотел меня, и потом бросил! А еще говорил, что его совесть замучила! Душа не на месте! Что не хочет больше обманывать друга! Тоже мне, честный человек нашелся! Спал с женой приятеля, которому был стольким обязан! Это он пришел ко мне на свидание. Он был в борделе у Полетты вместе с Ларденом и Декартом. Он пришел поздно, ему было стыдно, но он уже не мог обходиться без меня. Он давно трусливо прятался у меня под юбкой. Да и остался только потому, что был уверен, что Ларден проведет ночь в борделе. Но Ларден вернулся раньше, чем предполагалось. Они подрались, и Семакгюс задушил его. Ну и что мне оставалось делать? Жена, муж, любовник… Я стала сообщницей, а это верная смерть. Мы раздели тело, бросили его в подземелье и стали ждать, пока крысы обгложут его дочиста. От скелета избавиться не в пример проще — собрал кости в мешок и ночью бросил в Сену. Из-за этого пришлось выгнать кухарку. Эта мегера повсюду совала свой нос. Потом мы повесили в подвале кабана: запах одной гниющей туши перекрыл запах другой. Я ни в чем не виновата. Я ничего не сделала. Я не убивала.

— Итак, по вашим словам, муж застал вас с доктором Семакгюсом, у них произошла драка и во время драки доктор убил вашего мужа?

— Да.

Николя решил разыграть козырную карту.

— Значит, Моваль невиновен? Тогда почему он берет вину на себя?

— Не знаю. Чтобы спасти меня. Он меня любит. Я хочу видеть его. Отпустите меня!

И она потеряла сознание. Они отвязали ее, усадили в кресло, и Николя потер ей виски уксусом. Но госпожа Ларден не очнулась, поэтому Николя приказал немедленно отправить ее в Консьержери и вызвать к ней тюремного лекаря.

Появился Бурдо; стоя за дверью, ведущей в погреб, он все слышал. Сгорая от нетерпения, Николя принялся торопливо излагать свои соображения по поводу признаний Луизы Ларден.

— Трюк удался, но результат рождает больше вопросов, чем мы получили ответов. Надеюсь, вы заметили, Бурдо, что она утверждает, что Лардена задушили. Поэтому истину мы узнаем только после вскрытия и внимательного исследования останков. Впрочем, наши предположения об отравлении не слишком противоречат ее показаниям. Вспомните заключение Сансона по поводу убийства Декарта, отравленного, а потом задушенного. Надо

все как следует проверить, чтобы сходство обоих убийств не ввело нас в заблуждение. Если все подтвердится, положение Семакгюса осложняется. Он мог убить комиссара как здесь, так и у себя в Вожираре. В обоих случаях у него нет алиби, зато причин, побуждающих убить и Декарта, и Лардена, предостаточно. Особенно Декарта, который был его соперником не только в любви, но и на медицинском поприще. Хотя спор между сторонниками и противниками кровопускания, похоже, не самая веская причина для убийства…

— Вы забываете, что Декарт обвинил его в убийстве Сен-Луи.

— Я об этом помню. Но в той версии, которую я сейчас выстраиваю, Сен-Луи пребывает среди живых и выступает в роли сообщника своего хозяина.

— Тогда какую роль вы отводите Мовалю?

— Его присутствие ощущается всюду. Он сидит в засаде и ведет охоту на зверя, которого я назвать не могу, но который играет в этом деле далеко не последнюю роль.

— О! Понимаю, — усмехнулся Бурдо, — вы попали в число доверенных лиц сильных мира сего и расследуете гибель комиссара Лардена не только для того, чтобы найти его убийцу. Что ж, у нас в полиции есть свои паршивые овцы, и понятно, что господин Сартин не хочет огласки. Так вот почему вас наделили полномочиями, выходящими за рамки обычных….

Николя промолчал, предпочитая, чтобы инспектор удовлетворился собственной гипотезой. В сущности, предположение Бурдо было недалеко от истины, но оставляло в тени дело государственной важности, которое Николя обязался хранить в тайне. Даже если Бурдо и чувствовал некоторую досаду на Николя за его молчание, он был достаточно опытен и дисциплинирован, чтобы обижаться на него за это. Николя ужасно сожалел, что не может посвятить помощника в главную цель расследования, ибо способности инспектора ему, без сомнения, очень бы пригодились. Однако он прекрасно понимал стремление начальника полиции не касаться подробностей, в связи с которыми могло бы всплыть имя короля. Вынужденное молчание заставляло его постоянно контролировать самого себя, и этот контроль давался ему нелегко. Но он знал, что отныне умение молчать и недоговаривать становится главным его достоинством. На протяжении всего расследования он находился в постоянном напряжении, прекрасно понимая, что порученное ему дело является для него проверкой. И с тоской убеждался, что служба далеко не всегда положительно действует на его характер. Но именно в службе он постоянно черпал новые силы. Склонность к тайнам и секретам была глубоко заложена в его натуре, а потому линия его жизни выстраивалась вполне определенно. С одной стороны, его тянуло к людям, с другой — он старался не пускать их в свою внутреннюю жизнь. Когда кто-то слишком резко приближался к нему, он, подобно пугливому зверю, немедленно отскакивал в сторону. Не он выбирал себе ремесло, но если этот выбор позволил ему развить заложенные в нем способности, значит, он сделан правильно.

Останки водрузили на носилки и оттащили в мертвецкую для освидетельствования. И сразу отправили гонца к Сансону.

Желая убедить Бурдо, что урок, преподанный ему самоубийством Брикара, не прошел для него даром, Николя пригласил его отправиться вместе с ним в Бастилию и допросить там Семакгюса. Распорядившись запереть Луизу Ларден в секретную камеру, сыщики взяли фиакр и поехали в королевскую тюрьму. По дороге Николя размышлял, как лучше построить допрос Семакгюса. Во что бы то ни стало ему следовало избежать двух подводных камней. Во-первых, не дать подозреваемому, превосходящему его по возрасту и жизненному опыту, заговорить себя. А во-вторых, приглушить чувство дружбы, которое он по-прежнему питал к Семакгюсу, подозреваемому уже в двух преступлениях.

Рассеянно глядя на оживленную улицу, он заметил, что горожане, готовясь к праздничной процессии Жирного быка, начали украшать фасады домов. Николя, ставший парижанином совсем недавно, уже знал, что процессия, сопровождавшая животное, убранное цветами,

лентами и разными побрякушками, доставляла полиции лишнюю головную боль, так как в этот день черни дозволялись любые вольности. Процессия начинала шествие от парижской бойни, как раз напротив Шатле, и двигалась на Сите, где приветствовала заседавший во Дворце правосудия парламент. Затем она возвращалась обратно, животное забивали, разрубали тушу и съедали. Но иногда подмастерья мясников, являвшихся устроителями этого праздника, не дождавшись Жирного четверга, начинали дефилировать по улицам и веселиться уже со вторника или среды, разгуливая не только по тем улицам, где предстояло прошествовать быку, но и в отдаленных кварталах города.

Впереди показалась Бастилия. Слева, от площади Порт-Сент-Антуан, брала начало длинная улица, ведущая в одноименное предместье. Свернув вправо, фиакр покатил вдоль рва, преграждавшего путь к крепости. При виде четырех мощных башен, высившихся над городом, Николя содрогнулся. Пройдя через множество ворот, они наконец добрались до конца моста, ведущего непосредственно к главному входу в государственную тюрьму. Бурдо, хорошо изучивший здешние места, свел знакомство со многими караульными, а также с главным тюремщиком. Когда главный протянул свою холодную и влажную руку Николя, молодому человеку стоило больших усилий не шарахнуться от этого косоглазого, похожего на огромную жабу, субъекта. Взяв фонарь, главный вперевалку, далеко откидывая ногу, повел сыщиков к одной из башен.

Они проникли в чрево каменного чудовища. От толстых стен веяло несокрушимой мощью. Чем глубже они погружались в недра крепости, тем труднее становилось дышать. Поверхность стен напоминала обесцвеченную и шелушащуюся кожу больного, свидетельствующую о его недугах. Пугало отсутствие привычной игры света и тени. Лучи дневного светила узкими копьями пронизывали темноту, клубившуюся мод сводами, но не разгоняли ее. Световые потоки, зажатые в тиски плотного мрака, узкими клинками рассекали мглу, не способные ни рассеять ее, ни перемешать со светом и создать полутень. Оконные щели, словно мимолетные видения, исчезали так же быстро, как и появлялись. Лучи света, на протяжении веков падавшие сквозь бойницы в одни и те же точки, высветлили каменную поверхность, и теперь их белесоватый, мертвенно-бледный оттенок являл собой резкий контраст со свинцово-серым цветом соседних каменных блоков. Скользнув по каменным залысинам, взор упирался в мрачные стены, сплошь, словно проказой, покрытые загадочной сырой порослью, отдаленно напоминавшей мох. Сверху, из углов, свешивались закрученные плесневые грибы и, колыхаясь, подобно паутине, высасывали из затхлой атмосферы последние остатки воздуха. Кристаллические формирования, странные по форме и изменявшие цвет от серого до зеленоватого, поблескивали в свете фонаря, свидетельствуя о выходящих на поверхность отложениях каменной соли. Известняковые стены сочились влагой. Ноги скользили в темных проходах, поросших скользким мхом, похожим на морскую слизь. Повсюду витал острый запах холода, из-за спертого воздуха казавшийся совершенно непроницаемым. Плотный холодный запах напомнил Никона коллегиал в Геранде. В дни сильных дождей, когда гранитные камни сочились застывшим ладаном, а из подвалов выплывали ароматы плесени и гниения, часовня дымилась промозглыми удушающими парами.

Тошнотворный запах грязи и блевотины, исходивший от серой тиковой хламиды тюремщика, окончательно отбивал желание дышать, и Николя старался держаться от провожатого подальше. В этой каменной пустыне хриплое дыхание тюремщика и шлепанье его шагов казались единственными признаками человеческого присутствия. Медленно повернув ключ, тюремщик открыл тяжелую дубовую дверь, обитую железными пластинами. Николя удивился, увидев перед собой просторное шестиугольное помещение. Из-за трех ступеней, сбегавших от двери вниз, камера казалась особенно высокой. На противоположной стороне другие три ступени вели к узкой амбразуре окна, перегороженного железными балками. Справа стояла деревянная кровать, застеленная, к великому удивлению Николя, чистыми простынями и вполне приличным шерстяным одеялом. Гости не сразу заметили Семакгюса, ибо

дверь закрывала от взоров значительную часть камеры. Спустившись по ступенькам, они увидели узника. Он сидел за маленьким столом, придвинутым вплотную к камину, и что-то писал. Поглощенный работой, он не сразу обратил внимание на шум отпираемого замка. Когда же, наконец, он оторвал голову от бумаги, раздался его скрипучий надменный голос:

— Однако вы не слишком торопитесь! Здесь собачий холод, а у меня кончились дрова!

Так как ему никто не ответил, он обернулся и, обегая взором камеру, столкнулся с задумчивой физиономией Николя, загадочным выражением лица Бурдо и рожей тревожно вращавшего глазами тюремщика.

Встав из-за стола, Семакгюс направился к ним навстречу.

— При виде вас, друзья мои, у меня возникло ощущение, что вы пришли проводить меня на виселицу! — насмешливо воскликнул он.

— Повесить вас мы всегда успеем, — серьезно ответил Николя. — Пока же мы снова хотим расспросить вас, дабы прояснить кое-какие серьезные обстоятельства.

— Ах ты, черт! Опять за свое, а я-то думал, что мы уже наигрались в эти игры. Николя, вас бросает из одной крайности в другую. Пожалуйста, решите, наконец, виновен я или нет. И если запишете меня в свидетели, избавьте меня от необходимости пользоваться гостеприимством короля. Я все подсчитал: гостеприимство его величества обходится мне недешево, хотя я пользуюсь им очень недолго. Четыре ливра четыре су за еду, один ливр за вино, сорок су за дрова, которые, кстати, мне до сих пор не удосужились принести, и, простите меня за вульгарные подробности, ливр и два су за простыни и ночной горшок. Когда меня доставили в этот дворец, я попытался спать на тех грязных тряпках, что здесь именуют постельным бельем, и немедленно заработал два гнойных чирья. Вдобавок я расчесал себя до крови. Ну а в остальном мне не на что пожаловаться, ибо меня поместили в платную камеру. Но, согласитесь, лишение свободы для того, кто ни в чем не виноват, является ощутимым неудобством. А зная, что меня поместили сюда на основании письма с печатью, я опасаюсь, что судить меня не будут никогда и мне суждено гнить здесь до скончания века.

— Ваше освобождение полностью зависит от нашей сегодняшней беседы, — сухо ответил Николя.

— В самом деле, слово «беседа» предпочтительнее, чем слово «допрос». Вы всегда стараетесь казаться строже, чем вы есть на самом деле. В сущности, вы очень приятный молодой человек, Николя, и со временем все станет на свои места.

— Особенно если ваши ответы, наконец, станут соответствовать действительности.

— Не люблю, когда говорят загадками. Впрочем, когда-нибудь любая загадка разъясняется. Однако вы не слишком любезны, дорогой Николя.

— Считайте, сударь, что сейчас вы имеете дело с полицейским.

— Что ж, пусть будет так! — вздохнул хирург.

Взяв стул, Семакгюс развернул его и, привычно усевшись на него верхом, положил скрещенные руки на спинку и уперся в них подбородком.

— Мне хотелось бы еще раз вернуться к событиям, произошедшим в известный вам вечер в «Коронованном дельфине», — начал Николя.

— Но я все вам рассказал.

— И для этого понадобилось допрашивать вас дважды. Сейчас меня интересует вторая половина того вечера. Девица из заведения уверяет, что вы заглянули к ней всего на минутку и сразу ушли. Но в котором часу это произошло? В прошлый раз вы ловко увернулись от ответа на этот вопрос.

— Откуда мне знать? Где-то между полуночью и часом, я не имею привычки каждую секунду глядеть на часы.

— А в котором часу вы прибыли на улицу Блан-Манто к Луизе Ларден?

— Обнаружив, что Сен-Луи, обещавший дожидаться меня на улице Фобур-Сент-Оноре, исчез вместе с экипажем, я стал искать фиакр, потратив на это примерно четверть часа. Следовательно, на улицу Блан-Манто я прибыл где-то около двух часов.

— Не могли бы вы более подробно описать ваш визит?

— Как я вам говорил, окно спальни Луизы выходит на улицу, и когда путь свободен, она ставит на него свечу. В ту ночь свечи на окне не было. Она сама, в маске, ждала перед дверью и сама впустила меня. Она только что вернулась с бала, какие часто устраивают во время карнавала.

— Решительно, в тот вечер все отправились развлекаться!

Бурдо закашлялся и, обратив на себя внимание Николя, жестом попросил у него разрешения задать вопрос.

— Вы сказали: «в тот раз». Что вы под этим подразумевали?

— Что обычно она ожидала меня у себя в спальне.

— Значит, у вас был ключ от входной двери?

— Я этого не говорил.

Бурдо шагнул вперед и наклонился к хирургу:

— А что тогда означают ваши слова? Довольно, сударь, вводить в заблуждение правосудие. Фемида может быть приветливой, но когда ее обманывают, гнев ее страшен. А меч ее сейчас занесен над вашей головой.

Семакгюс повернулся к Николя, но молодой человек только медленно и утвердительно качал головой, полностью соглашаясь со словами своего помощника.

— Честно говоря, я входил со стороны церкви Блан-Манто, через калитку в саду. Раньше я вам об этом не говорил, потому что эта деталь казалась мне несущественной. К тому же Луиза просила меня никому об этом не рассказывать.

— Со стороны Блан-Манто? — вскричал Бурдо. — А какое отношение церковь имеет к дому Лардена?

— Монастырские погреба сообщаются с погребом Ларденов. Днем вы можете пройти через церковь, ибо днем она открыта, а ночью — через окружающий церковь садик; от тамошней калитки у меня имеется ключ. Входишь в заброшенную часовню, спускаешься в подвал, проходишь под улицей и выходишь через погреб на кухне.

— А в то утро?

— Луиза объяснила мне, что из-за начавшегося снега лучше войти обычным путем. Поэтому она и ждала меня.

— А вас это не удивило? С ее стороны поступок крайне неосторожный.

— Напоминаю вам, я был в плаще и маске, и меня вполне могли принять за Лардена. С другой стороны, ее опасения имели основания, ибо комиссар тоже мог вернуться через подземный ход, и тогда следы на снегу выдали бы меня.

— Значит, Ларден знал о подземном ходе? А кто еще в доме знал о нем?

— Из домочадцев? Никто. Ни Катрина, ни Мари Ларден, ни Николя, который прожил там некоторое время. Никто из них не был посвящен в тайну подвала. И, уверен, никто из них ничего не заметил.

Николя промолчал, предоставив Бурдо право вести допрос. Возможность подумать без помех подвернулась ему как раз кстати.

— Почему вы так упорно скрывали от нас этот ход?

— Это тайна Ларденов, а я дал слово.

— Как вы считаете, сударь, был ли комиссар Ларден в курсе, что вы знаете про тайный ход?

— Разумеется, нет.

— В котором часу вы ушли и каким путем?

— Около шести часов, как я уже докладывал Николя. Ушел обычным путем, через дверь.

— А разве вы не знали, что, оставаясь в доме так долго, вы рискуете столкнуться с мужем? Рассказали ли вы госпоже Ларден о ссоре комиссара с Декартом в «Коронованном дельфине»?

— Она заверила меня, что муж не вернется раньше утра, а она на всякий случай задвинула засов на входной двери и на двери, ведущей в подвал. Таким образом, Ларден, если бы он вернулся раньше, вынужден был бы громко постучать, чтобы ему открыли. Она даже придумала оправдание столь необычной меры предосторожности: на улице гуляет карнавал, и возбужденная толпа в масках вполне может ворваться в жилище. В самом деле, многие праздношатающиеся ищут продолжения развлечений, врываясь в дома добрых граждан.

— Но зачем запирать дверь погреба? Маловероятно, в сущности даже невозможно, чтобы маски ворвались через потайной ход, о существовании которого никому не известно. Наверняка мужу это показалось бы подозрительным.

— Похоже, вы совсем не знаете женщин, если вам приходят в голову подобные вопросы. Она даже не думала о том, что маски могут ворваться в дом. Запертые двери — а она их действительно заперла — давали ей ощущение безопасности. Полагаю, не стоит искать логики в ее действиях, женщины вообще с ней не в ладах. А потом, смею вам напомнить, в это время в голове у нее гуляли совсем иные мысли… Однако сожалею, но мне придется прервать нашу захватывающую беседу. Ко мне на свидание явился Фебус.

И, устремившись к окну, Семакгюс прижался лицом к решетке. В эту минуту сквозь прутья прорвался солнечный луч, ударил в стену и замер, словно ожидая приятеля. Соскочив со ступеней, хирург, как ребенок, стал пускать солнечных зайчиков.

— Это единственный миг, когда ко мне в камеру заглядывает солнце. Я пользуюсь им, чтобы поймать солнечных зайчиков. Надо бы смастерить для них клетку… Который сейчас час? В канцелярии у меня забрали часы, а солнце появляется здесь слишком редко, чтобы делать солнечные часы и определять по ним время.

Потом Николя вспоминал, что в тот миг он действовал подобно автомату; казалось, какая-то неведомая сила подталкивала его руку. Порывшись в карманах, он вытащил сверток с вещами, найденными при обыске Рапаса, и извлек из него маленькие латунные часы. Сопровождаемый любопытным взором Бурдо, он молча протянул их заключенному. Взяв часы в руки, Семакгюс кинулся к Николя, и, схватив его за плечи, завопил:

— Где вы нашли эти часы? Умоляю, скажите, где?

— Успокойтесь! Почему вас это интересует?

— Понимаете ли, господин полицейский, я прекрасно знаю эти часы, я сам покупал их в подарок Сен-Луи. Он радовался им, как ребенок радуется игрушке, и то и дело с восторгом слушал, как они звонят. И вот я вижу их у вас в руках. Повторяю свой вопрос: где вы их нашли и где Сен-Луи?

— Верните мне часы, — ответил Николя.

Подойдя к окну, он внимательно вгляделся в циферблат. Мысль его заработала так быстро, что ему даже стало жарко, а сердце забилось сильно-сильно. Все прояснилось. Как он раньше не додумался? Главная улика спокойно лежала у него в кармане, а он забыл о ней, и если бы не Семакгюс, возможно, он бы даже не вспомнил о ней! Разбитые часы остановились, когда стрелки показывали четверть первого. Итак, возможное время преступления сократилось до минимума. Часы разбились либо до совершения преступления, либо во время него, либо вскоре после. Если Брикар обманул его и вместо Лардена возле кареты Семакгюса убили Сен-

Луи, часы, скорее всего, разбились во время убийства. Но если они остановились в четверть первого, то Семакгюс никак не мог совершить это убийство, ибо, согласно многочисленным свидетельствам, он в это время находился в «Коронованном дельфине». Николя стремительно перебирал версии, открывшиеся в связи с забытыми часами.

Семакгюс сам, не зная, что они уже побывали в подземелье, рассказал им про загадку церкви Блан-Манто, пусть даже эти сведения пришлось вытягивать из него едва ли не клещами. Не исключено, конечно, что он признался, чтобы отвлечь их от чего-либо более существенного. Николя давно понял, что нельзя недооценивать сообразительность судового хирурга. С другой стороны, сложность способа убийства Декарта и Лардена позволяла делать выводы, абсолютно противоречащие друг другу. Взглянув на усевшегося в любимой позе Семакгюса, Николя обнаружил, что после находки часов узник резко постарел и выглядел необычайно усталым. На миг Николя стало жаль его, однако он сдержал свои чувства. У него в запасе оставалась еще одна карта, и как ни хотелось ему ее придержать, пришлось ее разыграть.

— Семакгюс, должен сообщить вам еще один печальный факт. Сегодня утром в подземелье под улицей Блан-Манто найдено тело комиссара Лардена, наполовину съеденное крысами. Луиза Ларден обвиняет вас в убийстве комиссара. Он застал вас вместе, между вами произошла драка, и вы убили его.

Семакгюс поднял голову. Лицо его выглядело бледным и помятым.

— Эта женщина мстит мне! — вздохнул он. — В то утро я не видел Лардена. Я не причастен к его смерти. Я говорю правду, хотя, как мне кажется, меня не слышат и я говорю в пустоту. Вы не ответили на мой вопрос: где вы взяли эти часы?

— В кармане одного несчастного, который присвоил также и ваш залитый кровью экипаж. Нам пора, Семакгюс. Не бойтесь: если вы невиновны, с вами обойдутся по справедливости. Мы с Бурдо гарантируем.

И, подойдя к Семакгюсу, он протянул ему руку.

— Мне очень жаль, но боюсь, живым Сен-Луи мы больше не увидим.

Выйдя из камеры, сыщики поспешили покинуть Бастилию. Обоим казалось, что кроме тюремщика и их приятеля хирурга, в ее толстых стенах никого живого больше нет. Стремясь избавиться от гнета затхлой атмосферы мрачной крепости, они спешили глотнуть свежего воздуха. Мороз и солнце, встретившие их на улице, пошли им на пользу.

Убедившись, что инспектор разделяет его чувства, Николя приободрился. Они вместе отметили двусмысленный характер ответов Семакгюса. Ироничный настрой, взятый корабельным хирургом с самого начала дела, исключительно вредил ему. Сомнений не вызывала только его искренняя привязанность к слуге-негру. Правдивость же прочих его ответов всегда казалась сомнительной. Впрочем, задумчиво добавил Бурдо, никогда не знаешь, чего ожидать от этого чертова Семакгюса. Его можно было бы отпустить, если бы не вопросы, ответов на которые они так и не получили. А значит, подозрения оставались. Признания Семакгюс делал под влиянием минутного настроения, и сыщики никак не могли понять, имеют ли они дело с закоренелым лжецом и убийцей или же с честным, но упрямым свидетелем.

Николя поделился с Бурдо своими соображениями относительно часов. Он полагал, что разумнее оставить Семакгюса в тюрьме до выяснения обстоятельств гибели Лардена. Неплохо бы допросить и Моваля, заметил Бурдо, но — к великому облегчению Николя — настаивать не стал. Иначе пришлось бы затронуть кое-какие подробности, разъяснять которые молодой человек был не вправе.

Продолжая беседу, он думал о том, что если с обнаружением тела комиссара дело о его исчезновении можно закрывать, то о бумагах короля ничего подобного он сказать не мог. Что означали оставленные Ларденом послания? А вдруг они найдут и другие записки? Кому они адресованы? Когда они составлены — до исчезновения комиссара или после? Почему он выбрал именно тех, а не иных адресатов? Зачем он захотел еще больше запутать ту опасную игру, которую он вел? Мысль о том, что записочки являются своеобразным завещанием комиссара, а упоминание о короле указывает на несомненную их важность, упорно не покидала Николя. Чем больше он размышлял над записками, тем острее ощущал, что именно они являются ключом к разгадке тайны. Но без риска разгласить государственный секрет он не мог никого привлечь к поискам ключа. Поэтому Моваль и его сообщник, один или несколько, по-прежнему творили свое черное дело, уверенные в полной безнаказанности. Возможно, к поискам пропавших бумаг подключились секретные агенты держав, ведущих войну. Париж наводняли шпионы английские, прусские и даже австрийские — союзники всегда хотели иметь средства давления на Францию. Австрийцы полагали, что таким образом союз станет прочнее, а сами они получат шанс стать во главе проводимых совместно операций.

Оставалось еще отыскать Мари Ларден, чью роль в этом деле молодой человек пока не мог понять. Он не верил во внезапно проснувшееся призвание к монастырской жизни и жалел эту юную, почти ребенка, девушку. Он вспомнил их последнюю встречу на лестнице дома Ларденов. Неожиданно вместо лица Мари перед ним предстало лицо Изабеллы. Правильно ли он прочел письмо из Геранда? Он знал, что строчки, идущие из сердца, не всегда в ладах со стилем. Почему людям так трудно выражать свои чувства? Он вспомнил слова Паскаля, заученные им в коллеже: «Иначе расставленные слова обретают другой смысл, иначе расставленные мысли производят другое впечатление»[51]. Фраза, прежде казавшаяся ему наигранной и искусственной, неожиданно зазвучала трогательно и неуклюже. Но он предпочел прогнать эти мысли. Ничто не должно отвлекать его от решения загадки.

Видя, что его начальник вновь сосредоточился и взор его блуждает где-то далеко, Бурдо не стал его беспокоить. Скоро карета въехала под гулкие своды Шатле, и Николя вместе с инспектором отправились в дежурную часть.

— Итак, мы стоим на перепутье, — резюмировал Николя, — и нам предстоит выбрать направление.

— Полагаете, Сен-Луи убит?

— Не знаю. Но в точности могу сказать, что часы, подаренные ему хозяином, оказались в руках Рапаса и Брикара. С другой стороны, если останки, найденные на Монфоконе, не принадлежат комиссару Лардену, кому они тогда принадлежат? Надо подумать и исходя из того, что нам известно, сделать выводы. Если останки принадлежат кучеру Семакгюса, это нисколько не оправдывает его хозяина, скорее напротив. Остается еще убийство Декарта. Формально мы можем объявить Луизу Ларден виновной в смерти супруга. Думаю, если процедура пойдет своим чередом, ни ей, ни ему не избежать предварительного допроса. Ибо речь идет о трех трупах.

— А убийство Декарта?

— Все то же самое. Если мы сумеем определить время гибели Лардена, тогда, быть может, этот труп будет с него снят. Но, принимая во внимание состояние останков, вряд ли нам это удастся. Вы приказали разыскать Сансона?

Бурдо утвердительно кивнул.

— Тогда мы точно сможем сказать, виновен ли Ларден в смерти кузена жены, в устранении которого он был весьма заинтересован. Что же касается Луизы и Семакгюса, они пока остаются под подозрением. Не забудьте, нам еще неизвестно, почему таинственный убийца разгромил дом доктора.

— А Моваль? Вы все время забываете о Мовале…

— Повторяю, его забыть невозможно, ибо он ко всему приложил руку.

— Похоже, он обладает исключительной неприкосновенностью.

— Его надо брать, имея на руках веские доказательства. Когда ловишь змею, нельзя давать промашку, второго случая раздавить ее не представится. Сейчас мне надо подумать и доложить господину де Сартину о ходе расследования. А вы, Бурдо, поторопите Сансона и как можно быстрее напишите мне отчет. Проверьте, чтобы Луизу Ларден содержали в секретной камере и как следует охраняли. Нельзя, чтобы ее увели у нас из-под носа!

Они уже распрощались, как появился папаша Мари. Какая-то девица — «чуточку незнатного вида» — спрашивала Николя по «важному и срочному» делу. Попросив Бурдо остаться, Николя велел привести ее. Когда та вошла, молодой человек немедленно узнал Сатин. Она старательно куталась в темный плащ, нисколько не скрывавший ни ее легкого, с глубоким вырезом платья, ни изящных бальных туфелек. Щеки с осыпавшимися белилами розовели то ли от холода, то ли от волнения. Представив девушку Бурдо, Николя взял ее за руку и усадил на стул. Бурдо закурил трубку.

— Что ты здесь делаешь, Антуанетта?

— Послушай, Николя, — жалобно произнесла она детским голосом, — ты же знаешь, я работаю у Полетты. Она неплохая женщина, у нее есть свои хорошие стороны. В тот вечер…

— Какой вечер?

— Два дня назад. Я шла по коридору на чердак развесить белье и услышала в пустой комнате чей-то плач. Я захотела посмотреть, кто там, но дверь оказалась запертой на ключ. Что я могла сделать? Я решила не вмешиваться. Чем меньше суешь нос в чужие дела, тем тебе спокойней. Но на следующий день меня посвятили в эту историю. Полетта позвала меня и, угощая ликером из своих личных запасов… Ты знаешь, она постоянно употребляет укрепляющие напитки. В свое время она была очень красива, ее расположения добивались маркизы и герцоги, а теперь она больше всего ненавидит зеркала…

— Чего она от тебя хотела?

— Она жеманилась, говорила мне комплименты и в конце концов попросила меня об услуге. Она взяла послушницу.

— Послушницу?

— Так у нас называют новеньких, девиц, которые никогда не были в деле и не знают правил. Сводни выискивают для нас эти лакомые кусочки. Это не какие-нибудь оборванки, уверяющие, что сумели сохранить чистоту, а молодые здоровые девушки, от которых клиент не рискует ничем заразиться. На них всегда есть спрос, причем среди самых состоятельных посетителей. Полетта хотела, чтобы я поговорила с девицей, успокоила ее и подготовила к будущей работе. По словам Полетты, девушка наотрез отказалась работать, и, похоже, ни угрозы, ни побои не смогли ее заставить выйти к клиентам. Тогда решили обратиться ко мне — чтобы я помогла уломать ее. Что мне оставалось делать? В случае если я сумею уговорить послушницу, хозяйка обещала мне жирный куш. Прежде чем соглашаться, я задумалась о целях, которые может преследовать в этом деле Полетта, и о возможных его последствиях. Но, подумав, согласилась. В общем, я решила, что, быть может, сумею помочь бедной девочке. К тому же мне всегда нужны деньги на малыша и на кормилицу. Полетта отвела меня на третий этаж, в комнату, откуда доносился плач, и оставила наедине с бедняжкой. Девушка, похоже, действительно из хорошей семьи. Она выслушала меня, но разговаривать со мной не захотела. Я ее понимала. Она никому не верила. Ее похитили ночью, бросили в карету и привезли сюда. Она ничего не видела и не слышала, даже не поняла, что с ней произошло. С тех пор ей все время угрожали, принуждали подчиниться и грозили расправой. Постепенно мне удалось завоевать ее доверие, и она попросила помочь ей. Сначала я отказалась, потому что это

слишком опасно. С Мовалем шутки плохи. А он теперь каждый день является в дом и, по сути, стал настоящим хозяином «Коронованного дельфина». Девушка заверила меня, что, если ей удастся бежать, она меня защитит. Она попросила меня пойти в Шатле, отыскать тебя и сказать, что ей грозит большая опасность. Когда она произнесла твое имя, я уступила, потому что уверена, ты не позволишь Мовалю причинить мне зло. Николя, нельзя терять ни минуты. Сегодня вечером ее разыграет в карты компания, которую обычно собирает Моваль!

Николя взял шпагу и пристегнул ее к поясу. Сделал знак Бурдо, который уже проверял свой пистолет.

— Папаша Мари, — обратился Николя к привратнику, стоявшему возле дверей, — доверяю вам Антуанетту. Головой отвечаете за ее жизнь.

— Ну, бывала у меня компания и похуже, — улыбнулся привратник.

Николя и Бурдо сбежали с лестницы. Фиакр, доставивший их в Шатле, все еще стоял у крыльца. Кучер хлестнул коней, и они понеслись галопом.

XIV
ВО МРАКЕ

Подобно генералам, выигравшим сражение, мы швырнули косулю и попали в волка; иначе говоря, мы прибежали на шум, увидели мертвого врага, испугались и в организованном порядке отступили.

Аббат Бартелеми

По дороге Николя объяснил Бурдо, какого рода отношения связывают его с Сатин. Инспектор ничего не ответил. Фиакр замедлил ход. Без риска раздавить прохожих в уличной толпе лошадь могла идти только шагом. Временами Николя казалось, что они стоят, застыли на месте. Правда, из-за столь медленного передвижения у него образовалось дополнительное время, чтобы все обдумать.

Итак, послушницей, как назвала ее Сатин, могла быть только Мари Ларден. Моваль держал ее у себя, изыскивая способ, как подороже продать ее. Ее заставят заниматься проституцией или — еще хуже — продадут в гарем великого паши. Или отправят в американские колонии. Она — жертва заговора, целью которого является ее исчезновение. Иными словами, исчезновение наследницы Лардена и неожиданной наследницы Декарта. Да, как все ловко придумано! Нотариус начнет разыскивать Мари, чтобы ввести ее в права наследства. Ее не найдут. Не имея известий от падчерицы с самого ее отъезда в Орлеан, госпожа Ларден начнет волноваться. Полиция Сартина, разумеется, бросится искать девушку, но вскоре оставит это бессмысленное занятие и внесет ее в список бесследно исчезнувших пассажиров почтовой кареты на Орлеан. Потом неожиданно обнаружится письмо или какая-нибудь записка, вполне правдоподобно изготовленная, где будет сказано, что девушка внезапно почувствовала призвание к монастырскому уединению. В конце концов гипотез о ее исчезновении появится множество, все в них запутаются, устанут и прекратят поиски. И быстро о ней забудут.

Внезапно Николя ощутил приступ дурноты и судорожно проглотил заполнившую рот горьковато-кислую слюну. Сердце бешено заколотилось, на лбу выступил холодный пот. Бурдо повернулся и выжидательно посмотрел на него. Лицо его хранило невозмутимое выражение.

Пытаясь справиться с тошнотой, Николя вновь задался вопросом, какова же истинная сущность его помощника. В Бурдо прекрасно уживались два совершенно разных человека. Один, жизнерадостный эпикуреец, заботливый отец и примерный супруг, казался добродушным недалеким чиновником, вполне довольным своей рутинной работой и мелкими радостями простого, банального существования. Другой, утонченный, в совершенстве владевший маскировкой и отточивший свой талант перевоплощения за долгие годы борьбы с преступниками, хранил в себе неразгаданную тайну. Общество судит о людях по их внешнему

виду, Николя же задавался вопросом, как обнаружить ту щелочку, сквозь которую можно проникнуть в скрытую от глаз сущность человека. После возвращения из Геранда вопрос этот мучил его не переставая. Невинные лица с успехом скрывали истину. Маркиз де Ранрей, Изабелла, Семакгюс, госпожа Ларден, Моваль и даже Сартин служили прекрасными тому доказательствами. Еще хуже: лица являлись зеркалами, в которых отражались ваши собственные вопросы. Доверие, дружба, самоотреченность наталкивались на прозрачную стену, возведенную противником. Каждый одиноко жил в своем мире. Уделом каждого было одиночество.

Невидящий взор Николя скользил по лицам прохожих. А чем, собственно, занимается он, волею случая заброшенный в этот город? К чему та бешеная гонка, которую он выдерживает уже вторую неделю, преследуя невидимого врага? Почему судьба выбрала именно его, какие высшие соображения руководили ею? Он вполне мог остаться в Ренне и исполнять несложную и ни к чему не обязывающую работу помощника нотариуса.

Добравшись до улицы Фобур-Сент-Оноре, Николя постучал по стенке кареты, и кучер остановился. Они так стремительно покинули Шатле, что не успели разработать план наступления. Дорогой же Бурдо из уважения к Николя не решился прервать его размышления. Но сейчас пора действовать.

— Я хорошо знаю расположение комнат в доме, — произнес Николя, отчетливо сознавая, что несколько преувеличивает свое знакомство с заведением Полетты. — Если Моваль здесь, надо готовиться к самому худшему: он очень опасен. Лучше я один отправлюсь в «Коронованный дельфин» и попытаюсь без шума обезвредить его.

— Одного я вас не отпущу, даже речи быть не может, — ответил Бурдо. — А лучше всего будет, ежели мы оба дождемся здесь подкрепления. Вспомните, что случилось в предместье Сен-Марсель, и не будем наступать дважды на одни и те же грабли. Подождем приставов.

— Нет, у нас нет времени; нас не ждут, значит, надо брать противника врасплох. Сатин сказала мне, что в доме есть потайной выход, он ведет в сад. Возле него вы и покараулите. Если Моваль здесь, вряд ли он решится напасть в открытую. Сегодня утром он ускользнул от нас и теперь уверен, что мы явимся не одни. Следовательно, он попытается бежать через черный ход. Там вы его и схватите. Мне очень тревожно за вас. Будьте осторожны, этот тип хитер как дьявол! Давайте отправим кучера за подкреплением, а сами попробуем потянуть время.

Получив надлежащие инструкции, возница развернулся и поехал в обратную сторону, а Николя и Бурдо разделились. Молодой человек направился к «Коронованному дельфину» и несколько раз постучал в дверь. Открылось зарешеченное окошко, некто невидимый оглядел его со всех сторон и только потом распахнул дверь. Николя, ожидавший встретить Полетту или маленькую негритянку, с удивлением увидел высокую старуху, одетую в черное платье и с густой черной вуалью на лице. Из-под вуали торчали щеки, покрытые толстым слоем белил, поверх которых сверкал ярко намалеванный румянец. Трясущимися руками в шелковых перчатках она опиралась на трость с крупным набалдашником. Женщина походила то ли на монахиню, сменившую монастырский костюм на светское платье, то ли на вдову. Наклонив набок голову, она настороженно разглядывала гостя, медленно обходя его кругом.

— Здравствуйте, сударыня. Я хотел бы поговорить с госпожой Полеттой.

— Сударь, — ответил хриплый жеманный голос, — госпожа Полетта отправилась в город по делам. Если вам угодно, можете подождать, она скоро будет.

И, поклонившись, странная особа попятилась, пропуская его вперед. Он узнал коридор, а затем и гостиную, где успел побывать раньше. С тех пор здесь ничего не изменилось. Плотно закрытые ставни, серая бархатная портьера на входе, и, если бы не свеча в подсвечнике, водруженном на одноногий столик, мрак в комнате стоял бы кромешный. Несмотря на скудное

освещение, убранство, показавшееся ему во время первого посещения шикарным, теперь смотрелось грязным и вульгарным. Разглядев в полумраке клетку с попугаем, он, заинтригованный молчанием птицы, подошел к ней поближе и обнаружил замену: вместо живой птицы на жердочке стояла птица фарфоровая; благодаря искусству мастера она казалась живой.

— Господин, без сомнения, знал Коко? — спросила старуха, заметив его изумленный взор. — Увы, он покинул нас! Скончался от переполнявших его чувств. А как красиво этот мошенник говорил! Правда, иногда он бывал излишне многословен.

Усмехнувшись, старая карга направилась к двери.

— Оставляю вас, у меня дела. Госпожа Полетта не заставит вас долго ждать.

Николя опустился в кресло. Он мог бы войти силой, устроить обыск и в случае необходимости наложить секвестр. Но, не желая спорить с незнакомой особой, благоразумно решил дождаться Полетты и заставить ее выложить все как есть. А тем временем успеет подойти подкрепление.

Минут через десять он встал, подошел к камину и стал смотреть в стоявшее на полке зеркало. В нем отразилось его постаревшее и усталое лицо. Продолжая вглядываться в собственное отражение, он неожиданно почувствовал, что кто-то стоит у него за спиной. И этот кто-то смотрит на него тяжелым, ненавидящим взглядом. Пытаясь сдержать дрожь, он слегка сдвинулся в сторону и в правом углу зеркала увидел бесшумно крадущуюся к нему старуху. Откинутая назад вуаль позволяла разглядеть белое кукольное лицо, на котором грозно сверкали широко открытые глаза. По их зеленоватому отблеску Николя узнал Моваля. Во взгляде Моваля читалась решимость убить его. Еще не видя оружия, молодой человек сообразил, что враг собирается ударить его шпагой сзади. Он замер, не подавая вида, что видит врага. Моваль не должен знать, что его противник уже начеку.

В следующую секунду он понял: надо уравнять силы. Пока все преимущества у Моваля, ибо он вооружен, стоит у него за спиной и в любую секунду готов нанести удар. Но если противник потеряет его из виду, шансы их будут равны.

Играя в детстве в суле, Николя овладел искусством падать и часто пользовался этим умением, чтобы потом напасть на соперника снизу. Вот и сейчас, толкнув одноногий столик, Николя резко упал на пол. Столик рухнул вместе с подсвечником. Протянув руку, Николя мигом затушил свечу. Комната погрузилась во мрак. Лежа на полу, Николя толкнул столик в сторону двери. Понимая, что с ног противника он вряд ли собьет, он надеялся хотя бы на время остановить продвижение Моваля. Под громыхание стола Николя откатился к стене. Когда шум стих, комнату плотно накрыла одеялом тишина.

На мгновение ему пришла мысль позвать Бурдо, но он тотчас от нее отказался. Неизвестно, услышит ли его помощник, а если услышит, сможет ли он проникнуть в дом? Моваль наверняка предпринял все необходимые предосторожности. Ох, как же глупо он попал в ловушку! Однако времени на угрызения явно не наблюдалось, наоборот, требовалось как можно скорее обезопасить тылы, чтобы его не пришпилили к стене, словно бабочку к картонке. Лежа возле камина и ощупывая пространство вокруг себя, он коснулся холодных металлических стержней — каминные щипцы. Осторожно сняв их с подставки, он, стараясь ничего не опрокинуть, изо всех сил швырнул их через комнату. Слабо тренькнула люстра, а следом раздался переливчатый хрустальный звон, сопровождаемый глухим стуком. Похоже, разбилось одно из висевших на стене зеркал. Послышался шорох платья, удар и звук падающей мебели. Николя молил небо, чтобы у его противника не было с собой кремня. Впрочем, он быстро сообразил, что первый, кто зажжет огонь, первым себя и выдаст.

Прижавшись спиной к стене, Николя выжидал. Если он потеряет ориентацию в окружающем его грозном пространстве, он не сможет заставить себя оторваться от стены. Он не питал никаких иллюзий: борьба шла не на жизнь, а на смерть. Моваль не собирался

оставлять его в живых. Конечно, теплилась надежда, что Бурдо явится вовремя и, быть может, даже приведет подкрепление, но уверенности в этом не было никакой.

Его посетила забавная мысль: он попался, словно Финей, одолеваемый гарпиями.[52] Прибудут ли вовремя Зет и Калаид,[53] чтобы спасти его? Пришедшие на ум образы заставили его задуматься. Согласно преданию, старый слепой царь защищался от нападения чудовищ палкой. У него же есть шпага. Значит, и нападать, и защищаться он должен одновременно. Для этого придется пойти на хитрость, подсказанную ему мифологическим сюжетом.

Медленно вытащив шпагу из ножен, он положил ее на пол, затем столь же осторожно снял редингот. Ощупав стену, он переместился вправо, в сторону окна, где стояла клетка с попугаем. Время от времени он замирал и с бьющимся сердцем вглядывался в грозную тьму, пытаясь разобрать, на месте ли Моваль или тоже пытается маневрировать. Судя по всему, противник его также избрал охранительную тактику и теперь прижимался к стене, только возле двери.

Нащупав столик маркетри, где стояла клетка, Николя открыл решетчатую дверцу, вытащил фарфоровую птицу и положил ее на стол. Замерев, прислушался. Скрипнула дверь, и до него донесся шум перемещаемой мебели. Следовательно, пора переигрывать противника быстротой маневра. Набросив на клетку редингот, он превратил ее в некое подобие пугала. Приподняв полученное сооружение, он убедился, что какое-то время сможет удержать его на вытянутой руке. Исполнение замысла требовало от Николя безупречной координации всех движений.

Придвинул поближе шпагу, левой рукой он взял клетку и приподнял ее, а правой схватил фарфорового попугая и с силой метнул его через всю комнату. Смерть Коко оказалась не напрасной. Зазвенел разбившийся об стену фарфор, и в дверном проеме мелькнула тень. Раздался стук падающей мебели. Держа одной рукой клетку с накинутым на нее рединготом, а другой шпагу, Николя двинулся вдоль стены, постепенно, шаг за шагом, отрываясь от нее. Не встречая препятствий, он осторожно двинулся наискосок, шаг за шагом подбираясь к выходу. Внезапно просвистевший в воздухе клинок рассек ему рукав. Моваль стоял где-то рядом.

От внезапно охватившего его страха Николя чуть не задохнулся. Ему показалось, что он никогда не доберется до двери и не сумеет вытащить противника на свет, чтобы скрестить с ним шпаги в честном бою. Выхода нет, а значит, остается только уповать на случай или на самого Господа, ибо результаты поединка в темноте не зависят ни от мужества, ни от ловкости. По непонятным ему причинам судьба ввергла его во мрак вместе с Мовалем, справедливо полагая, что на свет выберется только один из них.

Предполагая, что Моваль угадал его стремление добраться до двери, он приготовился к следующей атаке. А так как по логике она должна была произойти справа, Николя сделал широкий шаг влево. Маркиз де Ранрей обучил его не только основам фехтования, но и игре в шахматы. И он навсегда запомнил, что, передвигая фигуры, необходимо держать в уме ближайшие пять или шесть ходов. К сожалению, сейчас основная проблема заключалась в том, что позиции противника он представлял лишь приблизительно.

Услышав, как со свистом рассекая воздух, клинок с глухим стуком вонзился в висевший на стене гобелен, Николя с трудом удержался, чтобы не сделать ответный ход. Но, следуя замысленной им комбинации, остался на месте. Рука, державшая клетку с наброшенным на нее тяжелым рединготом, затекла и подрагивала. Вскоре по ней забегали мурашки. Желая обмануть Моваля, Николя задвигал клеткой, создавая легкий шум и движение воздуха, скрывавшие его истинное местоположение. Но лезвие возникло там, где он не ожидал его, а именно с левой стороны; просвистев в воздухе, оно слегка задело плечо Николя. Не удержавшись, бретонец вскрикнул, но, быстро сообразив, какую можно извлечь из этого

выгоду, следом за возгласом изумления издал жалобный стон раненого. Уверенный, что он ранен, Моваль, забыв об осторожности, без промедления пойдет в атаку. Николя оказался прав: следующий удар пронесся над самой головой; он едва успел пригнуться. Избежав опасности, он резко выпрямился и дернул руку с клеткой в сторону. Моваль наверняка подошел совсем близко, чтобы прикончить его. Поэтому редингот должен был промелькнуть в непосредственной близости от противника, а еще лучше — задеть его. Не получив ответа, Моваль станет думать, что раненый Николя пытается у него под носом пробраться к двери, и нанесет решающий удар. Так и случилось. Шпага Моваля проткнула редингот и проскользнула между прутьями клетки, не задев молодого человека. Николя резко повернул клетку, блокируя оружие Моваля. Теперь он точно знал, где находится враг. Крепко сжав рукоять шпаги, он сделал выпад. Натолкнувшись на твердое препятствие, острие соскользнуло вниз и вонзилось в плоть. Послышался долгий вздох и шум падающего тела. Николя заподозрил, что противник прибег к той же хитрости, что и он сам, и приготовился отразить новое нападение. Но атаки не последовало, и он, метнувшись к двери, лихорадочно отдернул бархатную портьеру. Через круглое окно над входной дверью в коридор лился красноватый сумеречный свет. Еще несколько мгновений назад Николя страстно рвался к свету, но теперь в кровавых отблесках заката ему стало не по себе.

Обернувшись, он увидел погруженную в полумрак гостиную, где на полу среди опрокинутой мебели чернела недвижная масса, очертаниями напоминавшая человеческое тело. Схватив подсвечник, он зажег свечу и вошел в комнату. Развешанные на стенах зеркала до бесконечности множили его отражение. Осторожно приблизившись к скорчившемуся под черными вуалями телу, он ощупал его кончиком шпаги, а потом носком сапога перевернул на спину. Раскинув руки, перед ним предстал мертвый Моваль. Гротескный грим придал его лицу красоту падшего ангела. Зеленые глаза навечно уставились в пустоту.

Безжизненный взгляд, казалось, обвинял Николя. Не выдержав посмертного взора врага, молодой человек закрыл ему глаза. Осмотрев тело, он убедился, что нанес удар точно в сердце. Только случай мог направить его руку, подумал он. И в эту минуту осознал, что убил человека, После напряженной борьбы его охватила безмерная усталость. Оправдываясь, он убеждал себя, что защищал собственную жизнь, но никакие оправдания не могли избавить его от мучительного ощущения, вызванного убийством своего ближнего. От сознания, что отныне ему придется привыкать к этому чувству, учиться жить с ним и с давящими душу воспоминаниями, угрызения становились еще сильнее.

Кое-как взяв себя в руки, молодой человек отправился на поиски Бурдо. В конце коридора находилась кухня, а в ней чулан с выходом в сад. Открыв дверь, он сразу увидел Бурдо. С тревожным видом инспектор ждал его там, где ему велел Николя.

— Черт побери, сударь, какой вы бледный! Ох, не напрасно я волновался. Что с вами случилось?

— Ах, Бурдо! Как я рад вас видеть…

— Оно и видно. Вы похожи на привидение, хотя, если говорить честно, сам я привидений никогда не видел. Однако как вы долго!

— Я убил Моваля.

Бурдо усадил его на каменный цоколь дома.

— Да вы ранены! Ваше платье разорвано, и плечо кровоточит.

Только сейчас, после слов Бурдо, Николя почувствовал боль в плече.

— Ерунда. Царапина.

И он принялся рассказывать о поединке с Мовалем. Слова лились из него рекой, он никак не мог остановиться, а Бурдо, по обыкновению, только качал головой. Когда не умолкавший Николя забился, как в лихорадке, инспектор взял его за плечи и легонько встряхнул.

— Успокойтесь. Вам не в чем себя упрекнуть. У вас не было выбора. Или вы, или он. Теперь одним мерзавцем станет меньше. Вы привыкнете к таким переделкам. Мне дважды приходилось защищать свою жизнь, и оба раза у меня тоже не было выбора.

Они прошли в дом. Николя повел инспектора в гостиную. К великому смущению Николя, Бурдо принялся хвалить его за твердость руки и искусное владение оружием. Сорвав половину занавеса, закрывавшего маленькую сцену, Бурдо накрыл ею тело Моваля, предварительно обшарив карманы его одежды. Помимо нескольких луидоров и табакерки с портретом Луизы Ларден, они нашли записку с сорванной печаткой. На листке рукой Николя было написано: «Лосося вытащили из воды». Молодой человек сразу узнал записку — пароль, данный им Полетте на случай, если той захочется повидаться с ним без лишних свидетелей. На другом клочке бумаги они прочли адрес господина де Ноблекура. Таким образом, пришел к выводу Бурдо, Моваль питал относительно Николя самые дурные намерения.

Вспомнив, наконец, о цели своего приезда в «Коронованный дельфин», они бросились на третий этаж. Изо всех дверей, выходивших в коридор, запертой оказалась только одна. Николя изо всех сил забарабанил в нее кулаками. В ответ послышались сдавленные рыдания. Отстранив товарища, Бурдо достал из кармана крошечный металлический стержень, выточенный особым образом, и вставил его в замочную скважину. После нескольких попыток ему удалось отжать язычок. Дверь открылась, и перед ними предстали Полетта и Мари Ларден. Связанные, с кляпами во рту, они лежали на куче сваленной на пол соломы.

Когда их развязали, Мари зарыдала, всхлипывая и икая, словно ребенок. Широкое курносое лицо Полетты от удушья приобрело пурпурный цвет. Она никак не могла отдышаться, ее могучая грудь ходила ходуном, а изо рта вместо слов вылетало жалобное повизгивание. Наконец, опасливо глядя на свои распухшие ноги, она поднялась и, шатаясь, сделала несколько шагов.

— Ах, сударь, как мы вам благодарны!

Внезапно на лице ее отразился испуг, и она принялась взволнованно озираться.

— Успокойтесь, сударыня, — произнес Николя, от которого не ускользнула перемена в ее настроении. — Полагаю, вы понимаете, что вам придется кое-что нам объяснить. Вы — надеюсь, невольно — стали пособницей преступников. Эту девушку похитили, силой доставили к вам в заведение, заперли, угрожали ей, грозились продать и заставить вести бесчестную жизнь. За это вас, сударыня, следовало бы передать в руки палача, чтобы он на ступенях Дворца правосудия заклеймил вас цветком лилии. А потом отправить вас в камеру пожизненно. Поэтому в ваших интересах быть с нами откровенной. Скажите нам правду, и это вам зачтется, обещаю вам.

— Сударь, — ответила Полетта, судорожно стискивая его руку, — я знаю вас как честного человека. Пожалейте бедную женщину, вынужденную вопреки воле сердца принять эту бедную овечку.

И она выглянула в коридор.

— Это его работа, этого чудовища.

— Какого чудовища?

— Проклятого Моваля! Я всего лишь несчастная владелица заведения, и я всегда по-доброму отношусь к своим девочкам. Я никого не принуждаю работать на меня, ко мне ходят солидные люди. Я всегда, по первому требованию, платила полиции. А ежели тут и идет подпольная игра, так это с благословения комиссара Камюзо. В тот раз я, конечно, вспылила. Собственно, это вы, молодой человек, вывели меня из себя. А что до мадемуазель, так вы спросите у нее, разве я не защищала ее, как могла? Особенно когда узнала, что она дочь самого комиссара Лардена. Ну скажи ему, Марго! А негодяй Моваль схватил мальчишку и

отобрал у него мое послание! Он понимал, что рано или поздно вы явитесь, а потому решил устроить вам ловушку. Я попыталась его прогнать, а он меня ударил…

И она указала на свою посиневшую щеку.

— Потом он бросил меня сюда, в том виде, в каком вы меня нашли. Неужели вам этого мало, чтобы поверить в мою невиновность?

— Пока нам ясно только одно: вы испугались, что дело зайдет слишком далеко, — сухо заметил Николя.

Не переставая рыдать, Мари несколько раз кивала, подтверждая слова Полетты. Внезапно снизу раздались голоса. Содержательница притона задрожала от ужаса. Шепнув несколько слов на ухо Николя, Бурдо отправился вниз. Прибыло долгожданное подкрепление, и Бурдо распорядился увезти тело Моваля. Николя не стал сообщать женщинам о смерти подручного Камюзо, и когда Полетта поинтересовалась, куда подевался этот разбойник, он ответил уклончиво. Николя чувствовал, что Полетта рассказала им почти все и почти честно — то есть так, как умела. Сатин права: хозяйка заведения по-своему неплохая женщина, хотя ремесло и заставляло ее порой совершать поступки, граничившие с преступлением.

Николя и обе женщины молча сидели в комнате. Николя не хотел допрашивать Мари Ларден в присутствии третьего лица. Наконец после долгого отсутствия вернулся Бурдо и знаком дал понять Николя, что досмотр закончен и тело увезли. Все вместе они покинули «Коронованный дельфин». Бурдо поехал в экипаже вместе с Полеттой, а Николя — с Мари Ларден, восхищенно взиравшей на своего спасителя. Девушка успокоилась и только иногда тяжко вздыхала.

— Извините меня, мадемуазель, но мне надо задать вам несколько вопросов.

— Позвольте прежде поблагодарить вас, Николя. Как я понимаю, та девица исполнила мою просьбу…

Она бросила на него испытующий взгляд.

— Вы с ней знакомы? И давно ее знаете?

— Она мой добрый и очень давний друг.

Мари скорчила презрительную гримаску:

— Значит, вы такой же, как все… путаетесь с девицами легкого поведения!

Николя разозлился:

— Замолчите, мадемуазель. Вас освободили. Не знаю, известно ли вам, чего вам удалось избежать, но я совершенно уверен, в некоторых обстоятельствах лучше иметь дело с девицей легкого поведения, чем с так называемой честной женщиной. А когда этой девице вы обязаны своим спасением, то проявить признательность за ее доброе сердце и умение держать слово было бы совсем не лишним. Не будет ли вам угодно ответить на мои вопросы и рассказать, каким образом вы попали в заведение Полетты?

— Я этого не знаю, сударь, — ответила девушка, не решаясь более называть его по имени. — Я очнулась в той самой комнате, где вы меня нашли. У меня сильно кружилась голова, все тело ныло. Полетта хотела заставить меня заниматься ее бесчестным ремеслом. Затем явилась та девица и тоже стала убеждать меня смириться. А когда я расплакалась, она прониклась ко мне жалостью, и я решила подкупить ее. Собственно, я ничем не рисковала. Если бы она отказала, мое положение вряд ли бы ухудшилось, а в случае согласия у меня появлялась надежда на освобождение.

— В какой день вас похитили?

— Точно не могу вспомнить. Мне кажется, это случилось в среду, на прошлой неделе. Наверное, мачеха подслушала наш разговор. Помните, сударь, как накануне вечером я пыталась предостеречь вас?

— Прекрасно помню. Еще вопрос: не оставлял ли вам отец какой-нибудь записки?

— Вы копались в моих вещах! — возмущенно воскликнула она. — По какому праву?

— Не только в ваших вещах. Мы произвели обыск во всем доме. И, судя по вашему возмущению, вы действительно получили некое письмо. Мне очень важны подробности, поэтому продолжайте.

— Да, я получила записку. Смысл ее я не поняла, да и вы вряд ли его поймете. Когда я в последний раз видела отца накануне его исчезновения, он незаметно сунул ее мне в руку. А вы что-нибудь узнали о моем отце?

— Вы помните содержание записки?

— Там всего одна строчка. Кажется, в ней говорилось о чем-то, что надо отдать королю. Но я не знаю, на что отец намекал, велев мне сохранить эту записку. Я положила ее в ящик и забыла о ней. Вы засыпали меня вопросами, сударь. Но скажите, что с моим отцом?

Николя показалось, что она вот-вот затопает ногами, как малое дитя. Ему стало жаль ее. Собственно, у него нет причин скрывать от нее истину. Подозревать ее пока не в чем, а две свидетельницы, Полетта и Сатин, подтверждают ее показания.

— Мадемуазель, соберите все ваше мужество…

— Собрать все мужество? — переспросила она, выпрямляясь. — Неужели вы хотите сказать, что…

— Увы, я в отчаянии, ибо должен сообщить вам, что отец ваш мертв.

Чтобы не закричать, она принялась кусать кулаки.

— Это Декарт! Это он! Я же вам говорила. Она его заставила. Господи, что же мне теперь делать?

— Откуда вы знаете, что его убили?

— Она с ним об этом говорила.

Девушка разрыдалась. Протянув ей носовой платок, Николя принялся успокаивать ее.

— Вы ошибаетесь, — проговорил он. — Декарт тоже умер, убит. Как и ваш отец.

— Значит, это доктор Семакгюс.

— Почему вы его назвали?

— Потому что он тоже любовник моей мачехи. Он всегда был неравнодушен к ее прелестям.

— А может, ваша мачеха сама это сделала?

— Она слишком хитра, чтобы компрометировать себя.

Мари плакала, и он не знал, как ее успокоить. Наконец он решил прибегнуть к крайнему средству. Накинув на плечи девушки свой редингот, он обнял ее и привлек к себе. Тотчас перестав плакать, Мари положила голову к нему на плечо. Боясь пошевелиться, он застыл в неудобной позе и оставался в ней до тех пор, пока карета не въехала под своды Шатле.

Николя поручил Бурдо взять показания у Полетты и Мари Ларден. До завершения расследования содержательнице «Коронованного дельфина» предстояло провести время в секретной камере. Сатин разрешили вернуться домой, взяв с нее обещание хранить молчание о случившемся. Мари Ларден до завершения расследования решили отправить в монастырь. Вернуть ее на улицу Блан-Манто и позволить в одиночестве жить там до выяснения обстоятельств убийства ее отца не позволяли приличия.

Бурдо предложил отвезти ее в монастырь англичанок[54] в предместье Сент-Антуан, настоятельница которого являлась его хорошей знакомой. Затем он спросил у начальника, чем тот намерен заняться. Многозначительно усмехнувшись, Николя сообщил, что намерен

отправиться домой, лечь на кровать и плевать в потолок, размышляя о бренности всего земного. Впрочем, время позднее, а так как в доме, где он имеет честь квартироваться, живут по строго заведенному порядку, у него имеется шанс получить ужин, ибо, если говорить честно, он зверски голоден. Еще Николя надеялся перевязать плечо и справиться о здоровье господина де Ноблекура.

Притворяясь беззаботным, Николя хотел разыграть Бурдо. У него это получалось редко, но когда розыгрыш удавался, он испытывал величайшее наслаждение. На самом деле он хотел вернуться на улицу Монмартр, чтобы еще раз перебрать в уме все этапы своего расследования. Истинное значение некоторых фактов по-прежнему ускользало от него. Чувствуя настоятельную потребность избавиться от жуткого впечатления, произведенного на него гибелью Моваля, он надеялся, что тепло домашнего очага, согревавшее его в доме Ноблекура, поможет ему прогнать зловещие видения. Поэтому, несмотря на зверский голод, он не смотрел в сторону рестораций, где за деньги всегда готовы накормить одинокого голодного парижанина. Он шел домой спокойно выспаться и без помех поразмышлять.

На улице совсем стемнело, когда он, наконец, вошел в ворота дома магистрата. Во дворе, несмотря на мороз, приятно пахло горячим хлебом. Зайдя на кухню, он с удивлением увидел за столом Марион и Пуатвена. Оба о чем-то оживленно беседовали. Над большой кастрюлей на плите вился пар: под крышкой что-то тушилось. Уютная, поистине семейная картина проливала бальзам на его истерзанную душу. Аромат, исходивший из кастрюли, приятно щекотал ноздри. Он с радостью подумал, что его ждали и встречали как блудного сына из Писания. Господин де Ноблекур все еще страдал подагрой, однако при каждом удобном случае не забывал спросить, не вернулся ли его жилец. Ему очень хотелось повидать Николя.

Захватив большой кувшин с горячей водой, Николя по черной лестнице поднялся к себе. Прежде чем явиться к прокурору, он решил привести себя в порядок и перевязать плечо. В его отсутствие посланец мэтра Вашона принес роскошный зеленый фрак, и Николя даже замер, любуясь сверкавшим при свете свечей его серебристым шитьем.

Когда он наконец вошел в библиотеку, достойный Сирюс приветствовал его веселым лаем и радостными прыжками. Хозяин дома сидел в кресле; его правая нога, обернутая ватой, возлежала на покрытом ковром пуфе. Ноблекур читал, и чтобы повернуться к Николя, ему пришлось сделать немалое усилие.

— Слава Богу, — воскликнул он, — вот и вы! Мои предчувствия не оправдались. Я со вчерашнего дня места себе не нахожу. Меня одолевают самые мрачные мысли. При каждом приступе чертовой подагры во мне немедленно просыпается тревога. К счастью, я ошибся.

— Гораздо меньше, чем вы думаете, сударь. Возможно, именно вашими заботами мне и удалось остаться в живых.

И Николя принялся рассказывать все по порядку. Однако сохранять последовательность повествования оказалось крайне непросто, ибо почтенный магистрат постоянно перебивал его вопросами и репликами. Тем не менее ему удалось довести рассказ до конца, прежде чем явилась Марион с чашкой светлого бульона для хозяина. Прокурор предложил Николя отведать тушеных овощей, которые лично ему строго запретили есть. Также он приказал принести Николя бутылку старого бургундского. Предложение было встречено с энтузиазмом.

— Марион решила уморить меня голодом! — вздыхал магистрат. — К счастью, — добавил он, указывая на отложенную книгу, — я нашел себе утешение и с наслаждением перечитываю «Повара» Пьера де Люна. Чтение заменяет мне пищу. Знаете ли вы, что этот великий мастер истинной кухни был стольником герцога де Рогана, внука великого Сюлли. Это он изобрел букет гарни[55], тушеную говядину с овощами и ру[56]. Но самое ужасное, — лорнируя покрытую пылью бутылку, поставленную на стол Марион, переменил он тему, — мне запретили пить вино. Поэтому, насытившись чтением кулинарных книг, я берусь за труды старика Монтеня. Он помогает мне забыть о мерзкой подагре. Вот послушайте: «Боль станет значительно менее

сильной, ежели ей сопротивляться. Сопротивляйтесь, а потом идите в наступление». И я следую совету Монтеня! Однако вижу, рассказ о моих страданиях нисколько не отбивает у вас аппетит! Верный признак умиротворенной души!

Смутившись, Николя оторвался от тарелки, содержимое которой он — незаметно для себя — поглощал с неприличной быстротой. Каждая новая ложка горячего ароматного рагу прибавляла ему сил.

— Простите меня, сударь. Но после сегодняшних событий…

— …вы чувствуете волчий голод.

— Сударь, могу я вас попросить высказать свое мнение о том, о чем я вам рассказал?

Прикрыв глаза, старый прокурор опустил голову и, казалось, полностью ушел в собственные мысли. Щеки, плавно переходившие в складки шеи, образовали вокруг подбородка мясистый воротник.

— Честно говоря, — произнес он, поднимая голову, — истина пока еще далеко. Однако у вас имеется немало фактов, которые, если их привести в порядок, могут многое объяснить. Вспомните каждую деталь вашего расследования. Беспристрастно оцените доказательства и подозрения. А потом ложитесь спать. Опыт подсказывает мне, что чаще всего правильное решение приходит к нам, когда мы меньше всего о нем думаем. И последний вам совет: нужно поджечь порох, чтобы засверкала истина. А если у вас нет огня, сделайте вид, что он у вас есть.

В его взоре, устремленном на Николя, запрыгали лукавые искорки. Это невинное хвастовство тотчас было отомщено: у советника начался очередной приступ подагры, и он, перекосившись от боли, принялся тихо поскуливать. Николя сообразил, что пора дать старому другу отдохнуть. Пожелав магистрату доброй ночи и скорейшего выздоровления, он отправился к себе. Улегшись на кровать, он принялся размышлять. Но мысли никак не хотели выстраиваться в нужном направлении. То ему казалось, что в деле ясно абсолютно все, то он вдруг понимал, что до сих пор не вытащил ни единой нити из пестрого и запутанного клубка событий, который ему необходимо размотать. Он снова и снова выстраивал версии, однако все они рассыпались уже на середине.

Чтобы отвлечься, он решил заняться тремя записками, оставленными Ларденом. Разложив их на пюпитре секретера, он несколько раз перечитал тексты. Фразы прыгали, перескакивали с места на место, напоминая ему о чем-то далеком и неуловимом. В конце концов он в раздражении смешал листки, словно колоду карт, и оставил лежать на пюпитре. И тут его сморил сон.

Вторник, 13 февраля 1761 года.

Детская рука замерла над разложенными на полу кусочками картона. Старательно хмуря лоб, он пытался сложить слово «кошка». Схватил одну букву, затем другую, потом третью, четвертую… Наконец с довольным видом поднял голову. Но он забыл про второе К, а потому каноник продолжал выбивать тростью на каменных плитках кухонного пола звонкую мелодию. Устав дожидаться, он сам указал мальчику на пропущенную букву. Знакомый голос произнес: «Вот теперь все в порядке». Но опекун опять смешал все карточки и велел ему собрать новое слово. Стоя на коленях, Николя видел грубые башмаки каноника и обтрепанный, заляпанный грязью край его сутаны. Фина ощипывала дичь, напевая старинную бретонскую балладу. Он удивился, почему плавная мелодия сопровождается неприятными скрипучими звуками.

И проснулся. Вскочив с кровати, он подбежал к окну и раздвинул занавески. По улице Монмартр шел овернец в накидке из овечьей шкуры, на ходу извлекая из скрипочки жалобные тягучие звуки. Вокруг музыканта скакала черная собака. В голове Николя еще звучали слова опекуна, когда взгляд его упал на оставленные на секретере записки Лардена. Позабыв обо

всем, он вновь перетасовал бумажки. Как он этого раньше не заметил? Все прояснилось, или, по крайней мере, появился новый след, который непременно должен был куда-то привести. Наконец-то он понял, что побудило Лардена оставить эти загадочные послания. Разумеется, догадки требовалось доказать. Но теперь он знал, что строчки явились своего рода камешками, похожими на те, которые в сказке Перро бросал на тропинку Мальчик-с-пальчик.

Стремительно одевшись, он выскочил из комнаты. Забежав в кухню, обжегся, залпом проглотив приготовленную для него Марион чашку шоколада, и помчался дальше, оставив старую служанку сокрушаться о торопливости Николя, не оставившего ей времени, чтобы вспенить напиток. Только вспененный шоколад становится по-настоящему шелковистым и отдает аромат во всей его полноте. В душе Марион давно уже усыновила молодого человека: ягоды, которые они прошлой осенью чистили вместе, покорили сердце почтенной домоправительницы. Она доверяла ему во всем, видя, как доверяет ему Ноблекур и с каким почтением Николя относится к ее хозяину. Пуатвен, разделявший склонности Марион, мягко, но уверенно задержал Николя и заставил его снять сапоги. В одно мгновение он резкими движениями щетки вычистил их и натер воском. А в довершение, чтобы придать им еще больший блеск, он, поплевав, несколько раз провел по ним щеткой с густой и мягкой щетиной. Вырвавшись, наконец, из заботливых рук прислуги Ноблекура, Николя радостно выскочил на улицу, где сразу же глотнул свежего морозного воздуха, сулившего светлый и солнечный день.

Сначала молодой человек отправился в Шатле и написал записку Сартину. В ней он просил начальника полиции сегодня вечером, в шесть часов, лично присутствовать на очной ставке всех подозреваемых. Бурдо посоветовал Николя лично передать послание и вызвался сопроводить его, ибо хорошо знал, сколь велик гнев начальника полиции, когда ему кажется, что знаки почтения, положенные ему по должности, не соблюдены в полной мере. Николя получил возможность еще раз убедиться в мудрости своего помощника.

Как и предполагал Бурдо, Сартин фыркнул, прочитав приглашение, но не отверг его. Начальника полиции сразил аргумент инспектора, пообещавшего раскрыть потрясающие подробности завершенного, в сущности, дела.

Несмотря на весьма двусмысленное заявление, сорвавшееся с уст его помощника, Николя не выказал беспокойства, и Бурдо облегченно вздохнул. Когда оба вышли из кабинета, Николя серьезно поблагодарил инспектора за поддержку.

Затем они с Бурдо долго совещались. На очную ставку требовалось доставить Семакгюса из Бастилии, Луизу Ларден из Консьержери, призвать кухарку Катрину и, разумеется, дочь комиссара Лардена. Ничего не объясняя, Николя передал помощнику все полномочия по принятию решений в его отсутствие.

Уточнив задание, он спустился в мертвецкую и несколько минут стоял перед мрачной коллекцией останков, начатой расчлененным трупом, найденным на Монфоконе, и продолженной трупами Декарта, Рапаса, Брикара, Лардена и Моваля. Экспонаты этой зловещей коллекции явились жертвами совпадений, которые порок, корысть, страсть и нищета в конце концов свели вместе на сцене театра смерти. Отмытое от грима лицо Моваля выглядело ясным и помолодевшим, и Николя вновь стало не по себе. Какое стечение трагических обстоятельств привело в это хранилище столь разных и столь далеких друг от друга людей? Он снова склонился над останками неизвестного с живодерни, словно пытаясь разгадать их тайну и услышать подтверждение своей догадки. В этой позе его застал Сансон. Оживленно беседуя, они осмотрели тело Лардена, затем тело Декарта. Задумавшись, обменялись многозначительными репликами. Наконец, Николя расстался с королевским палачом, не забыв пригласить его на очную ставку, которая состоится вечером в Шатле под председательством самого Сартина.

Оставшееся время Николя провел в разъездах. Наняв фиакр, он пересек город из конца в конец. Сначала он приказал везти себя на улицу Блан-Манто, где он еще раз внимательно

обследовал жилище Лардена. Потом отправился на другой берег, в контору мэтра Дюпора, нотариуса Декарта и, как оказалось, нотариуса Лардена. Прием ему оказали нелюбезный, он повел себя еще более нелюбезно и в результате получил то, за чем приехал. Затем он еще раз пересек город, добравшись до предместья Сент-Антуан. В квартале столяров он моментально заблудился в лабиринте улочек и тупичков и после долгих скитаний вынужден был спросить, где находится интересующий его дом. Получая самые противоречивые сведения, он, в конце концов, разыскал краснодеревщика, чье имя стояло на счете, обнаруженном в библиотеке комиссара Лардена. В бумагах краснодеревщика царил невообразимый беспорядок, но после долгих поисков столяр все же сумел удовлетворить любознательность Николя. Предположения молодого человека подтвердились, и он позволил себе отдохнуть и перекусить в одном из пригородных кабачков, где заказал блюдо из любимой им дешевой требухи. Для полного счастья ему не хватало только дружеской беседы Бурдо, отличного товарища и любителя такого рода пирушек.

Утолив голод, Николя отослал экипаж и пешком вернулся на улицу Сент-Антуан. Смешавшись с толпой ремесленников и поденщиков, он вновь и вновь спрашивал себя, есть ли у него основания проводить задуманный им эксперимент. Достаточно ли у него доказательств, чтобы оправдать присутствие на очной ставке Сартина? Но, вспомнив максиму Ноблекура, он укрепился в своей решимости довести дело до логического конца. Он понимал, что речь идет не столько об успешном завершении расследования, сколько о его будущей работе у Сартина. Если он ошибется, ему придется всю жизнь довольствоваться положением мелкого служки на побегушках, и это будет особенно больно, потому что провал последует за его неожиданным и непомерно высоким взлетом. Сартин не простит ему неудачи, ответственность за которую падет прежде всего на него, ибо именно его обвинят в том, что он доверил дело государственной важности неопытному юнцу. А начальника полиции сейчас интересовало не столько раскрытие очередного уголовного дела, сколько успешное завершение истории, затрагивавшей высшую власть и безопасность королевства в военное время. Прекрасно зная причину, на основании которой его начальник — возможно, излишне легкомысленно — оказал ему особое доверие, он чувствовал себя обязанным не разочаровать его. В глубине души он был убежден, что сделал все, что мог, и даже больше, и вдобавок рискуя собственной жизнью, поэтому сомнения его относились скорее к области заклинаний, нежели оправданных страхов.

Когда он вступил под своды Шатле, часы пробили пять. Волевым решением он завершил спор с самим собой, отбросил бесполезные душевные терзания и преисполнился решимости довести дело до конца. Заставил себя отбросить все сомнения.

Бурдо, обеспокоенный долгим отсутствием Николя, при его появлении облегченно вздохнул, но не стал расспрашивать, где тот провел день. Тем более что подошло время готовить зал. С помощью папаши Мари в просторном кабинете начальника полиции поставили несколько скамей. Гораздо ниже, чем скамьи подсудимых в суде, они, как выразился привратник, удобства участникам очной ставки не прибавят. Пошептавшись с Бурдо, Николя объявил папаше Мари, что он тоже примет участие в заседании. Однако усаживать его вместе со всеми подозреваемыми молодой человек не собирался. Потом, словно полководцы, изучающие поле предстоящего сражения, все трое несколько раз входили и выходили из кабинета. Когда до начала заседания осталось совсем ничего, Николя заволновался.

Подозреваемые и свидетели ожидали в отдельных комнатах, чтобы никто не мог ни с кем перекинуться словом. На соседней колокольне пробило шесть, и торопливые шаги на каменной лестнице известили о прибытии господина де Сартина, не имевшего привычки опаздывать.

Жестом пригласив Николя проследовать за ним, Сартин прошел к себе в кабинет. Войдя, он устремился к большому камину и принялся яростно ворошить угли. Молодой человек покорно ждал, когда начальник успокоится.

— Сударь, — наконец начал Сартин, — мне не может нравиться, когда мне диктуют мои обязанности и устраивают присутствие из моего собственного кабинета. Надеюсь, у вас есть веские основания действовать подобным образом.

— Я всего лишь хотел убедить вас, сударь, в необходимости организовать очную ставку, являющуюся, на мой взгляд, чрезвычайно важной для нашего расследования, а потому ее просто невозможно проводить без вашего участия, — почтительно ответил Николя. — Вы сами наверняка решили бы, что лучше всего провести ее у вас в кабинете.

Собеседник смягчился.

— Вы меня убедили, господин предсказатель. Но послушайте, Николя, какое отношение имеет очная ставка к тому делу, о котором мы с вами сейчас думаем?

— Самое непосредственное, сударь.

— Тогда постарайтесь не касаться его.

Обогнув рабочий стол, Сартин уселся в большое кресло, обитое красной дамасской тканью, и вытащил из кармана часы.

— Постарайтесь не затягивать допросы, Николя. Меня ждут к ужину, и жена меня не простит, если я опоздаю.

— Я немедленно попрошу ввести подозреваемых. Но на ужин, сударь, боюсь, вам сегодня придется опоздать…

XV
ТРОФЕЙ

Выходите, тени, выходите из мрака ночного,

Идите на свет, дабы торжество состоялось,

Надежда отмщения, гнева полная яростного,

Пусть соберет вас,

Чтобы вы указали виновных.

Кино

Первым ввели Семакгюса; на его багровевшем больше, чем обычно, лице, застыло бесстрастное выражение. За ним доставили Полетту и Сатин. Хозяйка борделя шла, опустив голову, и ее маленькие глазки, затерянные в складках плоти, бегали, словно у затравленного зверя. Сатин не скрывала удивления, особенно когда взгляд ее упал на корабельного хирурга. Луиза Ларден, без грима и парика, в серой юбке и черном карако, выглядела много старше своих лет. В ее непричесанных волосах проглядывала седина. Облаченная в траур Мари Ларден нервно комкала в руках крошечный носовой платок. Катрина Госс поддерживала ее, время от времени бросая ненавидящие взоры в сторону своей бывшей хозяйки. Словно тень, проскользнул Сансон. Отыскав в углу возле камина самое темное место во всем кабинете, он остался там стоять, прислонившись к стене. Бурдо замер возле двери.

Все сели на отведенные им скамьи. Встав с кресла, начальник полиции обошел стол и, вспрыгнув на край столешницы, уселся на ней, болтая ногой и крутя в руках серебряный стилет. Николя проследовал к креслу и, положив обе руки на его спинку, оказался как раз напротив Сартина. Папаша Мари принес пару дополнительных факелов. Свет от факелов падал на молодого человека, и тень его длинной черной змеей вытянулась в глубину комнаты.

— Господин Ле Флош, я вас слушаю.

Вдохнув побольше воздуха, Николя устремился в бой:

— Сударь, расследование, которое вы мне поручили, завершено. У меня собраны все необходимые улики, на основании которых мы приблизимся к истине и найдем преступников.

Сартин прервал его:

— Истину надо устанавливать, а не приближаться к ней. Мы ждем ваших объяснений, сударь, хотя истина, как говорит мой друг Гельвеций,[57] подобна факелу, который хотя и светит в тумане, но туман не рассеивает.

— Вы правы, в этом деле очень много тумана, причем с самого начала, — ответил Николя. — Поэтому сначала мы и начнем. Исчез комиссар Ларден. Вы поручили мне и инспектору Бурдо выяснить причины его исчезновения. Мы, как и положено, начали следствие и немедленно зашли в тупик. Но потом, благодаря показаниям торговки супом старухи Эмилии, мы обнаружили брошенные на живодерне Монфокона человеческие останки. Попутно отмечу, сударь, расторопность служителей полиции, благодаря которым мы смогли быстро получить интересующие нас сведения в комиссариате квартала Тампль.

Усмехнувшись, Сартин отвесил оратору саркастический поклон.

— Я счастлив, сударь, что вы сумели заметить эффективность моей полиции, вызывающей восхищение у всей Европы. Однако продолжайте.

— Мы провели исследование найденных останков, и они о многом нам рассказали. Они принадлежат лысому мужчине в расцвете лет. Его убили холодным оружием, расчленили и отвезли на Монфокон. Забыл сказать: ему раздробили челюсть. Мы сумели определить, что останки доставили на живодерню раньше, чем начались заморозки и пошел снег. Поэтому мы пришли к заключению, что их выбросили в ту ночь, когда исчез комиссар Ларден. Рядом с телом валялась одежда пропавшего комиссара. Все говорило о том, что мы нашли, кого искали. Однако сомнения не покидали меня. Казалось, чья-то неведомая воля организовала этот спектакль, сделала все специально для того, чтобы мы признали в нашей находке останки несчастного Лардена. Но я заметил одну деталь: черное пятно на макушке черепа; к этому пятну я еще вернусь. Раздробленная челюсть также наводила на мысль, что над опознанием останков еще требуется потрудиться.

Сделав паузу и отдышавшись, Николя продолжил:

— Мы стали опрашивать людей, знавших пропавшего. От доктора Семакгюса мы узнали, что в веселом доме «Коронованный дельфин» Ларден организовал вечеринку. Во время этой вечеринки доктор Декарт и Ларден крепко поссорились. Оба покинули бордель где-то около полуночи. Семакгюс утверждал, что остался там с девицей и пробыл у нее до трех часов утра. Выйдя на улицу, он не нашел ни экипажа, ни Сен-Луи, своего слуги-негра, исполнявшего обязанности кучера. Негр исчез. Когда мы начали расспрашивать Декарта, тот отрицал свое участие в вечеринке в «Коронованном дельфине», но обвинил Семакгюса в убийстве кучера. Совершенно очевидно, что обоих мужчин, некогда связанных дружбой, теперь разделяло соперничество.

— Послушайте, сударь, — нетерпеливо перебил его Сартин, — вы не сказали ничего нового, чего бы я уже не знал.

— Расследование в «Коронованном дельфине» позволило выстроить еще одну версию. Выяснилось, что супружескую жизнь Ларденов с самого начала омрачали последствия бурной юности Луизы. Декарт, родственник Луизы, завладел имуществом ее родителей, и она, оставшись без средств к существованию, вступила на стезю разврата. Обделенный супружеским счастьем, Ларден стал искать утешения на стороне, в платных объятиях девочек Полетты. Закоренелый игрок, вынужденный вдобавок потворствовать жене в ее пристрастии к дорогим вещам, он проиграл целое состояние и попал в лапы шантажистов.

Обеспокоенный направлением, которое начал принимать рассказ, начальник полиции нервно постучал стилетом по краю стола.

— О шантажистах я не скажу ничего, — заявил Николя, к великому облегчению Сартина, — ибо не знаю ни их самих, ни причины, руководившие их поступками. Из них интерес для нас представляет только субъект по имени Моваль. Он постоянно следил за нами; в частности, он наблюдал за нами на Монфоконе. Оказалось, Моваль является любовником

Луизы Ларден. Выяснилось, что Декарта специально заманили в «Коронованный дельфин», чтобы он столкнулся там с Ларденом. Приманкой послужило письмо Полетты, посулившей доктору его любимые развлечения.

— Я всего лишь исполняла просьбу, — робко подала голос Полетта. — Это клиент приказал мне устроить их встречу.

Николя не обратил на ее реплику внимания.

— Встреча, равно как и ссора, являлись частью тщательно продуманного плана. С помощью других свидетелей мы узнали, что доктор Семакгюс покинул заведение в предместье Сент-Оноре не в три часа утра, как он утверждал, а около полуночи, торопясь на любовное свидание с Луизой Ларден. Следовательно, той ночью ни у кого не было алиби. Декарт и Ларден исчезли где-то около полуночи. Семакгюс испарился примерно в это же время. Сен-Луи, кучер Семакгюса, также отсутствует. Луиза Ларден утверждает, что ходила в тот вечер к мессе, но она не может назвать место, откуда она вернулась достаточно поздно и, по свидетельству ее кухарки, в туфлях, пришедших в негодность от грязи и снега. Кругом по-прежнему сплошные тайны, а один из участников интриги, доктор Декарт, вскоре умирает страшной смертью у себя дома в Вожираре. Результаты первичного осмотра тела почти ничего не дают. Похоже, Декарта убили хирургическим ланцетом. Улика указывает на доктора Семакгюса, тем более что в тот вечер Декарт пригласил соседа к себе на встречу, и тот вполне мог совершить убийство. А может, это просто дьявольская хитрость самого доктора Семакгюса, который, открыто выставляя себя убийцей, надеется, что мы станем судить от противного и решим, что он никого не убивал? Но кто тогда тот загадочный субъект, которого заметил полицейский агент и чьи аккуратные следы я обнаружил на замерзшей земле? Декарта по естественной причине приходится исключить из списка подозреваемых. А что это значит?

— Вот именно: что? — эхом отозвался Сартин.

— А то, сударь, что мы имеем дело с поистине маккиавелиевой интригой, в которой преступникам приходится исполнять также и роль жертв.

— По-моему, вы окончательно запутались, Николя.

— Потому что изначально все было задумано так, чтобы выход из этого лабиринта невозможно было бы найти даже с помощью нити Ариадны. Первый ложный след — останки на Монфоконе. Это не труп Лардена. Труп Лардена мы нашли вчера в подвале под улицей Блан-Манто.

— Петный господин, петная Мари! — сочувственно воскликнула Катрина Госс.

— Кому же принадлежат кошмарные останки, найденные на живодерне, и зачем вводить нас в заблуждение именно таким способом? История эта очень долгая. Представьте себе, сударь, после многих лет честной службы комиссар Ларден пристрастился к игре. Вдобавок ему постоянно нужны деньги для удовлетворения потребностей молодой жены, кокетливой и легкомысленной особы. Он тратит больше, чем имеет, и попадает в лапы шантажистов. Его репутация висит на волоске, он практически разорен, и его служанке приходится вести хозяйство супругов на собственные сбережения. Он загнан в угол.

Николя многозначительно посмотрел на начальника: тот качал головой.

— Ларден решает исчезнуть. Он надеется, что, исчезнув, он убежит за границу, поселится там, а потом вызволит остатки состояния. Он придумывает преступный план. У его жены, Луизы Ларден, есть очень богатый родственник, которого она ненавидит. Это доктор Декарт. Следовательно, надо сделать так, чтобы его обвинили в убийстве комиссара; его осудят, казнят, а имущество конфискуют в пользу супруги его предполагаемой жертвы, тем более что в то время по завещанию она являлась прямой наследницей доктора. Госпожа Ларден вступает в связь с Декартом, чтобы подкрепить подозрения, которые падут на него.

— Это неправда, вы лжете! Не слушайте его!

Луиза Ларден рванулась к Николя, и Бурдо пришлось схватить ее за руки, иначе она бы выцарапала молодому человеку глаза.

— Это правда, сударыня. Декарт попался в ловушку, расставленную в «Королевском дельфине». Полетта посулила ему новую пансионерку. А так как шел карнавал, ему дали маску и черный плащ. В это же время в заведение по приглашению Лардена явился Семакгюс — комиссару требовался свидетель его ссоры с Декартом. Приходит Декарт, его провоцируют, начинается драка, и Ларден, пользуясь сумятицей, отрывает клочок от кармана фрака Декарта. В будущем этот клочок сможет послужить уликой. Доктор убегает из заведения, Ларден следует за ним…

— И куда же бежит Декарт? — спросил Сартин.

— По темным улицам он добирается домой. Он живет один. Если бы его обвинили в убийстве, подтвердить его алиби было бы некому.

— Создается впечатление, что вы, сударь, сами присутствовали при этой встрече.

— Позвольте, сударь, еще раз сказать вам, что ваша полиция работает превосходно. Я продолжаю. Пока Ларден и Декарт ссорятся, два негодяя, нанятые Ларденом, а именно бывший мясник Рапас и солдат-инвалид Брикар, убивают Сен-Луи — закалывают его в экипаже Семакгюса, отвозят на берег, там расчленяют тело и засовывают части в бочки. Отвозят куски на Монфокон и на глазах у невольной свидетельницы выбрасывают их вместе с одеждой комиссара и его тростью. Начавшийся вскоре снег припорошил останки,

— Откуда у вас такая уверенность? Из ваших донесений этого не следует.

— В донесениях вы читали показания свидетелей, излагавших события так, как они считали нужным. Я могу доказать, что тело, найденное на Монфоконе, принадлежит Сен-Луи.

Николя вынул из кармана картонку. Подойдя к одному из факелов, он подержал ее над огнем. На бумаге появилось черное дымное пятно.

— Глядя, как от пламени свечи у меня на потолке образуется закопченное пятно, я все понял.

— Ваши слова, сударь, столь загадочны, что я начинаю сомневаться в вашем здравомыслии. Объясните, что все это значит.

— Очень просто. Помните черное пятно на макушке черепа, найденного на Монфоконе? Оно сразу заинтересовало меня, тем более что свидетельница, старуха Эмилия, видела, как Рапас и Брикар высекли огонь и что-то сожгли.

Он повернулся к Семакгюсу:

— Сударь, сколько лет было вашему слуге?

— Около сорока пяти; к сожалению, африканцы не знают свой точный возраст.

— То есть мужчина в расцвете лет?

— Совершенно верно.

— Лысый?

— Несмотря на имя, данное ему по названию острова, где он родился, Сен-Луи магометанин. Поэтому он брил голову, оставляя в середине прядь волос, за которую, как он считал, в день смерти Бог схватит его и поднимет к себе.

— Мы все знаем, что комиссар Ларден был лыс, — продолжил Николя. — И тот, кто хотел выдать тело Сен-Луи за тело Лардена, должен был убрать эту прядь! Преступники ее сожгли, но на ее месте осталось черное пятно, которое и привлекло мое внимание.

— Но, — начал Сартин, — слуга был черен…

— Поэтому тело и отвезли на живодерню. После крысиных зубов, клювов хищных птиц и клыков бродячих псов у трупа не осталось ни лица, ни кожи на костях. Как вы считаете, почему преступники разбили челюсть и вышвырнули зубы? Потому что у комиссара Лардена зубы были

плохие — в отличие от Сен-Луи, чья ослепительная улыбка останется в памяти всех, кто знал этого верного слугу. Но так как в останках надлежало опознать Лардена, челюсти пришлось уничтожить.

Сартин молча покачал головой, а потом спросил:

— А как же убийца доктора Декарта?

— Сейчас я до него доберусь. Доктора Декарта нашли мертвым на пороге собственного дома. По крайней мере, убийца хотел, чтобы так считали. Повторяю: жертву не убивали на пороге ее дома, ланцет не пронзил ей сердце, а прошел стороной, и рана, им оставленная, не могла стать причиной смерти. Знаток своего искусства… — он повернулся к камину, где в углу съежилась тень Сансона, — …убедительно показал, что доктор умер не от удара ланцетом, а был отравлен, а потом задушен подушкой. В этом мы уверены. Теперь подумаем: кто заинтересован в смерти Декарта?

Он подошел к Семакгюсу, мрачно глядевшему в пол.

— Вы, доктор. Вы — его полная противоположность. Ваш образ жизни и ваши вольнодумные высказывания являли собой разительный контраст с лицемерной набожностью доктора. Вы скажете, это еще не повод убить человека. Согласен. Тогда давайте вспомним о вашем соперничестве. Вы представляли две противоборствующие медицинские школы, а всем известно, что подобное противоборство часто рождает лютую ненависть. Декарт угрожал донести на вас, ибо вы, будучи всего лишь корабельным лекарем, занимаетесь медицинской практикой. Ваш образ жизни оказался под угрозой. Более того, вы стали соперниками в том, что приличия велят мне назвать сердечной привязанностью к Луизе Ларден. Декарт застал вас в ее объятиях. Вы утверждаете, что нашли уже мертвое тело, но вы вполне могли явиться раньше и совершить это преступление. Вы возвращаетесь домой, а ваш сообщник с маленькими ножками… ну, скажем… ставит небольшой спектакль.

Господин де Сартин с облегчением вздохнул.

— Ваша постоянная ложь также говорит не в вашу пользу, Семакгюс, — продолжал Николя. — Вы становитесь главным подозреваемым. Но избыток подозрений убивает доказательства. Все против вас. Мизансцена в доме Декарта очень напоминает натюрморт, выложенный на Монфоконе. Истина прояснилась благодаря всего одной нелепой детали.

Семакгюс молчал, однако подрагивавшие веки указывали на нервное напряжение, в котором пребывал хирург, выслушивая обвинения Николя.

— Нелепая деталь — это письменное приглашение доктора Декарта, которое, если задуматься, не имеет под собой никакого основания. Тем более что само приглашение — это клочок бумаги, откромсанный от целого листа, без даты, подписи и адреса, попавший в дом к Семакгюсу при весьма странных обстоятельствах. Я не утверждаю, что оно написано кем-то другим; несомненно, это рука доктора. Но я уверен, клочок отрезан от письма, адресованного Декартом его любовнице Луизе Ларден. Из письма вырезали кусок текста, с помощью которого представлялось возможным вызвать доктора Семакгюса в дом к Декарту. Таким образом, господин начальник полиции, я обвиняю госпожу Ларден в убийстве ее родственника Декарта.

— Без сомнения, господин Ле Флош, — произнес Сартин, — столь убедительные рассуждения должны подкрепляться вескими доказательствами. Ибо вы столь быстро переходите от одного обвиняемого к другому…

— Нет ничего проще. Почему Луиза Ларден виновна в убийстве своего кузена? Давайте подумаем вместе с ней. Я уверен, заговор в «Коронованном дельфине» придуман и осуществлен Ларденом при непосредственном участии жены. Но комиссар не знает, что Луиза Ларден случайно кое-что обнаружила. В том, что я узнал об этом «кое-что», с моей стороны нет никакой заслуги, я лишь потормошил нотариуса, скромнейшего мэтра Дюпора. А мэтр Дюпор — подчеркиваю — является одновременно нотариусом и Лардена, и Декарта. Так вот, нотариус поведал мне, что когда он сообщил госпоже Ларден о том, что ее кузен Декарт

изменил завещание и сделал своей законной наследницей мадемуазель Мари Ларден, он немедленно пожалел о своей болтливости, ибо госпожа Ларден отреагировала на его сообщение очень бурно. Поэтому нотариус не стал доводить эту новость до сведения комиссара. Продолжая возмущаться поступком Декарта, Луиза Ларден измыслила дьявольский план, как одним махом избавиться и от презираемого мужа, и от ненавистного кузена. Она стала активно помогать комиссару организовать его исчезновение, чтобы потом без помех убить его. Как только Ларден исчез, она обвинила Семакгюса в убийстве, которое тот не совершал. Осталось убрать Декарта, ибо при определенных обстоятельствах смерть комиссара можно было бы свалить и на него; и вообще этот святоша мог повести себя непредсказуемо. Стремясь запутать следы, Луиза Ларден, отправляясь в Вожирар, надела туфли падчерицы. А так как туфли оказались ей малы, идти ей было очень трудно, она шаталась и спотыкалась, что не ускользнуло от внимания агента полиции, видевшего, как она выходила из дома Декарта после того, как перевернула его вверх дном в поисках…

Сартин закашлялся. Николя вовремя опомнился:

— …в поисках… завещания. К чему, скажете вы, столько внимания уделять деталям? А чтобы подготовить пути отступления. Мари Ларден, новая наследница Декарта, вполне могла занять место обвиняемой. Устранив Декарта, следовало избавиться и от дочери комиссара Лардена. Вот почему госпожа Ларден накачала ее наркотиками и велела отвезти в «Коронованный дельфин», чтобы там ее заставили заниматься проституцией. Дочь Лардена обесчестит себя, а потом, при содействии нужных людей, бесследно исчезнет. И тогда Луиза Ларден, безутешная вдова и удрученная мачеха, наконец получит награду за все свои преступления и, завладев наследством Декарта, исчезнет вместе со своим кавалером, сьером Мовалем.

Луиза Ларден встала. Встревоженный Бурдо придвинулся к ней поближе.

— Я протестую! — воскликнула она. — Протестую против недостойных обвинений, выдвинутых этим негодяем Ле Флошем. Я не повинна ни в одном из приписанных мне преступлений. Признаю, я имела несчастье заводить любовников. Но я не убивала ни мужа, ни кузена. Я уже говорила Ле Флошу, что комиссара убил доктор Семакгюс во время драки, которую затеял муж, застав меня с доктором. Это случилось утром в субботу 2 февраля. Единственная вина моя заключается в том, что я, уступив просьбам доктора Семакгюса, позволила спрятать труп в подземелье своего дома, где его и обнаружил Ле Флош.

— Обвиняемый всегда утверждает, что он невиновен, это в порядке вещей, — невозмутимо продолжал Николя. — Но я не закончил рассказ. Мы еще вернемся к подробностям смерти комиссара. Получив официальное сообщение об исчезновении супруга, Луиза Ларден сначала играла роль любящей и верной жены, а потом стала цинично похваляться своей безнравственностью и открыто выражать презрение к пропавшему мужу. Ее неожиданный и неприкрытый цинизм породил подозрения у следствия. Тогда госпожа Ларден пошла в наступление и стала делать откровенные признания, дабы отмести от себя подозрения в неискренности. Мы еще увидим, сколь виртуозно сей злокозненный ум умеет подтасовывать факты, чтобы запутать следствие. Итак, отчего умер комиссар Ларден? Господин начальник полиции, с вашего дозволения я хотел бы спросить об этом у человека, который в таких делах разбирается лучше всех нас.

И он указал на Сансона. Сартин милостиво махнул рукой, и палач вышел на середину кабинета, освещенную дрожащим светом факелов. Среди присутствовавших только Бурдо и Семакгюс знали, кто скрывается за невзрачной внешностью человека, имя которого Николя сознательно не назвал.

— Сударь, — обратился к нему Николя, — какова причина смерти комиссара Лардена?

— Вскрытие показало: он скончался от яда, а точнее от мышьяка, — заявил Сансон. — Дохлые крысы, найденные возле тела, сожрав внутренности убиенного, также околели от яда. Подробности вскрытия…

— Избавьте нас от подробностей вскрытия, — поспешно произнес Сартин.

— Можем ли мы утверждать, — продолжал Николя, — что это тот же самый яд, который использовал убийца Декарта?

— Несомненно.

— Когда, по-вашему, скончался комиссар Ларден?

— Принимая во внимание состояние останков и место, где их нашли, точно определить время не представляется возможным. Тем не менее я полагаю, они пролежали в подвале более недели.

— Благодарю вас, сударь.

Поклонившись, Сансон нырнул обратно в тень. Николя повернулся к кухарке Ларденов.

— Катрина, у вас в доме на улице Блан-Манто водились крысы?

— А то как же. Да вы и сами знаете, господин Николя. Настоящие звери. Все время с ними воевала.

— А каким образом?

— У меня имелась укладка с мышьяком.

— Где она хранилась?

— На кухне.

— Ее там больше нет. Итак, если верить госпоже Ларден, мы имеем дело с очень странной дракой, завершившейся впрыскиванием яда. Можем ли мы представить любовника, который, размахивая кулаками, вливает яд в рот обманутого мужа? Неправдоподобная картина. Следовательно, все, что говорила нам госпожа Ларден, не заслуживает доверия. Ее муж отравлен в результате тщательно продуманного сговора. Сговор существовал с самого начала, и сейчас я предъявлю доказательства.

Сартин вернулся в кресло. Положив локти на стол, он правой рукой подпер голову, уткнувшись подбородком в кулак, и устремил восхищенный взор на молодого человека, увлеченного своими выкладками.

— Повторяю: мы имеем дело со сговором, — продолжал Николя, повышая голос. — Я утверждаю, что Мовалю, любовнику Луизы Ларден, поручили отыскать парочку негодяев для устранения Сен-Луи. Он их находит и назначает им встречу с заказчиками на стройке, на площади Людовика XV. Там к ним подходят трое в черных шелковых плащах и масках: на улице карнавал, и люди в масках ни у кого не вызывают удивления… Мэтр Вашон, портной начальника полиции, является также портным Лардена. По заказу комиссара он сшил четыре черных плаща. Начинаем считать. В вечер карнавала Семакгюс, естественно, приходит в «Коронованный дельфин» в маске. Ларден является в маске и в черном плаще — это раз. Декарт, в маске и плаще, присланных ему Полеттой вместе с приглашением, — это два. Для кого два других плаща? Один для Моваля — это три. А последний для Луизы Ларден — это четыре.

Луиза Ларден вскочила и с пеной у рта закричала:

— Врешь, мразь! Попробуй докажи!

— Странное заявление со стороны невиновной! И незачем так кричать, я сейчас все докажу. Давайте вспомним, как проходил тот вечер. Около десяти часов Рапас и Брикар ждут на площади Людовика XV с телегой и двумя бочками. Появляются трое в масках и плащах. Бандиты получают инструкции и аванс. Их отсылают на улицу Фобур-Сент-Оноре и велят спрятаться возле «Коронованного дельфина». Около полуночи подъезжает экипаж Семакгюса,

и хозяин его идет в бордель. Кучер остается в одиночестве, его заманивают в засаду и убивают. Бандиты едут на берег, там расчленяют тело и заталкивают куски в бочки. На допросе оба сообщника пытались убедить меня, что убитым являлся Ларден. Следовательно, в полночь все трое: Семакгюс, Ларден и Декарт — находятся в заведении Полетты. Теперь мы знаем, когда убит Ларден. Более того, я знаю точное время убийства Сен-Луи. Его часы, разбитые во время драки, нашлись в кармане Рапаса. Они остановились в четыре минуты первого. Между полуночью с четвертью и часом Декарт, Ларден, а затем и Семакгюс покинули «Коронованный дельфин». Ларден первым пришел на улицу Блан-Манто. Комиссар — вторая жертва сговора после Сен-Луи. Луиза при пособничестве Моваля, прибывшего следом за ней с площади Людовика XV, подсыпает мужу яд. Труп прячут в потайном коридоре, где он немедленно становится добычей крыс, а значит, совершенно неузнаваемым. Через несколько дней в подвал помещают гнить дичь, чтобы ее запах перебил подозрительные трупные миазмы. Кухарку Катрину Госс, способную кое о чем догадаться, с треском выгоняют, а мне как постояльцу отказывают от комнаты. Мари Ларден похищают. Итак, существовал сговор, и я выдвигаю и поддерживаю обвинение против Луизы Ларден.

Луиза с презрением в упор смотрела на него. Наконец она повернулась к Сартину:

— Я взываю к вашей справедливости, сударь. Все, что сейчас здесь сказано, совершеннейшая ложь. Пусть он предъявит мне обещанные доказательства.

— Сударыня, я готов исполнить вашу просьбу. Желаете получить доказательства? У меня есть кое-что получше: свидетель. Вспомните встречу на стройке, на площади Людовика XV, и двоих бандитов, которых вы подкупили, чтобы убить ни в чем не повинного Сен-Луи. В ту ночь была гроза, с сильными порывами западного ветра, сулившего снежную ночь. Вы наверняка помните, что один из таких порывов сорвал с вас капюшон и едва не унес маску, явив ненадолго ваше лицо. Бандит прекрасно его запомнил! В определенных ситуациях детали запоминают даже самые ненаблюдательные люди.

Заломив руки, Луиза Ларден воскликнула:

— Это ложь!

— Вы прекрасно знаете, сударыня, что, к вашему несчастью, я не лгу.

Николя повернулся к Бурдо:

— Господин инспектор, попросите привести обвиняемого.

Бурдо открыл дверь и взмахнул рукой. Тревожную тишину, нависшую над собравшимися, нарушили шаги: кто-то, стуча деревяшкой, неуверенно ступал по каменным плитам старого замка. Стук приближался, сливаясь с биением сердец присутствующих. Внезапно Луиза Ларден вскочила и, оттолкнув Николя, схватила серебряный стилет, который несколько минут назад вертел в руках Сартин, с криком вонзила его себе в грудь и упала. В дверях появился растерянный папаша Мари с тростью в руке.

Свидетели, потрясенные разыгравшейся перед ними сценой, в ужасе молчали. Первым нарушил тишину Николя.

— Она знала, что в тот вечер Брикар видел ее лицо. Она знала об увечье старого солдата. Сейчас, услышав стук деревяшки, она поняла, что он ее узнает.

— Вот это называется неожиданной развязкой! — воскликнул Сартин. — Впрочем, чего еще ожидать от такого мрачного дела, построенного целиком на лжи и притворстве!

С помощью папаши Мари Бурдо поспешил увести всех присутствующих, затем вызвал носилки, чтобы вынести труп Луизы Ларден: Сансон и Семакгюс констатировали смерть. Тело Луизы отнесут в мертвецкую и положат рядом с телами двух ее жертв и телом ее любовника Моваля.

Николя и начальник полиции остались одни. Молчание затягивалось, и Николя решился нарушить его.

— Полагаю, сударь, Полетту надо отпустить. Она может быть нам полезной, и к тому же с нами она играла честно. Всем известно, она всегда охотно помогает полиции. В остальном же…

Сартин встал, подошел к Николя и положил ему руку на плечо. Николя чуть не вскрикнул: именно это плечо задела шпага Моваля.

— Поздравляю, Николя. Вы ловко распутали этот клубок, подтвердив, что с самого начала я в вас не ошибся. Предоставляю вам право решать, кого карать, а кого миловать. Относительно Полетты вы совершенно правы. В большом городе полиция только тогда может действовать эффективно, когда у нее под рукой имеются осведомители — как в самых низах, так и на самом верху. Нам нельзя привередничать. Но, скажите честно, кто подсказал вам идею Deus ex machina, явившегося в последнем акте? Даже я повернул голову к двери.

— Меня вдохновило замечание господина де Ноблекура, — ответил Николя. — Он посоветовал мне сделать «как если бы». Женщина, подобная Луизе Ларден, никогда бы не призналась, даже под пыткой. Пришлось искать уязвимое место, застать ее врасплох и таким образом пробить брешь в ее обороне.

— Это еще раз доказывает, что я был прав, — с улыбкой заметил Сартин. — В сущности, благодаря мне вас отдали на выучку к Ноблекуру, и, как оказалось, учение пошло вам на пользу. Кстати, в погребах нашего друга Ноблекура вы если и обнаружите трупы, то только бутылок, которые он так любит опустошать в компании с друзьями.

Довольный своей шуткой, Сартин несколько раз провел гребнем по парику. Потом открыл табакерку и предложил Николя; тот не стал отказываться; затем Сартин сам взял понюшку. Завершив последовавший за этим действием сеанс чихания, каждый почувствовал себя умиротворенным и вполне довольным самим собой.

— Итак, — продолжил наконец Сартин, — вы не только распорядились моими рабочими часами, но и желаете лишить меня ужина. Надеюсь, что, несмотря на наиубедительнейшие доводы, которые вы, без сомнения, станете приводить в оправдание своей дерзости, вы не рискнете оставить меня голодным. Впрочем, если вам удалось разобраться в интересующем нас деле, я готов поститься целую неделю. Николя, вы нашли бумаги короля?

— Вы их получите, сударь, если согласитесь последовать за мной туда, куда я вас повезу. Поездка займет часа два. Пожалуй, вы даже сможете прибыть на ужин, когда там еще не все съели и выпили!

— Да он не только дерзок, он еще и наглец! — воскликнул Сартин. — Но ничего не поделаешь! Приходится подчиниться. Что ж, я готов следовать за вами.

Николя жестом остановил его.

— Господин начальник полиции, — произнес он, — я хочу подать вам прошение, касающееся восстановления справедливости.

— Мой дорогой Николя, если ваша просьба разумна, считайте, я ее уже исполнил, но если вы просите невозможного… я все равно согласен!

Отбросив последние сомнения, молодой человек произнес:

— Вместе со мной расследование вел инспектор Бурдо. Он оказал мне поистине неоценимую помощь, и мне бы хотелось, чтобы он присутствовал при раскрытии последней тайны этого запутанного дела. Я понимаю ваши колебания, но ручаюсь, ему можно доверять.

Сартин зашагал по кабинету, затем машинально поворошил черневшие в камине угли.

— У меня только одно слово, — наконец произнес он, — а вы меня ставите в весьма щекотливое положение. Вы жесткий игрок, Николя. Похоже, общение с преступниками научило вас блефовать. Но я понимаю вас и разделяю ваши чувства относительно инспектора Бурдо.

Он предан вам как никто, и, насколько я понял из вашего доклада, спас вам жизнь. Он делил с вами опасности, и будет справедливо, если он разделит с вами славу. Кто это сказал?

— Жанна д'Арк во время помазания Карла VII в Реймсе, сударь; слова относились к ее стягу.

— Вы не перестаете удивлять меня, Николя. Воистину, вы достойный ученик наших отцов-иезуитов. Вы заслуживаете вращаться в лучшем обществе…

Они вышли из кабинета. В зале стояли Семакгюс и Бурдо. Отвесив низкий поклон начальнику полиции, доктор протянул руку Николя:

— Я хочу выразить вам свою признательность, Николя. Вы не стали меня щадить, но вы спасли меня. Если бы Луиза Ларден не призналась, я бы пропал. Отныне вы всегда желанный гость в Круа-Нивер, будьте у меня как дома. Катрина любит вас как сына. Я оставлю ее у себя, у нее чудесная душа. Мари Ларден решила уехать в Орлеан к крестной матери.

Сартин начал нервничать. Николя поманил рукой Бурдо.

— Надеюсь, господин инспектор окажет нам честь и сопроводит нас на место, где в этом деле, наконец, будет поставлена точка? — спросил Николя.

— Черт побери, — просияв, воскликнул Бурдо, — я готов был держать пари на сотню бутылок шинонского, что это еще не конец!

Начальник усадил всех к себе в карету, и Николя велел кучеру ехать в Вожирар. По дороге у него не было времени оценить величие своей победы. Под подозрительным взором Сартина он кратко объяснил Бурдо, каким образом только что завершившееся расследование уголовного преступления оказалось связанным с государственными тайнами. Затем все замолчали. На Николя снова напал его вечный враг — сомнение. Он был уверен в своих выводах, убежден, что нашел ключ к загадке, но он не осмеливался даже представить себе, каковы будут последствия провала, если окажется, что он ошибся.

Начальник полиции вертел в руках табакерку и через равные промежутки времени щелкал крышкой, то открывая, то закрывая ее. Карета, запряженная четверкой лошадей, летела, словно за ней гнались черти. По безлюдным и темным дорогам они домчались до Вожирара, где Николя объяснил кучеру, как проехать к воротам дома доктора Декарта. Местность по-прежнему выглядела зловеще. Едва они вышли из кареты, как Бурдо начал насвистывать некую мелодию. Из мрака на другой стороне улицы раздался ответный свист. Агент сидел на месте и вел слежку за домом. Инспектор отправился перекинуться с ним парой слов и, вернувшись, заявил, что все спокойно. В дом никто не пытался проникнуть.

Сорвав печати, Николя открыл дверь. Высек огонь и, подобрав с пола огарок свечи, зажег его. Протянул огарок Бурдо и попросил его зажечь канделябры, чтобы в зале можно было хоть что-нибудь разглядеть. Сартин в растерянности взирал на ужасающий беспорядок, царивший в доме. Смахнув рукавом какие-то мелочи с рабочего стола Декарта, Николя положил на него три клочка бумаги. Потом, придвинув кресло и стул, предложил спутникам сесть. С непроницаемым лицом Сартин исполнил приказ.

— Сударь, — начал Николя, — когда вы оказали мне честь, доверив государственную тайну, я дал себе слово сделать все возможное и оправдать ваше доверие. На всем протяжении расследования уголовного дела я пытался понять, как оно связано с интересующей нас загадкой и как отыскать то, что вы поручили мне найти. Исходных данных имелось крайне мало. Вы сообщили мне, что комиссар Ларден, в силу своих обязанностей принимавший участие в опечатывании бумаг недавно скончавшегося полномочного посла, украл несколько документов государственной важности. Опубликование этих документов угрожает безопасности королевства. Владея ими, Ларден мог, во-первых, обеспечить себе безнаказанность, а во-вторых, заняться шантажом. Но он проиграл крупную сумму в карты, и

его взял за горло Моваль, правая рука комиссара Камюзо, отвечающего за соблюдение законности и порядка в игорных заведениях, человека продажного и… неприкасаемого.

Сартин со вздохом посмотрел на Бурдо.

— Риск был немалый: бумаги могли попасть в руки иностранных держав. К тому же арестовать преступников, виновных в оскорблении величества, полагаю, вряд ли смогли бы. Уверенный, что исчезновение комиссара Лардена тесно связано с бумагами государственной важности, которые, скажем так… заблудились…

— В чем вы усматриваете эту связь? — перебил его Сартин.

— Моваль постоянно совал нос в дела следствия, шпионил, угрожал, покушался на мою жизнь. Для этого он, видимо, имел веские причины. Ларден умер, но его убийцам не удалось наложить лапу на документы. Комиссар сумел спрятать их.

— Объясните мне, каким образом они узнали об их существовании?

— Сговор, господин начальник полиции, сговор. Когда Ларден с женой готовил спектакль по устранению Декарта, он сообщил супруге об имевшихся у него бумагах государственной важности, которые можно выгодно продать. И уточнил, что они являются главной гарантией их безнаказанности. Бумаги, добавил он, спрятаны в доме ее родственника Декарта. В самом деле, где лучше спрятать документы, как не в доме, который отойдет Луизе Ларден, естественной наследнице его хозяина и супруге его предполагаемой жертвы? Однако он остерегся сообщить жене точное местонахождение бумаг.

— Николя, вы кудесник? Вы подслушивали под дверью, лежали под кроватью, стояли под окнами? На чем основаны ваши утверждения? Почему вы с такой уверенностью рассказываете нам эти подробности? Неужели ради своих фантазий вы решили притащить меня в это Богом забытое место?

— Мои утверждения, сударь, основаны на интуиции и знании людей, которых я имел честь вывести на чистую воду. Но есть вещи непредвиденные и непредсказуемые. В прекрасно отлаженный механизм попала песчинка и стала для преступников камнем преткновения…

— О! Вот мы уже и вознеслись в эмпиреи! О чем вы говорите, сударь?

— О совести, сударь, о совести. Комиссар Ларден долгое время был одним из лучших комиссаров вашей полиции. Он служил много лет, отдавая все свои силы и время борьбе с преступлениями. И у него еще остались понятия о чести. Он сомневался в лояльности женщины, заблуждения которой он прекрасно знал, хотя и принимал как должное. Он терпел ее связь с Мовалем, но доверять демонической парочке, ввязавшейся вместе с ним в опасное предприятие, не мог. Впрочем, неважно, какие у него были побуждения. Уверен, в минуту просветления, когда он вспомнил о долге, а быть может, и предчувствуя скорую кончину, он постарался оставить указания, позволявшие отыскать украденные бумаги. И эти указания перед вами, господа, на этом столе.

Сартин буквально выпрыгнул из кресла и принялся жадно вчитываться в разложенные перед ним листочки.

— Объясните, Николя, в чем тут дело? Я не вижу в этих строчках никакого смысла.

— Сначала я расскажу, каким образом записочки Лардена попали ко мне. Первую я нашел в кармане собственного фрака, вторую вместе с подарком вручили де Ноблекуру, а третья оставлена Мари Ларден. Отец попросил ее сохранить листок, ибо он очень важен. На первый взгляд, толку в этих записках действительно нет.

— А на второй?

— Они достаточно красноречивы, сейчас я вам докажу. Вы, естественно, заметили, что речь идет о каком-то долге королю.

— И вам это кажется достаточным?

— Нет, достаточным не кажется, но наводит на размышления. Я долго сидел над бумажками, раскладывал их в разном порядке, как в свое время мой опекун каноник раскладывал передо мной буквы на картонках. И в конце концов сделал выводы.

— При чем здесь ваш опекун?! — воскликнул Сартин. — Вы хотите, чтобы нас всех от нетерпения удар хватил?

Бурдо опасливо ретировался в тень.

— Я раскладывал и перекладывал записочки Лардена, — невозмутимо продолжал Николя, — пытался прочесть их справа налево и сверху вниз.

Дадим трем — получим пару,

Едем к тому, кто закрыт,

Кто отдаст всем.

А кто захочет открывать,

Руки тому придется взять.

Там и весь долг королю.

— Ну и что значит вся эта галиматья? — спросил Сартин. — Мы собрались, чтобы поиграть в буриме, ребусы или шарады?

— Посмотрите, сударь, на заглавные буквы каждой строчки. Что получается?

— Д… Е… К… А… Р…Т… Черт возьми, я прочел «Декарт». Но куда это нас ведет?

— Ведет сюда, в Вожирар. Комиссар Ларден не просто так придумал эту хитрость, не просто так доставил записки адресатам. Он понимал, что все равно тайна будет раскрыта, и он решил облегчить поиски, направив тех, кто ищет, в нужный дом.

— А на каком основании вы считаете, что единственно понятное слово «Декарт» приведет нас к цели?

— На основании созерцания кабинета редкостей господина де Ноблекура.

— Вот увидите, — произнес Сартин, обращаясь к Бурдо, — теперь он потащит нас туда! Вы говорили, вчера его ранили. Видимо, вместе с кровью из него вытекли остатки разума.

Настал черед Николя сердиться и проявлять нетерпение.

— В этом кабинете, хорошо известном парижским знатокам…

— А также и мне, как это ни покажется вам странным, — ехидно вставил Сартин. — Послушайте, сударь, я не раз становился жертвой невинной мании нашего друга, любящего после роскошного пиршества попотчевать гостей ужасами.

— В этом странном месте, сударь, несколько дней назад появилось огромное распятие со сложенными руками, выточенное из черного дерева. Культовое распятие янсенистов. Оно поразило меня, ибо однажды я уже видел подобное. Я расспросил Ноблекура, и тот ответил, что фигура подарена ему совсем недавно — к великому его удивлению — комиссаром Ларденом. К цоколю скульптуры была прикреплена бумажка со строчками, начинающимися со слов: «А кто захочет открывать». Так вот, производя вместе с Бурдо обыск в доме Лардена, среди бумаг комиссара я нашел счет мастера-краснодеревщика из предместья Сент-Антуан, счет за два заказа. Названия изготовленных вещей там не значилось. Подарок Ноблекура буквально преследовал меня, и я отправился на поиски краснодеревщика. После долгих блужданий я его отыскал, и ремесленник поведал мне, что счет выписан за два распятия из черного дерева…

— Вы ведете нас от Сциллы к Харибде, — произнес Сартин. — Не понимаю, почему я все еще сижу здесь, а не в своей карете.

— Любопытство и надежда, сударь, — улыбнувшись, ответил Николя. — Столяр признался, что был очень удивлен, когда в одном из распятий ему велели полностью выбрать

середину креста, а сверху приспособить крышку с секретным замком. Иначе говоря, сделать в кресте своеобразный пенал, куда можно спрятать драгоценности, луидоры, украшения…

— Или письма, — неожиданно посерьезнев, произнес Сартин.

— Или письма. Итак, я получил имя и предмет, пусть даже столяр и отказался открыть мне секрет замка. Но мне по-прежнему хотелось разгадать тайну записок Лардена. Так что, если вы не против, вернемся к началу. «Дадим трем — получим пару». Вольный перевод этой фразы, по-моему, должен выглядеть так: «Имеются два распятия, но три записки». А «Едем к тому, кто закрыт, Кто отдаст всем» — означает Христа со сложенными руками. Дальше понятно: «А кто захочет открывать, Руки тому придется взять. Там и весь долг королю». Эти слова означают, что Христос вернет бумаги королю.

Николя умолк. Воцарилась долгая тягучая тишина, нарушаемая лишь потрескиванием горящих свечей и завыванием ветра в камине. Словно завороженные, Сартин и Бурдо смотрели на Николя. Подобно сомнамбуле, молодой человек взял подсвечник и, подойдя к камину, поднял руку. Свет упал на большое черное распятие, последний подарок комиссара Лардена родственнику жены. Христос из черного отполированного дерева молитвенно сложил руки. Бурдо подтащил стул, встал на него и, уперевшись ногой в край каминной доски, отчего вокруг поднялась туча пыли, снял распятие и почтительно положил его на стол. Молодой человек пригласил Сартина подойти поближе и обследовать предмет. Руки начальника дрожали, пальцы скользили по отполированному дереву. В отчаянии он взглянул на Николя:

— А вы уверены, что правильно все поняли?

— Разумеется, сударь. Иначе быть не может.

Глядя на распятие, Николя про себя повторял бессмысленные на первый взгляд слова: «Руки тому придется взять». Склонившись над Христом из черного дерева, он заметил, что руки Спасителя вырезаны отдельно и прикреплены к туловищу. Он обхватил их и осторожно потянул вниз. Руки подались, раздался щелчок, руки вернулись на прежнее место, а распятие слегка приподнялось. Он перевернул его. Деревянная дощечка отъехала в сторону, открыв длинный ящик, забитый бумагами. Николя посторонился:

— Прошу вас, сударь.

Сартин выхватил из тайника связку писем. Знаком попросив Бурдо поднести свечу, он принялся листать корреспонденцию, читая вслух заголовки:

— «Наброски распоряжений, которые Его Величество намеревается отправить графу де Брольи и барону де Бретейлю. От 23 февраля 1760». «Письмо герцога Шуазеля маркизу д'Оссуна, королевскому посланнику в Мадриде. От 10 марта 1760». «Оригинал письма маркизы де Помпадур в Вену Его Императорскому и Королевскому Величеству». «Перехваченная копия письма Фридриха II, короля Пруссии, к его сестре, герцогине Байрейтской. От 7 июля 1757»: «Раз уж вы, моя сестра, взяли на себя труд заняться установлением мира, прошу вас, отправьте во Францию господина де Мирабо. Я охотно возьму на себя расходы. Он может предложить фаворитке до пяти тысяч экю…»[58]

Задумавшись, Сартин оторвался от бумаг.

— Вечная сплетня о подкупе Помпадур прусским двором. И никаких доказательств… Но если сейчас, когда мы ведем войну, она станет достоянием гласности…

И он вновь углубился в чтение.

Наконец, оторвавшись от бумаг, он свернул их в трубочку, сунул к себе в карман и суровым взором обвел стоящих рядом сыщиков.

— Вы ничего не видели, ничего не слышали. Гарантия — ваша жизнь.

Николя и Бурдо молча поклонились.

— Господин Ле Флош, — продолжил Сартин, — второй раз за сегодняшний вечер я благодарю вас, теперь от имени короля. Но сейчас я должен вас оставить, ибо я еду в Шуази.

В наше время, когда война и связанные с ней бедствия приучили нас к дурным новостям, вы подарили мне привилегию стать вестником радости. Король этого не забудет.

Перескакивая через две ступеньки, он взбежал по лестнице и исчез в темноте. Через несколько секунд они услышали стук колес и топот пущенных галопом лошадей. Переглянувшись, сыщики расхохотались.

— Мы это заслужили, — произнес Бурдо. — Все справедливо. Вы действительно вели себя с начальником крайне нагло. Полагаю, вы были полностью уверены в себе. Сударь, благодарю вас за предоставленную возможность присутствовать при окончании расследования. Я этого никогда не забуду.

— Мой дорогой Бурдо, завтра все станет на свои места. События, невольными участниками которых мы стали, вознесли нас слишком высоко. Успешное завершение нашего расследования поставит нас на место, то есть мы вновь превратимся в крохотные винтики огромной машины. Король спасен. Ура нам! А так как нас бросили на произвол судьбы, у меня к вам есть коварное предложение. Мы находимся в двух шагах от дома Семакгюса, который, как известно, не может нам ни в чем отказать. Поэтому мы попросим его накормить нас ужином. Я уже чувствую ароматы, исходящие из кастрюлек, над которыми колдует Катрина. А если ничего не готово, она заколет для нас упитанного тельца.

И друзья шагнули в темноту холодной февральской ночи.

ЭПИЛОГ

Я возвращаю вам вашу дворянскую грамоту; моя честь не создана быть дворянином; для этого она слишком рассудительна.

Мариво

Прошло два месяца. Рутина вновь вступила в свои права. Николя, не имея постоянной должности, по-прежнему исполнял всевозможные поручения. Чаще всего он работал в паре с инспектором Бурдо, но они никогда не вспоминали о событиях, в которых им довелось принять участие и которые, со всеобщего согласия, похоронили под толстым слоем молчания. Все преступники погибли, публичный процесс не состоялся.

Николя старательно выполнял повседневную работу. Начальник полиции забрал у него письмо, на основании которого он на время получил почти безграничную власть. Сартин вызывал его редко, а во время аудиенций говорил исключительно о службе. Молодой человек ни о чем не жалел. После лихорадочных недель, посвященных расследованию, на него снизошло великое умиротворение. Теперешняя жизнь его вполне устраивала. Ему нравилась его новая квартира в доме Ноблекура. Хозяин дома и слуги окружали его заботами, он часто обедал вместе с друзьями бывшего прокурора парламента и таким образом расширял круг полезных связей.

Он вновь регулярно виделся с Пиньо и снисходительно слушал его рассуждения о миссионерстве. Столь же регулярно он навещал отца Грегуара, всегда с радостью встречавшего своего бывшего пансионера. Дом Семакгюса стал для него еще одним пристанищем, куда он часто захаживал по воскресеньям. И всякий раз Катрина угощала его своими кулинарными изысками. Хирург, чья манера общения всегда притягивала Николя, вовлекал его в бесконечные беседы, предоставлявшие молодому человеку обильную пищу для ума. О Геранде он старался не вспоминать. После долгой внутренней борьбы он решил не отвечать на письмо Изабеллы. Живя в Париже, он приобрел опыт общения с людьми из разных слоев общества; осознание пропасти, разделяющей дочь маркиза и сироту без имени и состояния, стало для него источником гордости и одиночества.

Николя часто заходил к Антуанетте, надеясь уговорить ее бросить нынешнее занятие. Но она привыкла к месту, к верным деньгам, придававшим ей уверенность в завтрашнем дне. Поэтому уговоры его оставались тщетны. Их дружба постепенно превращалась в обычную

связь между полицейским и доступной девицей, хотя во время встреч между ними по-прежнему царила нежность. Дважды Николя сталкивался с комиссаром Камюзо; тот по-прежнему служил в полиции, хотя высочайшим повелением его лишили должности главного надзирателя за игорными заведениями. Шептались, что немилость настигла его после некоего дела, в распутывании которого главную роль сыграл Николя. Молодой человек ощущал на себе как завистливые, так и исполненные почтения взгляды. К счастью, Бурдо прекрасно разбирался в хитросплетениях внутрислужебных отношений в Шатле. Всегда в курсе всех слухов, он рассказывал Николя, о чем шепчутся у него за спиной, сопровождая досужие домыслы своим собственным ироничным комментарием. Николя выслушивал, смеялся и тотчас выбрасывал все из головы. Даже мысленно он не строил никаких планов, а потому не хотел слышать, что говорят о его видах на будущее другие.

В начале апреля Сартин довольно холодно сообщил ему о смерти маркиза де Ранрея. Известие наполнило Николя печалью и горечью. Он не успел помириться с крестным, которому был стольким обязан. Без его помощи он бы до сих пор прозябал в пыльной конторе в Ренне без всякой надежды вырваться оттуда. Но начальник не оставил ему времени в полной мере осознать свою утрату. Оглядев его со всех сторон, он неожиданно заявил, что завтра они вдвоем едут в Версаль. Король выразил желание видеть господина Ле Флоша. И Сартин немедленно обрушил на молодого человека тысячу советов и наставлений относительно придворных обычаев, внешнего вида, ношения шпаги и непременной пунктуальности. Николя никогда не видел, чтобы его начальник так нервничал. Завершая аудиенцию, Сартин категорическим, не терпящим возражений тоном произнес: «Ваш благородный вид заменит все остальное, породистого пса не надо учить».

В тот же вечер Николя попросил Марион почистить его зеленый фрак: до сих пор он не имел повода надеть его, Ноблекур одолжил ему свою придворную шпагу и галстук из голландских кружев, который он надевал на свою свадьбу. Отказавшись от ужина, Николя заперся у себя в комнате. Горе, отступившее на второй план перед сообщением о предстоящей аудиенции у короля, наконец вырвалось наружу. Картины прошлого, одна за одной, сменялись перед его внутренним взором: вот они с маркизом возвращаются с охоты, играют в шахматы, маркиз что-то говорит ему… С маркизом было связано множество счастливых моментов его прошлой жизни. Эти моменты шлифовали его и сделали тем, кем он стал сейчас. Властный голос крестного по-прежнему звучал у него в ушах. Старый аристократ никогда не скрывал свою любовь к нему. Николя сожалел, что причуда судьбы развела их, втянула в ссору и не дала возможности помириться. Стершийся образ Изабеллы возник, но быстро исчез, уступив место безутешному отчаянию.

На следующий день с раннего утра в доме на улице Монмартр начались лихорадочные приготовления к визиту в Версаль. Необходимость соблюсти все мелочи придворного костюма заставила Николя усыпить горе и заняться туалетом. Приглашенный цирюльник тщательно побрил его, и в первый раз в жизни молодой человек спрятал свои волосы под пудреный парик. Надев новый фрак и повязав бесценный галстук, он подошел к зеркалу и не узнал представшего перед ним мужчину с хмурым взором. Фиакр довез его до особняка Грамона, где его обещал подхватить господин де Сартин. Начальник полиции задерживался, и ему пришлось довольно долго ждать в гостиной. Начальник не сразу узнал Николя, приняв его за очередного посетителя. Когда недоразумение разрешилось, Сартин, уперев руки в бока, обошел Николя со всех сторон. Наконец, одобрительно кивнув, он похвалил его за внешний вид.

По дороге в Версаль Сартин, видя молчание Николя, не стал побуждать его к беседе, уверенный, что молодой человек переживает вполне законное волнение, неизбежное при таком ответственном событии. Однако Николя, не знакомый ни с Версалем, ни с двором, пребывал в сотне лье от подобных чувств. Отрешившись от предстоящей аудиенции, он

созерцал уличную толчею. Настанет день, и эти безымянные прохожие исчезнут точно так же, как исчезнут и те, кто сейчас торопится, проносится мимо, даже не взглянув в сторону их экипажа. Впрочем, и сам он не пытается разглядеть лица снующих вокруг людей. Люди, Сартин, он сам всего лишь живые призраки, а будущее — не что иное, как неуклонное приближение конца, избежать коего не дано никому. Зачем тогда эта игра в существование, состоящая из сожалений о прошлом и страха перед будущим, сулящим лишь бесконечные печали и утраты?

Они приближались к Версалю. Призвав на помощь детские воспоминания, детскую веру, Николя вздохнул, стараясь облегчить тяжесть невысказанных мыслей, давящих ему грудь.

Сартин, ожидавший любого сигнала, чтобы нарушить угнетавшую его тишину, понял его движение как желание начать разговор. Человек, в сущности, не злой, он хотел приободрить Николя, и со знанием дела стал рассказывать ему про нынешний двор. Версаль при теперешнем короле потерял блеск, приданный ему Людовиком XIV. Король часто уезжает из Версаля, а следом за ним и придворные — все, кроме тех, кто по должности не может его покинуть. Повсюду воцаряется запустение. Когда же монарх на месте, все оживает, и придворные оспаривают друг у друга право ездить вместе с королем на охоту. И все же, как только подворачивается возможность, каждый стремится удрать в Париж вкусить столичных удовольствий. В столице проживают большинство министров.

Николя залюбовался широким проспектом, проложенным среди немногочисленных домов, окруженных садами и парками. Высунувшись в окошко, он увидел, что экипажей становится все больше и больше. В слепящем сиянии весеннего дня впереди высилось величественное строение, окутанное легкой золотистой дымкой. Синева черепицы, блеск позолоченной лепнины, светлое золото камня и массивный красный кирпич извещали, что перед ними королевский дворец. Карета въехала на площадь Дарм, забитую экипажами и портшезами, среди которых ухитрялись сновать пешеходы. Проехав в монументальные решетчатые ворота, украшенные гербами Франции, карета пересекла двор и остановилась перед решеткой, ограждавшей доступ в королевский дворик. Сартин сообщил Николя, что они находятся возле тщательно охраняемой части дворца, именуемой Лувром, куда пропускают только кареты и портшезы, обитые красной материей, означавшей, что сидящие в них удостоились чести въезжать во дворец. Выйдя из кареты, они направились к постройкам, расположенным справа от ворот. Два стражника в синих камзолах на красной подкладке, расшитых вертикально золотым и серебряным галуном, отдали им честь.

Сартин ловко прокладывал дорогу среди толпы придворных зевак, а Николя, потеряв способность ориентироваться, следовал за начальником. Ему казалось, что он попал в гигантский лабиринт, составленный из галерей, коридоров и лестниц всех размеров. Завсегдатай Версаля, начальник полиции легко перемещался по этому лабиринту. А Николя чувствовал себя таким же потерянным, как и два года назад, когда он впервые приехал в Париж. Взгляды, которые он ощущал на себе, сопровождая грозного персонажа, только усугубляли его неловкость. Впервые надетый фрак стеснял его. Внезапно ему в голову пришла безумная мысль: конечно же, приказ относился не к нему, а к кому-то другому! Когда Николя окончательно перестал понимать, куда они идут, они, наконец, вошли в просторную комнату, где в центре, окруженный свитой, сидел высокий мужчина. Лакей помогал ему снимать синий, обшитый золотым галуном, фрак[59]. Сняв рубашку, мужчина приказал вытереть себя. Нарумяненный и увешанный драгоценностями старичок протянул ему сухую одежду. Мужчина мрачно назвал привратнику несколько имен. Сартин больно толкнул Николя локтем, напомнив ему снять шляпу. Только тогда молодой человек сообразил, что перед ним король. И удивился, как это некоторые из присутствующих вполголоса продолжали беседовать о своем. Господин, в котором он не сразу узнал Лаборда, подошел к нему и шепнул на ухо:

— Очень рад видеть вас здесь, сударь. Поздравляю. Вы присутствуете при церемонии снятия сапог его величества. Сейчас его величество назовет тех, кто удостоится чести ужинать вместе с ним.

Сартин, коего Лаборд почтительно приветствовал, изумился, обнаружив, что Николя пребывает на дружеской ноге с первым служителем королевской опочивальни. Изумленная физиономия начальника приободрила молодого человека. Значит, не он один может испытывать удивление. Тут раздался голос короля.

— Ришелье, — обратился он к нарумяненному старичку, — надеюсь, вы помирились с д'Айаном и более не спорите, на основании чьей рекомендации мы приглашаем на бал в Манеже. Не забудьте предупредить Дюрфора[60].

— Следую указаниям вашего величества. Однако, сир, хочу заметить…

— …что охота была неудачной, — оборвал его король. — В лесу Фосс-Репоз мы упустили двух оленей. Третий прыгнул в олений пруд, и только с третьего раза его сумели оттуда выгнать. Сегодня нам не повезло.

Скорчив гримасу, старый маршал поклонился. Завершив переодевание, король направился к маленькой двери и скрылся за ней. Присутствующие согнулись в почтительном поклоне. Николя не успел ничего почувствовать, как Лаборд уже тащил их за собой.

— Мы пойдем в малые апартаменты, — объяснил он. — Король желает без помех выслушать ваш рассказ о некоем расследовании. Сегодня он в дурном настроении, охота прошла неудачно, и он не смог отвлечься от забот. Но не бойтесь, все будет хорошо. Говорите уверенно, без робости, ибо если вы начнете смущаться, король почувствует себя не в своей тарелке. Можете пошутить, только не слишком заумно. Постарайтесь, чтобы ваш рассказ все время оставался интересным. Король, в сущности, благоволит своим подданным, особенно молодым.

Они прошли прихожую с низким потолком и пересекли галерею, где на стенах висели большие живописные полотна. Лаборд объяснил, что король пожелал украсить стены сценами охоты на экзотических животных. Картины действительно изображали людей и животных дальних стран. Прежде Николя таких не видел.[61] Лакей провел их в гостиную с белыми деревянными панелями на стенах; изящный золотой узор на белом фоне создавал ощущение гармонии. Сидя в кресле, обитом красной дамасской тканью, король пил вино; стакан его наполняла красивая дама. Держа шляпы в руках, все трое поклонились. В ответ король слегка махнул рукой. Протянув руку Сартину, дама села и изящным поклоном ответила на приветствие двух остальных прибывших.

— Итак, Сартин, как обстоят дела в вашем городе?

Начальник полиции почтительно ответил на вопрос монарха, завязалась беседа. Николя чувствовал себя на удивление легко. Он никак не мог поверить, что находится в присутствии короля. Он видел перед собой красивого мужчину, с броскими чертами лица и необычайно большими глазами, отчего взор его казался на удивление кротким. Мужчина смотрел в пустоту, лишь изредка пробегая взглядом по лицам присутствующих. Высокий лоб свидетельствовал о величии и достоинстве, в то время как одутловатые отвислые щеки говорили о возрасте и усталости. На бледной коже местами проступали зеленоватые пятна. Король говорил тихо, и вид у него был унылый и, пожалуй, даже тоскливый. Временами Николя ловил на себе его вопросительный взор; долгим взглядом король не удостаивал никого.

Сидящая возле его величества дама, являвшаяся, по предположению Николя, маркизой де Помпадур, отнюдь не соответствовала расхожему образу фаворитки. Строгое закрытое платье скрывало шею, длинные рукава закрывали кисти рук. Вспомнив о сплетнях, ходивших о королевской фаворитке, он подумал, что для женщины, известной красотой своих рук и груди, надеть такое платье является настоящим подвигом. Наброшенная поверх платья короткая накидка с капюшоном отчасти скрывала пепельные волосы маркизы. Серая, с сизым

отливом накидка гармонировала с цветом фрака короля, пересеченного голубой лентой ордена Святого Духа. Голубые, красиво разрезанные глаза, очаровательный овал лица, но излишне нарумяненные щеки — вынес суждение Николя, рассматривая маркизу. Помпадур выглядела, можно сказать, сурово. Ходили слухи, что маркиза решила брать пример с госпожи де Ментенон. Она улыбалась одними губами, лицо же оставалось недвижным, и Николя сделал вывод, что за невозмутимой внешностью таятся тревога и страдание. Время от времени маркиза бросала на короля беспокойные и любящие взгляды. Король, сам, видимо, того не замечая, постоянно расточал ей сотни мелких знаков внимания. Николя стало легче дышать. Ему казалось, он присутствует на семейном вечере.

— Так вот каков ваш протеже, Сартин. Мы ему многим обязаны. Лаборд говорил мне о нем.

Начальник полиции не стал скрывать своего изумления.

— Не знал, что господин Ле Флош столь заметная фигура, сир.

Король повернулся к Николя:

— Сударь, расскажите мне о деле, касающемся известных вам вещей. Я вас слушаю.

Не раздумывая, Николя бросился в воду. Он знал: сейчас решается его будущее. Многие на его месте стали бы ловить свой шанс, играя на слабостях слушателя и выпячивая достоинства рассказчика. А он заговорил просто и ясно, живописал, но без особых подробностей, побуждая понять больше, чем сказано, избегал говорить о себе и выставлял на первый план Сартина — быть может, даже больше, чем требовалось. Несколько раз король прерывал его, уточняя детали медицинской экспертизы, пока, наконец, маркиза не попросила его умерить интерес к этим ужасным подробностям. В зависимости от характера событий Николя то был сдержан, то взрывался фейерверком слов. Его речь текла плавно и ритмично, не утомляя присутствующих. Король, слушавший его самым внимательным образом, казалось, даже помолодел; его взгляд засиял каким-то новым блеском. Завершив рассказ, Николя молча поклонился и отступил. С очаровательной улыбкой маркиза протянула ему руку для поцелуя, и молодой человек почувствовал ее крайнее возбуждение.

— Спасибо, сударь, — произнесла она, — мы вам обязаны. Уверена, его величество не забудет ваших услуг.

Встав с кресла, король прошелся по комнате.

— Как говорил мой предок Генрих IV, король — первый дворянин королевства. И первый дворянин сумеет вознаградить сына одного из самых верных своих слуг, который три года назад вместе с доблестными земляками-бретонцами выказал готовность выступить против англичан.[62]

Николя ничего не понимал: наверное, эти слова относились не к нему, а к кому-то другому. Сартин оставался невозмутим, Лаборд от удивления разинул рот, маркиза в изумлении смотрела на короля.

— Да, я сказал правильно: сын одного из моих слуг, чью доблесть я никогда не забуду, — продолжал король. — Сударь, — обратился он к Николя, — ваш крестный, маркиз де Ранрей, недавно покинувший наш мир, передал мне письмо, в котором он признает вас своим законным внебрачным сыном. Мне приятно сообщить вам об этом и вернуть вам имя и титул: отныне они принадлежат вам.

После слов короля наступила тишина. Николя бросился к ногам его величества.

— Сир, умоляю ваше величество меня простить, но я не могу их принять.

Король дернулся и вскинул голову:

— Но почему, сударь, в чем причина?

— Ваше величество, принять означает изменить памяти моего… моего отца и лишить мадемуазель де Ранрей наследства, принадлежащего ей по праву. Я отказываюсь от него,

равно как и от титула. Я уже имею счастье служить вашему величеству и прошу вас разрешить мне продолжать службу под своим именем.

— Пусть будет так, сударь.

Он повернулся к маркизе:

— Вот редкий пример неиспорченности человеческой натуры, пример, вселяющий в нас надежды.

Потом он снова обратился к Николя:

— Маркиз писал мне, сударь, что вы, как и он, знаток охотничьего искусства.

— Сир, он сам обучал меня ему.

— Вы всегда будете желанным гостем в моей карете. Лаборд, господин Ле Флош получает привилегию участвовать в травле оленя. Он освобождается от обязанности носить костюм начинающего охотника.[63] А остальные мои пожелания господину Ле Флошу передаст господин де Сартин.

Аудиенция окончилась, и все трое вышли из белой гостиной. В галерее первый служитель королевской опочивальни поздравил Николя.

— Король приглашает вас охотиться вместе с ним. Он знает вас как Ранрея и оказывает вам честь как Ранрею. Вы получаете придворные привилегии и право ездить в каретах короля.

Словно во сне, Николя шел за Сартином; он не знал, хочется ли ему, чтобы сон поскорее кончился, или нет. Они уселись в карету и молча выехали из дворцовых ворот.

— Я предупреждал короля, что вы откажетесь. Он мне не поверил, — произнес Сартин.

— Вы давно об этом знали?

— Давно, с вашего приезда в Париж. Ранрей любил вас. Он очень страдал из-за вашей ссоры, случившейся по его вине. Но поймите и его страхи, когда он увидел, что между вами и мадемуазель де Ранрей, вашей сестрой, рождается нежная привязанность, и простите его памяти те решения, которые тогда вы не смогли бы ни понять, ни оценить.

— Я чувствовал, что за всем этим кроется какая-то тайна!

— Видите, ваша знаменитая интуиция и тут вас не подвела!

— А моя мать?

— Умерла, произведя вас на свет. Вряд ли вам стоит знать больше. Маркиз был женат. Она была девушка из благородной семьи, и если бы об их любви узнали, ее бы ожидало бесчестье.

— Позвольте вас спросить, сударь, почему вы решили, что я откажусь?

— Я наблюдаю за вами с тех пор, как ваш отец поручил вас мне. Вы очень на него похожи. Но то, что он приобрел благодаря рождению, вам пришлось приобретать благодаря вашим талантам. И вы доказали, что, несмотря на скромное происхождение, вы способны преодолевать собственные слабости. Если в разговорах с вами я злоупотреблял сомнениями и недоверчивым тоном, способным, не скрою, оскорбить вас, то это не от неудовольствия, а от тревоги за вас. Я хорошо понимаю вас, Николя, ибо сам в пятнадцать лет остался сиротой. Мой отец исполнял обязанности интенданта Каталонии. Испанец по отцу, я не имел ни поддержки, ни состояния и, очутившись в коллеже Даркур, с самого начала вволю наглотался презрения вышестоящих. Унижение является мощной пружиной, движущей общество. Благородное происхождение открывает двери, но часто двери эти всего лишь видимость. А если верить нашим друзьям философам, грядут времена, когда лучше быть плебеем. Но как бы там ни было, — со смехом завершил он, — вы повели себя не по-придворному, отказавшись от титула, на который вы имеете бесспорное право. Тем более в присутствии фаворитки, урожденной Пуассон. К счастью для вас, она, кажется, не рассердилась.

Он вытащил из кармана кипу бумаг и протянул их молодому человеку:

— Читайте.

Буквы прыгали перед глазами Николя, и он никак не мог понять суть переданных ему документов. Сартину пришлось объяснять:

— Его величество по великой доброте своей пожаловал вам в качестве благодарности должность комиссара полиции Шатле. Стоимость должности оплачена, вы найдете квитанцию, подтверждающую законность вашего назначения. Единственное условие, которое ставит король, дарующий вам эту милость, — вы остаетесь под моим началом. В делах, касающихся его лично, он намерен использовать вас без посредников. Смею думать, комиссар Ле Флош, это условие не слишком тяготит вас.

— Сударь, без вас…

— Не надо, Николя. Это я ваш должник.

Всю оставшуюся дорогу Николя пытался справиться с нахлынувшими на него противоречивыми чувствами. Когда карета въехала в Париж, он попросил у Сартина разрешения выйти возле коллежа Четырех Наций[64]: ему хотелось дойти до улицы Монмартр пешком. Улыбнувшись, Сартин согласился. Сумеречный свет уходящего дня разливался над Сеной, затопляя оба берега, сад Инфанты и Старый Лувр. Невесомый воздух благоухал ароматами трав и цветов. Ветер прогнал миазмы гниющего на берегах мусора. Над городом плыли разноцветные облачка. Пронзительный гомон, доносившийся из-под розовых, серых и золотистых тучек, извещал о прилете ласточек.

Настал час умиротворения. Заноза, бередившая сердце и плоть Николя, перестала его мучить. Он нашел свое место в хаосе окружавшего его мира и поборол искушение принять титул, ценность которого обусловлена исключительно предрассудками. Не титул, а он сам будет отныне определять свою значимость. Прошлое оплачено, начинается новая жизнь, и он построит ее своими собственными руками. Он с нежностью вспомнил каноника Ле Флоша и маркиза. Их души могут быть довольны. Он не забыл их наставлений и показал себя достойным их любви. Словно счастливое воспоминание о разделенном детстве, перед его взором проплыл исполненный горечи пленительный образ Изабеллы. Николя долго любовался закатом. Где-то там, очень далеко, свободный океан с грохотом разбивал свои волны о берег его родной Бретани. Насвистывая арию из оперы, Николя двинулся по набережной к Новому мосту.

София, январь 1996 — май 1997

БЛАГОДАРНОСТИ

Я глубоко признателен Жаклин Эруэн, употребившей всю свою компетентность, бдительность и терпение, чтобы привести в порядок рукопись. Я благодарен Моник Констан за ее помощь, веру и постоянное подбадривание. Выражаю свою глубокую признательность Морису Руассу за его вдумчивое вычитывание рукописи. Помощь этого неутомимого пешехода и знатока парижских улиц была для меня поистине бесценна. Спасибо Ксавье Озанну за необходимые технические поправки. И, наконец, поклон всем историкам, чьи труды окружали меня и помогали в моей каждодневной работе над редакцией этой книги.

1

Пер. Н. Немчиновой и А. Худадовой.

2

Блан-Манто (букв. Белые плащи). В 1258 году Людовик Святой, возвращаясь из Святой Земли, основал на улице, которая сейчас называется улицей Блан-Манто, орден нищенствующих братьев, именовавших себя Рабами Богоматери. Братья носили длинные белые плащи *(примеч. пер.).*

3

Уличный музыкант, уроженец альпийской провинции Савой.

4

«День гнева» *(лат.).*

5

Морг, расположенный в подвале Шатле *(примеч. автора).*

6

Христос с сомкнутыми руками обычно изображен на распятиях янсенистов *(примеч. автора).*

7

Основанной в 1689 году корабельной службе здоровья требовались исключительно хирурги. Врачебный диплом выдавал университет, а свидетельство хирурга — школы хирургии в Рошфоре, Тулоне и Бресте. На протяжении целого столетия доктора пытались запретить хирургам заниматься любой медицинской практикой — даже накладывать повязки больным *(примеч. автора).*

8

Пр. 4, 24 *(примеч. пер.).*

9

Л.Баталли. итальянский врач, автор «De Curatione per sanguinis missionem», 1537 *(примеч. автора)*

10

Ги Патен (1605–1672), профессор медицины в Коллеж де Франс *(примеч. автора)*

11

Ис. 43, 12 *(примеч. пер.).*

12

Пс., 30, 12 *(примеч. пер.).*

13

Камера, узники которой могли заказывать еду в городе *(примеч. автора).*

14

Первое упоминание о картофеле в Европе относится к 1533 году. В 1570 году клубни картофеля появились в Испании, а затем в Италии и Германии. Во Францию картофель ввезли в 1616 году, и вокруг него завязалась бурная полемика. Противники картофеля утверждали, что он является возбудителем проказы. В царствование Людовика XVI Пармантье (1737–1813), чтобы ввести этот овощ в широкий обиход, заявили, что монарх ест его каждый день *(примеч. автора).*

15

Лекари и хирурги уголовных судов Шатле дежурили по графику «неделю через три» *(примеч. автора).*

16

Робер Франсуа Дамьен (1715–1757). Бывший солдат, ставший слугой, он хотел напомнить Людовику XV о его королевских обязанностях и, привлекая к себе внимание, ударил монарха безобидным перочинным ножиком. Жестокость наказания, к которому его приговорили, была соразмерна страху, испытанному монархом в первые минуты после покушения: Людовик решил, что настал его последний час. Подробности казни автор заимствовал из щедро оснащенной документальным материалом книги Мартена Монестье: Martin Monestier. Peine de mort. Histoire et techniques des executions capitals des origins à nos jours. Paris, 1994 *(примеч. автора).*

17

Весьма любопытные воспоминания об этой процедуре оставил Казанова, наблюдавший за казнью из окна, выходившего на Гревскую площадь *(примеч. автора).*

18

Слова Шарля Анри Сансона во многом знаменательны, ибо 21 января 1793 года именно ему придется казнить Людовика XVI. После этой казни он оставит свой пост, а впоследствии станет основателем общества, которое ежегодно заказывает в церкви Сен-Лоран покаянную мессу *(примеч. автора).*

19

Герцогиня де Жевр попыталась расторгнуть брак на основании полового бессилия своего супруга. Она умерла в 1717 году, не дождавшись окончания процесса. В свое время дело получило широкую известность *(примеч. автора).*

20

Афродизиак, применявшийся в XVIII веке. Слишком большая доза кантаридина (порошка из шпанской мушки) могла привести к смертельному исходу *(примеч. автора).*

21

Пер. Ю. Корнеева

22

Быстрое распространение кофе в XVIII веке сделало этот напиток чрезвычайно популярным, особенно в соединении с молоком *(примеч. автора).*

23

Тома Артур Лалли-Толлендаль (1702–1766). Генерал, командующий французскими войсками в Индии. После двухлетней героической обороны Пондишери вынужден был сдать крепость. Обвинен в измене, приговорен к смерти и казнен. Его сын при поддержке Вольтера добился его реабилитации *(примеч. автора).*

24

Венцель Антон Кауниц (1711–1794). Австрийский канцлер *(примеч. автора).*

25

Жанна Пуассон. Маркиза де Помпадур *(примеч. автора).*

26

Прусский король Фридрих II *(примеч. автора).*

27

Сражение, в котором Фридрих II нанес поражение маршалу Субизу и имперским войскам *(примеч. автора).*

28

Жозеф Пари-Дюверне (1648–1770). Финансист, друг госпожи де Помпадур.

29

Жан Рампонно (1724–1802). Владелец популярного кабачка, где пинта вина стоила дешевле на одно су, чем в соседних заведениях *(примеч. автора).*

30

При старом порядке самоубийц судили, вздергивали тела на виселицу, а семья считалась опозоренной. Постепенно обычай ушел в прошлое, но воспоминания о нем довольно долго сохранялись в народном сознании *(примеч. автора).*

31

Мелкая монета.

32

Жесткий каркас под нижнюю юбку.

33

Небольшая ватная или волосяная прокладка, подвязываемая на спине к низу корсета для создания изогнутого профильного силуэта.

34

Антуан Довернь (1713–1797), скрипач и композитор. В 1764 году исполнял обязанности «сюринтенданта королевской музыки». Член Королевской академии музыки. Трижды возглавлял данную академию *(примеч. автора).*

35

Пер. К.А. Морозова и И.А. Миронова.

36

Песчаные равнины.

37

Вещество, использовавшееся для стирки вместо мыла *(примеч. авт.)*

38

Энциклопедия, издававшаяся Дидро и д'Аламбером.

39

«Он презирал богатство, неуклонно соблюдал справедливость и не ведал страха» (Тацит. История. Книга IV, 5. Пер. Г.С. Кнабе).

40

Клод Бенинь Бальбастр (1724–1799). Французский органист и композитор *(примеч. автора).*

41

Автор приводит названия самых печально знаменитых казематов Шатле. В 1670 году Людовик XIV постановил, что «пребывание в камерах тюрьмы Шатле не должно причинять вреда здоровью узников», но только в 1780 Людовик XVI приказал закрыть эти камеры *(примеч. автора).*

42

Недавно получивший дворянский титул графа д'Альби, Антуан Габриэль де Сартин изобразил на своем гербе рыбок, которыми некогда торговал один из его предков и которые напоминали о происхождении по фамилии *(примеч. автора).*

43

Этьен Силуэт (1709–1767). В 1759 году стал генеральным контролером финансов. Ввел моду на силуэтные портреты, представляющие собой вырезанную по контуру тень человека в профиль *(примеч. автора).*

44

Жан-Батист Грессе (1709–1777). Поэт и драматург, автор комической поэмы «Вер-вер» *(примеч. автора).*

45

Во время карнавала дети обычно метили прохожих куском материи, густо натертой мелом. Материю часто вырезали в форме крысы *(примеч. автора).*

46

Жан-Мари Леклер (1697–1764). Скрипач и композитор *(примеч. автора).*

47

Жан-Бенжамен де Лаборд (1734–1794). Первый служитель королевской опочивальни при Людовике XV, потом генеральный откупщик. Погиб на гильотине во время террора *(примеч. автора).*

48

Персонаж ярмарочного балагана *(примеч. автора).*

49

«Подобно трупу» *(лат.).*

50

Луи-Жан-Мари Бурбон, герцог Пантьевр (1725–1793). Сын графа Тулузского, сына Людовика XIV, и госпожи де Монтеспан. В 1734 году Пантьевр унаследовал от отца должность главного егеря *(примеч. автора).*

51

«Мысли», I — 23. *(пер. Э. Линецкой).*

52

Легендарный царь Салмидесса во Фракии, получивший от Аполлона дар прорицания. За дурное обращение с сыновьями боги лишили его зрения и наслали на него гарпий, крылатых чудовищ с женским лицом и ястребиным телом, дабы те постоянно терзали его *(примеч. автора).*

53

Братья, участники похода аргонавтов *(примеч. автора).*

54

Монастырь в предместье Сент-Антуан, на улице Шарантон, где воспитывались знатные девушки-иностранки *(примеч. автора).*

55

Зелень и специи, связанные в пучок, который кладут в кастрюлю при варке или тушении некоторых блюд *(примеч. автора).*

56

Мука, обжаренная в сливочном масле до светло-коричневого цвета; используется как основа для соусов *(примеч. автора).*

57

Клод-Адриан Гельвеций (1715–1771). Французский философ. Генеральный откупщик, один из авторов «Энциклопедии*» (примеч. автора).*

58

О попытке австрийцев и пруссаков подкупить маркизу де Помпадур, фаворитку Людовика XV, ходило множество слухов. Фридрих II поручил своей сестре, маркграфине Байрейтской, подослать в Версаль одного из своих эмиссаров, великого камергера шевалье де Мирабо *(примеч. автора).*

59

Охотничий фрак, который носили в Версале. Для каждого места охоты, равно как и для каждого вида охоты мог существовать особый фрак *(примеч. автора).*

60

Эмманюэль Фелисите де Дюрфор (1715–1789). Военный, политик и придворный, в обязанности которого входило представлять иностранных послов *(примеч. автора).*

61

Там висели два полотна Ван Лоо (охота на страуса и на медведя), два — Пароселя (охота на слона и на буйвола), два — Буше (охота на тигра и на крокодила), одно — де Труа (охота

на льва), одно — Ланкре (охота на леопарда) и одно — Патера. Большая часть этих картин теперь выставлена в музее Амьена *(примеч. автора).*

62

В 1757 году бретонские дворяне приготовились дать отпор английскому десанту *(примеч. автора).*

63

Начинающим охотникам предписывалось надевать серый охотничий костюм *(примеч. автора).*

64

Дворец Мазарини *(примеч. автора).*